

Толстой за чтением.
С фотографии В. Г. Черткова.

СБОРНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТОЛСТОВСКОГО
МУЗЕЯ

СОСТАВИЛИ:

*Г. Волков, Н. Гусев, С. Есенина, Вл. Жданов,
Э. Зайденинур, В. Мишин, А. Петров, Н. Родионов,
Е. Серебровская, К. Старовойтов и М. Цвяловский*

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА — 1937

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТЕКСТУ

Все тексты Толстого печатаются по новой орфографии, но в текстах, печатающихся впервые по рукописям автора, соблюдаются особенности орфографии Толстого, как, например: «на постеле», «циплята», «Август», «ничто иное», «коректура» и т. д.

Слова, вычеркнутые Толстым, воспроизводятся в ломаных скобках <>.

Слова, не дописанные или пропущенные Толстым, дополняются в прямых скобках[].

После слов, в правильности чтения которых редактор сомневается, ставится знак вопроса.

Все письма Толстого снабжены редакторской датой, печатающейся курсивом в начале письма. В целях унификации редакторская дата при письмах ставится и в том случае, если имеется собственная дата Толстого.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

СКАЗКА

... и я потерял сознание. Когда я очнулся, я был уже не на песке, не в пустыне, а¹ на постеле между² живыми существами. —³ Два такие существа сидели на скамье подле меня — одно било масло в бутылки, другое плело какое-то торпище[?].⁴ Третье существо сидело у стола и что-то делало. Увидав, что я очнулся, они переговорили что-то на неизвестном мне языке и дружелюбными знаками показали мне, что я не должен их бояться. В тот же день я встал и мог ходить, на другой день я почувствовал еще более силы и скоро совсем поправился. Я два года прожил в этом городе неизвестной середины Африки, называемом город Дюлей⁵, и успел узнать их язык, характер, образ правления и жизни и их занятия. — Первое, что поразило меня в жизни Дюлей, было плачевность и быстротечность их жизни. Все люди, которых я видел, носили на себе очевидные зародыши смерти, и все на моих глазах с каждым днем, с каждым часом, с каждой минутой таяли или, если по правде сказать, гнили. Каждый день я замечал, как они морщились, калянели, выветривались, из них выпадали зубы, волосы, и они мерли, другие⁶ еще не выветривались и не сгнивали, подрезывались иногда в зародыше какой-то невидимой рукой и мерли. Но все Дюли, несмотря на это, очевидно были лишены способности видеть тот закон смерти, под которым

¹ Зачеркнуто: <под тенью кактуса подле шалаша> <в доме>

² Зачеркнуто: людьми

³ Зачеркнуто: Две женщины, одна молодая, другая старая

⁴ Зачеркнуто: Мужчина

⁵ Переправлено из: Людей

⁶ Зачеркнуто: не успевали даже

они были рождены, и наблюдали очень тонко многое постороннее, но не видели того, что они не живут, а только разными путями умирают. Когда я выучился их языку, я несколько раз хотел обратить на это их внимание, но на языке их не было для того настоящих слов¹. Я прожил 18 лет среди этого народа и сообразно с предположениями этно- и географов нашел этот народ диким, но в противность общему поверхностному мнению о дикости, я не нашел их просто дикими, т. е. с отсутствием сложности жизни, но я нашел в них жизнь весьма сложную, возникшую из вековых исторических условий. Дикими же я их считаю потому, что несмотря на то, что некоторые материальные стороны жизни их были весьма и весьма усложнены, у них были только начатки понятий о науке, о философии, о религии², и начатки столь запутанные, кривотолковые, что только с большим трудом после 10 лет жизни и изучения их языка и нравов я стал по немного понимать их, и в настоящем сочинении попытаюсь изложить их, как они мне открывались.

1) Браки и семьи, 2) собственность, 3) суды, 4) администрация, 5) торговля и богатство, 6) обучение, 7) наука, 8) религия.

Дюли подразделяют себя на много различных подразделений, каст и сословий, имеющие каждое свой отличительный знак. Отличие это состоит в цвете и количестве пуговиц, к[оторые] они носят на колпачках. Но подразделения эти не существенны. Одно настоящее подразделение есть следующее: Дюли работающие, т. е. производящие что-нибудь новое, посредством труда, и Дюли³ разрушающие, уничтожающие. — Первые преимущественно живут в деревнях⁴ вторые в городах⁵. В противность того, что можно бы ожидать, производ[ящие] пользуются презрением, а уничтожающие — почетом, и тем большим почетом, чем больше они уничтожают. Отсюда стремление производ[ителей] перейти в разряд уничтож[ающих], вследствие того уменьшение производителей и вследствие того увеличение труда остающихся производителей. В беседе нашей я спросил, для чего так. Мне отвечали: для того, чтобы потреб[ителям] лучше жить. Но которые скорее гниют? Потребит[ели].

Отношения народов — ненависть друг к другу. Министр чувствует, что без него все пропало.

Ученый — тоже. Художник — тоже. Я смотрел, кто пашет и увозит.

¹ Зачеркнуто: Через месяц после моего поселения в Дюлевском городе я помню, в одно воскресенье

² Зачеркнуто: отношениях людей

³ В подлиннике описка: люди

⁴ В подлиннике описка: городах

⁵ В подлиннике описка: деревнях

Публикуемый отрывок представляет единственный в творчестве Толстого образец памфлета¹. Произведение осталось незаконченным. На полях оборота 2-го листа рукописи находятся следующие заметки автора, дающие представление о предполагаемом содержании этого ненаписанного произведения:

«Разговор с ученым. Мы никогда не узнаем. Так что провести время. Покрасн[ел], разозлился. Разговор с мужиком. Так, порядки. Разг[овор] с эпикурейцем. Разговор с матерью. Разговор с священником. Разговор с богачем. Разг[овор] с общест[венным] деят[елем]. Разговор о собственности мнимой, бумажка.

Религия — прогресс.

Какой же смысл?»

Отрывок относится, повидимому, к 1873 году, потому что в той же тетради (с обратной стороны) находятся разного рода заметки Толстого, датированные 5 ноября — 28 декабря 1873 г. Считая тетрадь, заключающая всего 6 листов 4^о, из которых 2 листа не заполнены, хранится в Рукописном отделении Государственного Толстовского музея. «Сказка» занимает лист 1 и лицевую сторону листа 2.

Н. Гусев.

Н[ЕТ] В М[ИРЕ] В[ИНОВАТЫХ]

Загорелось ночью от грозы, и спалило половину деревни. Из первых двух дворов ничего почти не успели вытащить. Сгорела и лошадь. Обгорел мужик. Бабы голосили, мужики работали. Евдоким Михашин, молодой малый — нынче осенью на призывы — вместе с отцом вытаскивали с двора обгорелые снасти².

— Чего бельма то выпучил, берись за переводину-то. Аль оглох? — крикнул на него отец.

Евдоким встряхнулся, точно разбудили его, и³ подался к отцу.

Смотрел Евдоким в то время, как отец окликнул его, на подъехавшую к пожарищу коляску на паре рысистых серых. В коляске сидела барыня с девочкой. На козлах гладкий с расчесанной бородой бравый кучер в синей рубахе и плисовой безрукавке.

— Чего не видал? Полюбоваться приехали. Ну, берись что ль?

Евдоким взялся, но он плохо слушал и понимал отца, он весь был полон своими мыслями⁴. Он думал не о пожаре, не об отце, матери, а об совсем другом. В деревне было важ-

¹ Если не считать небольшого наброска, написанного в 1885 г.: «Из апрельского номера «Русской старины» 2085 года» (см. т. 25 «Юбилейного издания» «Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого») и философского памфлета, записанного в Дневнике Толстого 28 июля 1909 г.

² Первоначально было: обгорелую снасть; слово снасть осталось неисправленным

³ Зачеркнуто: взялся

⁴ Зачеркнуто: ничего не слу

ное событие — пожар, но у него в душе вчера только произошло такое важное событие, что он не мог даже и приписывать какую-нибудь важность общей беде всей слободы — 9 дворов пожару¹, так было важно то, что случилось в его душе². А именно, вчера после прочтения книжки, которую ему дал дьяконов сын, в первый раз понял, что не ему надо подчиняться той жизни³, среди которой он жил⁴, а⁵ надо сделать жизнь такую, какую требует его разум, что эти бабы с иконами, которые должны потушить пожар, с царницей небесной, с этой барыней на рысаках рядом с вдовой Ульяной с голодными, раздетыми ребятами, с урядником, требующим подати, с гладким попом, собирающим волну⁶, и с царем, сидящим там где-то и думушки не думающим об измученном народе⁷, с этими тысячами десятин богачей с их заводами и фабриками, на которых живут рабами голодные рабочие, что всего этого не должно быть, что все это только от того, что как он прежде, и как отец его, и дети, и самые уважаемые умные мужики, запутаны, обмануты, не понимают и не видят правды. Вчера это сделалось с ним, вчера он в первый раз понял, что он был окружен, как и все деревенские, стеной, даже сводом обмана, невежества, суеверия, и вчера часть этого свода развалилась в его душе и он увидал весь просторный свет божий. И ему страшно, с одной стороны, стало думать о том, как он мог жить в этом мраке, и как его отец и все деревенские могут жить так. Отвалился один камень из свода, и он увидал весь вольный свет и почувствовал, что камни⁸ свода плохо держат и что теперь кто вывалит один из них, стоит только поналечь хорошенько, и все развалится. И вот теперь он был полон этими мыслями и не слышал отца и не думал о деле, а только о том, что происходило в его душе.

Сделалось это вчера, но готовилось это долго, давно уже.

Художественное произведение на тему «Нет в мире виноватых» привлекало внимание Толстого еще с самых первых лет его нового мировоззрения, т. е. с конца 1870-х годов. Первое упоминание о художественном произведении, проникнутом такого рода идей, находим в письме Толстого от 14 марта 1878 г. к его двоюродной тетке, придворной фрейлине, графине А. А. Толстой. Будучи в начале марта в Петербурге, Лев Николаевич просил Толстую у знакомых ей лиц высшего круга разузнать подробности о суде и приговоре

¹ Зачеркнуто: то что

² Зачеркнуто карандашом: Случилось же в его душе то что он вдруг

³ Зачеркнуто: какая

⁴ Зачеркнуто: с баба[ми]

⁵ Зачеркнуто: жизнь

⁶ Зачеркнуто: и мн. и мн. др.

⁷ Зачеркнуто: всего этого не должно быть

⁸ Зачеркнуто: эти

над декабристами: кто особенно настаивал на их казни и пр. Как писал он В. В. Стасову 9 июня 1878 г., ему было нужно открыть «психологическую дверь»¹ этого исторического факта. Вернувшись из Петербурга, Лев Николаевич 14 марта 1878 г. пишет А. А. Толстой: «То, о чем я просил вас узнать, разведать, еще больше, чем прежде, представляется мне необходимым теперь, когда я весь погружился в тот мир, в котором я живу. Надобно, чтоб не было виноватых»².

Работа над романом «Декабристы», которой Толстой был так увлечен в то время (2 ноября 1878 г. С. А. Толстая писала своей сестре Т. А. Кузминской: «Левочка совсем ушел в свое писание. У него остановившиеся странные глаза, он почти ничего не разговаривает и о житейских делах решительно не способен думать»), была Толстым оставлена, и таким образом идея, которую он хотел провести в этом романе, осталась невоплощенной в художественные образы. И прошло целых тридцать лет, пока Толстой вновь вернулся к ней.

Это было уже в 1908 году, в эпоху реакции, последовавшей за революцией 1905 года. Толстой мучительно переживал особенно участвовавшие тогда смертные казни революционеров. Он не мог подавить в себе гневного чувства против правительства Николая II, хотя по общему своему взгляду на жизнь он и старался утвердить себя в признании того, что «нет в мире виноватых». Обдумывая в апреле — мае 1908 г. художественное произведение из жизни революционеров, Толстой хотел провести в нем эту идею. 6 мая 1908 г. он в таких выражениях высказался об этой своей предстоящей работе:

— Мне вот именно, если бог приведет, хотелось бы показать в моей работе, что виноватых нет. Как этот председатель суда, который подписывает приговор, как этот палач, который вешает, как они естественно были приведены к этому положению, так же естественно, как мы теперь тут сидим и пьем чай, в то время, как многие зябнут и мокнут³.

В течение всех оставшихся месяцев 1908 года Толстой обдумывал это произведение. 11 августа, будучи тяжело болен, он продиктовал некоторые свои предсмертные пожелания, упомянув и об этом задуманном им и волновавшем его произведении: «По старой привычке, от которой все-таки не освободился, думается, что еще сделал бы то бы да то... странно, — преимущественно один художественный замысел. Разумеется это пустяки, я бы и не в силах был его исполнить хорошо»⁴...

К выполнению этого замысла Толстой приступил в последних числах 1908 года. 27 декабря он записывает в Дневнике: «Художественная работа в голове ясна, но нет охоты писать». Затем на другой день: «Хотел писать «Погибшие», но не пошло. А есть, есть что сказать». 24 декабря: «В первый раз, хотя и плохо, но охотно писал — не знаю, как назвать. Может быть — «Нет виноватых». Могу себе представить, вижу возможность, и с удовольствием». 30 декабря: «Начал было писать «Нет виноватых», но не пошло»⁵. Написанное Толстым в конце декабря 1908 г. и в начале января 1909 г. начало художественного произведения было им озаглавлено «Кто убийцы?».

¹ «Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка», изд. «Прибой», Л. 1929, стр. 35.

² «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», изд. Общества Толстовского музея, Спб. 1911, стр. 296.

³ Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», изд. Толстовского музея, М. 1928, стр. 150—151.

⁴ Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», изд. «Посредник», М. 1912, стр. 183—184.

⁵ Дневник не опубликован: рукопись хранится в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея.

оно было напечатано в III томе «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого» в 1912 году.

В апреле 1909 г. Толстой вновь принимается за художественную работу, проникнутую той же основной мыслью. 21 апреля 1909 г. в Ясной Поляне был друг и единомышленник Толстого Ф. А. Страхов, который много рассказывал Толстому об их общем уже умершем московском знакомом В. Ф. Орлове, после чего Толстой 23 апреля записал в Дневнике: «Странное дело, рассказы Страхова вызвали во мне желание художественной работы, но желание настоящее, не такое, какое прежде — с определенной целью, а без всякой цели, скорее, с целью невидной, недоступной мне: заглянуть в душу людскую. И очень хочется». Далее, 26 апреля записано: «Третьего дня начал писать художественное и много написал, но нехорошо и не переписывал. Но не разочаровался и хочу и знаю, как исправить». 26 мая: «Нынче немного написал «Никто не виноват» и бросил. Нехорошо. И нет настоящей охоты писать и баста». Однако, через три дня, 29 мая Толстой, как записал он в Дневнике, «чуть-чуть поправил «Нет в мире виноватых». Написанное Толстым в апреле-мае 1909 г. начало художественного произведения, озаглавленного «Нет в мире виноватых» (вариант первый), было напечатано во втором томе «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого» в 1911 г.

Новый приступ к художественной работе на ту же тему относится к 26 июня того же 1909 года. В этот день, записывая в своем Дневнике за два числа, 25-е и 26-е, Толстой пишет: «Вчера 25. ... Все больше и больше просится «Казнь Евдокима»... Нынче ошибся часом и встал в 6 часов. Погулял, начал новое «Нет в мире виноватых» и кое-что сделал»¹.

Это новое начало повести под заглавием «Нет в мире виноватых» и публикуется нами выше. Рукопись его хранится в Рукописном отделении Государственного Толстовского музея. Это два листа обыкновенной писчей бумаги в 1/4 долю листа; Толстым исписаны весь первый лист и верхняя часть лицевой стороны второго листа. На обратной стороне второго листа рукой Толстого написаны карандашом заглавия популярных революционных брошюр: «Хитрая механика», «Царь-голод», «Пауки и мухи»; их, очевидно, должен был прочесть Евдоким прежде, чем сделаться революционером. Судя по первому предполагаемому заглавию наброска, Евдоким за революционную деятельность должен был быть казнен. Но Толстой не только не продолжал начатого, но даже не отдавал его в переписку.

В третий раз приступил Толстой к произведению под названием «Нет в мире виноватых» в сентябре 1910 г., но и эта попытка не была закончена. Написанное Толстым в этот раз было опубликовано во втором томе «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого» в 1911 г.

Н. Гусев

«БЕДНЫЕ ЛЮДИ» — В. ГЮГО

<Темная бурная ночь.> В <бедной> рыбацкой хижине сидит у огня <Жанни> Жанна жена рыбака и чинит старый парус <из грубого холста. Она слышит как>. На дворе свистит и воеет ветер <как барабанит в окна дождь, как гудят>, и плескаясь и разбиваясь о берег гудят волны... На дворе <шумит непогода> темно и холодно. На море буря, но в

¹ Дневник 1909 года не опубликован; рукопись хранится в Рукописном Отделении Гос. Толстовского музея.

<бедной> рыбацкой хижине тепло и уютно. Земляной пол чисто выметен; в печи <трещит хворост и пылает> не потух еще огонь; на полке блестит <чисто вымытая> посуда. <В глубине комнаты старая кровать.> На кровати с опущенным белым пологом <а на большом тюфяке, разостланном на полу сладко> спят пятеро <маленьких ребятшек, убаюкиваемые гулом океана> детей под завывание бурного моря. Муж <Жанни теперь в море; он отправился на рыбную ловлю> рыбак с утра вышел на своей лодке в море и не возвращался еще. <Страшно выезжать в море в такую темную, холодную, ненастную ночь, да что ж делать? Не пустить же семью по миру.> Слышит <Жанни> рыбацкая гул <океана> волн и рев ветра <изредка долетает пронзительный крик чайки. А дождь все идет да идет>. Жутко Жанн<и>е. <Ей чудятся страшные картины кораблекрушений: разбившийся об утесы корабль, тонущие матросы... Страшно.>

Старые деревянные часы с хриплым боем <мерно тикают: тик-так, тик-так...> пробили десять, одиннадцать... <Дети спят.> Мужа все нет.

Жанн<и> а задумывается. <Да, не легко им живется!> Муж не жале<я>ет себя, в холод и бурю <пускается в море, подвергает себя ежеминутно тысяче опасностей> ловит рыбу. Она сидит с утра до вечера за работой. И что ж? <Велики ли их заработки?> Еле-еле кормятся. <Маленькие ребятки ее бегают босиком и летом и зимою;> А у ребятки все нет обуви: и летом и зимой бегают босиком; <о пшеничном хлебе нечего и думать> и хлеб едят не пшеничный, — хорошо <когда> и то, что хватает ржаного. <Правда, бывает иногда> Только и приправы к еде, что рыба. Ну, да слава богу <еще что>, дети здоровы. <О господи, как ревет океан, как воеет ветер!> Нечего жаловаться, — думает Жанна и опять прислушивается к буре. Где-то он теперь? Сохрани его, господи, спаси и помилуй! говорит она и крестится.

Спать еще рано. Жанн<и>а встает, накидывает на голову толстый платок, зажигает фонарь и выходит на улицу посмотреть, <не возвращается ли муж> не тише ли стало море, не светает ли, и горит ли лампа на маяке и не видать ли лодки мужа.

<Темно. Идет мелкий, частый дождь. На краю деревни, на самом берегу океана стоит старая, полуразвалившаяся лачуга с покосившимися черными стенами, с ветхой дверью. Дверь скрипит и стучит при каждом порыве ветра. Ветер особенно яростно нападает на эту убогую лачужку, точно хочет снести ее; а дверь скрипит и стонет, и гнилая солома на крыше шуршит, словно молит о пощаде.> Но на море ничего не видно. Ветер рвет с нее платок и чем-то оторван-

ным стучит в дверь соседней избушки, и Жанн<и>а <остановилась у порога лачужки и заглянула в кривое окошечко. В хижине темно. «Надо взглянуть на бедную больную», подумала Жанни. «Я совсем забыла о ней. Муж говорил, что ей вчера было хуже. Да и она совсем одна»,> вспоминает о том, что она еще с вечера хотела зайти проведать больную соседку. Некому и приглядеть за ней», подумала Жанна<и Жанни> и постучала в дверь; прислушалась... <В хижине тишина.> Никто не отвечает.

— <«Бедная!» Плохое вдовье дело, думает Жанн<и>а, стоя у порога. — <Каково хворать, когда надо самой содержать семью! Положим, у нее только двое> Хоть и немного детей <но зато она вдова, и все работы и хлопоты лежат на ней одной.>, двое, а все одной обдумать надо. А тут еще болезнь! Эх, <плохо!» плохое вдовье дело. Зайду, проведу.

<Она> Жанна постучала еще и еще. <Все нет ответа.> Никто не ответил.

— Эй, соседка! — крикнула Жанни <и подумала: «Вот заснула-то, и не добудисься!»> Уж не случилось ли что, подумала она и толкнула дверь.

<Ветер завывает попрежнему, Жанни начинает уже вздрагивать от холода и сырости. Она хочет уже идти домой, вдруг сильный порыв ветра, чуть не сорвавший с нее платок, потряс старую> Дверь <и она сама> распахнулась, и Жанн<и>а <переступила порог и> вошла. <Фонарь ее осветил внутренность мрачной, безмолвной лачуги. Здесь> В избушке было <так же> сыро и холодно <как и на улице; видно, давно уже комнаты нетоплены; во многих местах крыши дождь льет, как сквозь сито>. Жанна подняла фонарь, чтобы оглядеть, где больная. <У стены, прямо против двери на куче грязной соломы лежит труп умершей вдовы>. И первое, что ей бросилось в глаза, это постель прямо против двери, и на постели она, соседка, лежит на спине так тихо и неподвижно, как лежат только мертвые. Жанна поднесла фонарь еще ближе. Да это она. Голова закинута назад; на холодном посиневшем лице <с незакрытым ртом застыло выражение ужаса и отчаяния...> спокойствие смерти. Бледная мертвая рука, будто протянувшаяся за чем-то, упала и свесилась с соломы. <В двух шагах от трупа матери в убогой колыбельке> И тут же, недалеко от мертвой матери, двое маленьких детей <бледненьких, но> кудрявых и толстощеких, прикрытые старым платьем спят, скорчившись и прижавшись друг к другу белокурыми головками <спят крепко и безмятежно, несмотря на близость мертвеца и рев бури. Умирая>. Видно, мать, умирая, еще успела закутать им ножки <большим> старым платком и накрыть их своим платьем. <Один мальчик подложил под щеку пухленькую

ручонку; другой уткнулся личиком в шею брата.> Дыхание их ровно и спокойно, <казалось> они спят <так> сладко и крепко <,что ничто не разбудит их. А буря все не унимается, завывает, ревет... Вот капля дождя сквозь крышу упала на лоб покойницы и скатилась на холодную щеку — точно слеза на ее тоскливо искаженном лице.>

Жанн<и>a <бежит домой бегом. Она несет что-то под плащом> снимает колыбельку с детьми и, закутав их платком, несет домой. Сердце ее сильно бьется; она <не смеет оглянуться назад, точно кто гонится за нею. Уж не украли ли она чего у покойницы?> сама не знает, как и зачем она сделала, но она знает, что не могла не сделать того, что сделала.

Дома она кладет <свою ношу> непроснувшихся детей на кровать с своими детьми и <торопливо> задергивает полог. <Потом она берет стул, ставит его у кровати и садится, склоняя головой к изголовью.> Она бледна и взволнована. Точно мучит ее совесть <,упрекает в чем-то. Изредка вырываются у нее отрывистые восклицания:>. «Что-то она скажет! <Что я наделала!> — сама с собой говорит она. — Шутка ли, пятеро своих ребятишек — мало еще ему было с ними заботы... Это он? Нет, нет еще! И зачем было брать! <Если он> Прибьет он меня <за это> — Да и по делом, <так мне и надо...> я и стою того... Вот он! Нет... Ну, тем лучше!»

Дверь скрипнула, будто кто вошел. Жанни вздрогнула и приподнялась со стула.

«Нет. Опять никого! Господи, и зачем я это сделала?.. Как ему теперь в глаза взгляну?..» И Жанн <и>a задумывается и долго сидит молча у кровати <погруженная в раздумье>.

Дождь перестал; рассвело, но ветер гудит, и <океан> море ревет попрежнему. Вдруг дверь распахнулась, в комнату ворвалась струя свежего морского воздуха, и высокий смуглый рыбак, волоча за собой мокрые разорванные сети, входит в <хижину> горницу, со словами:

— Вот и я, Жанни!

— Ах, это ты! — говорит Жанни и останавливается, не смея поднять на него глаза.

— Ну, уж ночь! Страх!

— Да, да, погода была ужасная! Ну, а как ловля?

— Дрянь, совсем дрянь! Ничего не поймал. Только сети разорвал. Плохо, плохо!.. Да, я тебе скажу, и погодка ж была! Кажется, такой ночи и не запомню. <Ветер ревел как дьявол, кидал мою лодку как мячик. Я уж думал, что канат порвался, и лодка идет ко дну.> Какая там ловля! Слава богу, что жив домой добрался... Ну, а ты что тут без меня делала? — Рыбак втащил сети в комнату и сел у печи.

— Я?... — сказала Жанни, бледнея. — Да что ж я... Сидела, шила... Ветер так завывал, что страшно становилось. Боялась за тебя.

— Да, да, — пробормотал муж, — погода чертовски скверная! Да что поделаешь!

Оба помолчали.

<Потом Жанни, нерешительно, дрожа и робея, как виноватая, сказала:>

— А знаешь, — сказала Жанна, — соседка-то Симон умерла.

— Ну?

— И не знаю, когда <она умерла>, верно, еще вчера <после того, как ты заходил к ней>. Да, тяжело ей было умирать. Да и за детей-то, должно быть как сердце болело! Ведь <у нее осталось> двое детей <крохотных> крошки... Один еще не говорит, а другой чуть начинает ползать...

Жанн <и>а замолчала. Рыбак нахмурился, <доброе открытое> лицо его сделалось серьезно и озабоченно.

— <Вот так штука!> Ну, дела! — проговорил он <наконец>, почесывая в затылке. — Ну да что станешь делать! Придется взять, а то проснутся, каково им с покойницей? Ну, да что уж, как-нибудь переберемся. Ступай же скорей!

Но Жанни не двигалась с места.

— Что ж ты? Не <довольна? Боишься, не хочешь взять их?> хочешь? Что с тобой, Жанни?

<Жанни встала, молча подвела мужа к кровати и отдернула полог... Там лежали дети умершей соседки и спали все так же крепко и безмятежно...>

— Вот они, — сказала Жанна и отдернула полог...

Перевод В. Микулич,
исправленный Л. Н. Толстым.

Виктор Гюго принадлежал к числу любимых писателей Толстого. Роман Гюго «Отверженные» значится в числе книг, произведших на Толстого, по его словам, «очень большое» впечатление в возрасте от 20 до 35 лет. В 1907 году чтение одного из рассказов Гюго вызвало в Толстом «желание художественной работы», как записал он в записной книжке 7 апреля 1907 г. В 1908 году Толстой сам перевел два рассказа Гюго: «Неверующий» и «Гражданская война». Сведения об этом проникли во французскую печать, и там же появилась заметка о том, что Толстой будто бы не любит Гюго. Толстой пожелал опровергнуть эту заметку и продиктовал небольшое заявление, которое просил бывшего в то время в Ясной Поляне литератора П. А. Сергеевко «при случае» напечатать в какой-либо газете. В этом заявлении Толстой между прочим упомянул, что он — «великий поклонник» Гюго¹.

¹ Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», изд. Толстовского музея, М. 1928, стр. 126.

Стихотворение Гюго «Бедные люди» («Les pauvres gens») Толстой считал, как писал он в письме к И. И. Горбунову-Посадову от 4 марта 1905 г., «классической вещью». В свой «Круг чтения» он поместил это стихотворение в прозаическом переводе В. Микулич. В 1907 году он сам изложил его для «Детского круга чтения».

В апреле 1908 г., прочитывая корректуры второго издания «Круга чтения», Толстой, как говорил он мне, нашел перевод Микулич «очень скверным» и начал исправлять его; в результате появилось совершенно новое, толстовское изложение произведения Гюго. Исправления Толстого очень характерны для него; в них сказались его постоянное стремление к образности и вместе с тем к простоте художественного рассказа. Толстой как редактор выступает в этой работе необыкновенно ярко.

Печатаем полностью перевод Микулич, помещая в ломаных скобках все места, вычеркнутые в нем Толстым. Слова, вновь вписанные Толстым вместо зачеркнутых, печатаем курсивом. Слова, вписанные Толстым и тут же, в процессе работы, вычеркнутые, нами не восстанавливаются.

Н. Гусев

О ГОГОЛЕ

Черновая редакция

Гоголь — огромный талант, прекрасное сердце и <слабый, т. е.> небольшой, несмелый, робкий ум.

Отдается он своему таланту — и выходят прекрасные литературные произведения, как «Старосветские помещики», перв[ая] часть Мерт[вых] Д[уш], Ревизор и в особенности верх совершенства в своем роде — «Коляска». Отдается своему сердцу и религиозному чувству — и выходят в его письмах, как в письме «о значении болезней», «о том, что такое слово» и во мн. и мн. других трогательные, часто глубокие и поучительные мысли <, несмотря на те странные, если не сказать больше, рассуждения, среди которых они появляются>. Но как только хочет он <придать своим художественным произведениям нравственно-религиозное значение> писать художественные произведения на нравственно-религиозные темы или придать <им такой> уже написанным произведениям несвойственный им нравственно-религиозный поучительный смысл, выходит ужасная, отвратительная чепуха, как это проявляется во второй части «Мертвых душ» <в «Объяснительных письмах» и>, в заключительной сцене к «Ревизору» и во мног<их> письмах.

<Все это> Происходит это от того, что, с одной стороны, <он> Гог[оль] приписывает искусству несвойственное ему высокое значение, а с другой — еще менее свойственное религии <низкое, суеверное, успокаивающее назначение> значение <русск[ой] правосл[авной] веры> церкви и хочет объяснить это воображаемое высокое значение своих произ-

ведений этой церковной верой. <Главное несчастье всей деятельности Гоголя — это его покорность с одной стороны существующему и до сих пор и тогда очень сильно распространенному суеверию об особенном <великом> гегельянско[м] метафизич[еском] значении <чего-то называемого> того, что называется искусством, а с другой стороны, покорность <установившемуся лже-религиозному> существующему русскому церковному учению и <существовавшему тогда> тогдашнему русскому государственному устройству.> <И от этого та страшная путаница понятий в последних сочинениях Гоголя, где он хотел придать своим сочинениям то значение, к[оторого] они не имели и не могли иметь, и от этого та превратность идеалов, к[оторые] он выставлял в своих <учит[ельных]> нравственно-учительных произве[дениях], в исповеди и письмах.>

Если бы Гоголь, с одной стороны, просто любил писать повести и комедии и занимался этим, не придавая этим занятиям особенного <как бы торжественного> гегельянского священнослужительского значения, и с другой стороны, просто признавал бы церковное учение и государственное устройство, как нечто такое, с чем ему <нет основания> не зачем спорить и чего нет основания оправдывать, то он <писал бы> продолжал бы писать <приятные и не бесполезные для чтения вещи, и, не приписывая особенного значения ни православной церкви, ни русскому народу, просто высказывал бы> свои оч[ень] хорошие рассказы и комедии и при случае высказывал бы в письмах, и мож[ет] б[ыть] и в отдельных сочинениях свои часто очень глубокие, из сердца выходящие нравственные <замечания и поучения, которые не могли бы не быть приняты с благодарностью всеми, кто бы читал их> религиозные мысли, но к сожалению, <он в свои художественные писания вносил несвойственное им желание высказать что-то особенно значительное и важное, как это с особенной ясностью выразилось в его эпилоге к «Ревизору». И не утруждал бы себя оправдыванием и даже восхвалением отживших даже в его время суеверий церковного и государственного. В этом отношении Гоголь вполне оправдал замечание Канта о том, что человек, удержавший в полном возрасте ложное религиозное учение, внушенное ему с детства, если не имеет силы освободиться от него, становится софистом своих убеждений. Гоголь же был даже не самобытным софистом, а усвоил все сложные и искусственные софизмы славянофилов того времени: Хомякова и особенно Аксаковых,> в то время как Гоголь вступил в литературный мир, в особенности после смерти <ясного, бодрого, здравомыслящего> не только огромного таланта, но и <ясного>бодрого, ясного, незапутанного <ума> Пушкина, царствовало <с одной стороны> по отношению к искусству

не могу иначе сказать то <порази> [до] невероятности глупое ученье Гегеля, по к[отор]ому выходило то, что строить дома, петь песни, рисовать картины и писать повести, комедии и стихи <составля> представляет из себя некое священнодействие, служение «красоте», стоящее только на одну степень ниже религии <; царствовало с другой стороны>. Одновременно с этим учением было распространено в то время и другое не менее нелепое и не менее <неясн> запутанное и напыщенное учение <об особенном> славянофильства об особенном значении русского, т. е. того народа, к к[оторому] принадлежали рассуждающие, и <того> вместе с тем особенного значения того извращения христианства, к[отор]ое называлось православием.

Гоголь хотя и мало сознательно, но усвоил себе оба учения: <одно п[отому], ч[то] оно естестве[нно]> учение об особенном значении искусства он естественно усвоил п[отому], ч[то] оно приписывало великую важность его деятельности, другое же славяноф[ильское] учение тоже не могло не привлечь его, так как, оправдывая все существующее, успокаивало и льстило самолюбию.

И Гоголь усвоил оба учения и постарался соединить их в применении к своему писательству. Из этой-то попытки и <вышла та ужасающая путаница и нелепица, к[отор]ая послед> вышли те удивительные нелепости, к[отор]ые так поражают в <посл[едних] прои[зведениях]> его писаниях <Гоголя> последнего времени.

В 1909 году исполнилось столетие со дня рождения Гоголя. По этому поводу издатель журнала «Жизнь для всех» В. А. Поссе обратился к Толстому с письмом, в котором просил написать для его журнала заметку о Гоголе. Желая исполнить просьбу Поссе, Толстой стал перечитывать Гоголя. Поссе он ответил 5 марта следующим письмом: «Рад был получить ваше письмо и еще более был бы рад, если бы удалось написать то, что думаю о Гоголе. Боюсь только, что то, что думаю, и неюбилейно и нецензурно». (Письмо не опубликовано.)

7 марта Толстой сказал Н. Н. Гусеву, что ему «хочется написать» о Гоголе, указать, как «суеверие искусства как чего-то особенно важного, совершенно захватило его»¹. Сейчас же после этого разговора Толстой стал диктовать статью о Гоголе. Статья была переписана и вновь исправлена Толстым.

22 марта в Ясную Поляну приехал корреспондент распространенной московской газеты «Русское слово» С. П. Спиро. Целью его поездки было — побеседовать с Толстым о Гоголе. Толстой дал ему в исправленном виде написанную им о Гоголе заметку, которая и появилась в № 68 «Русского слова» от 24 марта 1909 г.

Печатаем черновую редакцию статьи Толстого о Гоголе со всеми вычеркнутыми автором местами, не вошедшими в окончательную редакцию и представляющими особенный интерес.

¹ Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Толстым», изд. «Посредник», М. 1912, стр. 256.

Мысль Канта, упоминаемая Толстым, следующая: «О чем мы узнаем слишком много и преждевременно в детском возрасте, из того мы наверное не будем знать ничего после и в старости, и человек, любящий основательность, под конец становится софистом своих юношеских заблуждений» (Л. Н. Толстой, «Круг чтения», т. I, изд. «Посредник», М. 1906, стр. 347).

Н. Гусев

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 1877—1878 гг.

1877 г. 8 Мая.

К следующему после Ан[ны] Кар[ениной]. Мужики. Ладят сохи, бороны покупают. Загнуть. Пашут. Первая пахота — сыро. Жеребята, махая хвост[ами], на тонких ногах бегают за сохами. Выросла трава. Поехали в ночное. Бабы за травой. Циплята. Умерла насадка — горе. Запустили пахоту, приросла. С травой не расскораживается. — Телки, ягнята.

Чувство плотника, чистая пахучая осина, дуб стеклянный, напевает тонким голоском.

Ходит наниматься то бондарем, то работником, то дворником.

Чернозем в дождь.

Баба в дождь босая. Барин в дождь под крышей зябнет.

Вечер тихий, влажный, хмурый, пахнет гуртом в мае — жидкие испраж[нения], светящиеся черви.

Герой. Человек верующий, что все во власти его. Ein jeder macht sich sein Bett¹. Прогресс беско[нечен?].

Старик ходит смотреть овсы в мае — конце — вылезает щеткой, на закате зелень желта, стволы лиловые. Эх, дурно пахал. Свербигуз сосельник — польнок. —

Калмыжки серые высохли — на черной сырой еще земле.

Лошади (в мае конце) щавельник уже по колено — лошади гладки, утробисты, жеребята перелиняли.

Бабы — работают на себя — независимы от мужей, отцов и одевают — отцов, свекров, мужей, детей.

Старик до 20 чисел мая давно не видит ржей — матово сизое перо. Кустисты, высоки — столбик торчит, как шапочка.

Начало мая, апрель. Картофель. Теплая лунка.

¹ [Каждый делает себе свою постель.]

На высыхающей луже, только что выведшиеся молодые синие бабочки.

Два брата. Один — старший. Умен, мил, добр... другой менее блестящ, но лучше.

28 Мая. Холодный ветер, ясно. Вода была голубая, стала бурая. —

Пупыры ванюка с белыми мелкими цветами в рост уже стала.

(Май). Входит в старый лес. Весь низ зелен — таинственность, жуткость. —

В молодой лес, благоустроено, под сводами весело.

Луга полят — мягко ступать по влажной ночью и густой траве как по подстилке.

Июнь 2. После многих дней дождя — собирается разгуляться, холодно, сыро, на¹ листьях, траве и деревьях капли висят, на лугах под ногой шлепает невидная вода, тропинки начинают протаптываться, полегли круги ржи и лугов. Захватило сено. Ястреб жестоногий быстроглазый схватит добычу и мнет, выпрямляется, потом клюет и оглядывается. Потом зоб осаживает.

Овсянка желтая, пеночка оливковая подкравиночка. Желна (дятел) Дубонос. Юлка (жаворонок). Сарыч мышатник.

У Киргизов — беркута на палке.

Ястреб в уюн. Сокол бьет когтем сверху. Кречет сокол. —

Герой. Как женщина, так на твердых губах у него и у нее сладость, надежда, игра, робость, и конец — юбки, безобразие, мокрота, мерзость, стыд.

Мальчик 13 лет убил кинжалом свою мать, застав ее в прелюбодеянии.

Принес червяков светящихся в кармане. Она заглянула — «прелесть». Ты прелесть! В руки, в лицо.

14 Июня.

Васильки по ржам. Овсы выполонные перистые как стена, доску положи. Рядом неполонные с желтой травой.

Жеребенок, напрягая спину, потягивается ножками.

Дурачек: мамушка, хлеба. Он радость старухи.

¹ Зачеркнуто: всем

23 Июня. Овода и мелкая муха преследуют лошадей. Лист на лесу во всей прелести, рожь цветет и уж подсыхает, луга от пуха буреют — спелы. Водит лошадь сестра, мальчики бегают.

На вспаханном пару вянут подрезанные ромашки и полыны. —

Море ржи, веется ветром, и нет конца, не видать и меж: долины, горы — все той же веющей ржи. Другое рядом более веселое море овсов с желтыми цветами на межах и перерывами гречи, картофеля и полосок льна.

23 Июня. Жара парит; после обеда к вечеру блеск¹ воздуха томит глаза. Глаза отдыхают на неподвижной темно-зеленой опушке леса. Пирамида Иван-чая, зацветшая внизу, поднимается в чаще. С свистом толкутся комары.

В такой жар после косьбы идет тихо мытый мужик под огородом в тихой черной глянцевиной воде. —

Закосы по дороге, пробует отбивать косы.

28 Июня. — Рожь бурет. В лесах покосы, стены высокой травы, анису, Ивана-чая, дягилю. —

20 Июня *запах* белой кашки, мед похож на калину.

20 Мая *запах* меду желтой травы.

28 Июня *запах* меду грудного чая.

Пары вспаханы, проросли, скородятся. — Между вспаханными парами зеленая лощинка веселенькая под дождем с оглоданными кустиками.

Дождь в перемежку. Над головой тучи, вблизи лес темнозеленый в тени, на дальнем плане такой же покрытый бегущей тенью. Между ними полянка ярко зеленая, освещенная солнцем.

После дождя на закате солнца вся зелень разбухла, размокла, густо и матово.

29 Июня. Картофель пропахан, зеленеет между черными бороздами, рожь налила все зерно. Ранняя греча зацвела. Петровы батоги голубые коленчатые. Повилики миндальные зацвели. — На коленях бабы и старики прямы. — (Дерюга <есть> ткань из хлопьев). В вешнике шерсти два сорта — *волосень* на паневы и *выволочка* на кафтаны.

¹ Зачеркнуто: *тяжел*

Свинья борову, а боров всему городу.
Что больше голеют, то больше мудренеют.

2-го Июля.

Убирают сено у дворов, спешат от заходящей тучки.

Бабы без занавесок, загорело между белыми грудями.

Мальчики, девочки крошки тащут сено.

Хмель обвил всю тычинку, тонко вьется — ищет, куда еще.

Конопля выметывается — пахнет.

Стадо сбилось у пруда.

Бабы бегут захватывать место для замашек.

8 Июля. — Закат за тучи, золотая бахрома над серой тучей. —

По скошенным лугам оставлены грудной чай — выше роста. Репейники зацвели красные. Бабы на горизонте несут навилыны сена.

На красном закате лес с лиловыми стволами.

Циновать лыко на лапти.

Липа цветет.

Дождь ливень с косым ветром повалил липы от корня. Грязь и лужи на пару. Лужи на дороге синев блестят.

По отавам отростает щавельник.

10 Июля. Колышется ветром зреющий овес и отликает серебром.

Лес — липа пожелтела пятнами. —

Щавельник конский побурел.

14 Июля. По отавам щавельник лопушится. —

Яркий день, вечер, 5-й час. Лес — мокуши светлозеленые, на запад глядя черная опушка.

Рожь спеет, колос палевый, солома желтая, светлозеленый полынь пробивает.

Пар передвоен до половины, черно и серо.

После дождя скоро — черная пашня, серо внизу.

Щавель конский бурый красный.

Прополотый щавель.

15—20 Июля по ночам уже темным тишина. Нет птиц. Одни кузнечики и стрекозы чикают, как летучие мыши.

Днем ржи¹ желтые мрачно чернеют тенью колоса.

Лен отцвел.

По дорогам горох. Огурцы.

Мадеть — изнемочь.

Собачий бес.

Циновать. —

Последние луга в жары убраны.

¹ Зачеркнуто: палев

Отава не растет, шуршит и ломается оставшееся сено.
Побои по ржам.

По старым отавам лиловые колокольчики.

Татарник пышный зацветает, шершни мохнатые в нем
копошатся.

Семена березы летят. —

Душный южный ветер начал грозу.

22 Июля. Обмытый лист блестит.

23 Июля. Пустые уединенные поля ржи ожили — зажин,
снопы, ряды, копны.

Зной давит горизонт. Бегут тени туч по лугам, полям,
дорогам.

30 Июля. Овес бисером блестит желтея. Ячмень пуши-
стым ковром — Яркожелтые жилы овса.

3 Августа. Выросли одонья, скирды желтые, мягкие тени
от них. Иван-чай в стручках. Холодные ночи, ледяная вода,
блеск на листьях, ясные, тихие, спокойные дни.

Сжаты овсы. Мутнозеленые матовые полыни.

8 Августа. Яркий солнечный день в лесу — полдень,
блеск. Тихо совершенно. Идешь — движется что-то в тени.
Это одинокий лист на молодом побеге, незаметный сквоз-
ной ветер колышет.

В лугу колдобина с водой. Вода отстоялась прозрачно.
На дне корни мочковатые, палки, лист.

Баба вяжет, обшмыгивает сноп, засовывая туда.

Вывершивают скирд, стоит бочком, спускается на ве-
ревке. Обмолоченная солома сейчас же на крышу. Косая
притуга. Загузок, пелена.

Берут лен — как? Из середины вьют жгутом.

11 Августа. Молчи, молчи и молчи.

От копен овсяных тень яркожелтая.

Мужики ехали на базар грустны, сердиты, домой веселы,
дружны — выпили.

Спаский Василий. —

12—25 Августа. Яркие дни. Холодно. Дождь. Пахнет со-
ломой мокрой и мокрой пенькой. —

1 Сентября. Конопля желтые редкие с зелеными голов-
ками. Вызвездило, по лужам отсвечивают звезды.

Лошади оцетинились, кажутся толще.

Декабрь 15. Мятель. Трепется облетевший полын, над
сутробами несет лист дубовый.

1878. Апреля 16. У заутрени куличи, пирожки. «Лошадь
хорошая, с ленцой, не лотошит, валом берет». Мотыльки
летают на свечи в царские двери. Она в белом платье. Ждет,
боится, желает и презирает и смеется над поцелуями. — Пе-
рекличка на клиросах веселых ирмосов, в алтарь к обедни

за чтением евангелия, лучи света. — Между заутреней, сидят на могилках в темноте, узнают друг друга.

Начало апреля (ранняя весна). 1-го. Тепло, ручьи, лед пошел. — Крапива.

5-го Запахали на буграх. Разделка хороша, отпрыскивает полынь, желтоголовик надулся почкой. Орешник цветет. Овцы по выгонам, стада нет. Морозы, холод.

8, 9, 10, 11. Дожди теплые, гроза. Пахота лучше. Береза, черемуха наклюнулась. Верба вся душистая... Кукушка. Моют, разбирают палаты, отваливают завалинки. — Рыскальцо на бороне. Котелки. Бабы хоромы не стоят. Из зимы в землю.

Апреля 26. Рано утром (5 часов) выезжает помещик четверней в коляске. Грязно, холодно. Лошади, с коротко подвязанными пучками хвостами (пучок седой и пегой) весело бегут пофыркивая. Кое-где по деревне выходит дым из труб. Мужик за оглобли вывозит соху. Седелка привязана — мотается.

— Дорогой дальней, вынимание из узелков провизии, лепешек — веселая еда с шулками.

28 Мая. После дождя (8 часов утра) рожь, только что выколосилась. Яркое солнце на яркой зелени. Взбуровлена навозная нива ржи, дождем ямы — полегло.

30 Мая. В первый раз заколебалась, засырела рожь.

5 Июня. Жаркий полдень, 2-й час. Иду по высокому жирному лугу. Тихо, запах сладкий и душистый — свергибус, кашка — стоит и дурманит. В лесу в лощине еще выше трава и тот же дурман. На дорожках лесных запах теплицы.

Кленовые листья огромны.

Пчела на срублен[ном] лесе обирает мед по очереди с куртины желтых цветов. С 13-го не задумавшись зажуужала и полетела — полна.

Жар на дороге, пыль горячая и деготь.

21 Сентября. Целый день дождь. Вечер прояснило, краснорозовый закат. Желтый оставшийся лист краснеет. Туман. Точно после пожара — красно и дым. На гумне, запах дыма, овина, соломы. Следы раздвоенные и лапти по грязи — очень хорошо.

Публикуемые выдержки из записной книжки Толстого 1877—1878 гг. содержат заметки наблюдений над природой и людьми, а также записи народных поговорок и народных выражений и их значения, сделанные Толстым для своих будущих художественных произведений. Записи и начинаются словами: «К следующему после «Анны Карениной». Этим «следующим» были роман из эпохи декабристов и роман из эпохи Петра I, над которыми Толстой работал в 1878—1879 гг., но ни тот, ни другой не были закончены, и Толстой своими записями не воспользовался.

Записная книжка, из которой мы заимствуем эти записи, хранится в Рукописном отделении Государственного Толстовского музея (инв. № 93). Это — переплетенная тетрадь обыкновенной писчей бумаги в $\frac{1}{8}$ долю листа; в ней 84 листа, из которых многие не заполнены. Остальные заключают в себе разного рода записи, начиная с 1868 г. («Азбука») и кончая записями религиозного содержания 1879 г.

Запись на стр. 3: «Принес червячков светящихся в кармане». . имеет автобиографический характер. В своей «Автобиографии» С. А. Толстая писала: «В 1863 году он (Фет) был в Ясной Поляне ранним летом в то время, как Лев Николаевич был страшно увлечен пчелами и целыми днями проводил время на пчельнике, куда и я прибегала к нему иногда с завтраком. Вечером мы все решили пить чай на пчельнике. Засветились всюду в траве светляки. Лев Николаевич взял два из них и, приставив шутя к моим ушам, сказал: «Вот я обещал тебе изумрудные серьги, чего же лучше этих». Когда Фет уехал, он написал мне письмо со стихами, кончавшимися так:

«В моей руке твоя рука,
Какое чудо.
А на земле два светляка,
Два изумруда»¹.

27 марта 1891 г. Толстой, как записал он в Дневнике, «все читал свои маленькие записки 70-х годов — картины природы», и нашел, что «очень хорошо».

Публикуемый текст был приготовлен к печати покойной Варварой Дмитриевной Гусевой.

Н. Гусев

В. А. ГОЛЬЦЕВУ

(Заметка для журнала «Русская мысль»)

Произведение искусства хорошо или дурно от того, что говорит, как говорит и насколько от души говорит художник. 1) Для того, чтобы художник знал, о чем ему должно говорить, нужно, чтобы он знал то, что свойственно всему человечеству и, вместе с тем, еще неизвестно ему, т. е. человечеству. Чтобы знать это, художнику нужно быть на уровне высшего образования своего века, а главное жить не эгоистичною жизнью, а быть участником в общей жизни человечества. И поэтому ни невежественный, ни себялюбивый человек не может быть значительным художником. 2) Для того чтобы говорить хорошо то, что он хочет говорить (под словом «говорить» я разумею всякое художественное выражение мысли), художник должен овладеть мастерством. А чтобы овладеть мастерством, художник должен много и долго работать, подвергая свою работу только своему внутреннему суду. 3) Для того, чтобы от всей души го-

¹ «Начала» 1921, № 1, 150. Цитированные четыре стиха содержатся в стихотворении Фета: «Я повторял: когда я буду»... В окончательной редакции стихотворения эти четыре стиха читаются иначе.

ворить то, что он говорит, художник должен любить свой предмет. А для этого нужно не начинать говорить о том, к чему равнодушен и о чем можешь молчать, а говорить только о том, о чем не можешь не говорить, о том, что страстно любишь. Из этих трех основных условий всякого произведения искусства главное последнее: без него, без любви к предмету, по крайней мере, без искреннего, правдивого отношения к нему, нет произведения искусства.

Нерв искусства есть страстная любовь художника к своему предмету, а если это есть, то произведение всегда будет удовлетворять и другим требованиям — содержательности и красоте: содержательности будет удовлетворять потому, что невозможно страстно любить ничтожный предмет, а красоте потому, что, любя предмет, художник не пожалеет никаких трудов для того, чтобы облечь любимое содержание в наилучшие формы.

Публикуемый набросок был написан Толстым 2 марта 1889 г. для публичной лекции З. А. Гольцева «О прекрасном в искусстве». Вечером 2 марта Толстой поправил написанное, а на другой день, 3 марта, еще раз поправив набросок, передал его Гольцеву.

Набросок был напечатан В. А. Гольцевым в его статье «О прекрасном в искусстве» («Русская мысль» 1889, № 9, стр. 68—69). В собрания сочинений Толстого набросок не включался, хотя и был перепечатан в сборнике «Письма Л. Н. Толстого», собранные и редактированные П. А. Сергеенко, изд. «Книга», М., 1910, стр. 187—188.

Помещаем в нашем сборнике эти затерянные строки Толстого, являющиеся одной из первых его попыток формулировать свои взгляды на искусство и послужившие началом статьи об искусстве, над которой он работал с перерывами в течение всего 1889 года.

Н. Гусев

О НАУКЕ И ИСКУССТВЕ¹

Я не только не враг науки и искусства, но считаю, что науки и искусства составляют самую важную человеческую деятельность, без которой человек был бы животным, а не человеком...

Наука и искусство в самом широком смысле есть все то, что от поколения к поколению познается людьми и передается друг другу. И то и другое необходимо для человечества, и потому сказать, что лучше, чтобы не было наук и искусств, все равно, что сказать, что лучше, чтобы не было человечества...

Для того, чтобы признать известные знания важными, недостаточно назвать эти знания наукой или искусством; а необходимо показать, что знания эти, называемые наукой и искусством, действительно важны, т. е. нужны для блага человечества...

Область наук и искусств в широком смысле обнимает всю человеческую жизнь. Все, что имеет человек, есть следствие передачи знаний. А потому вопрос о науках и искусствах состоит не в том, полезны или вредны они (о том, что вредны или полезны науки и искусства, может сомневаться только сумасшедший человек), а в том, что мы в данное время из всей огромной области выделяем и ценим, как особенно важное и нужное, и называем наукой и искусством в тесном смысле. Только в этом смысле осуждались науки и искусства древними философами и в новое время Руссо и другими.

Осуждаются не науки и искусства, а то, что в известное время и известными людьми из всей огромной области наук и искусств выдвинуто и выставлено на первое, несвойственное им место и считается если не исключительно, то предпочтительно перед другими деятельностями людскими — науками и искусствами в тесном смысле...

Лев Толстой

Если бы человек, любящий музыку и посвятивший занятию ею всю свою жизнь и потому хотя немного понимающий в ней толк, сказал бы людям, производящим всякие

¹ Рукопись эта доставлена в редакцию сборников «Звенья» В. Г. Чертковым. Она взята из громадной работы, проделанной по

безобразные звуки под видом музыки, что то, что они делают, нехорошо, то очень легко могло бы случиться, что люди эти, твердо уверенные в том, что то, что они делают,— музыка, объяснили бы себе неодобрительное суждение любителя музыки тем, что он враг ее, и тогда все доводы этого любителя музыки о том, почему не хорошо производить безобразные звуки, и о том, в чем состоит настоящая музыка, были бы бесполезны, потому что были бы приписаны тому, что он враг музыки.

Нечто подобное случилось и со мною по отношению науки и искусства.

Любя науки и искусства, которым я посвятил всю свою жизнь, я попытался указать на то, что не все те дела, которые совершаются в наше время под видом наук и искусств, суть хорошие и достойные уважения дела; и людьми, к которым преимущественно относились мои замечания, было решено, что я враг наук и искусств и что потому на мои доводы не следует обращать внимания. А так как те самые люди, к которым относились мои замечания, и суть те самые, в руках которых находится и научное и художественное образование, и которые поэтому руководят общественным мнением, то мнение о том, что я враг науки и искусства, сделалось общим, и все попытки мои уяснить мою мысль вызывают только негодующий отпор против воображаемого ими моего желания возврата людей к первобытному невежеству. Как ни безнадежно это положение в наше время, когда обилие всяких появляющихся книг делает то, что почти никто не читает (не может успеть читать) самих сочинений авторов, т. е. того, как авторы выражают свои мысли, а все читают только критики, отчеты, обзоры, т. е. пересказы мыслей авторов с теми выдержками, которые соответствуют степени понимания и внимания пересказывающего, которому тоже большей частью нет времени прочесть всего сочинения, и потому большей частью заменяющего мысль, излагаемую автором, свою; как ни

койной А. К. Чертковой с ее сотрудниками, которая называется «Свод мыслей Л. Н. Толстого». Подлинник рукописи, что видно из примечания, сделанного на первой странице рукою А. К. Чертковой, был прочитан самим Львом Николаевичем, причем им были внесены новые поправки, переписанные в оригинале на разбивку. Таких новых вставок насчитывается в 40 местах 88 строк нового текста. Название этой рукописи ранее было: «Об искусстве». Впоследствии рукою В. Г. Черткова поправлено карандашом: «О науке и искусстве». Окончательное оформление этой рукописи из «Свода мыслей» было произведено А. К. Чертковой 6 апреля 1924 г., что видно из ее собственноручного примечания на последней странице, где говорится: «Вариант этот составлен по основным копиям вариантов «Ж», «Н» и «П», принимая в соображение все новые поправки, вставки, перестановки и знаки Л. Н.-ча, а также воспроизводя в точности все его помарки в тексте». Прим. ред.

трудно в наше время заставить людей, убежденных в том, что они находятся в полном обладании истиной и призваны только к поучению других, заставить признать, что они ошибаются, я все-таки попытаюсь высказать сколько можно яснее мои мысли о науке и искусстве, предмете огромной важности, в особенности в наше время, когда науки и искусства, все более и более вытесняя все другое, становятся единственным руководителем нашей жизни.

Нам кажется, что то, что мы теперь считаем и называем исключительно науками и искусствами, и есть, и всегда было и должно быть особенной, выделяемой по своей важности из всех других деятельностью; и что иначе не может быть. Но чтобы утверждать это, надо найти для этого основания.

Людям, первобытно верующим в свою религию, кажется несомненным, что то, что они считают религией, не есть одна из многих религий, а есть единственная возможная и истинная религия. Точно так же и людям нашего времени, верящим в то, что заменяет для большинства людей религию, в культуру нашего времени, т. е. в истинность, важность и необходимость наук и искусств, которые ее составляют, кажется, что то, что они считают наукой и искусством, и суть единственные возможные науки и искусства. Наука нашего времени особенно гордится своей точностью, своим критицизмом, тем, что она ничего не принимает на веру, а обосновывает все свои положения, подвергая их разносторонней критике. Вот эту-то самую особенность науки нашего времени я и желал бы приложить к самому существенному вопросу науки и искусства, именно к вопросу о том, есть ли то, что считается высшими наукой и искусством в наше время, действительно высшие наука и искусство. Мне хочется задать вопрос: что есть наука и что есть искусство истинные и важные, и что — случайные проявления любопытства и стремления к удовольствиям людей, признаваемые некоторыми людьми важными только потому, что они выгодны им. И это тем более необходимо в наше время, что огромное количество труда тратится на дело так называемых наук и искусств и что большая часть этой страшной работы тратится не только не производительно, но и вредно.

Науки и искусства составляют в наше время едва ли не самую уважаемую людскую деятельность, — такую деятельность, которая по важности своей превосходит все другие, поощрение которой считается самым почтенным, противодействие которой — самым постыдным делом, и представители которой считаются наиболее достойными вознаграждения, почестей и уважения. Мнение о том, что деятельность наук и искусств есть высшая человеческая деятельность и ученые и художники суть люди, стоящие во главе челове-

чества, не раз прямо высказывалось, не встречая возражения. Оно и действительно так, и наблюдение над направлением стремлений людей нашего времени подтверждает такое мнение. Большинство людей стремится к образованию только для того, чтобы занять место в рядах наиболее уважаемых всеми деятелей общества — ученых и художников. Вознаграждение за труд художественный — 500 тысяч рублей за абонемент (ангажировку), 2 миллиона марок за секрет лимфы — самое большое из всех вознаграждений за труд. (Если ученые не получают таких громадных гонораров за свои труды, как некоторые из художников, то труды их ровнее оплачиваются — и всегда более, чем дают обеспеченное существование). Для богатого человека, желающего заслужить уважение общества, лучшее средство есть не жертва на церкви, монастыри, как было прежде, — не на филантропические учреждения, как было недавно, а на ученые или художественные учреждения: школы, институты, клиники, художественные заведения, галереи, музеи...

Научная и художественная деятельности суть наиболее уважаемые в наше время деятельности, и на эти деятельности тратится большое количество сил людей как тех, которые прямо посвящают себя наукам или искусствам, так и еще больше тех, которые работают для приготовления предметов, нужных для занятий науками и искусствами.

Если не всякий деятель науки и искусства может надеяться получить, как некоторые, миллионы за свои сочинения, за открытие лимфы, за картины, за песни и музыку (хотя многие и многие и составляют себе огромные состояния), но все-таки всякий, самый скромный научный и художественный деятель может надеяться на такое обеспечение жизни, которое никогда не достается самому трудобивому ремесленнику или земледельцу. Смело можно сказать, что в наше время карьера ученого и художника, по тому уважению, которым пользуются эти деятельности, и по тому вознаграждению, которое они обещают, суть самые заманчивые и выгодные. И потому в наше время и в нашем мире огромное количество людей занимается предметами наук и искусств. Существует огромное количество деятельностей, которым людьми, занимающимися ими, приписывается значение наук и искусств. Так что область предметов, причисляющихся к наукам и искусствам, чрезвычайно расширена; и все большему и большему количеству занятий, имеющих хоть какое-нибудь подобие наук и искусств, приписывается значение наук и искусств людьми, занимающимися этими предметами.

Я утверждаю, что значение, которое приписывается в наше время и в нашем обществе так называемым наукам и искусствам, не имеет никакого разумного основания

Значение, приписываемое этим занятиям, делает большой вред людям, во-первых, тем, что расплождает новый класс дармоедов, считающих, что за те ничтожные, пустые, никому не нужные и не могущие быть нужными занятия они имеют полное право поглощать труды рабочего народа; во-вторых, тем, что это ложное придуманное значение науки и искусства без всякого точного определения того, в чем состоит признак науки и искусства, дает возможность людям под видом занятия науками и искусствами заниматься прямо вредными делами, как напр. так называемыми науками тактики и т. п. или искусством порнографическим и т. п.

Представим себе человека совершенно свободного от всяких предвзятых идей и пристрастий, наблюдающего в нашем — (я разумею все Европейское и Американское общество) — проявление наук и искусств. Что бы представилось ему? Он увидел бы огромное количество университетов, ученых академий, музеев, библиотек, академий художеств и консерваторий, драматических и балетных училищ, в которых люди обучаются и занимаются, приписывая величайшую важность тем предметам, которыми они занимаются, — самым разнообразным предметам, начиная от теологии и сочинения поэм до науки о микроорганизмах и балетного искусства. Наблюдающий беспристрастный человек не мог бы не заметить в числе всех этих наук и искусств некоторые знания, важность которых для человечества и потому знание которых представляется по меньшей мере сомнительным.

Но мало этого, наблюдающий человек неизбежно заметил бы среди наук и искусств такие, которые не только безразличны и бесполезны, но прямо дурны и вредны. Наблюдатель увидел бы науку о наследственности, уничтожающей понятие нравственности, увидел бы науку о боге, о гипнотизме, о спиритизме, о тактике и фортификации и увидел бы, что есть науки, столь же уважаемые своими адептами, как и другие, но науки несомненно вредные. То же самое он увидел бы и в области искусства: он увидел бы, что есть искусство поэзии, служащее восхвалению прямого зла — герои войны, убийства, или похоти, увидел бы такие же воспроизведения пластического и музыкального искусства, увидел бы прямо развратный балет, признаваемый однако своими адептами искусством, столь нужным, что правительство тратит на поддержание его миллионы.

Наблюдатель увидел бы, что в каждом образованном семействе большая часть времени воспитывающихся членов обоих полов посвящена изучению катехизиса, закона божия, литературы, греческой и латинской грамматики, живописи,

танцев, музыки, которой особенно посвящается много времени, не говоря о профессиональных музыкантах, проводящих одну треть жизни в упражнении пальцев рук. Он увидел бы, что большая часть времени воспитывающихся поколений посвящена тому, что называется науками, и столь же большая часть времени людей взрослых — почти все их время, за исключением обязательного труда, проводится за писанием или чтением научных и литературных произведений, за просмотром или писанием картин, за игрой на инструментах или посещением театров. Он услышал бы во всех домах непрерывающиеся раскаты гамм или пьес; увидел бы во всех домах нагнутые наперед картины в золотых рамах и шкафы, полные книг учебной и изящной литературы. Он увидел бы, что в десятках и сотнях низших и высших учебных заведений идут не переставая преподавания наук детям и взрослым, что сотни людей от юности до глубокой старости посвящают свои жизни на исследования иногда измышлен[ных] ¹[?], иногда живых, иногда мертвых предметов. Он увидел бы, что во всех театрах каждый день идут представления драм, комедий, опер, балетов, во всех залах каждый день дают концерты разных первых, всегда в одно и то же время по два, по три находящихся в каждой столице виртуозов. Кроме того, по мере появления этих различных предметов наук и искусств, во всех журналах, газетах он мог бы прочесть суждения о них, как о предметах первой важности. Он видел бы издания, посвященные каждой из отраслей этих дел, в каждой газете увидел бы отдел, трактующий о стихах, повестях, картинах, выставках, театрах, музыке. Увидел бы, что каждый день сообщаются публике в сотнях тысяч экземпляров подробные сведения о том, что вышли такие-то новые ученые сочинения, повести, стихи, были такие-то спектакли, концерты, танцы. Он увидел бы, что если счесть хорошенько, то окажется не сотни и не тысячи, а сотни тысяч людей, миллионы искусных мастеров, всю свою жизнь занятых приготовлением всех этих предметов, относящихся до наук и искусств, — всех наборщиков, фортепьянных и других столяров, плотников, каменщиков, кровельщиков, мастеров, всех декораторов, осветителей, строителей зданий для искусства и т. п., не считая необходимых для произведения всего этого полков лаборантов, хористов, скрипачей, стихотворцев, прямо губящих свои жизни на занятия этими делами.

В сущности все, что занимает людей и забавляет их, есть предмет науки, искусства. Другого нет серьезного определения. Ведь если бы люди, занимающиеся науками и ис-

¹ Это слово неясно в черновой рукописи. Прим. А. К. Чертковой.

кусствами, сами кормились и занимались науками и искусствами в часы досуга, никого не принуждая нести тяжести, необходимые для этих занятий, то все эти науки и искусства могли бы расширяться и распространяться, сколько хотите, и можно было бы исследовать химический состав Млечного пути, лапки букашек, надеясь, что это на что-нибудь пригодится, или писать картинки голых дев и лесов и устраивать концерты и балеты, зная, что это роскошь, что есть люди, которым это нравится. Но когда увидишь, что для исследования Коховских запятых, Млечного пути и т. п. тратятся миллионы рабочих дней народа, задавленного работой неотложной для питания своих семей, и все исследования эти оказываются вздором; когда искусством называется балетное дело, и правительство, собирая деньги от нищих, тратит их на балет во имя искусства; когда тысячи людей губят свои души за занятием акробатства, называемым искусством, нельзя не задуматься и не пожелать найти ясное определение того, что следует называть наукой и искусством, такое, по которому можно бы было отделить не только пустое от важного, но вредное от невредного. Нельзя же спокойно смотреть на то, что под видом науки людей учат искусству убивать людей, или тому, что закон человеческий есть закон борьбы за существование, что все пороки и добродетели происходят от здоровья тела, что страсти не происходят от нашего послабления им, а от неустранимого закона наследственности, как нельзя спокойно смотреть на то, что совершается под видом искусства. Романы, все построенные на похоти — искусство, такие же картины, музыка — искусство.

Что добро и что зло в том, что называется наукой и искусством? И как провести черту не туманную, а строго определенную между праздным, пустым, вредным и добрым в этой деятельности?

Нельзя уже нам довольствоваться туманными и многословными определениями наук и искусства, под которые подходит все, что хотите. «Всякое знание полезно, всякое искусство возвышает душу»... Нам нельзя говорить этого, потому что мы знаем и видим на опыте, что есть знания прямо вредные и искусства не возвышающие, а принижающие душу.

Пришло, повторяю, дело к тому, что все, что ни на что не нужно, а только праздное любопытство и забава, все это может быть названо наукой и искусством и потому признано чем-то важным. И распознать в этом мире праздных и вредных вещей, под видом науки и искусства окружающих нас, что хорошо, что дурно — никак нельзя. Это положение скверное. Тактика, фортификация, учение о наследственности, политическая экономия — наука; порнография, афинские вечера — искусство. Надо как-нибудь разоб-

раться. Отделаться фразами: «то, что возвышает душу, — что не имеет ничего дурного, безнравственного, — то искусство», — нельзя. Дело-то очень важное. Ошибка-то ведет за собой страшные последствия. Мы так легко говорим об этом только по близорукости или по нравственной тупости.

Посмотрите, идет барыня покупать голландского полотна на сто рублей. Она не отнесется легко к тому, как выбрать пологно, как сделать, чтобы ей не подсунули коленкору или гнилого — такого, которое не выдержит одной стирки. Барыня не скажет: «надо покупать такое, которое бы блестело, или такое, в котором не было бумаги и гнили»; она дознается, какие верные признаки добротного полотна, и тогда пойдет. Барыня не пойдет на сто рублей покупать полотна, не зная, в чем его доброта. Хозяин не пойдет купить муки, не зная, как узнать муку от отрубей; а в искусстве, которое окружает нас со всех сторон и которое мы покупаем и даром берем и сами делаем, мы не знаем, какое хорошее, какое гнусное. Надо разобраться.

По существующим теориям мы не найдем признаков годности и негодности науки и искусства. А надо найти, потому что, если нельзя, то лучше уже бросить эти занятия, так как лучше совсем не есть хлеба, чем есть хлеб со спорыньей, от которой наверное умрешь. Точно так же не лучше ли совсем не заниматься науками и искусствами, чем под видом наук и искусств воспитывать в людях дурное.

И потому я думаю, что было бы полезно отделить во всем том, что производится среди нас и называется занятием наукой и искусством.

Где же та черта, которая отделяет ту науку и искусство, которые нужны и важны и заслуживают уважения, от тех, которые не нужны, не важны, не заслуживают уважения и часто заслуживают презрения, как произведения прямо развращающие? В чем же состоит сущность истинной науки и искусства?

Для того, чтобы ясно ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего из художественной деятельности выделить обыкновенно смешиваемую с нею деятельность передачи тех впечатлений и пониманий, которые получены от предшествующих поколений, — выделить эту деятельность от приобретения новых впечатлений и пониманий, тех самых, которые потом передаются от поколения к поколениям.

Передача того, что известно предшествующим поколениям, есть в художественной области (точно так же, как и научной) деятельность учения и учительства. Произведение же нового есть творчество, — самая художественная (и научная) деятельность.

Деятельность же передачи знания, учительства не имеет самостоятельного значения и вполне зависит от того, в чем

люди полагают значение творчества, — что они прежде всего считают нужным передавать от поколения к поколениям. И потому определение того, что есть творчество, определит и то, что передается. Кроме того, деятельности учительской обыкновенно и не приписывается художественного (или научного) значения: значение деятельности (как научной) приписывается собственно творчеству, т. е. художественным (и научным) произведениям¹.

Что же такое художественное и научное творчество?

Художественное (как и научное) творчество есть такая духовная деятельность, которая смутно представляющиеся мысли и чувства доводит до такой ясности, что мысль усваивается другими людьми, и чувство также сообщается другим людям.

Процесс творчества, доступный каждому человеку и потому известный по внутреннему опыту, совершается так: человек предполагает или смутно чувствует нечто для себя совершенно новое — такое, о чем он никогда ни от кого не слышал.

Это нечто новое поражает его, и он указывает другим в простой беседе то, что он видит, и к удивлению своему замечает, что то, что так ясно видимо ему, совершенно не видимо другим.

Другие люди не видят, не чувствуют того, что он передает им. Эта особенность, несогласия, разъединение с другими сначала беспокоят его, и, поверяя себя, человек ста-

¹ Самое обыкновенное и распространенное между людьми определение искусства есть то, что искусство есть некоторая человеческая деятельность, не имеющая целью материальную пользу, но доставляющая людям наслаждения; при этом прибавляют обыкновенно: облагораживающее и возвышающее душу наслаждение.

Определение это соответствует понятию большинства людей об искусстве; но оно не точно и не совсем ясно, а допускает большую произвольность толкования.

Неясно оно тем, что соединяет в одно понятие искусство, как деятельность человека, производящего предметы искусства, и чувство воспринимающего его; а допускает оно произвольность толкований потому, что не определяет, в чем именно состоит облагораживающее или возвышающее душу наслаждение. Так что одно лицо может утверждать, что получает такое наслаждение от такого произведения, от которого другое не получит никакого. — И потому для того, чтобы определить искусство, надо определить особенность этой деятельности и ее происхождение в душе того, кто производит, и особенность воздействия этой деятельности на душу людей, воспринимающих ее. Деятельность эта отличается от всякой другой деятельности, ремесленной, торговой, даже научной (хотя и имеет с этой последней большое сходство), тем, что деятельность эта не вызывается никакой нуждой материальной, а доставляет как производителю, так и воспринимателю его особенного рода, так называемое, художественное наслаждение. Чтобы объяснить себе эту особенность, надо понять, что побуждает людей к этой деятельности, как происходит художественное произведение.

рается новым людям с новых сторон передать то, что он видит, чувствует или понимает; но люди опять-таки не понимают того, что он передает им, или понимают не так, как он это понимает и чувствует. И человека начинает тревожить мысль о том, он ли предполагает и смутно чувствует то, чего нет, или другие не видят и не чувствуют того, что действительно есть. И чтобы разрешить это сомнение, человек напрягает все свои силы на то, чтобы самому для себя уяснить это нечто так, чтобы в действительности существования того, что он видит, не могло уже быть ни для него самого, ни для других ни малейшего сомнения. И как только это уяснение доведено до конца, и сам человек уже не сомневается в существовании того, что он видит, понимает и чувствует, так и другие тотчас же видят, понимают и чувствуют то самое, что и он. И вот это-то стремление сделать для себя самого и для других ясным и несомненным то, что представляется другим и самому себе смутным и неясным, и есть тот источник, из которого является произведение духовной деятельности человека вообще или такое, какое мы называем художественным произведением, которое расширяет кругозор людей, заставляя их видеть то, чего они не видели прежде¹.

В этом состоит деятельность производящего предметы искусства, и с этой деятельностью связано и чувство воспринимающего его. Чувство это имеет свой источник в раздражительности или, скорее — в свойстве заражаемости и некотором гипнотизме, — в том, что духовное напряжение художника для уяснения себе того, что составляет его предмет сомнений, передается через художественные произведения воспринимающему его. Художественное произведение тогда окончено, когда оно доведено до той ясности, что сообщается людям, — вызывает в них то же чувство, которое испытывает при творчестве художник.

Новое, прежде невидимое, неосязаемое, непонимаемое людьми, напряжением чувства доведенное до такой степени ясности, что становится доступно всем людям, — и есть произведение искусства.

Удовлетворение напряженного чувства художника, достигшего своей цели, составляет наслаждение для художника. Ощущение же того же напряжения чувства и удовлетворения его, подчинение этому чувству, подражание ему,

¹ Разделение произведений духовной деятельности на произведения научные, философские, богословские, проповеднические, художественные и еще другие суть деления, делаемые людьми для удобства наблюдения, но деления эти не существуют в действительности, точно так же, как деления Волги на Тверскую, Нижегородскую, Симбирскую, Саратовскую, не будут деления реки Волги, а будут знаки для нашего понимания.

заражение им, как зевотой, переживание в краткие минуты всего того, что пережил художник, творя свое произведение, и есть то наслаждение, которое получается воспринимающим произведение искусства.

Такова, по моему мнению, особенность, отличающая искусство от всякой другой деятельности.

Теоретически существует один сознательно или бессознательно, *tacitu consensu*¹ признаваемый всеми взгляд на науки и искусства.

Он состоит в том, что наука есть проявление одной из сторон сущности человеческого духа — истины, а искусство есть проявление другой стороны — красоты. Троица состоит из истины, красоты и добра. Наука есть исследование законов изучаемых явлений. Искусство есть воплощение бесконечного в конечном, есть воплощение идеалов в образцах и т. д. и т. д. Определения того и другого очень неясны, а главное широки, так что захватывают в свою область все, что люди делают для того, чтобы удовлетворить свое любопытство и доставить себе удовольствие.

По этому определению всякое знание чего бы то ни было, систематизированное, как они говорят, будет наукой (как мне говорил один ученый, когда я спрашивал его, зачем изучать химический состав звезды, на что это может пригодиться), и всякое украшение жизни будет искусством, как признает это Ренан в книге своей «Марк Аврелий», говоря, что мастерство одевать женщин и украшать их есть искусство, *le grand art*². Даже поваренное мастерство — украшение блюд, и завивание волос, и шитье платьев будет искусство. И будут совершенно правы повара и цирюльники, называя себя художниками. Исследование того, сколько такой-то писатель употреблял известное выражение, и какие пятна видны на такой-то звезде и на таком-то отростке такой-то букашки, и всякая картина, изображающая лужу или голую женщину, и всякое соединение звуков, и всякое описание того, как целовались молодой человек с девицей, и всякое другое произведение, и не только и то, чтобы доказать, что бог один и три — тоже будет наука, но и под музыку прыгать на носках и вертеть ногами из коротеньких юбок будет искусство. Ни один ученый по этому определению не покажет мне черту разделения между наукой и считанием мух или букв в книгах, которые тоже могут пригодиться, или между искусством и мастерством портнихи, цирюльника и даже повара, украшающего блюда. Все, что материально бесполезно, и все то, что удовлетворяет праздному любо-

¹ [по молчаливому соглашению].

² [великое искусство].

пытству и потешает людей — все это может называться наукой или искусством. И в этой бездне бесполезных занятий, удовлетворяющих людскому любопытству и похоти, люди, смотря по их вкусам, разбираются самым разнообразным образом.

Всегда в данное время находятся суждения людей науки и искусства, одинаково компетентных и образованных, прямо противоположные об одном и том же произведении науки и искусства: одни восхваляют известное произведение науки или искусства, другие бранят и исключают его из области науки или искусства, так что по суждениям самих же людей науки и искусства не найдется ни одного произведения признанным истинным произведением искусства и науки¹.

И выходит, что встречаешь и в беседах и в печати людей умных, образованных, преданных науке и искусству, людей, которые диаметрально противоположно судят об явлениях так называемых искусства и науки... А восхищается новым приобретением науки в области юриспруденции, философии, теологии. Б утверждает, что то, что считается таким важным для ученого А, есть чепуха. То же утверждает А и о научных приобретениях Б в области естественных наук. — А говорит, что такое-то стихотворение, картина, симфония верх искусства. Б говорит: это даже и не искусство. И наоборот. Спросите, почему, и начинаются разговоры, которые не понимает тот, кто слушает, и еще меньше понимает тот, кто говорит.

¹ Возьмите какую хотите деятельность, научную или художественную, и в суждениях о ней вы найдете ее отрицание людьми науки и искусства.

Великое открытие научное нашего времени: теория эволюции Дарвина. Все другие науки шатки, потому что основываются на умозрении; здесь факты. И вот в науке фактов продолжается вот уже который год полемика между дарвинизмом и антидарвинизмом. Антидарвинисты — и это все компетентные ученые с научными дипломами, — приводят в подтверждение себе мнения знаменитостей ученых, доказывают, что все учение Дарвина ошибка и что все разнообразие существ не могло произойти из одного. Дарвинисты, тоже ученые и тоже приводя подтверждение знаменитостей, доказывают обратное. Обе стороны издеваются друг над другом, презирают, упрекают в невежестве и недобросовестности друг друга. То же происходит по отношению разных запятых микроорганизмов, не говоря уже о том постоянном хаосе в области философии, юриспруденции, политической экономии.

И это взаимное отрицание друг друга повторяется и в отдельных вопросах и в целых науках. Нет ни одного положения в науках (кроме математических), которое бы не было отрицаемо учеными же. Отрицают не только положения, но целые науки. В университете читают лекции философии, юриспруденции, политической экономии, богословия, и профессора того же университета — естествоиспытатели считают все эти предметы бесполезной и даже вредной болтовней. Богословы, философы того же мнения о преподавании естественных наук, считая методы их ложными. Но мало того, та

Если допустить всех знатоков науки и искусства и уничтожить все те произведения науки и искусства, которые они считают ложными, то убежден, что не останется ни одного произведения ни науки, ни искусства. Если признать наукой и искусством все то, что признают наукой и искусством знатоки науки и искусства, то в область науки и искусства войдет все то, что только может занимать праздных людей. Таково положение науки и искусства в наше неправильное время, и неправильность его все больше и больше начинает чувствоваться, с одной стороны, все в большей и большей пустяшности тех произведений, которые выдаются за произведения науки и искусства, все в большем и большем количестве людей, посвящающих себя этим пустяшным деятельностям, и, с другой стороны, все в большей и большей тяжести, с которой ложится на рабочий подавленный народ содержание этих людей, занятых предметами науки и искусства и требующих ради этого сложных приспособлений и все большего и большего труда.

Таково неправильное положение науки и искусства в наше время и в нашем кругу, но не таково оно было в древности и не таково оно теперь в сознании больших масс народа.

Вопрос этот — есть вопрос огромной житейской важности.

Большее количество грехов или ошибок в нашей жизни происходит оттого, что мы приписываем несвойственное

же наука сама нынче открывает 4-ое состояние тел Крукса или бацилл Коха, происхождение черноземного слоя от червей, и завтра отрекается. И этого еще мало. Преподавание того, как Христос улетел на небо и сидит одесную отца, тоже преподается, как наука. Как наука выставляется и учение о духах, и люди приглашаются профессорами исследовать эти спиритические явления во имя науки.

То же и по отношению того, что называется искусством. Точно так же как в науке сами ученые разбивают авторитеты науки, так же и художники взаимно разрушают все авторитеты искусства.

Нет ни одного предмета, который был бы принят всеми. Таким было древнее искусство Греции и Возрождения, но теперь уже давно наложены и на него руки. Те же предметы искусства для одних представляются верхом совершенства, для других — предметами отвращения и не заслуживающими даже названия произведений искусства. И все эти суждения исходят от людей одинаково компетентных.

Так это было, например, в то же время, как шла полемика о Дарвине в научной области, по отношению опер Вагнера. Страшные усилия, труды людей были потрачены и тратились на эти представления; все художники и критики художественные вникали и рассуждали; и толпа людей старых, почтенных, по три дня сидели и слушали... что? По мнению одних, сказку, глупую, пошлую, сказку, которую ни один ребенок не выслушает без скуки, потому что это даже не сказка, а какая-то бессмысленная каша из плохих сказок, сопровождаемая такой же кашей звуков; другие считали все это высшим произведением искусства — искусством будущего.

уважение тому, что не только не заслуживает его, но достойно осуждения и презрения. Не говоря об огромном труде людском на приготовление предметов нужных для произведений науки и искусства: академий, университетов, лабораторий, музеев, студий, красок, полотен, мраморов, музыкальных инструментов, театров с их декорациями и машинами, — жизни человеческие прямо уродуются односторонними трудами для приготовления деятелей так называемых науки и искусства. Сотни тысяч, если не миллионы детей принуждаются к односторонней мучительной для них работе упражнения в так называемых науках и искусствах танцев. Не говоря о детях образованных классов, платящих мучениями уродства дань наукам и искусствам, дети, посвященные профессиям балетной и музыкальной, прямо уродуются во имя того искусства, которому они посвящаются. Если можно заставить детей 7—8 лет учить грамматику и играть по несколько часов на инструментах, а потом в продолжение 10, 15 лет по 7, 8 часов в сутки; если можно из любопытства резать не только кроликов и собак, но людей — во имя науки; если можно девочек отдавать в школы балета и потом заставляя их делать антраша на первых месяцах беременности, и все это во имя искусства, то надо непременно определить прежде всего, что такое истинные наука и искусство, чтобы под видом науки и искусства не производилось бы подобие его; а потом уже доказать, что науки и искусства суть дело важное для людей.

Где же та черта, которая отделяет важное, нужное, драгоценное для людей от пустых и безнравственных занятий? В чем сущность и значение истинной науки и искусства?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, очевидно никак нельзя брать те определения, которые даются в наше время науке и искусству теми самыми людьми, которые признали ничтожные предметы важными, и надо рассмотреть это явление независимо от даваемых ему определений.

Есть же теперь то, что люди в числе своих дел, очевидно нужных для их жизни, как-то — постройки жилищ, изготовления одежды, приобретения пищи — занимаются еще тем, что не приносит никакой прямой материальной пользы и потому с практической точки зрения кажется совершенно не нужным для их жизни.

К таким делам принадлежат: увеличение, приобретение всяких знаний и украшение и увеселение жизни. Знания приобретаются всякого рода — от знания законов движения светил, знания состава почвы и законов развития растений и жизни насекомых до знания законов человеческой жизни. Украшение же и увеселение жизни состоит из различных построек, украшения их предметами ваяния и живописи, из

драматических и музыкальных представлений, из книг, описывающих воображаемые события, из картин на выставках.

По обычному определению научных и эстетических критиков все это — дело науки и искусства, и определенной черты между тем, что в делах важно и неважно, — нет.

Всякое знание полезно, и всякое искусство облагораживает. Таково теперь существующее и не очень давно установившееся и только в высших кругах мнение о науке и искусстве, но не таково об этом мнение было во всей древности и теперь в большой массе народов. Все то, что служит к определению и уяснению отношения человека к бесконечному и, вследствие того, к подобным себе, — все то из дел, не приносящих прямой материальной пользы, — имеет огромную важность. Все остальные из таких дел пустяки.

Всегда, во всей древности и теперь в больших массах народа: в Китае, Японии (до переворота), в Индии, у нас в России в народе, т. е. в огромном большинстве людей, существует совершенно другое и очень определенное мнение о той деятельности человеческой, которая не приносит прямой материальной пользы, но всегда сопутствует жизни человечества. — По этому, назову его, древнему пониманию этой деятельности: во-первых, нет разделения между этими двумя деятельностями, называемыми у нас наукой и искусством, но есть зато очень определенная черта, отделяющая от этой материально бесполезной деятельности все важное, необходимое (считающееся даже более важным, чем все материальное) от ничтожного и действительно бесполезного. Так что главная разница в этом древнем взгляде и новом в том, что при древнем одни из этих материально-бесполезных дел составляют дела огромной важности, остальные же не только пустячные, но даже вредные. При новом же взгляде нет этой черты деления, и все эти дела материально бесполезные почти одинаково важны. По древнему взгляду все то, что служит к определению и уяснению отношения человека к бесконечному и, вследствие того, к установлению отношений [людей] между собою, — все то из дел, не приносящих прямой материальной пользы, имеет огромную важность. Все остальные из таких дел — пустяки.

Таково деление, существующее теперь в большинстве восточных стран (Китай, Индия), существовало всегда (Египет, греки, вся Европа — до конца прошлого столетия).

Такой взгляд на науку и искусство у нас в России имеет огромное большинство народа. Правда, что большинство это необразованное; но оно имеет преимущество большинства и еще то, что деление его между важным и неважным очень ясно и определено. По этому делению: писание священное, жития святых, легенды, пословицы, поучения о жиз-

ни святых людей, иконы, службы, церковное пение и т. д. — есть наука и дело важное, изучение же звезд, козявок, романы, сказки, повести, стишки, песни — пустяки. Украшение домов, беседок статуями, картинами, музыкой — пустяки; построение храмов, часовень, изваяния святых, иконы, картины божественные, напевы и декламации духовных писаний — важное; песни, хороводы, игры светские на бала-лайке, фортепиано, скрипках — пустяки. Так смотрит необразованное большинство людей на науки и искусства.

С образованным же меньшинством случилось совершенно обратное. Мы видим науки и искусства во всем, только не в религиозной деятельности. У нас богослужение как бы отдельно совершенно от науки и искусства. Из образованных людей никому в голову не приходит, что в церквях проявляются все стороны искусства, и что только все эти стороны необходимы. Признается, что это, хотя и искусство, но что-то низшее. Только еще ученые архитекторы серьезно занимаются постройкой храмов, да и то весьма неохотно и неискренно. Новая поэзия не имеет никакого приложения к богослужению. Ваяние так же, как архитектура, против воли, из-за корыстных целей служит богослужению. Живопись также, музыка также. Драматическое искусство и вовсе не имеет приложения к богослужению. Образованные люди, большинство из образованных, смотрят на искусство так, что оно не только не имеет ничего общего с богослужением, но даже враждебно ему. (Картины Ге, «Христос» Антокольского.)

Наука и искусство образованных людей нашего времени представляется деятельностью такою, которая была когда-то заключена в эти рамки богоугождения и вырвалась из них, как бутылка кислых щей, которая вся ушла и находится везде, только не в богослужении. Ни один художник, уважающий себя, не станет писать в наше время икон, кондаков и напевов на стихи церковные. Искусство образованных людей — вне богослужения. Хорошо ли это, дурно, пусть решает каждый по своему взгляду на жизнь, — но это так. Не хорошо тут только то, что эти кислые щи вырвались из бутылки, разлились повсюду, смешались с пылью и всякими остатками обеда, и что нельзя уж ни найти кислых щей, ни узнать, что кислые щи, что вонючая бурда.

Смешение этого вырвавшегося из рамок искусства со всякой похотью дошло до того, что почитаемый всей образованной Европой, член академии французской, учитель всего образованного мира, Ренан, в своей книге «Марк Аврелий» почти что без всякого повода, только чтоб показать свое высокое понимание искусства, высказывает самым серьезным образом следующие мысли:

«Чего ж еще? Только легкомысленные люди считают занятие тряпками пустяками. Украшать женщину есть дело искусства и еще «великого искусства», «grand art». — Ведь, если так, то мы не лучше диких. Навесить на себя перья, скальпы и щеголять. Все, чему мы учились, хоть 1800 лет от Христа — все надо бросить, потому что это не сходится с теорией «grand art».

По теории Ренана (он только как *enfant terrible* во всей безобразной наготе сказал то, во что верят все) — и по этой теории: что весело и приятно, то-есть похоти — есть важнейшее дело человечества.

Ведь это ужасное учение. Надо решить, верно ли оно?

Я хочу писать просто, понятно для всех, и потому, чтобы решить, верно ли это учение, не буду вдаваться ни в метафизические рассуждения, хотя бы для того, чтобы показать, что тут софизм самый простой, подменивающий под понятие *хорошего* понятие *прекрасного* и обратно; не буду вдаваться ни в исторические рассуждения, чтобы показать, как вследствие того, что форма богослужения обветшала и не развивалась соответственно развитию понятий, искусство, служившее настоящему делу, освободилось от всякого определения и стало блуждать, отыскивая себе содержание вне богослужения.

А чтоб решить вопрос, обращусь к тому положению, какое есть, и прямо к совести каждого человека, устранив при этом его личные похоти.

Для того, чтобы узнать, что человек (не как известный характер, воспитанный в известных условиях) считает дурным и хорошим вообще, надо спросить человека не то, что он считает для себя хорошим, а что он считает хорошим для человека, которого он истинно любит. И вот этот-то вопрос относительно науки и искусства я обращаю ко всем тем, которые любят кого-нибудь.

Я говорю: есть вот искусство, «grand art», умеющее делать женщинам волосы очень хорошо, так, что женщины становятся соблазнительны, умеющее представлять балеты, живые картины, писать «Нана», купальщиц, оперетки и т. п. Желаете вы, чтобы сын воспитывался под влиянием этого искусства? И я знаю, что всякий, у кого есть любимое молодое существо и кто искренно представляет себе влияния этих науки и искусства на сына, всякий скажет: нет, нет и нет.

Хорошо. Но если эти науки и искусства так сращены со всеми остальными науками и искусствами, то не устранить ли вашего сына совсем от всяких наук и искусств? И опять всякий, у кого есть любимое существо, вообразит себе отсутствие искусства и скажет решительно — нет.

Как же быть? Надо взять хорошее и оставить дурное. Что хорошее? Хорошее то, что учит, помогая жить хорошо. А что помогает жить хорошо? — Знать, что хорошо, что дурно, чтобы выбирать хорошее и избегать дурного¹.

Вопрос о том, как лучше прожить, — единственный, всегда присущий всему человечеству. И всякий человек только этому и учился: учился узнавать, что хорошо, что дурно; учился и передавать это примером, словами, образами людям. И вот эту-то трудную науку и передают друг другу люди. И это-то одно важно в вещах, не приносящих прямой материальной пользы².

По этому определению все, что передает людям нечто новое, добытое напряжением чувства и мысли художника, есть произведение искусства. Но для того, чтобы эта духовная деятельность имела то значение, которое ей придают люди, необходимо, чтобы она *приносила благо* людям, потому что очевидно, что новому злу, новому соблазну, ввергающему в зло людей, не может быть придано значения, придаваемого искусству, как чему-то, приносящему благо человечеству. Значение и достоинство искусства состоит в расширении кругозора людей, в увеличении духовного богатства, капитала человечества.

И потому, хотя произведение искусства всегда будет заключать в себе нечто новое, но раскрытие чего-либо нового не всегда будет произведением искусства. Для того, чтобы произведение было произведением искусства, нужно:

¹ Но это шутки, скажут мне, нельзя причислить модное искусство к искусствам, как и коммерческие науки к наукам. Но если нельзя причислить искусство одевать к искусствам и парикмахера — к артистам, то можно ли причислить к искусствам вентрилока [?], «Нинишь», Жюдик, балет, и если нельзя причислить к наукам науки коммерческие, то можно ли причислить к ним речи с церковного амвона? Если нельзя причислить к занятиям искусствами «Нинишь» и балет, то можно ли причислить картину «Нана» и польку Скобелева? Если же и этого нельзя, то можно ли причислить к наукам опыт методики истории, и открытия Коха, и симфонию Шехерезаду, и картину «Свадебный пир»? И если можно, то почему это можно причислить к науке и искусству, а то нельзя? Где эта черта? По чем узнать, что достойно быть названо наукой и искусством и потому достойно уважения, и что недостойно этого?

Это совсем не так, само собою разумеется, как это думают. Это, напротив, страшно трудно и почти невозможно.

² Далее нет прямого указания в черновике Л. Н-ча и в основных копиях о продолжении этой рукописи. Поэтому мы в нашей копии, естественно, возвращаемся к тому месту, куда была сделана вставка предыдущих страниц из другого варианта, и продолжаем по основной копии (сделанной рукой Аполлова) — до конца этой рукописи, оставшейся почти без поправок и лишь на некоторых страницах значительно исправленной Л. Н-чем. Прим. А. К. Чертовой.

1) чтобы то новое, что составляет содержание произведения, было бы важно для людей;

2) чтобы выражено было это содержание так ясно, чтобы люди могли понять его;

и 3) чтобы побуждение к работе автора над своим произведением была внутренняя потребность, а не внешние побуждения.

И потому не будет произведением искусства всякое такое, в котором не раскрывается ничего нового; но не будет таковым такое, которое имеет содержанием нечто совершенно ничтожное и потому не важное для людей, как бы понятно оно ни было выражено, и хотя бы автор работал над своим предметом из искреннего внутреннего побуждения; но ни то, которое выражено так, что оно непонятно людям, как бы важно ни было для всех людей его содержание, и как бы искренно ни было отношение к нему автора, ни то, которое работано автором не для внутренней потребности, а для внешних целей, как бы важно ни было содержание и как бы понятно ни было выражено.

Произведением искусства будет такое, которое раскрывает нечто новое и вместе с тем в известной степени удовлетворяет трем условиям: содержания, формы и искренности.

И вот тут является затруднение, как определить ту низшую степень содержания, красоты и искренности, при которой произведение может быть произведением искусства?

Произведением искусства будет только то, которое, во-первых, своим содержанием имеет нечто доселе неизвестное, но нужное людям; которое, во-вторых, открывает это так понятно, что становится доступным людям, и которое, в-третьих, выражает потребность разъяснения внутреннего сомнения самого автора.

Произведение, в котором присутствуют, хотя бы в малой степени, все три условия, будет произведением искусства. Произведение, в котором отсутствует хотя одно из них, не есть произведение искусства.

Но, скажут на это, каждое произведение содержит что-нибудь нужное людям, всякое можно понять отчасти, и во всяком произведении автор относится с известной долей искренности. Где предел нужности содержания, понятности выражения и искренности отношения? Ответ на этот вопрос дает ясное представление другого, высшего предела, того, до которого может достигнуть искусство: противоположное *высшему* пределу и представляет тот низший предел, отделяющий из области искусства все то, что не может быть причислено к искусству. Высший предел содержания есть такое, которое нужно всегда всем людям. То же, что всегда

нужно всем людям, это доброе или нравственное¹. Низшим пределом содержания, следовательно, будет такое, которое не нужно людям и содержание недоброе и безнравственное. Высший предел выражения будет такое, которое понятно всегда всем людям. То же, что всегда понятно всем людям, это то, что не имеет в себе ничего темного, лишнего, неопределенного, а то, что ясно, кратко и определенно, то что называется прекрасным. Низший предел выражения, следовательно, будет такое выражение, которое темно, растянуто и неопределенно, т. е. безобразно. Высший предел по отношению художника к своему предмету будет такое, которое возбуждает в душе всех людей впечатление действительности того, что изображается, — действительности не того, что бывает, а того, что происходило в душе художника. Впечатление же действительности производит только правда, и потому высшее отношение автора к предмету есть истинное. Низший предел, следовательно, будет такой, в котором отношение автора к предмету не действительно и потому ложное. Все произведения искусства находятся между этими двумя пределами.

Совершенным произведением искусства будет такое, в котором содержание важно и значительно для всех людей и потому *нравственно*; выражение вполне ясно, понятно всем людям и потому *красиво*; и отношение автора вполне искренно, задушевно и потому *правдиво*. Несовершенным, но все-таки произведением искусства будет такое, в котором проявляются все три условия, хотя бы и в неравной степени. Не будет произведением искусства только такое, в котором или содержание совершенно ничтожно и не нужно людям, или выражение совершенно непонятно, или отношение автора к произведению совершенно неискренно.

По той степени совершенства, которой достигает произведение в том или другом или третьем отношении, и различаются в своих достоинствах все истинные произведения искусства. Иногда преобладает одно, иногда другое, иногда третье.

¹ Полстолетия тому назад к словам: «важное», «доброе», «нравственное» не нужно было объяснения; в наше же время из десяти образованных людей девять при этих словах с победоносным видом спрашивают: а что такое важное, доброе или нравственное? предполагая, что слова эти выражают нечто условное, не подлежащее определению. И потому я должен ответить на предполагаемый вопрос:

Важное, доброе или нравственное есть то, что соединяет людей не насилем, а любовью, что служит указанием на радость единения людей между собой; злое и безнравственное есть то, что разъединяет их, что указывает людям на страдание, происходящее от разъединения.

Важно то, что заставляет людей понимать и любить то, чего они прежде не понимали и не любили.

Все же остальные несовершенные произведения сами собой разделяются по трем основным условиям искусства на три главные рода: 1) произведения, выдающиеся по значительности своего содержания; 2) произведения, выдающиеся по красоте формы и 3) произведения, выдающиеся по своей задушевности. Все эти три рода составляют приближение к совершенному искусству и неизбежны там, где есть искусство.

Так, у молодых художников большею частью преобладает задушевность, при ничтожности содержания и более или менее красивой форме. У старых художников, наоборот, часто значительность содержания преобладает над красотой формы и задушевностью. У трудолюбивых художников преобладает над содержанием и задушевностью красота формы.

Все произведения искусства могут быть оцениваемы по преобладанию в них того, другого или третьего достоинства, и все могут быть подразделены на: 1) содержательные, прекрасные, но мало задушевные; 2) содержательные, мало красивые и мало задушевные; 3) мало содержательные, прекрасные и задушевные... и т. д. во всех возможных сочетаниях и перемещениях.

Все произведения искусства, да и вообще духовной деятельности человека, могут быть оцениваемы только на основании этих трех основных условий; так и оценивались и оцениваются людьми.

Различие в оценке происходило и происходит от высоты требований, в данное время и известными людьми предъявляемых искусству по отношению каждого из трех условий.

Так, например, в древности требования содержательности были гораздо выше, и требования ясности и правдивости — гораздо ниже, чем они стали впоследствии и особенно в наше время; требования красоты стали больше в средние века, но зато понизились требования содержательности и искренности, а в наше время стали гораздо большими требования искренности и правдивости, но зато понизилось требование красоты, в особенности содержания.

Оценка произведения искусства всегда правильна, когда принимают во внимание все три условия, и всегда неправильна, когда произведение оценивается не на основании всех трех условий, а только одного или двух из них.

А между тем какая-то оценка произведения искусства на основании одного из трех условий есть особенно распространенное в наше время заблуждение, понижающее общий уровень требований от искусства до того, что есть только подобие его, и путающее понятие и критиков, и публики, и

художников о том, что́ есть истинное искусство, и где предел его, — черта, которая отделяет его от ремесленного и потешного произведения.

Пуганица эта происходит от того, что люди, лишенные способности понимать истинное искусство, судят о произведениях искусства с одной стороны, видят в них (смотря по своему характеру и воспитанию) одну, другую или третью только сторону и воображают, представляют себе, что в этой-то видимой им стороне и все значение искусства — определяется все искусство. Одни видят только значительность содержания, другие — красоту формы, третьи — задушевность и потому правдивость; и смотря по тому, что видят, определяют и свойство самого искусства, составляют свои теории и, восхваляя, поощряют тех людей, которые, не понимая так же, как их судьи, того, в чем состоят произведения искусства, пекут их, как блины, и заливают наш мир грязными потоками всяких глупостей и гадостей, называемых предметами искусства.

Таково большинство людей, и, как представители большинства, таковы составители трех упомянутых эстетических теорий, удовлетворяющих понятиям и требованиям этого большинства.

Все эти теории основаны на непонимании всего значения искусства и разъединении трех основных условий истинного искусства. И потому эти три ложные теории распределяются по числу трех главных условий искусства, разъединенных между собой.

Первая теория, так называемого «тенденциозного» искусства, признает произведением искусства такое произведение, которое имеет предметом хотя бы и не новое, но важное для всех людей нравственное содержание, независимо от красоты и задушевности.

Вторая, — «искусство для искусства», признает произведением искусства только такое, которое имеет красоту формы, независимо от новизны и важности содержания и задушевности.

Третья теория, «реалистическая», признает произведением искусства только такое, в котором автор задушевно относится к своему предмету и потому правдиво. Эта теория признает, что, как бы ничтожно и даже гадко ни было содержание, при более или менее красивой форме, произведение будет хорошо, когда автор задушевно и потому правдиво относится к тому, что изображает.

Все эти теории забывают одно главное, что ни значительность, ни красота, ни правдивость не составляют условий произведения искусства, что основное условие произ-

ведения искусства есть сознание художником чего-то нового и важного.

И потому для настоящего художника, как всегда было, так и будет нужно, чтобы он мог видеть нечто совсем новое и важное. Для того, чтобы художник мог видеть новое, ему нужно смотреть и думать, — не заниматься в жизни пустяками, которые мешают внимательно вглядываться и вдумываться в явления жизни. Для того же, чтобы то новое, что он видит, было важно для людей, он должен быть нравственно-просвещенный человек, должен жить не эгоистической жизнью, а принимать участие в общей жизни человечества.

Как скоро же он видит это новое и важное, уже он найдет ту форму, в которой выразит это, и будет та задушевность, которая составляет необходимое условие художественного произведения. Нужно, чтобы он мог выразить новое содержание так, чтобы все поняли его. Для этого нужно так овладеть своим мастерством, чтобы, работая, так же мало думать о правилах этого мастерства, как мало думает ходящий человек о правилах механики. А для того, чтобы достигнуть этого, художник не должен оглядываться на свою работу, ни любоваться ею, не должен ставить мастерство своей целью, как не должен человек идущий думать о своей походке и любоваться ею, а должен только заботиться о ясном, понятном всем выражении своего предмета.

Наконец, для того, чтобы работать над своим предметом не для внешних целей, а для того, чтобы удовлетворять внутреннему требованию, нужно художнику стать выше корыстных и тщеславных целей. Ему нужно любить самому, своим сердцем, а не чужим, не притворяться, что любит то, что другие признают или считают достойным любви.

И для того, чтобы достигнуть всего этого, художнику надо делать то, что делал Валаам, когда к нему пришли послы и он уединился, ожидая бога, чтобы сказать только то, что велит бог; и не надо делать того, что сделал тот же Валаам, когда, соблазвившись дарами, поехал к царю, противно повелению бога, что было ясно даже ослице, на которой он ехал, но не видно было ему, когда корысть и тщеславие ослепили его.

В наше время ничего этого не нужно. Человеку, желающему заниматься искусством, не нужно ждать того, чтобы в душе его возникло то важное, новое содержание, которое бы он истинно полюбил, а любя, облек бы в соответственную содержанию форму. В наше время человек, желающий заниматься искусством, или берет ходячее в данное время и хвалимое умными, по его понятию, людьми содержание и облекает его как умеет, в то, что называется художественностью формы; или избирает тот предмет, на ко-

тором он более всего может выказать техническое мастерство, и со старанием и терпением производит то, что он считает произведением искусства; или, получив случайное известное впечатление, берет то, что произвело это впечатление, предметом произведения, воображая, что это будет художественное произведение, потому что на него случайно произвело впечатление.

И вот является бесчисленное множество так называемых художественных произведений, которые могут быть исполняемы, как всякая ремесленная работа, без малейшей остановки: ходячие модные мысли всегда есть в обществе, всегда с терпением можно научиться всякому мастерству, и всегда всякому что-нибудь да кажется интересным. Разъединив условия, которые должны быть соединены в истинном искусстве, люди наделали столько произведений ложного искусства, что и публика, и критики, и сами мнимые художники потеряли совершенно всякое, какое бы то ни было, определение того, что они сами считают искусством.

Люди нашего времени как будто сказали себе: «Произведения искусства хороши и полезны; надо, стало быть, сделать так, чтобы их было побольше».

Действительно, очень хорошо было бы, если бы их было больше; но горе в том, что можно делать по заказу только те произведения, которые, вследствие отсутствия в них необходимых условий искусства, понижены до ремесла.

Настоящее же художественное произведение нельзя делать по заказу, потому что истинное искусство есть откровение нового познания жизни, которое, по непостижимым для нас законам, совершается в душе художника и своим выражением освещает тот путь, по которому идет человечество.

Рассказывали, что в начале нынешнего века в дремучих лесах Германии был найден дикий человек. Рассказывали, что этот человек, которого называли Каспар Гаузер, был совершенно подобен животному, оброс шерстью, не говорил, но рычал, боялся людей. Рассказывали, что человека этого поймали и стали приручать и что с большим трудом под конец воспитали его, и он стал подобен другим малообразованным людям, стал человеком.

Справедлива или нет эта история о Каспаре Гаузере, это все равно. Если не был Каспар Гаузер, то было и есть много таких заброшенных и озверевших существ, изображение которых представил нам Диккенс в своем Доко — диком мальчике среди Лондона. Важно то, что на этих примерах мы можем с поразительной ясностью видеть, чему в нашем духовном образовании мы обязаны себе, чему — людям, жившим прежде нас, накопившим богатство знаний, и людям

ближайшим и современным нам, которые передали нам эти знания.

Все знания наши, не только знания, но привычки, чувства, способы выражения, все, что отличает нас от Каспара Гаузера и составляет наше духовное, нравственное, человеческое существо, такое, которое мы в сознании своем не можем отделить от себя, — есть результат приобретения и передачи знания прежде жившими и современными людьми. Каспар Гаузер был бы одинаково диким и тогда, когда все люди были бы такие же дикие, как он, и тогда, когда бы эти образованные люди не хотели бы или не умели передать ему свое образование. Все, что составляет наше человеческое существо, все, начиная от искусства разводить огонь и признания преимущества семьи перед половой распущенностью до электричества и сознания идеала христианской добродетели, — все наше человеческое богатство есть произведение накопленных духовных трудов всех наших предков, переданное нам ближайшим к нам и современным поколением.

Если бы люди не приобретали в своей жизни новых знаний, то нечего бы было и передавать, и знаний бы не было. Если же бы люди не могли передавать знания и современникам и потомкам, то знание не могло бы увеличиваться. Не будь у людей способности приобретать и передавать духовное богатство, они оставались бы вечно на той самой низшей ступени, какую мы только можем себе представить. Знания же человечества постоянно растут и увеличиваются именно потому, что и то, и другое — увеличение знаний и передача их — постоянно совершается¹.

Способность передачи своих умений, знаний, привычек, обычаев, взглядов, своих душевных состояний, всего своего духовного существа составляет то свойство человеческой природы, вследствие которого человек не переставая движется вперед и достигает той кажущейся нам необыкновенной степени развития, которую он достиг теперь в сравнении с состоянием человека в каменный период, и вместе с тем неизбежно должен достигнуть еще такого состояния, к которому теперешнее будет относиться так же, как к теперешнему относится состояние каменного периода.

Способность передачи своего духовного состояния есть самая драгоценная человеческая способность. Способность эта, столь необходимая людям, свойственна им до такой степени, что всегда сопутствует приобретению человеком всякого знания. Всякий человек, познавший что-либо от других

¹ Накопление это совершается не как нечто механическое, мертвое, не как бы крупинка, которая прибавляется к крупинке, но как нечто органическое, живое, как растет дерево или животное.

людей или дошедший до нового знания своим трудом, всегда стремится передать это знание другим, — либо затем, чтобы проверить на понимании других справедливость своего знания, либо затем, чтобы иметь понимающего сотрудника в своей работе, либо затем, чтобы получить вознаграждение за свое обучение, либо из бескорыстного желания передать людям новое полезное им знание. Так или иначе все знания людские, от простейших до сложнейших, всегда передаются от людей к людям. И только в самых редких случаях, относящихся как один к миллиону, бывает то, что знания, бывшие у людей, утрачиваются.

Знаний, передаваемых от людей к людям, если не бесчисленное, то огромное количество, — знаний и по содержанию, и по способу передачи самых разнообразных. Передаются знания об именах, отвлеченных отношениях, предметах, о том, как добывать потребности, украшения жизни, о том, как веселиться, молиться, играть, — передаются все эти знания или способом рассуждения, или способом показывания, вызывания подражания. И потому передача эта всех возможных знаний всегда и безостановочно совершалась и совершается. Передача знаний самых важных, как знание языка, и самых ничтожных, как знание покроя одежд, совершается бессознательно; и люди, зная, что эта передача всегда совершается, не заботятся о ней и не приписывают ей значения и важности. Знаний этих, от знания, как сделать горшок, соткать полотно, до знания того, когда и отчего затмение солнца и луны, — так много, что далеко не все люди могут приобрести все знания. Но, смотря по способностям и условиям, в которых находятся люди, одни приобретают одни, другие — другие знания.

Что такое науки и искусства в самом широком и общем своем значении?

Это передача одних людей другим того, что узнают люди. Науки передают то, что узнают люди путем доказательств, рассуждений; искусства передают это же возбуждением в другом того же чувства, которое испытывает передающий.

И то, и другое необходимо для человечества, потому что, если бы не было наук и искусств, люди жили бы, как животные, ничем не отличаясь от них.

Все, что знает каждый из нас, начиная от знания счета и названия предметов, от умения выражать интонациями голоса различные оттенки чувства и понимать их, до самых сложных сведений, — есть ничто иное, как накопление знаний, передававшихся от поколений к поколениям науками и искусствами, — есть деятельность наук и искусств.

Все, чем отличается жизнь человеческая от жизни животных, есть результат передач знания; знание же передается науками и искусствами. Не будь наук и искусств, не было бы человека и человеческой жизни.

Все, чем мы живем, всё, что нас радует, все, чем мы гордимся, все от железной дороги, оперы, знания небесной механики и доброй жизни людей, — все это есть ничто иное, как последствие этих деятельностей.

Железная дорога есть ничто иное, как переданные от поколений к поколениям знания, приобретенные людьми, того, как копать, как варить, калить, обделывать железо в полосы, гайки, винты, листы и т. п.; и опера есть ничто иное, как переданное от поколения к поколению понимание известных чувств, выражаемых различными словами, картинками, звуками. Небесная механика есть накопление знаний и открытий в области движения светил; добрая жизнь людей есть последствие накопления выводов, наблюдений и откровений в области взаимных отношений людей.

Если бы люди не узнавали нового лучшего и не передавали друг другу того, что они узнают, не было бы людей, а были бы животные, постоянно остающиеся на одной ступени развития. Науки и искусства — это то, что двигает людей вперед и дает им возможность бесконечного развития.

Каждый отдельный человек, как бы он ни был силен умом, может приобрести только очень малое количество знаний, и если бы знания не передавались, то люди всегда бы оставались на одной и той же ступени.

Если кто из людей и приобрел знания сам, т. е. увеличил запас знаний человечества, то доля эта самая крошечная и отношение к тому, что ему передано, — как один к миллиону (хочется сказать: как один к бесконечности). Благодаря же способности передачи, люди могут усвоить знания всех предшествовавших поколений, прибавить к ним еще свои открытия. Доля каждого есть бесконечно малая, есть дифференциал, но из бесчисленного количества этих дифференциалов складывается возможность бесконечного пространства человеческого знания.

Все знания всегда передаются от одних людей другим, таково свойство людей. Каждый человек стремится познать то, что может и что свойственно его природе, и, познав, стремится передать это другим, передачей этой достигая различных целей: и проверки справедливости своих знаний, и приобретения сотрудников по избранному занятию, и удовлетворения своего самолюбия и др.

Но знаний так много, начиная от знания, как добывать огонь и делать одежду, до знания свойств небесных тел, и

того, как исполнять симфонию; и знания эти так разнообразны по своим целям и важности и так недоступны все одному человеку, что для того, чтобы наилучшим образом ускорить передачу, людям надо было прежде всего выделить из всех многообразных знаний те, которые важнее всего для человечества вообще и для каждого человека в отдельности, и устроить передачу этих знаний так, чтобы они несомненно передавались всем или наибольшему числу людей. Человечеству необходимо было, продолжая бессознательно передавать многообразные знания, из которых слагается его умственное богатство, сознать некоторые из этих знаний и сознательно передавать их от поколений к поколениям, приписывая этой передаче и людям, посвящающим себя ей, особенное значение и важность.

Так всегда было и есть, и эти-то особенно нужные и важные знания и составляют то, что одно может и должно быть выделено из всех остальных знаний и что может поэтому называться исключительно наукой, как библия (книга) — библией.

Что же значат те особенные знания, которые выделяются из всех других и передача которых называется особо наукой и искусством?

Я вот сижу в комнате и пишу: в руке у меня перо стальное, под пером бумага, пишу я чернилами, и пишу на столе, стол покрыт сукном, на столе книги и пресс-папье, изображающий орла. Перо, бумага, чернила, сукно, стол — суть результаты переданных от людей к людям знаний. Составляют ли эти знания — делать перья стальные, сукна, бумагу, стол — деятельность науки и искусства? Нет. По понятиям, приписываемым всеми науке и искусству — знания эти не составляют предметов науки и искусства; но книга (книга эта — биография исторического лица) и изображение из меди орла, распутившего крылья, которые суть тоже последствия передачи знаний, составляют ли предмет науки и искусства? По существующим понятиям о науке и искусстве — да. Биография есть предмет науки истории; орел есть предмет искусства вааяния.

Есть, стало быть, деятельности, передача знания которых выделяется из всех других и [которые] разделяются между собой на две различные деятельности: науки и искусства. Какие же это деятельности: науки и искусства?

Определить эти деятельности и ответить, какие деятельности считаются научными и художественными, нет никакой возможности, потому что, как только начнешь определять по общему мнению, то сейчас же столкнешься с самыми разнообразными и часто противоречивыми определениями людей, одинаково компетентных, того, что должно и не дол-

жно считать научной и художественной деятельностью. Тут-то сталкиваешься именно с тою неясностью и неопределенностью понятий науки и искусства, которые существуют в наше время в нашем обществе.

В числе ясно определенных, всегда в одном смысле понимаемых понятий существуют в умственном обиходе ученых людей и такие, которые образовались исторически как бы нарастанием через присоединение все новых и новых несущественных, случайных признаков к основным и таким образом до такой степени отклонившиеся от первоначального значения, что таким понятиям различными людьми приписываются различные значения; и потому понятия эти, несмотря на то, что при употреблении в рассуждениях слов, обозначающих их, обыкновенно предполагается, что значение их всем известно, понятия эти со всеми приписываемыми им признаками совершенно ускользают от определения. Таких понятий очень много в области богословской и философской — понятия бог, дух, вера, благодать, воля и т. п., и таковы же очень важные в наше время в жизни два понятия: наука и искусство.

Для того, чтобы дать себе ясный отчет в том, какое основное значение имеют эти два понятия и в какой степени соответствует этому основному значению то, которое дается в наше время большинством людей этим понятиям, необходимо, на время откинув все существующие толкования и суждения об этих предметах, постараться уяснить себе сначала, что такое эти два понятия, и что мы должны подразумевать под ними.

Нельзя отрицать того, чтобы знание всех тонкостей схоластики не было наукой, и мастерство разрисовывать заголовки книг или вышивать покровы — не было искусством; но очевидно, что совершенно неправильно приписывать этим предметам то исключительное или первенствующее значение, которым пользуются науки и искусства.

Науки и искусства считаются делом не шуточным, а очень важным всеми людьми, принимающими участие в занятиях ими с тем большей охотой, чем больше, с одной стороны, выгоды получает от этого производитель науки и искусства, с другой — чем более пользуется богатый человек их произведениями. Но для людей, глядящих со стороны, дело должно представляться иначе. Людям со стороны представляется странным то, чтобы очень важным считалось то, что человек написал в стихах, как он любит ездить в санях по снегу, или то, что другой нарисовал, как купаются голые женщины, или третий написал семь вариан-

ций на «здравствуй, милая, хорошая»; а четвертый выучился ходить на носках и прыгать от земли на два аршина. Все это может быть приятно иногда и некоторым людям приятно, как может быть приятно сделать и съест хорошее кушанье, сделать и надеть новую обувь или платье и т. п. Но всякому, даже легкомысленному человеку очевидно, что важности в этих делах нет никакой, и что производителей их не стоит окружать особенным уважением, и для произведения этих предметов не стоит мучить и губить жизни людей и тратить миллионы, как это делается для обучения искусствам. Но мало того, людям, глядящим со стороны, не только видна ничтожность большинства этих дел, но видна по отношению многих из них безнравственность. Людям, глядя со стороны, очевидно, что повести, романы, стихи, вызывающие сочувствие к пороку, что картины, восхваляющие ложных героев или изображающие обнаженных женщин, музыка, вызывающая чувственность, балеты, оперетки и оперы, даже прямо служащие ей — безнравственны¹.

При теперешнем же своем определении и расширении своей области, искусство ни в каком случае не может быть уважаемо, потому что оно вредит людям.

Только для тех людей, которые участвуют в производстве предметов того, что под именем науки и искусства наполняет наш мир, может быть незаметно то безнравственное и развращающее влияние, которое имеют на людей как на переходящих из низших слоев людей в высшие, так и, главное, на молодые поколения, эти так называемые науки и искусства. Для людей же, глядящих со стороны, для огромного большинства рабочих людей и для людей, истинно любящих науку и искусство и посвятивших себя им, это очевидно. Очевидно, что так или иначе надо остановить эту безумную оргию так называемого искусства, зло которого есть смешение сильнейшего орудия просвещения человечества с наживой, потачкой похоти и самой вредной грязью.

¹ В искусстве есть еще одно свойство, подрывающее его значение и до известной степени отсутствующее в науке. Это свойство есть его очевидная ничтожность или вредность. Простому, неученому человеку не может быть вполне ясно бесполезные учения юриспруденции или о фагоцитах. Простому человеку, запуганному страшными, неслыханными словами, которые чем пустее дело, тем больше обыкновенно напускают ученые, не всегда ясно, что рассуждения о торговом праве, фагоцитах и их экскрементах — ненужные пустяки; но в деле искусства это бывает совершенно очевидно. Не только очевидна бывает пустяковость произведений искусства, но и вредность их. И эта очевидность пустячности и вредности в соединении с важностью, приписываемой этим предметам, ясно указывает на ложное значение, придаваемое им.

То, чтобы не было скверных писаний, картин, пьес музыкальных и театральных, — нельзя сделать. Всегда будут эти проявления слабости и разврата людского. Но можно и должно решить, какие из этих предметов хороши и занятия ими почтенно, и какие — дурны, и занятие ими постыдно. Рядом висят две картины: золотые рамы, полотно, пейзажи, фигуры — обе написаны хорошо: одна есть произведение искусства, увеличивающее благо человечества, другая есть произведение обмана, лжи, нарушающей благо человечества. То же и со всяким родом искусства.

Да, людям, не участвующим в произведении и пользовании тем, что называется искусством, не может не представиться вопрос о том, справедливы ли те два положения, на которых основано то значение, которое приписывается искусству. Во-первых, правда ли, что искусство есть дело важное? а, во-вторых — если правда, что оно дело важное, то что именно может и должно называться искусством? И стоит только задать себе эти вопросы, чтобы тотчас же увидеть, что если и есть действительно нечто важное в искусстве, то далеко не все то, что признается искусством в нашем обществе, что понятие об искусстве в нашем обществе до такой степени расширилось, что захватило и постоянно захватывает в свою область то, что не имеет никакого права называться искусством и пользоваться уважением, свойственным ему, — что перейдена и потому потеряна черта, отделяющая искусство не только от ремесленных произведений, но и от всякой деятельности, доставляющей удовольствие, и что поэтому самое понятие об искусстве в нашем обществе утрачено как обществом, так и художниками и критиками.

Да, потеряна черта, отделяющая то искусство, которое можно и должно уважать и поощрять, как нечто важное, нужное и доброе, от того искусства, которое можно и должно презирать, как нечто праздное и часто безнравственное и вредное. И всякому человеку, занимающемуся, как производитель или потребитель, каким-нибудь делом, могущим быть подведенным под вид искусства, выгодно и желательно признать это дело искусством и заслуживающим уважения, и дело подводится под вид искусства, и нет никаких оснований не признать за этим делом прав на искусство. А как только потеряна черта, потеряно и определение того, что есть искусство, — как только сделано было послабление в пользу чего-либо, не имеющего права на искусство, но признанное таковым, так тотчас же в область искусства ворвалось в приотворенную дверь всякое безобразие нашей жизни.

Вопросы теории искусства впервые заинтересовали Толстого в 1882 году. К первым месяцам этого года относится его письмо к издателю «Художественного журнала» Н. А. Александрову, в котором он пытался высказать свои взгляды на значение искусства. Письмо осталось незаконченным и не отправленным. (Было опубликовано А. К. Чертковой в сборнике «Толстой и о Толстом. Новые материалы», вып. 3, изд. Толстовского музея, М. 1927).

После этого в 1885 году Толстой посвятил вопросу о цели и назначении искусства несколько глав в своем обширном трактате «Так что же нам делать?» Далее, 2 марта 1889 г. Толстой изложил свою «теорию искусства» для публичной лекции В. А. Гольцева (см. стр. 20—21), и этот небольшой набросок послужил началом целой статьи об искусстве, над которой Толстой работал с перерывами в течение всего 1889 года.

2 марта Толстой, как записал он в Дневнике, писал и поправлял продиктованный Гольцеву набросок; 3 марта еще раз исправил его; 13, 14, 19, 21 и 22 марта вновь исправлял ту же статью. 22 марта Толстой посылает статью Л. Е. Оболенскому для напечатания в редактируемом им журнале «Русское богатство». 30 и 31 марта и 2 апреля он уже читает корректуру статьи. Однако статья Толстого не удовлетворила, и корректуры не были им отосланы в печать (вариант этот был также опубликован А. К. Чертковой в третьем сборнике «Толстой и о Толстом»).

Работа над статьей об искусстве продолжается и в апреле (записи в Дневнике от 11—14, 18—20 и 22 апреля). 28 апреля статья пишется «с начала», и написанное читается Н. Я. Гроту. 29 апреля Толстой «попробовал писать об искусстве», но «опять запутался».

2 мая Толстой ушел из Москвы пешком в Ясную Поляну, куда прибыл 7 мая. Уже на другой день по приходе, 8 мая, он снова берется за ту же работу. 10 мая в лесу на прогулке он «пробовал выразить тезисами» в записной книжке свои мысли об искусстве, «но не мог ясно формулировать». 16 мая он записывает в Дневнике по поводу своей работы: «Все в заколдованном кругу верчусь». И объясняет это следующим предположением: «Должно быть, слишком важный, таинственный это предмет».

После этого работа прерывается до 18 июля, когда Толстой перечитал написанные варианты и исправил начало статьи. В августе Толстой думает и читает об искусстве — сочинения Платона, Шопенгауэра, но не пытается писать. Работа возобновилась лишь 11 сентября, после чего Толстой в течение пяти дней писал «вступление» и поправлял и продолжал ранее написанное. Затем 26 октября «попытался писать об искусстве, но не пошло».

Новый приступ к работе над статьей относится к 3 ноября, когда Толстой «писал много о науке, искусстве». 6 ноября он начал писать опять с начала об искусстве. «Немного написал недурно; но мало, и не тянет продолжать». 8 ноября он «пытался писать об искусстве — не идет». И наконец, последние записи о работе над статьей о науке и искусстве относятся к 26 и 27 ноября 1889 г., после чего статья была оставлена.

Вес 1890 год Толстой был занят другими работами и не прикасался к статье об искусстве. Лишь 4 января 1891 г. Толстой вновь взялся за начатую статью, но, как записал он в Дневнике, «слишком глубоко запахал». 6 января он продолжал статью, но «остановился: сил мало». 15 января Толстой «много думал об искусстве. В мыслях подвинулось, но не на бумаге». Между 16 и 23 января Толстой два дня работал над статьей о науке и искусстве: «Все перемарал, вновь написал и опять перемарал, и не могу сказать, чтобы подвинулся». 25 января Толстой статью «помарал и запнул».

Работа возобновилась лишь 10 февраля. Толстой «мало подвинулся, но все ясно». После этой записи в Дневнике, сделанной 11

февраля, 24 февраля вдруг находим в том же Дневнике неожиданное сообщение Толстого о том, что он «бросил писать» статью о науке и искусстве, и ни в дальнейшие месяцы 1891 года, ни во весь 1892 год Толстой не трогал начатой статьи. Лишь под 10 июня 1893 г. (запись охватывает шесть дней) читаем, что Толстой вновь пробовал заняться статьей о науке и искусстве, но попытка не имела продолжения.

25 марта 1894 г. Толстой уехал из Москвы к В. Г. Черткову, жившему тогда на хуторе Ржевск Воронежской губернии, где прсбыл до 1 апреля. Чертков дал Толстому составленную им компиляцию из черновых редакций его статьи об искусстве. Толстой, как записал он в Дневнике 21 апреля, статью «одобрил», но «опять стал поправлять».

В архиве Толстого, хранившемся у В. Г. Чертова и переданном им в Государственный Толстовский музей, сохранились две различные правки двух компиляций черновых статей Толстого об искусстве. Покойная А. К. Чертова из этих двух правок составила сводный текст, опубликованный нами выше. Текст этот представляет резюме взглядов Толстого на искусство в том виде, в каком эти взгляды сложились у него в 1894 году, т. е. за два года до начала его капитального труда «Что такое искусство?», в котором он последовательно и подробно изложил свое понимание сущности и назначения искусства.

Работа 1894 года является выражением одной из стадий развития, в которой находились эстетические взгляды Толстого.

ТОЛСТОЙ О ЛИТЕРАТУРЕ

В огромной литературе о Толстом имеется ряд работ, специально посвященных вопросу об отношении Толстого к отдельным писателям. В этих обзорах более или менее полно привлечены все имеющиеся материалы (произведения, дневники, письма, мемуары), но не было еще сводки общих высказываний Толстого о литературе, о писательском ремесле. Составители публикуемой работы поставили перед собою эту задачу, ограничив материал лишь дневниками.

Дневник, предназначенный для самого себя, в данном случае наиболее интересный и важный документ. В нем фиксируются выводы и долгих размышлений и минутных настроений. В беседе с самим собой нет нужды в словесном развитии мысли — мысль записывается отрывочно, не всегда законченно. Затронутый в дневнике вопрос не берется во всей своей совокупности: он ограничен размышлениями или настроениями небольшого отрезка времени. Запись дневника может явиться логическим развитием ранее высказанных положений, может оказаться совершенно обособленной, а иногда даже и противоречащей раньше или позднее выдвинутому утверждению.

Молодой Толстой сам так характеризует дневниковую запись: «Часто в сочинении задерживает желание вклеить хорошую или хорошо выраженную мысль. Поэтому, как только мысль с трудом вклеивается, вписывать ее в дневник, не останавливаясь на желании поместить ее именно там-то. Мысль сама найдет себе место». (Дневник, 5 января 1854 г.).

Большая часть общих высказываний о литературе и искусстве относится к 1889—1890 годам, когда Толстой был занят своей работой об искусстве. Он кратко записывал в дневнике мысли, с тем чтобы потом, развив их, использовать в своей работе. Однако не все они нашли полное отражение в его статьях, а многие мысли, записанные в другие годы, вообще не получили дальнейшего развития. Таким образом сводка дневниковых записей превращается в своего рода новый трактат об искусстве.

В отзывах об отдельных писателях Толстой чаще всего выступает как читатель, впервые знакомящийся с их произведениями. Впечатления о них записываются тотчас же после чтения. О некоторых мало известных писателях отзывы и ограничиваются этими первыми впечатлениями; нигде кроме дневников высказываний о них нет. В большинстве же случаев дневниковые записи об отдельных писателях нельзя считать исчерпывающими. Например, о Чернышевском есть только три краткие записи, тогда как к теме «Толстой и Чернышевский» имеется много документального материала, и теме этой посвящен ряд статей. Пушкин. Записи о нем в дневнике Толстого

немногочисленны, — тогда как есть много интереснейших как положительных, так и отрицательных высказываний Толстого о Пушкине вплоть до последних лет его жизни, — в письмах, мемуарах, статьях. Это любопытная тема: высокая оценка поэта — при резком отрицании стихотворной формы искусства. В таком же положении и другие писатели: отзывы о них в дневниках не всегда дают верное представление об отношении к ним Толстого. Получить точное представление можно только при изучении всей совокупности литературного наследия писателя. Поэтому пришлось отказаться от публикации дневниковых записей Толстого об отдельных писателях. Их нужно объединить с цитатами из других источников, и такая работа по объему своему потребует отдельной книги.

Отношение великого писателя-реалиста к литературе — один из волнующих вопросов. В этой области Толстой-художник недостаточно глубоко изучен. Мало материалов опубликовано. Критическая обработка и дальнейшая публикация должны осуществляться в ближайшее время.

Публикуемые выдержки из Дневника Толстого выбраны сотрудниками Гос. Толстовского музея С. А. Есениной, Э. Е. Зайденшнур и К. И. Старовойтовым.

Ламартин¹ говорит, что писатели упускают из виду литературу народную, что число читателей больше в среде народной, что все, кто пишут, пишут для того круга, в котором живут, а народ, в среде которого есть лица, жаждущие просвещения, не имеет литературы и не будет иметь до тех пор, пока не начнут писать для народа.

Я не буду говорить о тех книгах, которые пишутся с целью найти много-много читателей — это не сочинения, это произведения авторского ремесла, или о тех ученых и учебных книгах, которые не входят в область поэзии.

(Где границы между прозой и поэзией, я никогда не пойму; хотя есть вопрос об этом предмете в *словесности*, но ответа нельзя понять. Поэзия — стихи. Проза не стихи; или: поэзия — все, исключая деловых бумаг и учебных книг.)

1851 г. Апр. — май.

Все сочинения, чтобы быть хорошими, должны, как говорит Гоголь о своей прощальной повести (она выпелась из души моей²), выпеться из души сочинителя. Что же доступного для народа может выпеться из души сочинителей, большей частью стоящих на высшей точке развития, народ не поймет. Ежели даже сочинитель будет стараться сойти на ступень народную, народ не так поймет. Так же как, когда мальчик 16 лет читает сцену насильствования героини романа, это не возбуждает в нем чувства негодования, он не ставит себя на место несчастной, но невольно переносится в роль соблазителя и наслаждается чувством сладострастия, — так и народ поймет совсем другое из того, что вы захотите сказать ему. Разве «Антон Горемыку»³, Cénevieve⁴ поймет народ? Слова доступны, как выражение мысли, но мысли недоступны. У народа есть своя литература — прекрасная, неподражаемая, но она не подделка, она

выпеваается из среды самого народа. Нет потребности в высшей литературе, и нет ее. Попробуйте стать совершенно на уровень с народом, он станет презирать вас.

1851 г. Апр. — май.

Все описывают слабости людские и смешную сторону людей, перенося их на вымышленные личности, иногда удачно, смотря по таланту писателя, большей частью неестественно. Отчего? Оттого, что слабости людские мы знаем по себе, и чтобы выказать их верно, надо их выказать на себе, потому что известная слабость идет только известной личности. У редких достаает силы сделать это. Личность, на которую переносят собственные слабости, стараются сколько можно исказить, чтобы не узнать самих себя. Не лучше ли говорить прямо: «вот каков я — вам не нравится, очень жалею; но меня бог таким сделал». Никто не хочет сделать первого шага, чтобы не сказали, например: — «Вы думаете, что ежели вы дурны и смешны, что и мы все тоже». От этого все молчат.

1851 г. Апр. — май.

Живопись действует на способность воображать природу, и ее область — пространство. Музыка действует на способность воображать ваши чувства. И ее область — гармония и время. Поэзия действует на способность воображать как то, так и другое, т. е. действительность или отношение наших чувств к природе. Переход от живописи к музыке есть танцы. От музыки к поэзии — песни...

Музыка имеет даже перед поэзией то преимущество, что подражание чувствам музыки полнее подражания поэзии, но не имеет той ясности, которая составляет принадлежность поэзии.

1851 г. 29 ноября.

Два замечания для писателя *belles-lettres*. — Тень ежели и ложится на воде, то очень редко ее можно видеть, и когда видишь, то она нисколько не поражает.

Всякий писатель для своего сочинения имеет в виду особый разряд идеальных читателей. Нужно ясно определить себе требования этих идеальных читателей, и ежели в действительности есть хотя во всем мире два таких читателя — писать *только для них*. Описывая типы или пейзажи, необыкновенные для большинства читателей — никогда не выпускать из виду типы и пейзажи обыкновенные — взять их за основание и, сравнивая с ними необыкновенные, описывать их.

1852 г. 2 января.

Когда во время писанья придут так много неясных мыслей, что захочется встать, не позволяя этого себе.

1853 г. 28 июня.

Правила⁵

1) Иметь при себе всегда карандаш и тетрадку, в которой записывать все замечательные сведения, наблюдения, мысли и правила, которые приходится приобретать во время чтения, разговора или размышления, и вечером записывать их по отделам в особой книге.

2) Не начинать не только нового сочинения, совершенно не окончив старого, но даже чтения, не окончив начатого.

3) Позволять себе физический труд (охоту, гимнастику) с целью дать отдых уму только тогда, когда ум действительно много работал. — А то апатию, леность ума, которые уничтожить лучшее средство состоит в том, чтобы работать, часто принимаешь за усталость. Усталость может быть только после труда, а трудом можно назвать только то, что выразилось внешне.

4) Перечитывая и поправляя сочинения, не думать о том, что нужно прибавить (как бы хороши ни были приходящие мысли), если только не видишь неясности или недосказанности главной мысли, а думать о том, как бы выкинуть из него как можно больше, не нарушая мысли сочинения (как бы ни были хороши эти лишние места). —

5)

6) Не позволять себе обдумывать предмета, за который по другим занятиям ты не можешь приняться. —

7)

8) На всякое свое сочинение, критикуя его, не забывать смотреть с точки зрения самого ограниченного читателя, ищущего в книге только занимательности.

9)

10) Всегда иметь вместе с другими работами одну такую, которая бы не допускала поправок и тем приучала бы к обдуманному, аккуратному, сосредоточенному труду.

1853 г. 15—18 октября.

Искусство писать хорошо для человека чувствительного и умного состоит не в том, чтобы знать, что писать, но в том, чтобы знать то, чего не нужно писать. Никакие гениальные прибавления не могут улучшить сочинения так много, как могут улучшить его вымарки.

1853 г. 16 октября.

У писателей, описывающих известный класс народа, невольно к слогу прививается характер выражения этого класса. Желание передать свою мысль выражается даже в образе выражения. При изустном рассказе это еще более заметно. Елишка ⁶, рассказывая что-нибудь, из своего лица представляет неодушевленные предметы.

1853 г. 18 октября.

Читая сочинение, в особенности чисто литературное, — главный интерес составляет характер автора, выражающийся в сочинении, но бывают и такие сочинения, в которых автор аффектирует свой взгляд или несколько раз изменяет его. Самые приятные суть те, в которых автор как будто старается скрыть свой личный взгляд и вместе с тем остается постоянно верен ему везде, где он обнаруживается. Самые же бесцветные те, в которых взгляд изменяется так часто, что совершенно теряется.

1853 г. 24 октября.

Надо привыкать всегда и во всем писать четко и ясно, а часто бессознательно неясность или неверность мысли скрадывается от самого себя неестественными оборотами, помарушками и размахами.

1853 г. 26 октября.

Простой народ так много выше нас стоит своей исполненной трудов и лишений жизнью, что как-то нехорошо нашему брату искать и описывать в нем дурное. Оно есть в нем, но лучше бы говорить про него (как про мертвого) одно хорошее. Это достоинство Тургенева и недостаток Григоровича и его «Рыбаков» ⁷.

1853 г. 26 октября.

Часто в сочинении меня останавливают рутинные, не совсем правильные, основательные и поэтические способы выражения; но привычка встречать их часто заставляет писать их. Эти-то необдуманные, обычные приемы в авторе, недостаток которых чувствуешь, но прощаешь от частого употребления, для потомства будут служить доказательством дурного вкуса. Мириться с этими приемами — значит идти за веком, исправлять их — значит идти впереди его.

1853 г. 1 ноября.

Возьмите романы, биографии, повести: везде стараются обойти денежные вопросы, тогда как в них главный интерес

(ежели не главный, то самый постоянный) жизни и лучше всего выражается характер человека.

1853 г. 1 ноября.

Всякое оконченное начерно сочинение пересматривать, вымарывая все лишнее и не прибавляя ничего. Это первый процесс.

1853 г. 1 ноября.

Читая философское предисловие Карамзина к журналу «Утренний свет»⁸, который он издавал в 1777 г. и в котором он говорит, что цель журнала состоит в любознательности, в развитии человеческого ума, воли и чувства, направляя их к добродетели, я удивлялся тому, как могли мы до такой степени утратить понятие о единственной цели литературы — нравственной, что заговорите теперь о необходимости нравоучения в литературе, никто не поймет вас. А право, не худо бы, как в баснях, при каждом литературном сочинении писать нравоучение — цель его.

1853 г. 20 декабря.

Чтобы сочинение было увлекательно, мало того, чтобы одна мысль руководила им; нужно, чтобы все оно было проникнуто и одним чувством. Чего у меня не было в «Отрочестве»⁹.

1853 г. 20 декабря.

Манера, принятая мною с самого начала, писать маленькими главами, самая удобная.

Каждая глава должна выражать одну только мысль или одно только чувство.

1853 г. 28 декабря.

Правила литературные:

- 1) Цель всякого сочинения должна быть польза — добродетель.
- 2) Предмет сочинения должен быть высокий.
- 3) Избегать рутинных приемов.
- 4) Окончив сочинение начерно, пересматривай его, исключая из него все лишнее, но не прибавляя ничего.
- 5) На всякое сочинение свое, критикуя его, смотреть с точки зрения читателя, ищущего в книге только занимательности.

1853 г. декабрь — 1854 г. январь.

Пиши: 1) начерно, не обдумывая места и правильности выражения мыслей, второй раз переписывай, исключая все лишнее и давая настоящее место каждой мысли, и третий раз переписывай, исправляя неправильности выражений.

1853 г. декабрь — 1854 г. январь.

Часто в сочинении задерживает желание вклеить хорошую или хорошо выраженную мысль; поэтому, как только мысль с трудом вклеивается, вписывать ее в дневник, не останавливаясь на желании поместить ее именно там-то. Мысль сама найдет себе место.

1854 г. 5 января.

Сочинение кажется гораздо лучше, когда его читаешь, чем когда его пишешь.

1854 г. 9—17 января.

Сочинение кажется обыкновенно в совершенно другом и лучшем свете, когда оно окончено.

1854 г. 16 января.

Никому не нужно показывать, до напечатания, своих сочинений. Больше услышишь суждений вредных, чем дельных советов.

1854 г. 20 января.

Как хочется поскорее отделаться с журналами¹⁰, чтобы писать так, как я теперь начинаю думать об искусстве, ужасно высоко и чисто.

1856 г. 23 ноября.

Литература, которую я вчера понюхал у Фета, мне противна, т. е. я думаю, что, начав литературное поприще при самых лестных условиях общей два года сдержанной похвалы и почти первого места, без этих условий я не хочу знать литературу, т. е. внешней, и слава богу. Надо писать тихо, спокойно, без цели печатать.

1858 г. 7—12 декабря.

И в жизни и в искусстве нужно это сосредоточение в одном себе.

1859 г. 19 февраля.

Так называемое самоотвержение, добродетель есть только удовлетворение одной болезненно развитой склонности. Идеал есть гармония. Одно искусство чувствует это. И только то настоящее, которое берет себе девизом: нет в мире виноватых. Кто счастлив, тот прав. Человек самоотверженный слепее и жесточе других.

1863 г. 3 марта.

Приехала *Hargood*¹⁴. *Hargood*: Отчего не пишете? Я: Пустое занятие. *Hargood*: Отчего? Я: Книг слишком много, и теперь, какие бы книги ни написали, мир пойдет все так же. Если бы Христос пришел и отдал в печать Евангелие, дамы постарались бы получить его автографы, и больше ничего. Нам надо перестать писать, читать, говорить, *надо делать*.

1888 г. 25 ноября.

Решил не переделывать вперед, а писать сразу. Это можно, но надо выработать приемы, которых еще нет; именно, обдумать яснее тезисы рассуждений, а потом уж распространять. Попробовал так писать об искусстве и не мог. Опять запутался.

1889 г. 29 апреля.

Читал Платона об искусстве и думал об искусстве. Платон соединяет красоту и добро — неправильно. В «Республике» говорит о без- или неправственности поэтов и потому отрицает их. В то время, как и теперь, поэты стояли ниже уровня Платона и были потеха. Чувствую, что чего-то недостает в моих мыслях об искусстве и что я найду недостающее.

1889 г. 9 августа.

Об искусстве. Труды людей, занятия, приписывающие себе важность под знаменем деятельностей научной и художественной, загромождают мир. Требования к людям предъявляются огромные, и деятельность граничит часто с безумием или развратом, (по науке) классицизм, реализм, дарвинизм, гипнотизм, бактерии, (по искусству) развратные картины, статуи, театры, балеты, романсы, песни и др. Оперы Вагнера. Необходимо разобраться и проверить справедливость требований уважения к себе людей, занятых этими деятельностями. Какое объяснение этих деятельностей? Наука движет вперед человечество, содействует его благу. Искусство приводит в сознание человечества его самого. Такое обычное всеобщее. Найти его можно не в писаниях эстетиков, а в общественном мнении. Это совершенно несправедливо по отношению к науке теперешней: благо

материальное — опытом, а не теорией, благо же духовной жизни — почти отрицается. Приведение же в сознание совсем не нужно. — Что ж, неужели все это вздор и обман? Сравнение с церковью. Молебен казанской божьей матери в христианской церкви. Неужели все христианство от этого вздор? Нет, но дегенерация, отклонение, извращение. Точно то же и с наукой и искусством. Посмотрим же, что это? Это передача людьми друг другу своего внутреннего содержания. Передача внутреннего содержания для единения есть самое важное и святое. В передаче важно передача доброго — признак: ведущего к единению. Разделения на науку и искусство в действительности нет, есть два рода передачи.

Характер первого рода есть логический довод, второго рода есть воздействие на свойство подражания (зевота).

Теперь передача тем или другим способом нужного для единения есть важное дело, и передача эта совершается только при соблюдении трех условий: чтобы было ново, было хорошо, ясно и было правдиво. Так оно всегда и было и будет. Всегда это было делом религии, но всем злоупотребляют, и вот является передача не важного и нужного, а только нового, красивого и правдивого, и вот являются псевдонаука и псевдо-искусство, в области которых является и прямо ложная наука и ложное искусство, не соблюдающее даже трех условий. Не ново или не ясно (красиво) или не правдиво. Но бывают и соблюдающие все три, но не передающие важного софисты в науке и софисты или, скорее, эстеты в искусстве, является в избыточествующих классах забава псевдо-наукой и псевдо-искусством. Наука для науки, искусство для искусства. Чтение Петрушки Гоголя¹² для процесса чтения. И догмат о том, что всякое открытие науки на что-нибудь да пригодится и всякое проявление искусства что-то производит хорошее. Подстраиваются теории. Теория Шопенгауэра и Конта для наук. (?)

Как же должно быть? Передавать важно и тем и другим способом только то, что содействует истинному благу, ведет к единению, и то важно. Баловать же, как Петрушка, книгой для процесса чтения и знаниями, не зная зачем, а также искусством — вредно и гадко. Dixi¹.

1889 г. 22 августа.

Странное дело эта забота о совершенстве формы. Не даром она. Но не даром тогда, когда содержание доброе. — Напиши Гоголь свою комедию¹³ грубо, слабо, ее бы не читали и одна миллионная тех, которые читали ее теперь. Надо заострить художественное произведение, чтобы оно проник-

* [Я сказал.]

ло. Заострить и значит сделать его совершенным художественно — тогда оно пройдет через равнодушие и повторением возьмет свое.

1890 г. 21 января.

Поговорил с Чертковым¹⁴ очень хорошо об искусстве и смерти. Об искусстве то, что: все, что мы имели духовно, есть последствие передачи; но из всей массы передаваемого выделяется то, что мы называем наукой и искусством. Что это? Это не то, чего нельзя не знать, что само собой передается — искусство ходить, говорить, одеваться и т. п., и это не то, чего можно не знать, специальное дело — кузнечное, сапожное, а то, что должно знать всякому человеку.

1890 г. 27 января.

Воздействие искусства на людей тем и лучше, чем рассуждение, что люди, уже поняв свою неправоту, могут продолжать доказывать, что они правы.

Зап. кн. 1890 г. 11 февраля.

Мы пишем наши романы, хотя и не так грубо, как бывало: злодей — только злодей и Добротворов — Добротворов, но все-таки ужасно грубо, одноцветно. Люди ведь все точно такие же, как я, т. е. пегие — дурные и хорошие вместе, а ни такие хорошие, каким я хочу, чтобы меня считали, ни такие дурные, какими мне кажутся люди, на которых я сержусь или которые меня обидели.

1890 г. 19 мая.

Думал одно: мы едим соусы, мясо, сахар, конфеты — объедаемся, и нам кажется ничего. В голову даже не приходит, что это дурно. И вот катарр желудка — повальная болезнь нашего быта. Разве не то же самая сладкая эстетическая пища — поэмы, романы, сонаты, оперы, романсы, картины, статуи. Тот же катарр мозга. Неспособность переваривать и даже принимать здоровую пищу и смерть.

1890 г. 22 мая.

Утром опять спорил с Гельбиг¹⁵ об искусстве. Кое-что сам себе уяснил в этом споре:

1) Искусство — одно из средств различения доброго от злого — одно из средств узнавания хорошего.

2) Это одно из духовных отправления человечества, как кормление, пути сообщения и т. п. суть физические отправления.

3) Как же может быть, чтобы это отправление надо было отыскивать назади за 5.000 и за 500 лет, а у нас бы его не было.

4) Очевидно, это происходит от тупости судящих, не могущих видеть около себя новое проявление, а видящих только трупы старого.

1890 г. 6 июля.

Благодаря цензуре вся наша литературная деятельность праздное занятие. Единое, что нужно, что оправдывает это занятие (литературой), вырезается, откидывается (цензурой). Вроде того, как если бы позволили столяру строгать только так, чтобы не было стружек. И напрасно думают писатели, что они обманут правительственную цензуру. Обмануть ее нельзя, как нельзя обмануть человека, которому бы потихоньку, без ведома его хотели бы поставить горчичник. Как только начнет действовать, он сорвет его.

1890 г. 15 декабря.

Дело критики — толковать творения больших писателей, главное — выделять из большого количества написанной всеми нами дребедени, выделять лучшее. И вместо этого что ж они делают? Вымучат из себя, а то большей частью из плохого, но популярного писателя выудят плоскую мыслишку и начинают на эту мыслишку, коверкая, извращая писателей, нанизывать их мысли. Так что под их руками большие писатели делаются маленькими, глубокие — мелкими и мудрые — глупыми. Это называется критика. И отчасти это отвечает требованию массы — ограниченной массы: она рада, что хоть чем-нибудь, хоть глупостью припилен большой писатель и замечен и понятен ей; но это не есть критика, т. е. уяснение писателя, а это затемнение его.

1891 г. 14 февраля.

Нынче думал о том, что все художественные произведения наши все-таки языческие — (буду говорить о поэзии) все герои, героини красивы, физически привлекательны, красота впереди всего. Это только могло бы служить основой целому большому художественному произведению.

1891 г. 6 марта.

Есть огромное преимущество в изложении мыслей вне всякого цельного сочинения. В сочинении мысль должна часто сжаться с одной стороны, выдаться с другой, как ви-

ноград, зреющий в плотной кисти; отдельно же выраженная, ее центр на месте, и она равномерно развивается во все стороны.

1891 г. 13 сентября.

Все науки, искусства, все просвещение хорошо, только бы для приобретения плодов его не нужно было задавить, не дать жить, лишить блага, огорчить ни одного человека. А оно, все наше просвещение, построено на трупах задавленных людей.

1891 г. 17 ноября.

От Страхова¹⁶ письмо о декадентах. Ведь это опять искусство для искусства. Опять узкие носки и панталоны после широких, но с оттенком нового времени. Нынешние декаденты, Bodelaire говорят, что для поэзии нужны крайности добра и крайности зла. Что без этого нет поэзии. Что стремление к одному добру уничтожает контраст и потому поэзию. Напрасно они беспокоятся. Зло так сильно — это весь фон — что оно всегда тут для контраста. Если же признавать его, то оно все затянет, будет одно зло, и не будет контраста. Даже и зла не будет, будет — ничего. Для того, чтобы был контраст и чтобы было зло, надо всеми силами стремиться к добру.

1892 г. 6 ноября.

Произведение драматического искусства, очевиднее всего показывающего сущность всякого искусства, состоит в том, чтобы представить самых разнообразных по характерам и положениям людей и выдвинуть перед ними, поставить их всех в необходимость решения жизненного, нерешенного еще людьми вопроса и заставить их действовать, посмотреть, чтобы узнать, как решится этот вопрос. Это опыт в лаборатории. Это мне хотелось бы сделать в предстоящей драме.

1893 г. 4 мая.

Читал о статье Макс Нордау. Прекрасно говорит о том, что наша беллетристика должна сделаться скоро забавой женщин и детей, как танцы.

1893 г. 5 июня.

Воспитание, передача знаний тогда настоящие, когда передается важное, нужное содержание (нравственное учение) в ясной, разумной, понятной форме (науке), и так, что оно пленяет, заражает, увлекает своей искренностью того, кому передается (искусство). У нас же нравственное религиозное

учение передается неясно и неискренно, — наш закон божий, наука без нравственного содержания передается опять отдельно, и искусство — только одна привлекательность — опять отдельно.

1893 г. 10 июня.

Решить вопрос о том, хорошо ли, добро ли то, что мы признаем наукой и искусством, не шутка.

Все воспитание молодых поколений основывается на том, что мы признаем наукой и искусством.

1893 г. 10 июня.

Главный вред науки и искусства в том, что они наполняют жизнь вместо деятельности подобием жизни, отражением ее.

1893 г. 10 июня.

Форма романа не только не вечна, но она проходит. Известно писать неправду, что было то, чего не было. Если хочешь что сказать, скажи прямо.

1893 г. 18 июля.

Искусство, говорят, не терпит посредственности. Оно еще не терпит сознательности. Я, певец, напоялся, надел фрак и галстук и буду, стоя на эстраде, петь вам. И я весь похолодел, и мне противно. А кормилица с нянькой идут по саду и тихим голосом одна напевает, другая вторит народную песню. Кроме того, громко петь страшно трудно.

1893 г. 19 июля.

Пришло в голову, что искусство есть одно из орудий выражения (через не подражание, а вызывание таких же чувств, как зевотой) нового содержания. Пустое же искусство нашего времени есть вызывание таких же чувств, как и испытываемые художником, не для того, чтобы выразить что-нибудь, а просто так: как Петрушка читал книгу для процесса чтения.

1893 г. 14 августа.

Художественное произведение есть то, которое заражает людей, приводит их всех к одному настроению. Нет равного по силе воздействия и по подчинению всех людей одному и тому же настроению, как дело жизни и под конец целая жизнь человеческая. Если бы только люди понимали все значение и всю силу этого художественного произведения своей жизни. Если бы только они так бы заботливо лелеяли его, прилагали все силы на то, чтобы не испортить его чем-

нибудь и произвести его во всей возможной красоте. А то мы лелеем отражения жизни, а самой жизнью пренебрегаем. А хотим ли мы или не хотим того, она есть художественное произведение, потому что действует на других людей — созерцается ими.

1894 г. 23 марта.

Художник поучает не тому, чему хочет, а тому, чему может. То, что он победил в себе, что стало Ueberwindener Standpunct¹, то он может обличить; то, что он считает не только хорошим, но то, что он страстно любит, то только он может заставить полюбить. А не то, что ему вздумается.

1894 г. 11 июля.

Романы кончаются тем, что герой или героиня женились. Надо начинать с этого, а кончать тем, что они разжились, т. е. освободились. А то, описывая жизнь людей так, чтобы обрывать описание на женитьбе, это все равно, что, описывая путешествие человека, оборвать описание на том месте, где путешественник попал к разбойникам.

1894 г. 30 августа.

Радость жизни без соблазна есть предмет искусства.

1895 г. 26 февраля.

Читал журналы: статью М. Ковалевского, Пыпина, Соловьева, повести Ожешко, Бурже и т. п. и вспомнил требование брата Сережи¹⁷ от литературы.

Есть сердечная духовная работа, облеченная в мысли. Это настоящая, и эту любит Сережа и я и все понимающие. И есть работа мысли без сердца, а с чучелой вместо сердца, это то, чем полны журналы и книги.

1895 г. 11 апреля.

Точно так же, как узнаешь людей, живя с ними, узнаешь свои лица поэтические, живя с ними.

1895 г. 12 июля.

Правду пишет Бодянский¹⁸, что не годится писать художественное иносказательное. Я всегда это чувствую и спокоен только, когда пишу всюю то, что знаю и о чем думаю.

1895 г. 25 сентября.

¹ [преодоленным]

За это время был в театре¹⁰ на репетициях «Власти тьмы».

Искусство как началось с игры, так и продолжает быть игрошкой, и преступной игрошкой взрослых.

1895 г. 7 декабря.

1) Истинное художественное произведение — заразительное — производится только тогда, когда художник ищет, стремится. В поэзии эта страсть к изображению того, что есть, происходит оттого, что художник надеется, ясно увидав, закрепив то, что есть, понять смысл того, что есть.

2) У всякого искусства есть два отступления от пути: пошлость и искусственность. Между обеими только узкий путь. И узкий путь этот определяется порывом. Есть порыв и направление, то минуешь обе опасности. Из двух страшнее: искусственность.

1896 г. 23 января.

Думал: 1) Записано, что есть два искусства. Теперь обдумываю и не нахожу ясного выражения своей мысли. Тогда думал я то, что есть искусство, как верно определяют его, происшедшее от игры, от потребности всякого существа играть. Игра теленка — прыжки, игра человека — симфония, картина, поэма, роман. Это одно искусство — искусство и играть и придумывать новые игры — исполнять старое и сочинять. Это дело хорошее, полезное и ценное потому, что увеличивает радости человека. Но понятно, что заниматься игрою можно только тогда, когда сыты. Так и общество может заниматься искусством только тогда, когда все члены его сыты. И пока все члены не сыты, не может быть настоящего искусства. А будет искусство пресыщенных уродливое и искусство голодных грубое, жалкое, как оно и есть. И потому в этом первом роде искусства — игры ценно только то искусство, которое доступно всем, увеличивает радости всех. Если оно таково, то оно не дурное дело, в особенности, если оно не требует увеличения труда угнетенных, как это происходит теперь. (Можно бы и нужно бы лучше выразить).

Но есть еще другое искусство, которое вызывает в людях лучшие и высшие чувства. Сейчас написал это, то, что я говорил не раз, и думаю, что это неправда: искусство только одно и состоит в том, чтобы увеличивать радости безгрешные, общие, доступные всем — благо человека. Хорошее здание, веселая картина, песня, сказка дает небольшое благо; возбуждение религиозного чувства любви к добру, производимое драмой, картиной, пением, дает большое благо. —

Второе, что я думал об искусстве, это то, что ни в чем так не вредит консерватизм, как в искусстве. Искусство есть одно из проявлений духовной жизни человека, и потому, как если животное живо, оно дышит, выделяет продукты дыхания, так если человечество живо, оно проявляет деятельность искусства. И потому в каждый данный момент оно должно быть современное — искусство нашего времени. Только надо знать, где оно (не в декадентах музыки, поэзии, романа), но искать его надо не в прошедшем, а в настоящем. Люди, желающие себя показать знатоками искусства и для этого восхваляющие прошедшее искусство — классическое — и бранящее современное, этим только показывают, что они совсем не чутки к искусству.

1896 г. 27 февраля.

Статью об искусстве надо начать с рассуждения о том, что вот за картину, стоившую мастеру 1000 рабочих дней, дают 40 тысяч рабочих дней, за оперу, за роман еще больше. И вот про эти произведения одни говорят, что они прекрасны, другие, что они совсем дурны. И критерия несомненного нет. Про воду, пищу, добрые дела нет такого разногласия. Отчего это?

1896 г. 17 мая.

Главная цель искусства, если есть искусство и есть у него цель, та, чтобы проявить, высказать правду о душе человека, высказать такие тайны, которые нельзя высказать простым словом. От этого и искусство. Искусство есть микроскоп, который наводит художник на тайны своей души и показывает эти общие всем тайны людям.

1896 г. 17 мая.

Думал: 1) Очень важное об искусстве: что такое красота? Красота то, что мы любим. *Не по хорошему мил, а по милу хорош.* Вот в том и вопрос, почему мил? Почему мы любим? А говорить, что мы любим потому, что красиво, это все равно, что говорить, что мы дышим, потому что воздух приятен. Мы находим воздух приятным потому, что нам нужно дышать. И также находим красоту потому, что нам нужно любить. И кто не умеет видеть красоту духовную, видит хоть телесную и любит.

1896 г. 9 июня.

Эстетическое наслаждение есть наслаждение низшего порядка. И потому высшее эстетическое наслаждение оставляет неудовлетворенность. Даже чем выше эстетическое наслаждение, тем большую оно оставляет неудовлетворенность. Все хочется чего-то еще и еще. И без конца. Полное

удовлетворение только нравственное благо. Тут полное удовлетворение — дальше ничего не хочется и не нужно.

1896 г. 19 июня.

Вчера переглядел романы, повести и стихи Фета. Вспомнил нашу в Ясной Поляне неумолкаемую, в 4 фортепиано, музыку, и так ясно стало, что все это: романы, и стихи, и музыка — не искусство, как нечто важное и нужное людям вообще, а баловство грабителей паразитов, ничего не имеющее общего с жизнью: романы, повести о том, как пакостно влюбляются; стихи о том же или о том, как томятся от скуки. О том же и музыка. А жизнь, вся жизнь кипит своими вопросами о пище, размещении, труде, о вере, об отношениях людей... Стыдно, гадко.

1896 г. 19 июля.

1) В художественном произведении главное душа автора. От этого из средних произведений женские лучше, интереснее. Женщина нет-нет да и прорвется, выскажет самое тайное души — оно-то и нужно, видишь, что она истинно любит, хотя и притворяется, что любит другое. Когда автор пишет, мы — читатели — прикладываем ухо к его груди и слушаем и говорим: дышите. Если есть хрипы, они скажутся. И женщины не умеют скрывать. А мужчины выучатся литературным приемам, и его уже не увидишь из-за его манеры, только и знаешь, что он глуп. А что у него за душой — не увидишь. (Не хорошо, зло.)

4) Утонченность и сила искусства почти всегда диаметрально противоположны.

5) Правда ли, что произведения искусства добываются усидчивым трудом? То, что называем произведением искусства — да. Но настоящее ли это искусство?

6) Японцы запели — мы не могли удержаться от смеха. Если бы мы запели у японцев, они бы смеялись. Тем более, если бы им играли Бетховена. Индийские и греческие храмы всем понятны. Всем понятны и статуи греческие. Понятна и живопись наша лучшая. Так что архитектура, скульптура, живопись, дойдя до своего совершенства, дошли и до космополитизма, общедоступности. До того же дошло в некоторых своих проявлениях искусство слова — в поучениях Будды, Христа, в поэзии Сакиамуни, Якова, Иосифа. В драматическом искусстве Софокл, Аристофан — не дошли. Доходят в новых. Но в музыке совсем отстали. Идеал всякого искусства, к которому оно должно стре-

миться — это общедоступность, оно, особенно теперь музыка, лезет в утонченность.

7) Главное же, что хотелось бы сказать об искусстве, это то, что его нет в том смысле какого-то великого проявления человеческого духа, в котором его понимают теперь. Есть забава, состоящая в красоте построек, в изящии фигур, в изображении предметов, в пляске, в пении, в игре на разных инструментах, в стихах, в баснях, сказках, но все это только забава, а не важное дело, которому можно сознательно посвящать свои силы. Так всегда и понимал и понимает это рабочий неиспорченный народ. И всякий человек, не удалившийся от труда и жизни, не может смотреть на это иначе. Надо бы, надо бы высказать это. Сколько зла от этой важности, приписываемой паразитами общества своим забавам!

1896 г. 20 октября.

Думал нынче об искусстве. Это игра. И когда игра трудящихся, нормальных людей — она хороша, но когда это игра развращенных паразитов, тогда она дурна, и вот теперь дошло до декадентства.

1896 г. 2 ноября.

Нельзя говорить про произведение искусства: вы не понимаете еще. Если не понимаете, значит, произведение искусства не хорошо, потому что задача его в том, чтобы сделать понятным то, что непонятно.

1896 г. 3 ноября.

Высшее совершенство искусства — это его космополитизм. А у нас, напротив, оно все больше и больше обособляется хоть не по народам, то по сословиям.

Утонченность искусства и сила его всегда обратно пропорциональны.

1896 г. 16 ноября.

Не переставая думаю об искусстве и об искушениях или соблазнах, затемняющих ум, и вижу, что к их разряду принадлежит искусство, но не знаю, как разъяснить. Очень, очень это занимает меня. Засыпаю и просыпаюсь с этой мыслью и до сих пор не пришел к решению.

1896 г. 16 ноября.

Эстетика есть выражение этики, т. е. по-русски: искусство выражает те чувства, которые испытывает художник. Если чувства хорошие, высокие, то и искусство будет хо-

рошее, высокое, и наоборот. Если художник нравственный человек, то и искусство его будет нравственно, и наоборот.

1896 г. 17 ноября.

Искусство, становясь все более и более исключительным, удовлетворяя все меньшему и меньшему кружку людей, становясь все более и более эгоистичным, дошло до безумия — так как сумасшествие есть только дошедший до последней степени эгоизм. Искусство дошло до крайней степени эгоизма и сошло с ума.

1896 г. 27 ноября.

Записаны разные пустяки об искусстве.

1) Приводят в доказательство того, что искусство хорошо, то, что производит на меня большое впечатление. Да кто ты? На декадентов производят сильное впечатление их произведения. Ты говоришь, что они испорчены. А Бетховен, не производящий впечатления на рабочего человека, производит такое впечатление на тебя потому, что ты испорчен. Кто же прав? Какая музыка несомненна по своему достоинству? А та, которая производит впечатление и на декадентов, и на тебя, и на рабочего человека: простая, понятная, народная музыка.

4) Ничто так не путает понятий об искусстве, как признаки авторитетов. Вместо того, чтобы по ясному и точному понятию об искусстве определять, подходят ли произведения Софокла, Гомера, Данте, Шекспира, Гете, Бетховена, Баха, Рафаэля, Микель Анджело под понятие хорошего искусства и как именно, — по существующим произведениям признанных великими художников определяют само искусство и его законы. А между тем есть много произведений знаменитых художников ниже всякой критики, и много ложных репутаций, случайно получивших славу: Данте, Шекспир.

8) Различные характеры, выражаемые искусством, только потому трогают нас, что в каждом из нас есть возможность всех возможных характеров.

10) Вера в авторитеты делает то, что ошибки авторитетов берутся за образцы.

11) Харибда и Сцилла художников: или понятно, но мелко, вульгарно, или мнимо возвышенно, оригинально и непонятно.

14) Поэзия народная всегда отражала и не только отражала, предсказывала, готовила народные движения — крестовые походы, реформация. Что может предсказать, подготвить поэзия нашего паразитного кружка? — Любовь, разврат; разврат, любовь.

15) Народная поэзия, музыка, вообще искусство иссякло потому, что даровитое переманивалось подкупам в скомо-

рохов богатых и знатных: камерной музыки, оперы, оды...

16) Во всех искусствах — борьба христианского с языческим, христианское начинает побеждать, и набегают новая волна 15-го века — возрождение, и только теперь, в конце 19-го, опять поднимается христианство, и язычество в виде декадентства, дойдя до последней степени бессмыслицы, уничтожается.

17) Кроме того, что даровитейшие люди из народа подкупамы переманивались в лагерь паразитов, причиной уничтожения народной поэзии и музыки были сначала закрепощение народа, а потом самое главное — книгопечатание.

1896 г. 19—20 декабря.

3) Поэты стихотворцы выламывают себе язык так, чтобы быть в состоянии сказать всякую мысль всевозможными различными словами и чтобы из всяких слов уметь составить подобие мысли. Таким упражнением могут заниматься только люди несерьезные. Так оно и есть.

6) (К статье об искусстве). Когда целью искусства признается красота, то искусством будет все то, что для известных людей представляется красотой, т. е. все то, что нравится известным людям.

9) Если искусства цель не добро, а наслаждение, то и распределение искусства будет иное. Если цель его — добро, то оно неизбежно распространится и на наибольшее число людей; если цель его наслаждение, то оно сосредоточится в малом числе. (Неточно и еще не ясно.)

10) Искусство есть — я написал: пища, но лучше сказать — сон, необходимый для поддержания духовной жизни. Сон полезен, необходим после труда, но сон искусственный вреден, не освежает, не ободряет, но ослабляет.

1897 г. 4 февраля.

В средние века, в XI веке, поэзия была общая — народа и господ, *les courtois et les vilains*; потом разделилась, и *les vilains* стали подделываться под господскую, а господа — под народную. Надо, чтобы пришло опять соединение.

1897 г. 17 февраля.

Нет большей причины заблуждения и путаницы понятий самых неожиданных и иначе необъяснимых, как признание авторитетов, т. е. непогрешимой истинности или красоты лиц, книг, произведений искусства. Тысячу раз прав М. Арнольд²⁰, что дело критики в том, чтобы выделять из всего того, что написано и сделано, хорошее от дурного, и преимущественно дурное из среды того, что признано прек-

расным, и хорошее из того, что признано плохим или вовсе не признано.

1897 г. 20 февраля.

Второе условие искусства — новизна. Для ребенка все ново и потому много художественных впечатлений. Для нас же нова известная глубина чувства, та глубина, в которой человек достает свою отдельную от всех индивидуальность.

1897 г. 16 июля.

Искусство, т. е. художники, вместо того, чтобы служить людям, эксплуатируют их.

1897 г. 15 августа.

Когда люди восхищаются Шекспиром, Бетховеном, они восхищаются своими мыслями, мечтами, вызываемыми Шекспиром, Бетховеном, как влюбленные любят не предмет, а то, что он вызывает в них. В таком восхищении нет настоящей реальности искусства, но зато есть полная беспредельность.

1897 г. 14 октября.

Много у меня записано соображений, правил, которые, если помнить, то будешь хорошо жить. Да правил слишком много, и все помнить всегда нельзя. То же с подделкой под искусство: правил слишком много, и все помнить нельзя; надо, чтобы шло изнутри, руководилось бы чувством.

1897 г. 16 октября.

Как бы хорошо написать художественное произведение, в котором бы ясно высказать текучесть человека: то, что он, он один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильнейшее существо.

1898 г. 21 марта.

Эстетическое наслаждение, получаемое от природы, доступно всем. Все различно воспринимают его, но на всех оно действует.

Так же должно действовать и искусство.

1898 г. 17 июля.

Поэзия в старину занималась только сильными мира: царями и т. п., потому что эти сильные мира представлялись высшими и полнейшими представителями людей. Если же брать людей простых, то надо, чтобы они выражали явления всеобщие.

1898 г. 2 ноября.

Искусство, поэзия: «Для берегов отчизны дальней»²¹ и т. п., живопись, в особенности музыка, дают представление о том, что в том, откуда она исходит, есть что-то необыкновенно хорошее, доброе. А там ничего нет. Это только царская одежда и хороша только тогда, когда она на царе жизни — добре.

1900 г. 13 марта.

Каждое искусство представляет свое отдельное поле, как клетка шахматной доски. У каждого искусства есть соприкасающиеся ему искусства, как у шахматной клетки — клетки соприкасающиеся. Когда верхняя поверхность клетки использована, чтобы работать на ней, т. е. произвести что-либо новое, надо идти глубже. Это трудно. Тогда люди захватывают соприкасающиеся клетки и производят этой смесью нечто новое, но смесь эта музыки с драмой, живописью, лирикой и обратно не есть искусство, а извращение его.

1900 г. 7 апреля.

Каждое искусство — шахматное поле, которое надо углубить, чтобы найти новое; люди же, не могущие углубить, прихватывают в свое поле из соседних искусств и думают, что творят новое: поэзия — музыку, и наоборот, живопись — поэзию и т. д. На этом оперы и т. п.

1900 г. 12 июля.

Если хочешь узнать себя, то замечай, что ты помнишь и что забываешь. Если хочешь узнать, что считаешь важным и что нет, замечай, что забываешь, что помнишь. То, что помнишь, вот это-то может быть предметом художественного произведения. Например, отчего упоминание об одном человеке напоминает другого, одном событии — другое или человека? Вот в этой связи самое важное в твоём мировоззрении. По этим признакам узнаешь сам себя.

1900 г. 15 августа.

У нас нет никакой веры, и от этого лживая религия, лживая наука, лживое искусство.

1900 г. 21 августа.

Почему помнишь одно, а не помнишь другое? Почему Сережу²² называю Андрюшей²³, Андрюшу Сережей? В памяти записан характер. Вот это, то, что записано в памяти без имени и названия, то, что соединяет в одно разные лица, предметы, чувства, вот это-то и есть предмет искусства. Это очень важно, надо разъяснить.

1900 г. 21 августа.

Литераторам, их трудам приписывается неподобающее им значение и важность потому, что в руках литераторов пресса, устанавливающая общественное мнение. Только этим можно объяснить эти странно серьезные рассуждения критиков о значении героев поэм, романов... Тем же объясняется и преувеличенное значение, придаваемое искусству. Они все одной клики.

1900 г. 9 октября.

Если человек все говорит про поэтическое, знайте, что он лишен поэтического чувства.

1900 г. 10 октября.

Сейчас ходил и думал: есть религия, философия, наука, поэзия, искусство большого большинства народа: религия (хотя и прикрытая суевериями) — вера в бога — начало, в неистребимость жизни; философия бессознательная: фатализм, материальности и разумности всего существующего; поэзия сказок, жизненных истинных событий, легенд и искусства красоты животных, произведений труда, вырезшек и петушков, песен, пляски. И есть религия истинного христианства, философия от Сократа до Амиеля, поэзия: Тютчев, Мопассан, искусство (не могу найти примеров живописи) — Шопен, в некоторых произведениях Гайдн. И есть религия, философия, поэзия, искусство толпы культурной: религия — евангелики, армия спасения, философия — Гегель, Дарвин, Спенсер, поэзия — Шекспир, Данте, Ибсен; искусство — Рафаэль, декаденты, Бах, Бетховен, Вагнер.

1900 г. 27 октября.

Поразило меня известие, что кн. Вяземская²⁴ квинт-эссенция будто бы аристократии: упряжки à la Daumon²⁵ и французский лепет, — и на ее имя в Тамбовской губернии 19 кабаков, приносящих по 2000 руб. И они говорят: не о чем писать, — и описывают прелюбодеяния.

1900 г. 12 ноября.

Мы, богатые классы, разоряем рабочих, держим их в грубом непрестанном труде, пользуясь досугом и роскошью. Мы не даем им, задавленным трудом, возможности произвести духовный цвет и плод жизни: ни поэзии, ни науки, ни религии. Мы все это беремся давать им и даем ложную поэзию — «Зачем умчался на гибельный Кавказ»²⁶ и т. п., науку — юриспруденцию, дарвинизм, философию, историю царей, религию — церковную веру. Какой ужасный грех. Если бы мы не высасывали их до дна, они бы проявили и поэзию, и науку, и учение о жизни.

1900 г. 23 ноября.

Художник для того, чтобы действовать на других, должен быть ищущим, чтоб его произведение было исканием: Если он все нашел и все знает и учит или нарочно потешает — он не действует. Только если он ищет — зритель, слушатель, читатель сливается с ним в поисках.

1900 г. 19 декабря.

Главная неестественность драматических произведений есть то, что говорят все лица одинаково долго, и их слушают. В действительности это не так: каждое лицо имеет возможность говорить и выслушивает по свойствам своего характера и ораторского искусства.

1900 г. 31 декабря.

Видел во сне тип старика, который у меня предвосхитил Чехов²⁷. Старик был тем особенно хорош, что он был почти святой, а между тем пьющий и ругатель. Я в первый раз ясно понял ту силу, какую приобретают типы от смело накладываемых теней. Сделаю это на Хаджи Мурате²⁸ и Марье Дмитриевне²⁹.

1901 г. 7 мая.

Одно из самых вредных, в особенности для той самой цели, которой хотят достигнуть, есть обучение искусству, т. е. тем образцам, которые считаются лучшими, тому вкусу, который царствует. Ничто так не задерживает развитие искусства. Разве мы не знаем, какие уродливые вкусы считались высшими и какие безобразия — образцами.

1901 г. 9 июня.

Очень живо представил себе внутреннюю жизнь каждого отдельного человека. Как описать, что такое каждое отдельное «я»? А кажется, можно. Потом подумал, что в этом собственно и состоит весь интерес, все значение искусства — поэзии.

1902 г. 26 сентября.

Если на вопрос: можете ли вы играть на скрипке? вы отвечаете: не знаю, я еще не пробовал, то мы сейчас же понимаем, что это шутка. Но когда на такой же вопрос: можете ли вы писать сочинения? — мы отвечаем: может быть, могу, я не пробовал, — мы не только не принимаем это за шутку, но постоянно видим людей, поступающих на основании этого соображения. Доказывает это только то, что всякий может судить о безобразии бессмысленных звуков не учившегося скрипача (найдутся такие дикие люди, которые найдут и эту музыку прекрасной), но что нужно тонкое чутье и умственное развитие для того, чтобы раз-

личать между набором слов и фраз и истинным словесным произведением искусства.

1902 г. 13 декабря.

Напрасно думают критики, что движение интеллигенции может руководить народными массами (Миллюков)³⁰. Еще более напрасно думал бы писатель сознательно руководить массами своими сочинениями. Пусть только каждый приводит свое сознание в наибольшую ясность и жизнь в наибольшее соответствие с требованиями этого сознания.

1902 г. 13 декабря.

Художник, поэт и математик или вообще ученый. Поэт не может делать дело ученого, потому что не может видеть только одно и перестать видеть общее. Ученый не может делать дело поэта, потому что всегда видит только одно, а не может видеть всего.

1903 г. 19 декабря

Подумал о том, что преподается в наших школах, гимназиях: 1) главные предметы — древние языки, грамматика — ни на что не нужны, 2) русская литература, ограничивающаяся ближайшими, т. е. Белинский, Добролюбов и мы, грешные. Вся же великая всемирная литература закрыта, 3) история, под которой понимается описание скверных жизней разных негодяев — королей, императоров, диктаторов, военачальников, т. е. извращение истины, и 4) венец всего — бессмысленные, глупые предания и догматы, которые дерзко называют «законом Божиим».

1905 г. 6 марта.

В современной литературе нам с одинаковой притягательностью предлагается все, что производится. Чем дальше назад, тем меньше предлагаемое: большая часть отсеяна временем; еще дальше — еще больше. Оттого так важны древние. Предлагаемая литература имеет вид конуса вершиной книзу. Близко к этой вершине — браминская мудрость, китайская, буддизм, стоицизм, Сократ, христианство; дальше, расширяясь, идут: Плутарх, Сенека, Цицерон, Марк Аврелий, средневековые мыслители, потом Паскаль, Спиноза, Кант; энциклопедисты, потом писатели XIX века и наконец современные.

Очевидно и среди современных есть такие, которые останутся, но трудно попасть на них, во-первых, потому, что их так много, что нельзя пересмотреть все, а во-вторых, по-

тому, что, так как толпа всегда глупа и безвкусна, выстав-
ляется на вид только самое плохое.

1906 г. 29 декабря.

То, что многие, огромное большинство людей, называют поэзией, это — только неясное, неточное выражение глубоких мыслей. Walt Whitman и др. Стихотворец скажет неясно и неопределенно то, что ясно и определенно выражено у Канта, и люди в восхищении от произведенный стихотворца, в особенности потому, что оно не обязывает. (Не вышло.)

1907 г. 14 января.

Произведение искусства — только тогда настоящее, когда воспринимающий не может себе представить ничего иного, как именно то самое, что он видит или слышит или понимает. Когда воспринимающий испытывает чувство, подобное воспоминанию — что это, мол, уже было и много раз, что он знает это давно, только не умел сказать, а вот ему и высказали его самого. Главное, когда он чувствует, что это, что он слышит, видит, понимает, не может быть иначе, а должно быть именно такое, как он его воспринимает. Если же воспринимающий чувствует, что то, что ему показывает художник, могло бы быть и иначе, видит художника, видит произвол его, тогда уже нет искусства.

Есть искусства двойные: музыка, драма, отчасти живопись, в которых мысль, задачи искусства и исполнение разделяются, в музыке — композиция и исполнение, также и в драме — сочинение пьесы и исполнение, отчасти и в живописи, вообще пластическом искусстве — замысел и исполнение и уже вполне иллюстрация. И в этих двойных искусствах чаще всего встречается фальшивое искусство; ложная, пустая мысль и прекрасное исполнение музыкантами, или актерами, или живописцами. Особенно в драме и музыке. Есть драматурги (Андреев принадлежит к ним) и композиторы, которые, не заботясь о содержании, о значительности, новизне, правдивости драмы, музыкального сочинения, рассчитывают на исполнение и к удобству эффектов исполнения подгоняют свои произведения.

1909 г. 14 октября.

Чтобы быть художником слова, надо, чтобы было свойственно высоко подниматься душою и низко падать. Тогда все промежуточные ступени известны, и он может жить в воображении, жить жизнью людей, стоящих на разных ступенях.

1909 г. 3 декабря.

Какой ужасный умственный яд современная литература, особенно для молодых людей из народа. Во-первых, они набивают себе память неясной, самоуверенной, пустой болтовней тех писателей, которые пишут для современности. Главная особенность и вред этой болтовни в том, что вся она состоит из намеков, цитат самых разнообразных, самых новых и самых древних писателей. Цитируют словечки из Платона, Гегеля, Дарвина, о которых пишущие не имеют ни малейшего понятия, и рядом словечки какого-нибудь... Андреева, Арцыбашева и других, о которых не стоит иметь какого-нибудь понятия; во-вторых, вредна эта болтовня тем, что, наполняя головы — не оставляет в них места, ни досуга для того, чтобы познакомиться с старыми, выдержавшими проверку не только десяти, ста, тысячи лет писателями.

1910 г. 29 сентября.

Примечания.

¹ В это время Толстой читал Ламартина — «Историю жирондистов», роман «Женевьеву» и поэму «Жоселен».

² Прощальной повестью Гоголь, повидимому, называл второй том «Мертвых душ». В своем «Завещании» Гоголь писал: «...Прошу вас выслушать сердцем мою Прощальную повесть. Клянусь, я не сочинял и не выдумывал ее: она выпелась сама собою из души» («Выбранные места из переписки с друзьями»).

³ «Антон Горемыка» — повесть Д. В. Григоровича. В 1893 г. Толстой писал Григоровичу: «Помню умиление и восторг, произведенные на меня, шестнадцатилетнего мальчика, не смевшего верить себе, «Антоном Горемыкою», бывшим для меня радостным открытием того, что русского мужика, нашего кормильца и — хочется сказать — учителя, можно и должно описывать, не глумясь и не для оживления пейзажа, а можно и должно писать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже с трепетом». («Письма Л. Н. Толстого, 1848—1910 гг.», собранные и редактированные П. А. Сергеенко, к-во «Книга», М., 1910, стр. 223.)

⁴ «Geneviève, Histoire d'une servante» — роман Ламартина.

⁵ Писание «правил», как литературных, так и общих, было одним из любимых занятий Толстого. В 1840-х и 1850-х годах, одновременно с дневником, в отдельных тетрадах Толстой записывал правила. Сохранилось пять тетрадей правил, относящихся к этому периоду: «правила вообще», «правила для развития воли», «правила в жизни» и др. Некоторые правила Толстой записывал прямо в дневник.

⁶ Япишка, или Епишка — Епифан Сехин, старый гребенской казак из станицы Старогладковской, в которой Толстой жил в 1851—1854 годах. В повести «Казак» в лице дяди Ерочки Толстой вывел Епифана Сехина.

⁷ «Рыбаки» — роман Д. В. Григоровича, печатавшийся в журнале «Современник» в 1853 г. Вышел отдельным изданием в том же году.

⁸ «Утренний свет», журнал, издававшийся Н. И. Новиковым с 1777 г. по 1780 г. Предисловие к «Утреннему свету» приписано Толстым Н. М. Карамзину по ошибке. Оно было написано Н. И. Новиковым.

⁹ Толстой имеет в виду вторую часть своей трилогии «Детство, Отрочество и Юность».

¹⁰ В это время Толстой отделявал «Утро помещика» для журнала «Отечественные записки» и «Юность» для «Современника», и в журнале «Библиотека для чтения» печаталась его «Встреча в отряде с московским знакомым».

¹¹ Изабелла Флоренца Хапгуд — американская писательница и переводчица с русского языка. Переписывалась с Толстым и была лично с ним знакома. Перевела на английский язык несколько произведений Толстого и написала о нем ряд статей.

¹² Петрушка — действующее лицо из «Мертвых душ» Гоголя.

¹³ Толстой имеет в виду комедию Гоголя «Ревизор».

¹⁴ Владимир Григорьевич Чертков (род. 1854 г.) — старейший друг и единомышленник Толстого.

¹⁵ Надежда Дмитриевна Гельбит (1845? — 1924 — 1925?), рожденная кн. Шаховская, пианистка, ученица Франца Листа, жена профессора археологии, директора римских музеев В. Г. Гельбига. Жила постоянно в Риме.

¹⁶ Николай Николаевич Страхов. См. стр. 181. Письмо Страхова, о котором упоминает Толстой — неизвестно. В письме к жене от 6 ноября 1892 г. Толстой писал: «Страхов пишет очень интересно о чтении поэта Мережковского о литературе» («Письма Л. Н. Толстого к жене», М. 1913, стр. 431).

¹⁷ Сергей Николаевич Толстой (1826—1904), брат Л. Н. Толстого.

¹⁸ Александр Михайлович Бодянский (1845? — 1916), харьковский помещик, передавший свою землю крестьянам, единомышленник Толстого, автор работ по религиозным вопросам и сектанству. Подвергался репрессиям со стороны царского правительства за свои выступления и печатные произведения.

¹⁹ Малый театр в Москве готовил к постановке драму Толстого «Власть тьмы».

²⁰ Мэтью Арнольд. См. стр. 238, примечание 1-е.

²¹ «Для берегов отчизны дальней» — стихотворение Пушкина.

²² Сергей Львович Толстой (род. 1863 г.) — старший сын Толстого.

²³ Андрей Львович Толстой (1877—1916) — сын Толстого.

²⁴ Вероятно, Толстой имеет в виду кн. Марью Владимировну Вяземскую, жену кн. Л. Д. Вяземского. Имение Вяземских Лотарево находилось в Тамбовской губернии.

²⁵ Упряжка à la Dashmou — четверка лошадей, запряженных парами на вынос с двумя форейторами.

²⁶ Слова из популярного романа.

²⁷ Повидимому Толстой имел в виду повесть Чехова «В овраге», напечатанную в № 1 журнала «Жизнь» за 1900 г. Об этой повести он 9 февраля 1900 г. писал Горькому: «Как хорош рассказ Чехова в «Жизни». Я был очень рад ему». (Л. Н. Толстой, «Полное собрание сочинений. Юбилейное издание», т. 72, Гихл, стр. 303.)

²⁸ Хаджи Мурат — главный герой одноименной повести Толстого.

²⁹ Марья Дмитриевна — персонаж из повести Толстого «Хаджи Мурат».

³⁰ Толстой имеет в виду только что вышедшую тогда книгу П. Н. Милюкова «Из истории русской интеллигенции» (СПб. 1902).

С. Есенина.

Толстой с посетителями.
С фотографии К. Булла 1908 г.

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЗАМЫСЛЫ ТОЛСТОГО

Я довольно много написал нынешнюю осень своего романа. *Ars longa, vita brevis*¹. Коли можно бы было успеть $\frac{1}{100}$ долю исполнить того, что понимаешь, но выходит только $\frac{1}{1000}$ часть. Все-таки это сознание, что могу, составляет счастье нашего брата.

Из письма Толстого к Фету конца ноября 1864 г.

Много у нас — писателей — есть тяжелых сторон труда, но зато есть эта, верно вам неизвестная, *volupté*² мысли — читать что-нибудь, понимать одной стороной ума, а другой думать и в самых общих чертах представлять себе целые поэмы, романы, теории философии.

Из письма Л. Н. Толстого к А. А. Толстой 14 ноября 1865 г.

Работы все больше и больше впереди. Если бы мне 20 лет тому назад сказали: придумай себе работу на 23 года, я бы все силы ума употребил и не придумал бы работы на три года. А теперь скажите мне, что я буду жить в десяти лицах по 100 лет, и мы все не успеем всего переделать, что необходимо.

Из письма Толстого к А. А. Толстой апреля 1872 г.

*Ars longa, vita brevis.*¹ Иногда жалко. Так многое хочется сказать.

Из Дневника Толстого 1 декабря 1904 г.

Художественное творчество составляло непреодолимую потребность Толстого до самого последнего года его жизни. Вступив в начале 80-х годов на новый путь религиозно-

¹ [Искусство продолжительно, жизнь коротка]

² [наслаждение]

нравственного проповедничества, Толстой не отказался от художественного творчества. Временами он чувствовал, что многие из его новых идей не могут быть иначе выражены, как в форме художественных образов. Так, 25 апреля 1887 г., усердно занятый работой над обширным философским трактатом «О жизни», он пишет В. Г. Черткову: «Эта работа для меня — ступень, на которую взбираюсь. Во время работы этой приходят мысли из той же работы, которые могут быть выражены только в художественной форме». Около 14 марта 1889 г. Толстой писал Г. А. Русанову: «Иногда хочется все-таки писать и, представьте себе, чаще всего именно роман, широкий, свободный, в роде «Анны Карениной», в который без напряжения входило бы все, что кажется мне понятным мною с новой, необычной и полезной людям стороны»¹.

Во времена самой напряженной работы над своими статьями религиозно-философского и социально-политического содержания Толстой нередко чувствовал сильное влечение к художественной работе. Так, 16—17 ноября 1890 г., в период усиленной работы над большим сочинением «Царство божие внутри нас», в котором он поставил своей задачей высказать все свои мысли об общественном переустройстве и о путях его достижения, Толстой писал Г. А. Русанову: «Давно уже я бьюсь над этим и не могу кончить, и не могу оторваться и отдаться другим, манящим меня, художественным замыслам»². То же самое записано у него в Дневнике 18 ноября того же года: «Хочется тоже свободное художественное, но не позволяю себе, пока не кончу этого» (т. е. сочинения «Царство божие внутри нас»). 6 апреля 1900 г., всецело занятый двумя статьями: «Рабство нашего времени» и «Патриотизм и правительство», Толстой записывает в Дневнике: «Все работаю ту же работу, загорадившую мне художественную, и скучаю по художественной».

Художественная работа представлялась Толстому желанным отдыхом в особенно тяжелые периоды его жизни. 28 февраля 1882 г., уехав в Ясную Поляну отдохнуть от тягостных для него условий московской жизни, он писал жене: «Я ужасно устал от жизни»³. Через три дня он пишет ей же: «Приходят все мысли о поэтической работе. И как бы я отдохнул на такой работе!»⁴.

Художественные образы и художественные замыслы появлялись в сознании Толстого невольно и внезапно. 25 апреля 1895 г. он записывает в Дневнике: «Изредка вспыхивают и

¹ «Из переписки Л. Н. Толстого», «Вестник Европы» 1915, № 3, стр. 15.

² «Вестник Европы» 1915, № 3, стр. 19.

³ «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», изд. 2-е, М. 1915, стр. 154.

⁴ «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», стр. 157.

особенно ярко художественные — и не художественные образы, а целые задачи, замыслы художественных произведений».

Дневники, записные книжки и письма Толстого содержат ряд записей сюжетов художественных произведений и программ статей по разным вопросам. Некоторые из этих сюжетов, повторяясь из года в год, наконец, получили осуществление. Так, легенда об Александре I, будто бы оставившем власть и скрывшемся в Сибири под именем старца Федора Кузьмича, привлекала внимание Толстого, как это видно из сохранившихся записей, еще с 1888 года, но к воплощению ее в художественные образы Толстой приступил лишь в 1905 году. Еще раньше была сделана запись сюжета повести «Фальшивый купон» и был написан первый набросок этой повести; но работа над нею продолжалась с перерывами вплоть до 1904 года. Другие сюжеты остались неиспользованными, но содержание их нам понятно по целому ряду признаков. Наконец к третьему роду записанных Толстым сюжетов приходится отнести те, которые остались неосуществленными и содержание которых остается для нас до сих пор совершенно нераскрытым.

Главными источниками, из которых мы черпаем сведения о незавершенных художественных замыслах Толстого, являются его Дневники, записные книжки и письма. Но Дневники Толстой вел не на всем протяжении своей жизни. Совершенно не существует его Дневников за 1866—1877 и 1880 годы, и имеются лишь короткие отдельные записи дневникового характера за 1864, 1882, 1883, 1885—1887 годы. Но и в существующих Дневниках количество записей неосуществленных замыслов по отдельным годам не одинаково. Когда Толстой бывал увлечен работой над каким-либо произведением или какой-либо не литературной, а практической деятельностью, он весь отдавался этой работе или деятельности, и новых замыслов у него являлось меньше. И наоборот, когда он не был всецело погружен в какую-либо литературную работу или практическую деятельность, то и замыслов являлось у него больше. Наибольшее количество неосуществленных замыслов падает на 1910 год, когда Толстой вследствие невыносимых семейных условий почти ничего не мог писать.

Располагаем имеющиеся сведения о неосуществленных художественных замыслах Толстого в хронологическом порядке их записей, снабжая их необходимыми комментариями. Кроме произведений Толстого, мы пользовались также и некоторыми записями мемуарного характера других лиц, преимущественно С. А. Толстой. Публикуем также все сохранившиеся общие списки сюжетов художественных произведений, которые время от времени записывал Толстой.

Обзор художественных произведений Толстого, начатых, но не законченных или не вполне отделанных, в нашу задачу не входит. Не отмечаем также отдельных сцен, записанных Толстым в Дневниках и записных книжках для его будущих художественных произведений.

1850 г.

«Ежели... будет свободное время, напишу повесть из цыганского быта» (Дневник 8 декабря).

Дальнейшие записи Дневников Толстого от 13, 15 — 18, 20 и 21 декабря содержат задания: «заняться сочинением музыки или повести», «писать», «писать повесть», «заняться повестью». Была ли начата «повесть из цыганского быта», и к ней ли относятся приводимые записи или к какой-либо другой начатой или не начатой повести — неизвестно. Никаких рукописей, к которым бы можно было отнести эти записи, в архиве Толстого не сохранилось.

«Писать первое письмо» (Дневник 22 — 24 декабря).

Если эта запись не относится к вступлению к роману «Четыре эпохи развития», написанному в форме письма, то мы имеем здесь дело с одним из неосуществленных художественных замыслов Толстого, сведениями о котором мы не располагаем.

1851 г.

«Хорошую можно написать книгу — жизнь Татьяны Александровны» (Дневник 22 марта).

В этой записи Толстой говорит о своей троюродной тетке Татьяне Александровне Ергольской (1795 — 1874). После смерти его матери, а затем и отца, когда он остался восьмилетним мальчиком, Т. А. Ергольская играла главную роль в воспитании Льва Николаевича и его братьев и сестры. В «Воспоминаниях», начатых им в 1903 году, Толстой писал, что Т. А. Ергольская «имела самое большое влияние» на его жизнь. «Влияние это, — писал Толстой, — было, во-первых, в том, что она еще в детстве научила меня духовному наслаждению любви. Она не словами учила меня этому, а всем своим существом заражала меня любовью. Я видел, чувствовал, как хорошо ей было любить, и понял счастье любви. Это первое. Второе — то, что она научила меня прелести неторопливой, одинокой жизни...»

В Дневниках и записных книжках Толстого содержится целый ряд восторженных отзывов о Т. А. Ергольской. Так, 1 июля 1856 г. он записывает: «Тетенька Татьяна Александровна — удивительная женщина. Вот любовь, которая выдержит все». 11 июля того же года: «Что за прелесть

тетенька Татьяна Александровна, что за любовь!» 19 августа: «Тетенька — прелесть, деятельная, самоотверженная любовь». И т. д. Будучи на Кавказе и в Севастополе, Толстой вел с Т. А. Ергольской обширную и душевную переписку.

Т. А. Ергольская всецело посвятила себя воспитанию своих племянников и племянницы. После смерти жены в 1836 году их отец Николай Ильич Толстой сделал ей предложение выйти за него замуж, но она ответила отказом.

«Сбивает меня очень мысль об истории с Гельке, нынче после обеда опишу ее» (Дневник 6 апреля).

Гельке был офицер в Туле. У Толстого было с ним какое-то неприятное столкновение, о котором он не раз вспоминал в Дневнике. Так, 7 апреля 1852 г. он записывает: «Я в поле вспоминал с досадой о своих глупых стычках с Гельке и Новиковым». Затем 20 мая: «Вчера ночью пришла мне прекрасная мысль о том, что непременно нужно окончить мои дела с Новиковым и Гельке так или иначе и действовать смело. Я могу наверно рассчитывать на успех. Я даже тогда решил, что при первой возможности нужно ехать отыскивать их; но обдумав дело, я увидал, что во-первых: дела эти не могут принести мне никакого вреда ни собственно для меня, ни в отношении других, и во-вторых: достаточно переговорить с ними, когда сведет случай, а искать их не стоит того». 8 августа 1853 г.: «Вечером пришли все дурные воспоминания моей жизни: Гельке, Барятинский, Левин, долги и все гадкое».

Приехав в 1854 г. на несколько дней в Ясную Поляну, Толстой 6 февраля поехал в Тулу и там, как записал он в тот же день в Дневнике, «видел Гельке и кончил с ним дело хотя и не совсем хорошо, но удовлетворительно». Из-за чего произошло у Толстого столкновение с офицером Гельке, остается неизвестным. Не можем мы с уверенностью сказать и то, предполагал ли Толстой описать эту «историю» в художественной форме или имел намерение рассказать ее только в Дневнике.

«Нынче хочу начать историю охотничьего дня» (Дневник 17 апреля).

«История охотничьего дня» написана не была. Охота была описана Толстым в двух главах (VI и VII) повести «Детство».

1852 г.

«После охоты я болтал с Балтой до ужина; он мне рассказал драматическую и занимательную историю семейства

Джеми. Вот сюжет для Кавказского рассказа» (Дневник 31 марта).

Балта Исаев — чеченец, приятель Толстого и его брата Николая Николаевича. В чем состояла «драматическая и занимательная история» семейства Джеми, мы узнаем из следующего места черновой редакции рассказа Толстого «Набег»: «На чьей стороне чувство самосохранения и следовательно справедливость: на стороне ли того оборванца, какого-нибудь Джеми, который, услышав о приближении русских, с проклятием снимает со стены старую винтовку и с тремя-четырьмя зарядами в заправках, которые он выпустит не даром, побегит навстречу гяурам и, увидав, что русские все-таки идут вперед, подвигаются к его засеянному полю, которое они вытопчут, к его сакле, которую сожгут, и к тому оврагу, в котором, дрожа от испуга, спряталась его мать, жена и дети, подумает, что все, что только может составить его счастье, все отнимут у него, — в бессильной злобе, с криком отчаяния сорвет с себя оборванный зипунишко, запоем предсмертную песню и с одним кинжалом в руках, очертя голову, бросится на штыки русских!» (Л. Н. Толстой, «Полное собрание сочинений», т. 3, Гихл, стр. 234—235).

«Хочу писать Кавказские очерки для образования слога и денег» (Дневник 13 октября).

«Ежели письмо от Редактора побудит меня писать очерки Кавказа, то вот программа их:

1) Нравы, народ: а) история Сал., в) Рассказ Балты, с) Поездка в Мамакай-Юрт.

2) Поездка на море: а) История немца, в) Армянское управление, с) Странствование кормилицы.

3) Война: а) переход, в) движение, с) что такое храбрость?» (Дневник 19 октября).

«Письмо от редактора» — это ожидаемый Толстым ответ от редактора «Современника» Некрасова на письмо Толстого от 15 сентября 1852 г., в котором Толстой просил выслать ему деньги за его повесть «Детство», принятую Некрасовым в «Современник» (см. Л. Н. Толстой, «Полное собрание сочинений», т. 59, Гихл, стр. 202—203).

Под именем «Сал.», вероятно нужно разумеать казачку Саламаниду, неоднократно упоминаемую в Дневниках Толстого 1852—1853 гг.

«Рассказ Балты» — быть может тот же рассказ чеченца Балты Исаева о семействе Джеми, который упоминается в приведенной нами выше записи Дневника Толстого от 31 марта 1852 г.

Мамакай-юрт — селение в 19 верстах от крепости Грозной. Описание поездки в Мамакай-юрт — это единствен-

ный набросок, являющийся осуществлением записанного Толстым плана «Кавказских очерков». Он напечатан в томе 3 «Полного собрания сочинений» Толстого, выпускаемого Государственным литературным издательством.

«Поездка на море» — это ненаписанное описание поездки Толстого на Каспийское море в апреле 1852 г.

«История немца» отмечена в записях Дневника Толстого от 16 и 17 апреля 1852 г. Здесь записано: «Пил чай и слушал брань Т. В. с немцем. Вся эта история очень забавна и трогательна. Мне очень захотелось написать ее» (16 апреля). «История немца осложняется: говорят, он имел свою дочь, и это причина ее сумасшествия» (17 апреля). Какими-либо подробностями относительно этого эпизода мы не располагаем.

Об «армянском управлении» есть запись в Дневнике Толстого от 22 апреля 1852 г.: «В Большой Орешевке говорил с умным мужиком. Они довольны своим житьем, но недовольны армянским владычеством».

Что нужно разуметь под «странствованием кормилицы», сказать не можем. Толстой связывает этот эпизод с своей поездкой на Каспийское море; поэтому вряд ли в данном случае под «кормилицей» можно разуметь кормилицу Толстого, яснополянку крестьянку Авдотью Никифоровну Зяброву.

Что касается изображения войны и определения того, «что такое храбрость», то этому был посвящен написанный Толстым вскоре после этой записи рассказ «Набег».

«Очерки Кавказа: 4) Рассказы Япишки: а) об охоте, в) о старом житье казаков, с) о его положении в горах» (Дневник 21 октября).

Это — последнее упоминание о задуманных «Очерках Кавказа». Епишка (Епифан Сехин) или Япишка, как писал Толстой — старый казак в станице Старогладковской, с которым Толстой был дружен и которого изобразил в повести «Казачья» под именем дяди Ерешки. В эту повесть включены и некоторые из перечисленных в этой записи рассказов Епишки.

«Отрочество»... окончательно решил продолжать. Четыре эпохи жизни составят мой роман до Тифлиса. Я могу писать про него, потому что он далек от меня. И как роман человека умного, чувствительного и заблудившегося, он будет поучителен, хотя не догматический» (Дневник 30 ноября).

«Четыре эпохи жизни» или «Четыре эпохи развития» — это название тетралогии, которую по замыслу Толстого должны были составлять повести: «Детство», «Отрочество»,

«Юность» и «Молодость». Толстой намеревался в этой тетралогии описать свою жизнь «до Тифлиса», т. е. до своего приезда в Тифлис 1 ноября 1851 г. Замысел этот не оставался Толстым до 1857 года.

1853 г.

«Писал мало, зато окончательно обдумал Отрочество, Юность, Молодость, которые надеюсь кончить» (Дневник 28 мая).

При печатании «Отрочества» в 10 № «Современника» за 1854 г. редакцией было сделано следующее примечание: «В «Современнике» 1852 г. № 9 помещен был рассказ под названием «Детство», без сомнения оставшийся в памяти читателей нашего журнала. Этот рассказ был собственно началом романа, которого общее заглавие — «Четыре эпохи развития». Ныне мы представляем вторую часть этого романа, имеющую, подобно первой, интерес и как отдельное целое».

Из этого примечания, сделанного несомненно по указанию Толстого, мы видим, что в 1854 г. план тетралогии продолжал привлекать его внимание.

«Я был в нерешительности насчет выбора из четырех мыслей рассказов: 1) Дневник кавказского офицера, 2) Казачья поэма, 3) Венгерка, 4) Пропавший человек. Все четыре мысли хороши. Начну с самой, повидимому, несложной, легкой и первой по времени: Дневник кавказского офицера» (Дневник 3 декабря).

Из четырех перечисленных здесь сюжетов были обработаны три: «Дневник кавказского офицера» (рассказ «Рубка леса»), «Казачья поэма» (повесть «Казачьи») и «Пропавший человек» (рассказ «Разжалованный», в печати по цензурным условиям названный — «Встреча в отряде с московским знакомым»). Остался неиспользованным сюжет «Венгерка», о содержании которого мы не имеем никаких данных.

«Писать мелкие полезные рассказы» («Правила и предложения», декабрь 1853 г. — январь 1854 г.).

Значение этой записи раскрывается из двух «правил литературных», которые записал себе Толстой одновременно с этой записью. Они следующие: «1) Цель всякого сочинения должна быть польза — добродетель. 2) Предмет сочинения должен быть высокий».

Ни одного «мелкого полезного» рассказа Толстой тогда не написал.

1854 г.

7 января Толстой заносит в свой Дневник «два замечания к простонародным рассказам» — о поведении русского человека в минуту опасности и о народных суевериях. Эти «простонародные рассказы» написаны не были.

1855 г.

«Два дня не писал ровно ничего, исключая брьюлона письма Валерьяну [Валерьян Петрович Толстой, зять Льва Николаевича] и двух писем Некрасову. Одьо — на полученное от него нынче, в котором он просит меня прислать ему статьи военные. Приходится писать мне одному. Напишу Севастополь в различных фазах и идиллию офицерского быта» (Дневник 20 марта).

Осенью 1854 г. у Толстого и других офицеров из штаба Южной армии возникла мысль об издании популярного журнала для солдат — «Солдатский вестник». Журнал не был разрешен Николаем I, и Толстой обратился к Некрасову с вопросом, не согласится ли он помещать в «Современнике» статьи, предназначенные для «Солдатского вестника». Некрасов 27 января 1855 г. ответил Толстому, что он «не только готов, но и рад» предоставить Толстому «полный простор» в «Современнике» для печатания статей военного содержания. Об этом-то письме и упоминает Толстой в записи Дневника.

Осуществлением замысла изображения Севастополя «в различных фазах» могли служить написанные Толстым очерки «Севастополь в декабре 1854 г.», «Севастополь в мае 1855 г.» и «Севастополь в декабре 1855 г.»; «Идиллия офицерского быта» написана не была.

«Писать дневник офицера в Севастополе — различные стороны, фазы и моменты военной жизни. И печатать его в какой-нибудь газете. Я думаю остановиться на этой мысли. Хотя главное мое занятие должно быть *Юность и Молодость*, но это для денег, практики слога и разнообразия» (Дневник 6 июля).

«Дневник офицера в Севастополе» написан не был. В этой же записи находим последнее упоминание о ненаписанной повести «Молодость».

1856 г.

«Задумываю драму» (Дневник 9—10 января).

В 1856 году Толстым были начаты комедии: «Дворянское семейство», «Практический человек», «Дядюшкино благо-

словение» и «Свободная любовь». Вряд ли можно думать, что приведенная запись относится к одной из этих комедий, так как в записи говорится о драме. Содержание этой задуманной драмы осталось неизвестным.

«История любви Б. и К. Старый ерыга и выросшая из сугроба Т. барышня, встретились на железной дороге; в один час, сидя рядом, они были на ты. Б. писал, что он не хочет ничем жертвовать понапрасну. Она писала, что требует величайших доказательств любви: 10 рублей, чтобы подкупить горничную и в 2 часа ночи притти к нему. Слишком трогательно и хорошо, чтобы описать» (Дневник 5 февраля).

Не можем сказать, какие лица скрыты под инициалами «Б. и К.» Сравнение, употребленное в этой записи, встречается также в рассказе «Два гусара», написанном в том же 1856 году: «Глядя на нее, действительно приходило в голову, что это не женщина, а цветок, и не розан, а какой-то дикий бело-розовый пышный цветок без запаха, выросший один из девственного снежного сугроба в какой-нибудь очень далекой земле».

«Тимм просил писать текст в листке. Я очень рад» (Дневник 12 мая).

В. Ф. Тимм выпускал художественное издание «Русский художественный листок». По всей вероятности Тимм предлагал Толстому написать текст к печатавшимся в его журнале рисункам из Севастопольской кампании. За отъездом из Петербурга (17 мая) Толстой текста не написал.

«Завтра, ежели не получу отпуска, с утра писать.... Павловск или Казака» (Дневник 15 мая).

Толстой побывал в Павловске 13 мая, после чего в тот же день записал в Дневнике: «Поехал в Павловск. Отвратительно. Девки, глупая музыка, искусственный соловей, девки, жара, папиросный дым, девки, водка, сыр, неистовые крики, девки, девки, девки! Все стараются притворяться, что им весело, и что девки им нравятся, но неудачно. В вагоне взбесили меня пьяные, лихие штатские из немцев, которые хотят кутить, как офицеры».

Эти-то свои впечатления Толстой, вероятно, и хотел передать в ненаписанном им очерке о Павловске.

«Попробую из Казачьей песни сделать стихотворение» (Дневник 14 июня).

«Казачья песнь» — это повесть, впоследствии названная «Казачья песнь». Стихотворное изложение этой повести Толстым сделано не было.

«Писать, не останавливаясь, каждый день: 1) Отъезжее поле, 2) Юность, 2-ю половину, 3) Беглеца, 4) Казака, 5) Пропащего, 6) Роман женщины: «Тогда орехи, когда зубов у белки нет». Любит и чувствует себя в праве тогда, когда уже дает слишком мало, 7) комедия. Практический человек, жорж-зандовская женщина и Гамлет нашего века, вопиющий больный протест против всякого безличия» (Дневник 12 января).

Из перечисленных здесь семи сюжетов Толстым были обработаны: «Отъезжее поле» (рукописей этой незаконченной повести почти не осталось), «Беглец» и «Казак» (повесть «Казаки»), «Пропащий» (рассказ «Альберт»).

Из «второй половины «Юности» была написана только одна глава. М. А. Цявловский полагает, что замысел «Юности» совпадал с замыслом той повести, которую в 1852—1855 гг. Толстой называл «Молодость». (Л. Н. Толстой, «Полное собрание сочинений», т. 2. Гихл, стр. 401.) Но если мы вспомним, что в записи 30 ноября 1852 г. Толстой предполагал в повести «Молодость» описать свой собственный «роман» до его отъезда в Тифлис в 1851 году, то придется сказать, что предполагаемое в 1852 году содержание повести «Молодость» и предполагаемое в 1857 году содержание «второй половины Юности» не могли совпадать, так как уже в напечатанном тексте «Юности» автобиографический элемент занимает гораздо меньше места, чем в написанных на Кавказе «Детстве» и «Отрочестве». Живя на Кавказе в уединении, Толстой с любовью воспроизводил на бумаге воспоминания о своей прошлой жизни; после Севастополя и Петербурга его умственный кругозор значительно расширился, и его произведения в гораздо меньшей степени стали носить автобиографический характер.

«Роман женщины» написан не был.

Последняя запись относится к начатой Толстым еще в 1856 году (но не законченной) комедии «Практический человек». В лице «жорж-зандовской женщины» Толстой, вероятно, имел намерение изобразить подругу Некрасова Е. Я. Панаеву.

«Любовь. Думаю о таком романе» (Дневник 16 августа).

Если уже в то время в сознании Толстого не появлялся сюжет повести «Семейное счастье», написанной им в 1859 году, то содержание этого ненаписанного романа остается для нас неизвестным.

«Всё мысли о писании разбегаются: и «Каз[ак]», и «О[тъезжее] П[оле]», и «Ю[ность]», и «Любовь» хочется;

последнее вздор. На эти три есть серьезные материалы» (Дневник 29 августа).

«Надо начать драмой в Казаке» (Дневник 11 ноября). Намерение выполнено не было.

1860 г.

«Мысль повести: Работник из всех одолел девку или бабу. Формы еще не знаю» (Дневник 26 июля (7 августа)).

Более определенного выражения этого замысла в записях Толстого не имеется.

«Форма повести: смотреть с точки зрения мужика; уважение к богатству мужицкому, консерватизм; насмешка и презрение к праздности: не сам живет, а бог водит» (Дневник 27 июля (8 августа)).

В 1859—1862 гг. Толстым были начаты (но не закончены) несколько рассказов из крестьянской жизни (См. Л. Н. Толстой, «Полное собрание сочинений», Гихл, т. 7). Трудно сказать, относится ли данная запись к одному из начатых рассказов, так как все сохранившиеся начала чрезвычайно кратки и не позволяют судить с уверенностью о характере замыслов.

«Во время самых похорон брата пришла мне мысль написать материалистическое Евангелие, жизнь Христа материалиста» (Дневник 13 (25) октября).

Брат Толстого Николай Николаевич, имевший на него, по его собственным словам, сильное и благотворное влияние, умер от чахотки в Гиере 20 сентября (2 октября) 1860 г., 37 лет.

1862 г.

«Давно уже чтение сборника пословиц Снегирева составляет для меня одно из любимых — не занятий, но наслаждений. На каждую поговорку мне представляются лица из народа и их столкновения в смысле поговорки. В числе неосуществленных мечтаний мне всегда представлялся ряд не то повестей, не то картин, написанных на поговорки» («Кому у кого учиться писать: крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?»).

Сборник И. М. Снегирева «Русские в своих пословицах» (4 части) вышел в Москве в 1831—1834 гг.

1865 г.

«Есть поэзия романиста 1) в интересе сочетания событий — Ваддон, мои казаки будущие, 2) в картине нравов,

построенных на историческом событии — Одиссея, Илиада, «1805 год», 3) в красоте и веселости положений — «Пиквик», «Отъездное поле» и 4) в характерах людей — Гамлет, мои будущие Апол[лон] Григ[орьев] — распушенность, Чичерин — тупой ум, Сухотин — ограниченность успеха, Ник[олинска] — лень, и Ст[ольпин?], Лан[ской?], Строг[анов?] — честность тупоумия» (Дневник 30 сентября).

В записи этой, кроме общеизвестных западно-европейских произведений, указываемых как поэтические образцы, Толстой помечает еще планы своих собственных будущих произведений, которые остались ненаписанными: продолжение повести «Казачи» и зарисовки различных типических характеров его знакомых и родных.

«Мысль ленивого скучающего самоотвержения в драме» (Дневник 13 октября).

Развития этого замысла в записях Толстого не имеется.

«Думаю о комедии» (Дневник 5 ноября).

Содержание задуманной комедии неизвестно.

1867 г.

«Сделайте мне одолжение. Напишите мне, ежели это не составит для вас большого труда, материалы для истории Павла имп[ератора]. Не стесняйтесь тем, что вы не всю знаете. Я ничего не знаю, кроме того, что есть в Архиве. Но то, что есть в Архиве, привело меня в восторг. Я нашел своего исторического героя. И ежели бы бог дал жизни, досуга и сил, я бы попробовал написать его историю». (Из письма к П. И. Бартеневу 31 марта.)

Упомянутый в письме «Архив» — это исторический журнал «Русский архив», издававшийся П. И. Бартевым с 1863 г. Статьи о царствовании Павла I, которые Толстой мог прочесть в этом журнале за 1863—1867 гг., см. в комментариях к полному тексту письма Толстого к Бартеневу от 1 марта 1867 г. на стр. 162—163.

1868 г.

Под 14 апреля М. П. Погодин пишет в своем неопубликованном дневнике: «Посещение Толстого. Он хочет писать жизнь Суворова и Кутузова. Очень был рад. Много толковали».

Если «жизнь Кутузова» до известной степени была описана Толстым в «Войне и мире», то «жизнь Суворова» осталась им совершенно неизображенной.

1869—1870 гг.

В тетради «Мои записки разные для справок» С. А. Толстая под 14 февраля 1870 г. записывает:

«Все лето прошлое он [Толстой] читал и занимался философией; восхищался Шопенгауэром, считал Гегеля пустым набором фраз. Он сам много думал и мучительно думал, говорил часто, что у него мозг болит, что в нем происходит страшная работа; что для него все кончено, умирать пора и проч. Потом эта мрачность прошла. Он стал читать русские сказки и былины. Навел его на это чтение замысел писать и составлять книги для детского чтения для четырех возрастов, начиная с азбуки. Сказки и былины приводили его в восторг. Былина о Даниле Ловчанине навела его на мысль написать на эту тему драму. Сказки и типы, как например, Илья Муромец, Алеша Попович и мног. друг., навели его на мысль написать роман и взять характеры русских богатырей для этого романа. Особенно ему нравился Илья Муромец. Он хотел в своем романе описать его образованным и очень умным человеком, происхождением мужик, и учившийся в университете. Я не сумею передать тип, о котором он говорил мне, но знаю, что он был превосходен.

После чтения былин и сказок, именно все это последнее время он перечитал бездну драматических произведений. И Мольера, и Шекспира, и Пушкина «Бориса Годунова», которого не хвалит и не любит, и сам все собирается писать комедию. Он даже начал ее и рассказал мне довольно пустой сюжет, но я знаю, что это не серьезная его работа. Он сам на-днях сказал мне: «Нет, испытавши эпический род (т. е. «Война и мир»), трудно и не стоит браться за драматический». Но я вижу, что он только и думает о комедии, и все свои силы направил на драматический род» («Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891», изд. М. и С. Сабашниковых, М. 1928, стр. 30—31).

Упомянутая в записи С. А. Толстой «Азбука» была написана Толстым в 1871—1872 гг. и вышла в свет в 1872 г. Комедия в 1870 г. написана не была.

1870 г.

Под 15 февраля С. А. Толстая записала:

«Нынче утром Л[евочка] зазвал меня в кабинет, когда я проходила мимо, и говорил много об русской истории и исторических лицах. Я застала его за чтением «Истории Петра Великого» Устрялова.

Типы Петра Великого и Меншикова очень его интересуют. О Меншикове он говорил, что чисто русский и сильный

характер, только и мог быть такой из мужиков. Про Петра Великого говорил, что он был орудием своего времени, что ему самому было мучительно, но он судьбою назначен был ввести Россию в сношение с европейским миром. В истории он ищет сюжета для драмы и записывает, что ему кажется хорошо. Сегодня он записал сюжетом историю Мировича, хотевшего освободить Иоанна Антоновича из крепости. Вчера он сказал мне, что опять перестал думать о комедии, а думает о драме, и все толкует: «Как много работы впереди!» («Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891», изд. М. и С. Сабашниковых, М. 1928, стр. 31).

Упоминаемая в записи С. А. Толстой «История царствования Петра I» Н. Г. Устрялова вышла в свет в 1858—1864 гг. Всего вышло пять томов из предполагаемых шести (не вышел пятый том). Поручик Василий Яковлевич Мирович (1740—1764), историю которого хотел описать Толстой, был казнен Екатериной II за попытку освобождения из Шлиссельбургской крепости свергнутого в 1741 г. императора Иоанна Антоновича. Сюжет остался неиспользованным.

«Целую зиму нынешнюю я занят только драмой вообще, и как это всегда случается с людьми, которые до 40 лет никогда не думали о каком-нибудь предмете, не составили себе о нем никакого понятия, вдруг с 40-летней ясностью обратят внимание на новый ненанюханский предмет, им всегда кажется, что они видят в нем много нового. Всю зиму наслаждаюсь тем, что лежу, засыпаю, играю в безик, хожу на лыжах, на коньках бегаю и больше всего лежу в постели (больной), и лица драмы или комедии начинают действовать. И очень хорошо представляют» (Из письма к Фету 17 февраля 1870 г.).

Под 9 декабря С. А. Толстая записала:

«Сегодня в первый раз начал писать, мне кажется, серьезно. Не могу выразить, что делалось у него в голове все время его бездействия. Была мысль писать о путешествующем по России человеку, была мысль о взятом из крестьян и образованном человеке. А тут теперь в том начале, которое он мне нынче прочел, опять замысел о гениально умном человеке, гордом, хотящем учить других, искренно желающем приносить пользу, и потом после нескольких времени путешествия по России, столкновения с людьми простыми, истинно приносящими существенную пользу, после разной борьбы, приходящем к заключению, что его желание приносить пользу, как он это понимал, — бесплодно, и потом переход к спокойствию ума и гордости, к пониманию простой существенной жизни, и тогда — смерть.

Я, по крайней мере, так поняла то, что он мне нынче говорил и растолковывал» («Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891», изд. М. и С. Сабашниковых, М. 1928, стр. 32—33).

Упомянутый С. А. Толстой набросок не сохранился, и других сведений об этом замысле не имеется.

1877 г.

Под 3 марта в дневнике С. А. Толстой записано:

«Вчера Л. Н. подошел к столу, указал на тетрадь своего писанья и сказал: «Ах, скорей, скорей бы кончить этот роман (т. е. «Анну Каренину») и начать новое. Мне теперь так ясна моя мысль. Чтоб произведение было хорошо, надо любить в нем главную, основную мысль. Так, в «Анне Карениной» я люблю мысль *семейную*, в «Войне и мире» любил мысль *народную*, вследствие войны 12-го года; а теперь мне так ясно, что в новом произведении я буду любить мысль русского народа в смысле *силы завладевающей*». И сила эта у Льва Николаевича представляется в виде постоянного переселения русских на новые места на юге Сибири, на новых землях к юго-востоку России, на реке Белой, в Ташкенте и т. д.

Много разных сведений слышны со всех сторон о переселенцах. Так, например, в прошлое лето жили мы в Самаре и поехали раз вдвоем к казакам, верст 20 от нашего самарского хутора. Встречаем мы целый обоз, несколько семейств, дети, старики, все веселые. Мы остановились и спросили старика: «Куда вы?» — «Да на новые места едем из Воронежской губернии. Наши уже давно ушли на Амур, а теперь пишут оттуда, вот и мы едем туда же».

Это очень взволновало тогда и заинтересовало Льва Николаевича. Теперь ему рассказали на железной дороге другой случай: Поехали человек сто или больше тамбовских крестьян в Сибирь, по своей воле. Пришли на степь около Иртыша, им сказали, что тут земля киргизская и им сесть тут нельзя. Они пошли немного дальше. Там тоже земля киргизов и сесть нельзя. Но у них осталось мало хлеба и денег нет. Тогда они на этой земле посеяли хлеб, собрали его, обмолотили и пошли дальше. И так на будущий год сделали то же и опять пошли дальше, пока не пришли на китайскую границу. Там брошенная китайцами-манджурами земля на двух речках. Тут и сели эти тамбовские крестьяне, назвав речки именами тех русских, тамбовских речек, которые они покинули. Хотя земля китайцев, но се стали считать русской, и теперь она несомненно завоевана не войною, не кровопролитием, а этой русской земледельческой силой рус-

ского мужика. Манджуры на них иногда нападают, но русские сделали крепость и защищаются.

И вот мысль будущего произведения, как поняла ее я, а кругом этой мысли группируются факты, типы, еще не ясные даже ему самому» («Дневники С. А. Толстой 1860—1891», изд. М. и С. Сабашниковых, М. 1928, стр. 37—38).

Под 25 октября в дневнике С. А. Толстой записано:

«Л. Н... все утро мне рассказывал, как понемногу нанизывается одна мысль за другой для нового произведения. Не могу еще ясно понять, что именно он будет писать, — да кажется ему самому неясно еще, но, как я понимаю, главная мысль будет народ и сила народа, проявляющаяся в земледелии исключительно. Сегодня он мне говорил: «А эта пословица, которую я прочел вчера, мне очень нравится: *«Один сын — не сын, два сына — полсына, а три сына — сын»*. Вот для моего начала эпиграф. У меня будет старик, у которого три сына. Одного отдали в солдаты, другой так себе, дома, а третий, любимый отца, выучивается грамоте и смотрит вон из мужицкого быта, что больно старику. И вот она, семейная драма, в душе зажиточного мужика, для начала». Потом, кажется, этот выучившийся сын — мужик придет в столкновение с людьми другого, образованного круга, и потом ряд событий. Во второй части, как говорит Л. Н., будет переселенец, русский Робинзон, который сядет на новые земли (Самарские степи) и начнет там новую жизнь, с самого начала мелких необходимых человеческих потребностей («Дневники С. А. Толстой 1860—1891», изд. М. и С. Сабашниковых, М. 1928, стр. 39—40).

1881 г.

В архиве Толстого сохранился относящийся к декабрю 1881 г. следующий конспект ненаписанного произведения, озаглавленного «Московские прогулки»:

«1) Прием рекрут. Солдатки: вот 15 лет живу. Старик плачет. Жена.

2) Ляпинский дом.

3) Толпа взятых за прошение милостыни.

4) Извозчик — прошение милостыни.

5) Старуха упала. «Живая баба». Гимназисты.

6) Спор у Охотного ряда. Жандарм. «Ты слезь, послухай».

7) Сосновка — Иверская, крестится.

8) Вор сапог. В благовещенье. Городовой пускает. Хозяинский сын.

9) Сцена на извозчике. Жена с мужем.

10) На Каменном мосту — лошадь. Никто не поможет.

11) Спор за пяточок с извозчиком — дай денег — все спорят.

12) Спаситель приезжал в лавочку. Боюсь сказать, что не спаситель.

13) Мальчики несут хомуты, упал.

14) Арестанты — идут. Кто подает — старушка плачет. «Об нас заплакала».

15) «Евангелие читал?» — Читал. — Молчание. — А воинский устав читал? Не? Ну и не говори».

Некоторые из записанных здесь впечатлений Толстого от новой для него московской жизни были рассказаны им в его трактатах: «Так что же нам делать?» (1882—1886) и «В чем моя вера?» (1883—1884); другие же остались для нас нераскрытыми.

1884 г.

«Пришли в голову «Записки не сумасшедшего», ох, как живо я их пережил» (Дневник 30 марта).

«Записки не сумасшедшего» написаны не были. Но около того же времени (во всяком случае не позднее 1886 года) были начаты, но не закончены «Записки сумасшедшего». С уверенностью нельзя сказать, совпадают ли эти два сюжета или нет.

«Бродят опять мысли о записках не сумасшедшего» (Дневник 12 апреля).

«Хочу начать и кончить новое. Либо смерть судьбы, либо записки не сумасшедшего» (Дневник 27 апреля).

«Смерть судьбы» — это повесть «Смерть Ивана Ильича», начатая Толстым в 1882 году.

1885 г.

«Нынче пришла мне мысль картинок героев с надписями. У меня есть два. Один — доктор, высосавший яд дифтеритный и умерший. Другой — учитель в Туле, вытаскивавший детей из своего заведения и погибший в пожаре. Я соберу сведения об этих и, если бог даст, напишу тексты и закажу картинки и портреты. Подумайте о таких картинках героев и героинь. Их много, слава богу. И надо собирать и прославлять в пример нам». (Письмо к В. Г. Черткову 2 мая.)

О том же писал Толстой в тот же день другому своему другу Л. Д. Урусову: «Нынче мне пришла мысль издавать картинки героев — не Скобелевых, а доктора Даброво, высосавшего дифтеритный яд, учителя в Туле, погибшего в

пожаре, где он вытаскивал детей, и таких героев, которые положили душу за други своя. Не знаете ли таких, напишите».

Упоминаемый в обеих этих цитатах доктор — Иван Иванович Дуброво (1843 — 1883); Толстой неправильно написал его фамилию. Он был ординатором Московского военного госпиталя и редактором «Летописей хирургического общества». 20 мая 1883 г. ночью он был приглашен к дифтеритной больной; высасывая из ее гортани через трубку дифтеритные пленки, он заразился и через шесть дней, 27 мая 1883 г., умер.

О тульском учителе, упоминаемом Толстым, сведений не имеем.

Предположенные тексты Толстым написаны не были.

В неопубликованных «Воспоминаниях о Л. Н. Толстом» И. М. Ивакина, хранящихся в Гос. литературном музее, под 31 июля 1885 г. записаны слова Толстого: «Я три года тому назад начал рассказ «Дьячок Иван Малява».

Рукописей этого рассказа не осталось, содержание его неизвестно; неизвестно также и то, не ограничился ли Толстой в данном случае, как и во многих других, одним составлением конспекта.

Следует, впрочем, заметить, что точность самой записи названия повести, сделанная И. М. Ивакиным, внушает некоторые сомнения.

1886 г.

4 июня Толстой сообщал П. И. Бирюкову, что им для сборника «Цветник», готовящегося к печати в редакции «Посредника», написан небольшой рассказ («Течение воды»), прибавляя: «Еще есть две штучки, которые хочется написать» (Л. Н. Толстой, «Полное собрание сочинений», т. 63, Гихл, стр. 364).

«Штучки» эти написаны не были, и предполагаемое содержание их осталось неизвестным.

15 сентября была написана «программа» рассказа, начинающаяся словами: «Жил человек богатый Миташа»... Рассказ остался ненаписанным.

«Миташей» Толстой звал кн. Дмитрия Дмитриевича Оболенского (р. 1844 г.), сына Дмитрия Николаевича Оболенского и старой знакомой Толстого Елизаветы Ивановны Бибиковой, по второму мужу — Менгден. Толстой говорил, что судьба Д. Д. Оболенского напоминает ему судьбу леген-

дарного библейского патриарха «многострадального» Иова. Он был очень богат — и лишился своего богатства; имел большую семью — и перенес тяжелые семейные несчастья: одна его дочь утонула при переправе весной по тонкому льду, другая сгорела на бале от воспламенившегося платья и т. д.

1886—1888 (?) гг.

Список сюжетов:

- «1) Чорт старый в подвале.
 - 2) Купчиха с сыном (комедия).
 - 3) Мечь над ребенком.
 - 4) Богач — (начато).
 - 5) Мешки с дырами.
 - 6) Три загадки.
 - 7) Комедия, Спириты.
 - 8) Передача купона. Убийца. «За что».
 - 9) Драка — убийство.
 - 10) Два типа: один обеспечен[ный], другой погибший».
- Из этих десяти сюжетов Толстым были обработаны три: 1) «Три загадки» — это, очевидно, тот самый сюжет, который в 1887 году был изложен Толстым в сказке «Мудрая девица», а в 1903 г. — в сказке под названием «Три вопроса»; 2) «Комедия Спириты» — это «Плоды просвещения» и 3) «Передача купона» и «Убийца» — это — неоконченная повесть «Фальшивый купон».

После сюжета, записанного Толстым под № 4 («Богач»), им же сделана пометка: «Начато». Вряд ли это может быть что-нибудь другое, кроме программы рассказа, озаглавленного «Миташа», написанной Толстым 15 сентября 1886 г. Остальные сюжеты остались неиспользованными, и содержание их совершенно неизвестно.

На основании того, что в этом списке под № 4 значится, как начатая вещь, очевидно, та повесть, конспект которой был написан Толстым 15 сентября 1886 г., считаем, что этот список был написан позднее этой даты. С другой стороны, список несомненно сделан ранее другого списка сюжетов, записанного 30 ноября 1888 г. (см. ниже). На этом основании датировем его предположительно широкой датой 1886—1888 гг.

1887 г.

В письме к И. Е. Репину от начала февраля 1888 г. Толстой писал: «Я набросал уже давно тот рассказ о Петре Великом солдатки, о котором вам говорил и о котором помню ваше обещание. Но это впереди».

Репин гостил в Ясной Поляне 9—16 августа 1887 г. Оче-

видно, в это время Толстой и рассказал Репину упоминаемый в письме сюжет, который он хотел обработать для народного издательства «Посредник». Репина он просил нарисовать рисунок к этому рассказу.

Рукописей наброска не сохранилось, и содержание его неизвестно. Быть может, это был только краткий конспект. Судя по словам Толстого о том, что он «набросал» этот рассказ «уже давно», относим его ко второй половине 1887 года — после отъезда Репина из Ясной Поляны (16 августа).

1888 г.

В начале марта Толстой писал В. Г. Черткову: «Александра Македонского» только что прочел. Это превосходно... Это чтение меня раззадорило. Хочется писать в этом историческом роде».

Речь идет о народной книжке об Александре Македонском, составленной А. М. Калмыковой, П. В. Засодимским и В. Г. Чертковым для издательства «Посредник», которую Толстой читал в рукописи. Замысел его «писать в этом историческом роде» осуществления не получил.

«Все утро гадал, спрашивал себя, что прежде писать, и решил кончать начатое; оказалось всего 10 штук» (Дневник 30 ноября).

Список начатых, но незаконченных художественных произведений, сделанный Толстым 30 ноября 1888 г., сохранился. Вот этот список (цифры, проставленные Толстым, означают, вероятно, тот порядок, в котором он предполагал приступить к окончанию этих начатых вещей).

- «1) Крейц[ерова] соната — 4.
- 2) Повесть. Миташа — 2.
- 3) Призыв к исполн[ению] зак[она] Хр[иста] — 7.
- 4) О нужде людской — 6.
- 5) История улья — 8.
- 6) О 1000 верах — 1.
- 7) Сказка о трех загадках — 9.
- 8) Фальшивый купон — 3.
- 9) Записки сумасшедшего — 10.
- 10) Исхитрилась». — 5.

Из перечисленных здесь семи сюжетов художественных произведений (№№ 3, 4 и 6 — статьи) были Толстым закончены только три: «Крейцерова соната», «Сказка о трех загадках» («Три вопроса») и «Исхитрилась» («Плоды просвещения»). Рассказ «История улья» («Две различные версии истории улья с лубочной крышкой») был написан, но не отделан. Повесть «Фальшивый купон» писалась в течение ряда лет, но не была закончена. К повести «Миташа», на-

чатой в 1886 г., Толстой более не возвращался, так же как и к «Запискам сумасшедшего», начатым им, вероятно, в 1884 г.

1889 г.

«Еще, ходя по лесу, где я преследовал, без жалости добывал раненого зайца, подумал о том, как невинны должны быть убийцы. Они думают о другом и убивают без борьбы. Но стоит опомниться... Как хороша могла бы быть история об убийце, раскаявшемся на незащищавшейся женщине. Столько хочется и нужно писать, и нет сил» (Дневник 29 мая).

Сюжет этот, долго занимавший Толстого (упоминания о нем встречаются неоднократно), не был им разработан в виде отдельного произведения, а вошел лишь как эпизод в одну из глав повести «Фальшивый купон» (Степан Пелагеюшкин).

«Потом думал о повести, о человеке, всю жизнь искавшем доброй жизни и в науке, и в семье, и в монастыре, и в труде, и в юродстве, и умирающем с сознанием погубленной, пустой, неудавшейся жизни. Он-то святой». (Дневник 25 июня).

Подробности этого неосуществленного замысла были развиты Толстым в следующем письме к В. И. Алексееву от 22 (?) августа 1889 г.: «Приходит в голову следующая воображаемая история, которую я бы желал написать, коли бы были сила и время. Живет юноша, поступает в учебное заведение, предается науке, но скоро, увидав и тщету и незаконность досуга и жира научных, бросает, идет в революцию, но познав гордость, жестокость, исключительность революционеров, бросает, идет в народ. В народе суеверия, эгоизм, борьба за существование отталкивают его. Может даже пойти на время в православие, в монастырь — лицемерие. Попадает в общину, тоже находит не то, выходит. Тут сходится с женщиной, которой увлекается, тем более, что она как будто разделяет его стремления — сходится, родит детей, находит в ней совсем другое, не то, чего он ждал, мучается с ней, она бросает его, он остается один, живет у приятеля, сам не зная, что делать, как жить, но, как и везде и всегда, любя людей вокруг себя и помогая им, и тут умирает. И умирая, говорит себе: «Неудачник я, пустой, дрянной человек, никуда не годился, что ни брался, ничего не мог доделать, никому даже не нужный, никого не умел даже привязать к себе». И, ударяя себя в грудь, говорит: «Пустой, дрянной человек. Боже, милостив

буди мне, грешному». Я думаю, что ему хорошо, и я желал бы быть им».

«История самарского переселения — хорошо бы» (Дневник 27 июля).

Здесь мы встречаемся опять с тем же сюжетом о самарских переселенцах, который занимал Толстого с 1877 года (см. выше, стр. 98).

«Думал:

1) К роману или драме: духовное рождение. Ему открылась ложь его жизни и истина истинной, и он избирает первый попавшийся путь: отдавать нищим, ходить за больными, учредить общину, проповедывать, и ошибается. И вот все в восторге нападают на него и на истину» (Дневник 28 октября).

Произведение написано не было.

1890 г.

«После обеда читал и думал, хочется писать, но нет энергии. Думал к драме о жизни: отчаяние человека, увидавшего свет, вносящего этот свет в мрак жизни с надеждой, уверенностью освещения этого мрака; и вдруг мрак еще темнее». (Дневник 5 февраля).

Драма, очень сходная по сюжету с записанной в Дневнике Толстого 28 октября 1889 г. (см. предыдущую запись), не была написана.

Список сюжетов:

- «1) Дьявол в аду.
- 2) Рука сжигается пустынь[ником] и учител[ьница] музыки.
- 3) Отец с сыновья[ми] в церкви.
- 4) Два типа — Купон.
- 5) Сказка о цар[е].
- 6) Об искусстве.
- 7) О табаке.
- 8) О вине.
- 9) К Балу.
- 10) Письмо социалист[у?]
- 11) Александр».

(Записная книжка, март 1890 г.).

Из записанных здесь Толстым замыслов №№ 6—10 являются программами статей. «Дьявол в аду» — это легенда «Восстановление ада», написанная Толстым в 1902 году. «Ру-

ка сжигается пустынною и учительница музыки» — это эпизод из повести «Отец Сергей», начатой Толстым вскоре после этой записи. «Отец с сыновьями в церкви» — это народный рассказ, переложенный Толстым для его «Детского круга чтения» в 1907 году. «Два типа — купон» — это, конечно, повесть «Фальшивый купон». «Сказка о царе» — это, повидимому, та самая сказка, которая в списке сюжетов 1888 года названа «Сказка о трех загадках». Наконец, «Александр» — это «Посмертные записки старца Федора Кузьмича», начатые (но незаконченные) Толстым в 1905 году, в которых действующим лицом является Александр I, будто бы скрывшийся в Сибири под именем старца Федора Кузьмича.

«Читал Левино сочинение, пришло в голову: Воспитанье детей, т. е. губление их, эгоизм родителей и лицемерие. Повесть в роде Ивана Ильича» (Дневник 8 апреля).

«Левино сочинение» — один из рассказов, написанных сыном Толстого Львом Львовичем. В 1890 году Л. Л. Толстой только выступал на литературное поприще; тогда им были написаны два рассказа: «Любовь» и «Монтекресто». Чтение одного из этих рассказов (вероятно, последнего, взятого из детской жизни) вызвало в Толстом неисполненное желание — написать повесть о воспитании, подобную написанной им ранее повести «Смерть Ивана Ильича».

«Думал для будущей драмы, как мужики притворяются, что верят, для господ, а господа притворяются для мужиков» (Дневник 18 апреля).

«На работе — покосе уяснил себе внешнюю форму Коневского рассказа. А еще: о государстве: рассказ переселенцев» (Дневник 22 июня).

«Коневский рассказ» — это будущий роман «Воскресение», который назван Толстым так потому, что сюжет его был рассказан ему судебным деятелем А. Ф. Кони. «Рассказ переселенцев» — все та же ненаписанная повесть о самарских переселенцах, к мысли о которой снова и снова возвращался Толстой.

«Еще думал: Надо бы написать книгу Жранье. Валтасаров пир, архиереи, цари, трактиры. Свиданья, прощанья, юбилеи. Люди думают, что заняты разными важными делами, они заняты только жраньем. А то, что за кулисами делается? Как готовятся к этому?» (Дневник 25 июня).

Такая «книга» не была написана Толстым. Вопросы о «жранье» Толстой касается в статье «Первая ступень», написанной в 1892 году.

«Еще думал: хорошо бы написать историю человека доброго, нежного, крохотного, милого, образованного, умного, но живущего по-господски, т. е. жрущего и серущего и потому требующего, чтоб для него резали цыплят, не спали кучера, рабочие и чистили нужники. Нельзя быть добрым человеку, неправильно живущему» (Дневник 1 июля).

«Вчера читал «Без догмата». Очень тонко описана любовь к женщине — нежно, гораздо тоньше, чем у французов, где чувственно, у англичан, где фарисейно, и у немцев — напыщенно, и думал: написать роман любви целомудренной, влюбленной как С[онечка] Колош[ина], такой, для которой невозможен переход в чувственность, которая служит лучшим защитником от чувственности. Да не это ли единственное спасение от чувственности? Да, да, оно и есть. Затем и сотворен человек мужчиной и женщиной. Только с женщиной можно потерять целомудрие, только с женщиной можно соблюсти его. Целомудрие начинается при перемене. Хорошо написать это» (Дневник 24 июня).

Чтение романа Г. Сенкевича «Без догмата», печатавшегося в «Русской мысли», напомнило Толстому его первую, «самую сильную», как писал он П. И. Бирюкову 27 ноября 1903 г., детскую любовь к Сонечке Колошиной. Софья Павловна Колошина (1828—1911) была дочь декабриста П. И. Колошина. Роман на указанную тему Толстым написан не был.

1891 г.

«Нынче, гуляя и думая о ворах, ясно представлял себе, как вор, дожидаясь того, кого он хочет ограбить, и узнав, что он не поехал в этот день или поехал другой дорогой, сердится на него, считает себя им обиженным и с чувством сознания своей справедливости собирается за это отомстить ему. — И живо представив себе это, я стал думать о том, как бы я написал это, а потом стал думать, как бы хорошо писать теперь роман *à longue haleine*, освещая его теперешним взглядом на вещи. И подумал, что я бы мог соединить в нем все свои замыслы, о неисполнении которых я жалею, все за исключением Александра I и солдата: и разбойника, и Коневскую, и Отца Сергия, и даже переселенцев, и Крейцерову Сонату, воспитание. И Миташу, и записки сумасшедшего, и нигилистов. И так мне весело, бодро стало» (Дневник 25 января).

Такой роман не был Толстым написан. Все перечисленные замыслы уже упоминались в ряде предыдущих записей Толстого, за исключением «Нигилистов». О содержании этого последнего замысла сведений не имеется, если не предположить, что это — тот же самый сюжет, который в записи 1897 г. (см. ниже) обозначен словами «Казнь в Одессе».

«Я когда-то хотел написать такую басню, миф, что люди на салазках скатываются в пропасть, где они должны разбиться вдребезги, так что ничего от них не остается, и они дорогой, сидя на этих самых салазках, спорят и ссорятся о том, что один другому не дает усесться попокойнее или пачкает его одежду». (Письмо к О. А. Баршевой и М. А. Шмидт от 22 мая).

«Записано за это время:

1) Сюжет: впечатления, история человека, бывшего в золотой роте и попавшего в сад караульщиком около господского дома, в котором он видит близко господскую жизнь и даже принимает в ней участие» (Дневник 31 июля)

Как отдельное произведение сюжет не был обработан, но вошел как эпизод в повесть «Фальшивый купон» (Василий дворник).

«Какой бы хороший художественный тип — слабого, порочного человека и доброго» (Дневник 25 октября).

1894 г.

«Ясно пришла в голову мысль повести, в которой выставить бы двух человек: одного — распутного, запутавшегося, павшего до презрения только от доброты, другого — внешне чистого, почтенного, уважаемого от холодности, не любви» (Дневник 8 февраля).

Такие типы отчасти были выведены Толстым в написанной им в 1900 г. драме «Живой труп» в лице, с одной стороны, Федя Протасова, с другой — Каренина.

В начале августа 1894 г. Толстого в Ясной Поляне посетила корреспондентка американских газет В. Н. Макгахан. Она привезла Толстому от американского экономиста Генри Джорджа его книги по земельному вопросу. Толстой познакомился с основными сочинениями Генри Джорджа еще в 1885 г. и нашел в них чрезвычайно родственные ему мысли о несправедливости и вреде земельной собственности. 9 августа 1894 г., вновь перечитав некоторые сочинения Генри

Джорджа, Толстой записывает в Дневнике: «Прочел вновь «Perplexed Philosopher» [«Запутавшийся философ», книга Генри Джорджа]. Прекрасная. Очень живо сознал вновь грех владения землей. Удивительно, как не видят его. Как нужно бы писать об этом — написать новый «Uncle Tom's Cabin».

Толстой вспомнил знаменитый роман Генриетты Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», появившийся в 1852 г. и содействовавший уничтожению рабства в Северо-Американских Соединенных Штатах. Ему представлялось необходимым написать подобный роман, в котором в образах были бы раскрыты вся несправедливость и все зло частной земельной собственности на землю, в которой Толстой видел основную причину угнетенного положения трудового народа. Уничтожение частной земельной собственности представлялось Толстому в его время столь же необходимым, каким было в прежнее время уничтожение рабства.

Мысль о том, что нужно написать новую «Хижину дяди Тома» — о рабстве, производимом частной земельной собственностью, Толстой высказывал и в последние годы своей жизни знатоку Генри Джорджа и переводчику его сочинений на русский язык, С. Д. Николаеву. Замысел осуществления не получил.

1895 г.

«Я последнее время, недели две, ничего не пишу... Хочется тоже кончить некоторые начатые художественные работы. Все они мне кажутся нужными. Нынче только перечислил их, и оказывается целых 9. Очевидно, что я их никогда не кончу». (Письмо к Д. А. Хилкову 12 марта).

Это перечисление было сделано Толстым в его Дневнике, где под тем же числом записано:

«Нынче захотелось писать художественное. Вспомнил, что да что у меня не кончено. Хорошо бы все докончить, именно:

1) Коневская, 2) Кто прав, 3) Отец Сергей, 4) Дьявол в аду, 5) Купон, 6) Записки матери, 7) Александр I, 8) Драма, 9) Переселенцы и башкиры».

Обозначенная в этом списке под № 2 повесть «Кто прав?» была начата Толстым в 1891 г., но не была закончена. В том же году были начаты и «Записки матери». Все остальные здесь перечисленные сюжеты уже встречались в предыдущих записях Дневника.

«Шел подле Александровского сада и вдруг с удивительной ясностью и восторгом представил себе роман — как наш брат, образованный, бежал с переселенцами от жены и увез с кормилицей сына. Жил чистою рабочею жизнью.

и там воспитал его. И как сын поехал к выписавшей его матери, живущей во-всю роскошной, развратной господской жизнью. Удивительно хорошо мог бы написать, по крайней мере так показалось» (Дневник 14 апреля).

Новое упоминание сюжета о русских переселенцах, на этот раз усложненного прибавлением к ним типа из «нашего брата образованного».

«Страшно трагично положение матери: природа вложила в нее прежде всего неудержимую похоть (тоже она вложила и в мужчину, но в мужчине это не имеет тех роковых последствий — рождения детей), последствием которой являются дети, к которым вложена еще более сильная любовь, и любовь телесная, так как и ношение, и рождение, и кормление, и выхаживание есть дело телесное. Женщина, хорошая женщина, полагает всю свою душу на детей, отдает всю себя, усваивает душевную привычку жить только для них и ими (самый страшный соблазн, тем более, что все не только одобряют, но и восхваляют это). Проходят годы, и эти дети начинают отходить — в жизнь или смерть, первым способом медленно, отплачивая за любовь досадой, как за привешенную на шею колоду, мешающую жить, или вторым способом — смертью, мгновенно произведя страшную боль и оставляя пустоту. Жить надо, а жить нечем. Нет привычки, нет даже сил для духовной жизни, потому что все силы эти затрачены на детей, которых уже нет. Вот что надо бы высказать в романе матери» (Дневник 25 апреля).

Тема эта, развитая так подробно, несомненно имела для Толстого автобиографический характер: он имел в виду свою семью и свою жену. К этому времени его два старшие сына уже жили отдельно; второй (Илья) был женат, третий (Лев) собирался жениться; две старшие дочери стремились выйти замуж; младший любимый сын Ванечка 23 февраля 1895 г. умер семи лет от скарлатины. Софья Андреевна была страшно убита его смертью.

Эта тема продолжала занимать Толстого и в следующем 1896 году. Он предложил ее писательнице Л. И. Веселитской (В. Микулич), которая так передает его слова в своих воспоминаниях:

«...Вот что расскажите: жили муж и жена. Между ними была так называемая любовь. Жили так себе, что называется, счастливо, ссорились, но мирились, измены не было (он остановился и стал думать, как бы что-то припоминая, затем твердо повторил), — измены не было ни с той, ни с другой стороны. Было много детей. Жизнь быстро прошла. Состарились. Дети выросли. И вот жена едет проведать своих взрослых детей, объезжает их всех и видит, что один — жену обидел, другому вечно денег не хватает, третий же-

нился на иностранке и привез ее сюда, где ей все чуждо и непонятно...

Мне стало неловко; все это слишком напоминало нечто близкое, и мне хотелось сказать: «А дочери?» Но я не смела и молчала, глядя на пол.

Лев Николаевич сказал что-то сухое и жесткое о двух младших сыновьях героини и закончил так:

— И вот, объехав всех своих детей, она видит, что все они живут не так, как следует, и при этом и сами не удовлетворены. Но она не в силах поправить это, видит, что жизнь прожита бесплодно, и идет в монастырь. Напишите. Я бы сам написал это, да боюсь, не успею.

Графиня вернулась и спросила:

— Что ты не успеешь?

— Я дал тему Лидии Ивановне.

— Тему? Это хорошо. Пишите, пишите. Пора вам уже что-нибудь напечатать. Тема грустная или веселая?

— Грустная, — сказала я.

Лев Николаевич встал и ушел. Я смотрела на графиню и думала: «В монастырь? Она только что говорила мне, что хочет ехать в Италию...» (В. Микулич, «Тени прошлого», Спб. 1914, стр. 144—146).

«Ясно понял, отчего у меня не идет Воскресенье: ложно начато. Я понял это, обдумывая рассказ: Кто прав? (о детях). Я понял, что надо начинать с жизни крестьян, что они — предмет, они — положительное, а то тень, то — отрицательное» (Дневник 5 ноября).

Толстой вспоминал начатую им в 1891 г. повесть «Кто прав?» с намерением вернуться к ней, но намерение осталось неосуществленным.

1896 г.

«Хорошо бы написать историю того, что переживает в этой жизни тот, кто убил себя в предшествующей: как он, натываясь на те же требования, которые ему предлагались в той, приходит к сознанию, что надо исполнить. И в этой жизни понятливее других, помня данный урок» (Дневник 13 февраля).

Толстой не приступил к разработке этой, мистического характера, темы.

«Очень живо представляются картины из жизни Самарской: степь, борьба кочевого патриархального с земледельческим культурным. Очень тянет» (Дневник 13 июня).

Новое упоминание прежнего сюжета из жизни русских переселенцев.

«Вспоминал два прекрасных сюжета для повестей: самоубийство старика Персиянинова и подмена ребенка в воспитательном доме» (Дневник 14 сентября).

Содержание обоих этих неиспользованных сюжетов остается нам неизвестным.

«Вспомнил два сюжета очень хороших:

1) измена жены страстному, ревнивому мужу: его страдания, борьба и наслаждение прощения, и

2) описание угнетения крепостных и потом точно такое же угнетение земельной собственностью или, скорее, лишением ее» (Дневник 22 ноября).

Толстой во многих своих статьях сравнивал частную земельную собственность с крепостным правом, но нигде не описал этого художественно.

«Думал нынче о Записках сумасшедшего» (Дневник 26 декабря 1896 г.).

«Записки сумасшедшего» были начаты Толстым еще в середине 1880-х годов. В конце 1896 г. и в начале 1897 г. у него является мысль о продолжении этого произведения, но намерение это осталось неосуществленным.

1897 г.

«(К запискам Сумасшедшего или к драме).

Отчаяние от безумия и бедственности жизни. Спасение от этого отчаяния в признании бога и сыновности своей ему. Признание сыновности есть признание братства. Признание братства людей и жестокий, зверский, оправдываемый людьми небратский склад жизни — неизбежно приводит к признанию сумасшедшим себя или всего мира» (Дневник 5 января).

Драма, о которой говорит запись, — это автобиографическая драма «И свет во тьме светит», начатая Толстым в 1896 году и оставшаяся незаконченной.

В письме к Л. И. Веселитской от начала января 1897 г. Толстой писал: «Начали ли вы писать на мою тему? Если начали, то продолжайте. Если вы полюбите эту тему, то будет очень хорошо. Если же не начинали, то не начинайте. Я знаю, что никогда не напишу этого, а все-таки хочется надеяться. В последнее время пришлось опять живо почувствовать то, что хотелось бы выразить в этом писании».

В этом письме Толстой вновь возвращается к той же теме о «трагичности положения матери», которую он подробно записал в Дневнике 1895 года.

«Думал об Адаме Васильевиче как типе для драмы: добродушном, чистом, балованном, любящем наслаждения, но хорошем и не могущем вместить радикальные нравственные требования» (Дневник 1 марта).

Запись сделана во время пребывания Толстого у его знакомых Олсуфьевых в их подмосковном имении Никольское-Горюшки и касается хозяина дома графа А. В. Олсуфьева (1833 — 1901). «Драма» — все та же незаконченная драма «И свет во тьме светит», о которой Толстой упоминает и в двух других нижеприводимых записях.

«Назойливо пристают мысли художественные: одна — кавказская, все не оставляющая меня в покое; другая — драма» (Письмо к П. И. Бирюкову 13 апреля).

«Кавказское» художественное произведение — это, конечно, повесть «Хаджи Мурат», начатая Толстым в 1896 г.

«(К драме). Приводят к столу оборвыша и смеются над несоответствием и его неловкостью. Возмущение» (Дневник 16 июля).

«Сюжет: страстного молодого человека, любящего душевно-больную женщину» (Дневник 16 июля).

«Думал в pendant к Хаджи Мурату написать другого, русского разбойника, Григория Николаева. Чтобы он видел всю незаконность жизни богатых, жил бы яблочным сторожем в богатой усадьбе с lawn-tennis'ом» (Дневник 14 ноября).

Повторение замысла, уже записанного в Дневнике 31 июля 1891 г.

«Сюжеты, которые стоит и можно обработать как должно: 1) Сергей, 2) Александр I, 3) Персиянинов, 4) рассказ Петровича — мужа, умершего странником. Следующие хуже: 5) Легенда о сошествии Христа в ад и восстановлении ада, 6) Фальшивый купон, 7) Хаджи Мурат, 8) Подмененный ребенок, 9) драма христианского воскресения, пожалуй и 10) Воскресение — суд над проституткой, 11) (прекрасно), Раз-

бойник, убивающий беззащитных, 12) Мать, 13) Казнь в Одессе» (Дневник 13 декабря).

Из этих сюжетов были обработаны: первый — повесть «Отец Сергей», второй — «Посмертные записки старца Федора Кузьмича», четвертый — рассказ «Корней Васильев», написанный Толстым в 1905 году, сюжет которого был рассказан ему в 1879 году сказителем былин Василием Петровичем Щеголенковым, которого он в данной записи называет «Петровичем», пятый — легенда «Восстановление ада», шестой — незаконченная повесть «Фальшивый купон», седьмой — повесть «Хаджи Мурат», десятый — роман «Воскресение» и тринадцатый — повесть «Божеское и человеческое».

Сюжет, обозначенный под № одиннадцатым («Разбойник, убивающий беззащитных»), был, как указано выше, отчасти использован Толстым в одной из глав повести «Фальшивый купон»; этой же теме посвящен набросанный в 1907 году для «Детского круга чтения» рассказ «Федотка». «Драма христианского воскресения» — это драма «И свет во тьме светит», к которой Толстой вновь вернулся (но не закончил ее) в 1902 году. «Мать» — очевидно тот же сюжет, который записан в 1895 году. Наконец №№ третий («Персиянинов») и восьмой («Подмененный ребенок»), упоминаемые вторично, остаются для нас нераскрытыми.

1898 г.

«Как бы хорошо написать художественное произведение, в котором бы ясно высказать текучесть человека: то, что он, он один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильнейшее существо» (Дневник 21 марта).

Эту мысль Толстой отчасти развил на некоторых типах «Воскресения», преимущественно на Нехлюдове.

1900 г.

«Сейчас простился и уехал Стасов. Образцовый тип ума. Как хотелось бы изобразить это. Это совсем ново» (Дневник 8 января).

Владимир Васильевич Стасов (1824 — 1906) — писатель по вопросам искусства, библиотекарь Публичной библиотеки в Петербурге. Толстой познакомился с ним в бытность свою в Петербурге в 1878 году. Стасов вел с Толстым обширную переписку и доставал в Публичной библиотеке нужные ему книги. Он с величайшим пиететом относился к художественному творчеству Толстого и к его общественно-политическим статьям, называя его книгу «Царство божие внутри нас» — «самой великой книгой всего девятнадцатого века».

В то же время он не только с равнодушием, но с враждебностью относился к религиозному мировоззрению Толстого, как и ко всякой религии вообще.

К марту — апрелю 1900 г. относится мысль Толстого об использовании в художественном произведении эпизода с иеромонахом одного из московских монастырей, о чем подробно рассказано в статье А. В. Цингера «Ненаписанный рассказ Толстого» (см. стр. 137—141).

«Ожил от деревни... Думаю о крестьянском романе» (Дневник 5 мая).

Запись сделана в имени дочери Толстого М. Л. Оболенской—Пирогове, куда Толстой приехал 3 мая 1900 г. Охваченный деревенским воздухом и впечатлениями крестьянской жизни, Толстой замышляет какой-то роман из крестьянской жизни, но не приводит своего замысла в исполнение.

Быть может, с этим замыслом связана и следующая запись:

«Ужасно хочется писать художественное и не драматическое, а эпическое — продолжение Воскресенья: крестьянская жизнь Нехлюдова» (Дневник 23 июня).

«К большой драме думал о том, как изобразить доброе, хорошее существо, совершенно лишенное возможности понять христианское мировоззрение» (Дневник 7 сентября).

«Большая драма» — это драма «И свет во тьме светит».

1901 г.

«Хорошо бы написать притчу о том, как человек должен делать волю хозяина, не обсуждая ее, не догадываясь о назначении — веря в хозяина и его разумность. А как только стал догадываться, стал поправлять его, — то ошибки и страдания. Вот где место веры» (Дневник 9 января).

1903 г.

«Работ начатых и не имеющих никогда быть конечными — без конца. Есть интересные; по старшинству так: 1) *Определение жизни*, философское. 2) Воспоминания. Написано уже кое-что. 3) Х[аджи] Мур[ата] кончить и в нем характеристику Николая Павлов[ича] — деспотизм. 4) Фальшивый купон — тоже начато. 5) Драма, к[оторую] ты пе-

реписывала, к[оторую] я не трогал. А сил нет». (Письмо к Т. Л. Сухотиной 27 — 28 (?) февраля).

Драма — та же драма «И свет во тьме светит», которую Толстой начал в 1896 г. и продолжал в октябре 1902 г., но не закончил.

«Задумал три новые вещи. Умирать пора, а я задумываю. 1) Рассказ о бале и сквозь строй; 2) Крик беса при приближении Христа, и 3) Кто я такой, — описать себя сейчас со всеми слабостями и хорошим» (Дневник 9 июня).

Первый из записанных здесь сюжетов представляет замысел художественного произведения, написанного Толстым в том же году и озаглавленного в последней редакции «После бала». Второй замысел — статья. Третий — автобиографического характера; Толстой несомненно ввел бы в него и обильный художественный элемент. Этот последний замысел повторен еще раз 18 июня:

«Описать себя по всей правде, какой я теперь, со всеми моими слабостями, глупостями, в перемежку с тем, что важно и хорошо в моей жизни. (Тоже хорошо бы)».

Список художественных сюжетов.

- «1) Купон. 1.
 - 2) <Это ты.>
 - 3) Церковь старик 2
 - 4) Измена жены 3
 - 5) Ангел <топи[?]> убива[ет] ребенка 4.
 - 6) Кормилица 5
 - 7) Александр I 6
 - <8) Разбойник кается>
 - 8) <Кто важен, что важно, когда?>
 - 9) <Два др> <Барин и крестьянин> <Труд, болезнь, смерть>
-
- <10)> 1) Труп 7.
 - 2) Своя драма. 8.
 - 3) Х[аджи] М[урат]. 9
 - 4) Дети умней стар[ших] 10
 - 5) Мать. 11
 - 6) Записки сумасшедшего 12
 - 7) Персианинов 13
 - 8) Самара. Башкиры и поселенцы 14
 - 9) Кто я теперь 15
 - 10) Что ты пришел мучить нас 16
 - 11) <Бал и сквозь строй>

Подлинник этого списка хранится у А. Б. Гольденвейзера. Им же список был опубликован в книге: «Русские пропилеи»,

собрал и приготовил к печати М. Гершензон, т. 2, изд. М. и С. Сабашниковых, М. 1916, стр. 350-351. Можно предполагать, что список был составлен 4 июля 1903 г., — в тот самый день, когда в Дневнике Толстой записал: «Много задумываю писаний; очевидно неисполнимых». Список был просмотрен Толстым в конце августа того же года; в этот просмотр им были вычеркнуты №№ 2, 8 и 9 из первой части списка и № 11 из второй, — вычеркнуты потому, что были выполнены.

Почти все сюжеты, названия которых выписал Толстой, встречались уже раньше в его записях. Новыми являются: № 2 — восточная сказка, прочитанная Толстым в немецком теософическом журнале и переложенная им в 1903 г. под заглавием «Это ты»; № 5, содержание которого неясно, если не предположить, что это — тот самый сюжет, который в 1905 г. был обработан Толстым в рассказе «Молитва»; № 8, о содержании которого ничего не можем сказать, кроме того, что заглавие его напоминает написанный Толстым в 1885 г. текст к лубочной картинке «Девчонки умней стариков». Непонятны два первые заглавия, вычеркнутые в № 9. № 6 — тот же сюжет, который записан еще в 1897 г. в Дневнике словами: «подмена ребенка в воспитательном доме». А. Б. Гольденвейзер («Русские пропилеи», т. 2, стр. 251) по поводу этого замысла сообщает: «Помню, что Л. Н. говорил об этой теме: о женщине, бросившей своего ребенка и кормящей другого». № 8 — сказка «Три вопроса», изложенная Толстым в 1903 году. «Своя драма» — это, конечно, драма «И свет во тьме светит», об окончании которой Толстой не перестает думать.

«Представил себе еще три народные типа: один — силач, богатырь, медлитель, но подверженный припадкам бешенства, где делается зверем. Другой — болтун, хвастун, поэт, нежный и самоотверженный минутами. Третий — эгоист, но изящный, привлекательный, даровитый и бабник» (Дневник 30 ноября).

«Все вожусь с Шекспиром и решил перестать писать его по утрам, и начать новое — или драму, или о религии, или кончить Купон» (Дневник 2 декабря).

Статья о Шекспире писалась Толстым в ноябре-декабре 1903 г. «Драма» — повидимому «И свет во тьме светит».

«Хочется написать: народный рассказ об ангеле, убившем ребенка; 2) о мужике, не ходившем в церковь, и 3) о раскольнике в тюрьме и революционере; 4) свое психическое, бестолковое, слабое состояние; 5) «Что ты, Иисусе, сыне божий, пришел мучить нас» (Дневник 30 декабря).

Все здесь перечисленные замыслы, за исключением третьего, уже встречались в предыдущих записях. Сюжет «о раскольнике в тюрьме и революционере» был начат обработкой в тот самый день, 30 декабря, когда была сделана эта запись; повесть впоследствии получила название «Божеское и человеческое».

1904 г.

«Нынче думал о Николае I, об его невежестве и самоуверенности и о том, какая ужасная вещь то, что люди с низшей духовной силой могут влиять, руководить даже высшей. Но это только до тех пор, пока сила духовная, которой они руководят, находится в процессе возвышения и не достигла высшей ступени, на которой она могущественнее всего. Хочется писать декабристов» (Дневник 5 апреля).

В этой записи Толстой вновь возвращается к замыслу того романа о декабристах, над которым он с увлечением работал в 1877—1878 гг.

«Занят Николаем I и вообще деспотизмом, психологией деспотизма, которую хотелось бы художественно изобразить в связи с декабристами» (Письмо к В. В. Стасову 8 мая).

«Вспомнил военную выpravку при Николае Павловиче (Записки Розена, «трех забей, одного выучи»), вспомнил крепостное право и то испытанное мною отношение к человеку как [к] вещи, к животному: полное отсутствие сознания братства. Это главное в том, что я хотел бы писать о Николае I и декабристах» (Дневник 28 июня).

Записки декабриста А. Е. Розена (1799—1884) Толстой читал в издании: бар. Андр. Розен, «В ссылку (Записки декабриста)», М. 1900. «Трех забей, одного выучи» — популярная поговорка в военных кругах в николаевское время.

«Вспомнил сюжет Робинзона — сельского общества переселяющегося. И захотелось написать вторую часть Нехлюдова. Его работа, усталость, просыпающееся барство, соблазн женский, падение, ошибка, и все на фоне робинзонской общины» (Дневник 17 июля).

«Вторая часть Нехлюдова» — это ненаписанная вторая часть романа «Воскресение».

«Сейчас думал о том, что решительно надо оставить мыслить отделять свои сочинения. А надо писать то, что уясняется в голове, как сложилась по разным отделам:

1) мудрости — религии — философии; 2) художественных вещей: а) Воскресенья, б) Декабристов, Николая, в) поправки ясные написанному художественному; 3) «Воспоминания» (Дневник 17 августа).

В феврале 1905 г. Толстой заносит в свою записную книжку следующую большую запись:

Рассказы к воскресеньям.

- 1) Ушедший странствовать от жены.
- 2) Кормилицы.
- 3) Жена пьяницы.
- 4) Оскорбитель враг во власти.
- 5) Убийца, ужаснувшийся непотворению.
- 6) Радость юродства.
- 7) Сновидение царя.
- 8) Александр — Кузьмич.
- 9) Персиянинов.
- 10) Паскаль.
- 11) Бродяга — князь.
- 12) Ребенок и старик.
- 13) Устюша. Три сестры.
- 14) Бестужева-Рюмина казнь.
- 15) Блудный сын.
- 16) Блудная жена.
- 17) Труп.
- 18) Отказ от военной службы.
- 19) Екатерина на судне.
- 20) Николай и казнь.
- 21) Шпион кается.
- 22) Землевладелица и мужики.
- 23) Любитель умирает <на театре> во время спектакля.
- 24) Ангел велит убить ребенка.
- 25) Старик идет по воде к обедне.
- 26) Убийство Настасьи.
- 27) Менгдена сыновья.
- 28) Мужики едут судиться.
- 29) Девушка горничная преследуемая, как крыса.
- 30) Елисавета и Ла-Шетарди, пелеринаж к троице.
- 31) Нехлюдов — деревенский.
- 32) Переселенцы.
- 33) Жировой.
- 34) Казак беглый.

Заголовок «Рассказы к воскресеньям» означает следующее. В то время Толстой был занят составлением сборника «Круг чтения», содержащего мысли мудрых людей на все

дни года. Кроме такого ежедневного чтения, Толстой имел в виду через каждые семь дней, начиная с 7 января, помещать в этом сборнике «недельные чтения», т. е. рассказы или статьи, соответствующие содержанию данного дня. В приводимой записи Толстой перечисляет те сюжеты художественных произведений и статей, которые казались ему подходящими для «недельных чтений». Из тридцати четырех задуманных сюжетов им были обработаны только шесть (№№ 1, 8, 10, 18, 24, 25). Сообщаем данные о тех из этих сюжетов, о которых у нас имеются сведения; прочие нам неизвестны.

«Ушедший странствовать от жены»: это, повидимому, тот самый сюжет, на который Толстым в феврале 1905 г. был написан рассказ «Корней Васильев».

«Кормилицы»: этот сюжет значится и в списке сюжетов 1903 г.

«Убийца, ужаснувшийся непротивлению»: очевидно, это тот самый сюжет, который записан в Дневнике 13 декабря 1897 г. в словах: «(прекрасно) разбойник, убивающий беззащитных», и в списке сюжетов 1903 года, в словах: «Разбойник кается».

«Александр — Кузьмич»: изображение истории Александра I с точки зрения сибирского старца Федора Кузьмича, в котором народная легенда видела удалившегося от мира Александра I.

«Персиянинов»: повторение сюжета, записанного в Дневнике Толстого 14 сентября 1896 г. и 13 декабря 1897 г. и в списке сюжетов 1903 г.

«Бестужева-Рюмина казнь»: Михаил Павлович Бестужев-Рюмин (1803 — 1826) — декабрист, член Южного общества, участник восстания Черниговского полка. В числе пяти главных участников заговора был казнен 13 июля 1826 г. Об этом толстовском сюжете известно следующее:

По записи С. А. Толстой в ее дневнике от 8 января 1898 г.,¹ обедавший у них накануне И. Е. Репин просил Толстого дать ему тему для картины. 4 февраля 1898 г. Т. Л. Толстая записала в своем дневнике: «Репин все просит папа дать ему сюжет. Он приезжал с этим в Москву, потом писал мне об этом и еще несколько раз напоминал мне об этом, пока я была в Петербурге. Вчера папа говорил, что ему пришел в голову один сюжет, который впрочем его не вполне удовлетворяет. Это момент, когда ведут декабристов на виселицы. Молодой Бестужев-Рюмин увлекся Муравьевым-Апостолом, — скорее личностью его, чем идеями, и все время шел с ним заодно, и только перед казнью ослабел,

¹ «Дневники С. А. Толстой. 1897—1909», изд. Кооперативного издательства «Север», М. 1932, стр. 16.

заплакал, и Муравьев обнял его, и они пошли так вдвоем к виселице»¹.

«Труп»: вероятно, тот же сюжет, который лег в основу драмы Толстого «Живой труп» (1900).

«Екатерина на судне»: имеется в виду внезапная смерть (от апоплексического удара) Екатерины II 6 ноября 1796 г., происшедшая в ее уборной. Толстой читал об обстоятельствах смерти Екатерины II в книге К. Валишевского «*Au tour du trône*». Приводим это место в русском переводе: «Она встала в свой обычный час, побеседовала с фаворитом, работала с секретарями и, отпустив последнего из них, приказала ему подождать в приемной. Он прождал необыкновенно долго и начал беспокоиться. Через полчаса верный Зубов решился заглянуть в спальню. Императрицы там не было; не было и в туалетной комнате. Зубов в тревоге позвал людей; бросились в уборную, и там увидели императрицу недвижимую, с покрасневшим лицом, с пеной у рта и хрипевшую предсмертным хрипом. Рассказывают (перворазрядный историк, отец Калинка, ручается за достоверность факта в своем сочинении: «*Les dernières années du règne de Stanislas Auguste*», Paris 1868), что Екатерина незадолго перед тем велела поставить в этой комнате одну из вещей, вывезенных из несчастной Польши — трон Понятовского. Низкая, презренная причуда!.. Смерть приковала к нему гордую триумфаторшу, и она умирала, тоже оскверненная, в грязи...» (К. Валишевский, «Вокруг трона». Полный перевод с французского, изд. «Сфинкс», М. 1910, стр. 478—479).

«Николай и казнь»: имеются в виду распоряжения Николая I относительно порядка казни декабристов. Еще в первых числах июня 1878 г. Толстой получил от В. В. Стасова копию собственноручной записки Николая I «о всем военном и др. обряде, какой надо соблюсти при повешении 5-ти декабристов» (письмо Стасова от 31 марта 1878 г.), за что благодарил Стасова 9 июня 1878 г. («Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка», изд-во «Прибой», Л. 1929, стр. 28 и 35). В 1904 г., вновь мечтая о художественном изображении декабристов, Толстой, очевидно, вспомнил и этот документ, о котором он в 1878 г. писал в том же письме Стасову: «Для меня это ключ, отперший не столько историческую, сколько психологическую дверь. Это ответ на главный вопрос, мучивший меня». (Там же, стр. 35.)

«Ангел велит убить ребенка»: в переработанном виде сюжет этот составил содержание рассказа «Молитва», напи-

¹ «Толстой. Памятники творчества и жизни», 3, ред. В. И. Срезневского, изд. Кооперативного т-ва изучения и распространения творений Л. Н. Толстого, М. 1923, стр. 66—67.

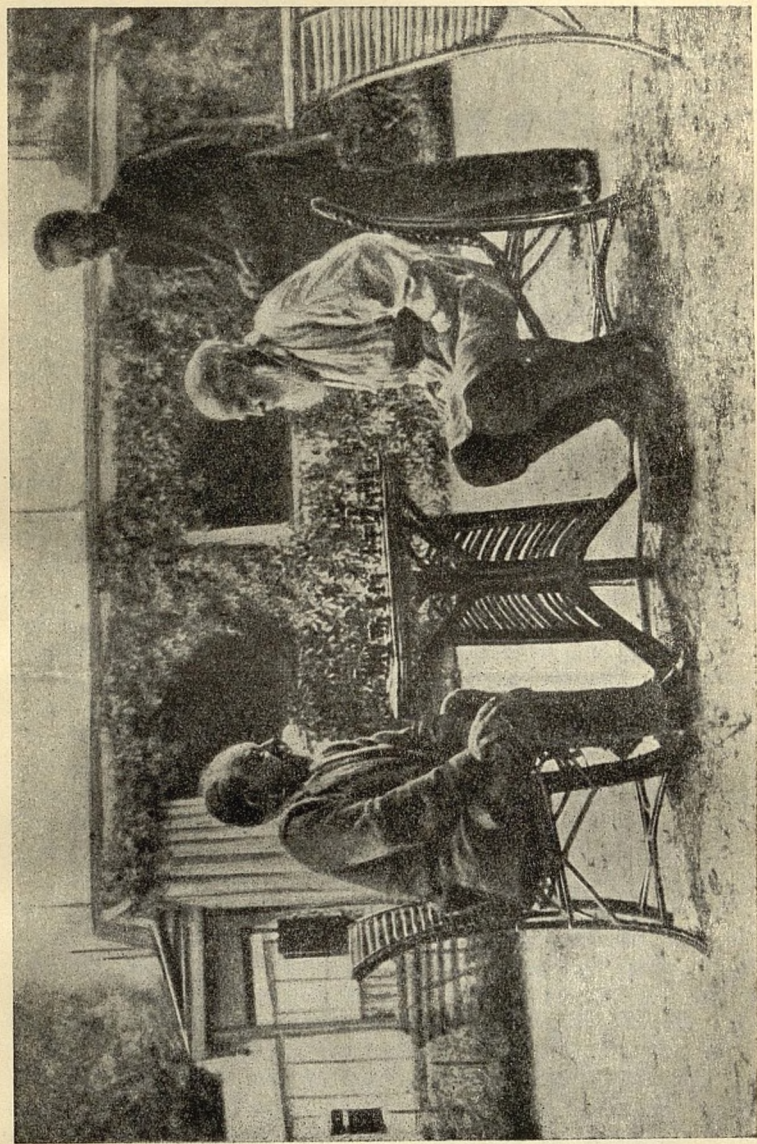
санного Толстым в апреле 1905 г. Сюжет значится и в списке 1903 г. в словах: «Ангел убивает ребенка».

«Старик идет по воде к обедне»: народный рассказ о праведном старике, который никогда не ходил в церковь. Этот сюжет упоминался Толстым и раньше.

«Убийство Настасьи»: очевидно, любовницы Аракчеева — Настасьи Минкиной, происшедшее в Грузии 10 сентября 1825 г.

«Менгдена сыновья»: Владимир Михайлович Менгден (1826—1910), с 1889 г. член Государственного совета, с 1849 г. муж Елизаветы Ивановны Бибиковой (по первому мужу Оболенская, род. в 1821 г., ум. в 1902 г.), которой Толстой увлекался короткое время в 1857 г. У В. М. Менгдена были две дочери и несколько сыновей, одного из которых звали Юрий Владимирович; других сведений о них пока не имеем. По словам Сергея Львовича Толстого, сыновья В. М. Менгдена были неудачники, и сущность записанного Толстым сюжета заключается в изображении трагической судьбы матери, разочаровавшейся в своих детях.

«Мужики едут судиться»: очевидно, сюжет, рассказанный Толстому еще в 1862 г. писателем Н. В. Успенским. Успенский в своих воспоминаниях рассказывает, как он передавал Толстому содержание задуманного им рассказа о двух мужиках-соседах, которые «из-за чего-то между собою так рассорились, что порешили судиться в волостном правлении, которое и находилось от них в далеком расстоянии. Когда наступил день отъезда в деревенский синедрион, один из соседей обратился к своему врагу с вопросом: «Ты, что же, Ермолай, уже запрягаешь лошадей? — Запрягаю. На дворе-то, вишь ты, не рано. — Вот какое дело, братец ты мой: чем нам гонять двух лошадей, поедем на одной. Моя, примером скажем, будет телега, а твоя лошадь. Или так повернем: моя будет лошадь, а твоя телега». Враг соглашается. «Тяжущиеся уселись в одной телеге и отправились в волостную. Дорогой они покурили из одной трубочки, а при первом на пути кабаке остановились» и решили завернуть в него. «Зашли мужики в кабак, выпили и почувствовали себя в самом праздничном расположении духа. «А что я тебе скажу, Аверьян, — начали они беседу, — из-за чего мы с тобой затеяли эти самые дрязги?» — «Из-за чего! Сам знаешь, — из-за баб». Обсудив, что такое баба, и решив, что она «самая что ни на есть первая смутьянка в семье», один предложил другому: «А вот что я тебе скажу, милый человек: лучше бросим эту канитель и поедем домой. Что нам с тобой делить... А то знаешь, какое дело: приедем мы, положим, в Курносово. Эта, первым делом, старшину надо убаготворить, писаря тоже, а там судьи привяжутся. Да прах их возьми совсем!.. Скажи, значит, по душе, ну на что

Толстой за шахматами с зятем М. С. Сухотиным.
С фотографии.

они нам нужны? Мы с тобой легче сами выпьем, нежели поштовать будем всякую ораву». И мужики с миром возвратились домой.

— Экая прелесть, экая прелесть! — сжимая руками голову и в ажитации расхаживая по комнате, восклицал граф. — Не можете ли вы эту вещь слегка обработать и набросать на бумагу? Я бы с удовольствием купил у вас этот рассказ для «Ясной Поляны». Здесь поражает не бытовая картина, а сама жизненная правда, воплощенная в типических образах.

«В течение целых 27 лет, — заканчивает Н. В. Успенский, — граф не мог забыть этого рассказа, и при последнем моем свидании с ним в Москве он спросил меня: — Что же ваш бесподобный рассказ о поссорившихся мужиках нигде не был напечатан? — Нигде; признаться сказать, я совсем и забыл о нем. — А ведь я уже сам хотел обработать его для народа, — сказал Лев Николаевич». (Н. В. Успенский, «Из прошлого», М. 1889, стр. 39—43.)

Толстой сообщил тему этого рассказа крестьянскому писателю С. Т. Семенову, который воспользовался ею в своем рассказе «Недрузи»; сам же Лев Николаевич этот сюжет не использовал.

«Елисавета и Ла-Шетарди, пелеринаж к троице»: императрица Елизавета Петровна и ее фаворит, посланник французского двора, Иоаким Жак Тротти маркиз де Ла Шетарди вместе ходили на богомолье (пелеринаж — французское *pèlerinage*) к троице. Об этом мнимом богомолье, происшедшем в августе 1742 г., Толстой читал в книге К. Валишевского «*La dernière des Romanov*». Приводим это место в русском переводе: «Богомолье должно было по обыкновению совершаться пешком. В путь тронулись после заката солнца, чтобы воспользоваться ночной прохладой, и для начала новый странник подвергся жестокому испытанию. У Елисаветы как будто выросли крылья. Она шла, шла, словно увлеченная радостным опьянением, заставлявшим ее терять сознание времени и пространства. Наконец, изнемогая от усталости, она остановилась только на седьмой версте, и путники оказались тут в чистом поле. Домики для отдыха еще не были устроены по пути. Молодой чете пришлось сесть в экипаж и вернуться в Москву, чтобы возобновить на следующий день пешеходный путь с того места, на котором он был накануне прерван. Больше уж так не торопились, ночуя на постоянных дворах или в палатке и проводя вместе восхитительные часы. Разумовский принимал участие в паломничестве, но он умел не мешать, а Елизавета была полна заразительного веселья и оживления и становилась все нежнее по мере приближения к святым местам... И вот перед ними распахнулись ворота монастыря.

Она представляла себе, как будет ослеплен ее путник великолепием, представившимся его взорам, и не ошиблась в своих ожиданиях. Пред ним раскрылись пять церквей, залитые золотом и серебром, драгоценными камнями; одно только евангелие оценивалось в 300 тысяч; множество монахов, размещенных в удобных кельях; для императрицы и ее свиты — великолепные апартаменты; дворец в Вифании — рай. Де Ла Шетарди удивлялся, восторгался и был счастлив. Путники провели несколько дней в этом ослепительном уголке». (К. Валишевский, «Дочь Петра (императрица Елизавета)», изд. кн-ва «Сфинкс», М. 1912, стр. 397—398.)

«Нехлюдов деревенский»: продолжение «Воскресения».

«Переселенцы»: неоднократно упоминавшийся Толстым сюжет повести о самарских переселенцах.

№№ 10 и 18 в приводимом списке являются темами статей. Первая из них («Паскаль») была использована Толстым для «Круга чтения» в статье под тем же названием.

1905 г.

«Получил и выписки из дела декабристов, прочел с волнением и радостью и несвойственными моему возрасту замыслами. Есть ли еще такие бумаги? Если есть, пришлите; очень, очень буду благодарен». (Письмо к В. В. Стасову 2 марта.)

В. В. Стасов прислал Толстому выписки из секретного дела о декабристах. Прочитав их, Толстой сказал: «Хотелось бы мне быть молодым, чтобы засесть за эту работу». (Д. П. Маковицкий. «Яснополянские записки», вып. 2; изд. «Задруга», М. 1923, стр. 7.)

«Последние дни болею сердцем, и от этого ничего не работается, а очень хочется: и Хельчицкого, и Илюшин рассказ. И Фильку, и несчастную девушку. И учение веры» (Дневник 30 марта).

Из перечисленных в этой записи замыслов три являются сюжетами художественных произведений. Первый из них («Илюшин рассказ») относится к рассказу сына Толстого Ильи Львовича «Одним подлецом меньше», впоследствии напечатанному в «Русской мысли» под псевдонимом И. Дубровский. Содержание рассказа: перемена отношения к крестьянам у земского начальника, сначала относившегося к ним враждебно-презрительно, а потом — как к равным себе человеческим существам. Слова: «одним подлецом меньше» прилагались им сначала к умершему крестьянину, а потом к себе самому, в смысле нравственной перемены, в нем совершившейся. Сюжет этот привлек внимание Толстого, как это

видно и из приводимой ниже другой записи его Дневника от 24 мая 1905 г.

Что касается двух других упомянутых в этой записи сюжетов: «Филька» и «Несчастливая девушка», то содержание их остается неизвестным. «Филькой» или «Филечкой» звали в Ясной Поляне простоватого конюха Филиппа Петровича Борисова; но если эта запись и относится к нему, то совершенно неизвестно, какой эпизод из его жизни хотел изобразить Толстой.

«Очень хочется вложить в Илюшин рассказ свою исповедь и откровение о мужиках, но не успею» (Дневник 24 мая).

«Рассказ: подмененный ребенок» (Дневник 10 августа).

Снова упоминание о том же сюжете, дважды записанном Толстым еще в 1897 году, подробности которого нам неизвестны.

«Совсем кончил «Конец века» и примеряюсь к новой работе. Не знаю, что: учение или драму?» (Дневник 27 сентября).

«Конец века» — статья Толстого, написанная в 1905 г. и тогда же напечатанная в Англии издательством «Свободное слово». «Учение» — то же «учение веры», которое упоминается и в записи 30 марта. Содержание же задуманной, но не написанной драмы остается неизвестным.

«Читал Павла. Какой предмет! Удивительный!!!» (Дневник 12 октября).

Толстой читал в то время исследование Н. К. Шильдера «Император Павел I», изд. А. С. Суворина, Спб., а также дневник воспитателя Павла С. А. Порошина — «Записи, служащие к царствованию императора Павла I», Спб. 1891. Его особенно заинтересовал дневник Порошина. В «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого записан целый ряд относящихся к тому времени суждений Толстого о Павле.

Как видим, Толстой вновь возвращается к мысли о Павле I, как герое исторического романа, которую он впервые изложил в письме к П. И. Бартеневу от 31 марта 1867 г. Толстой вновь находит этот предмет художественного изображения «удивительным»; однако так же, как и в 1867 году, замысел остается неиспользованным.

«У меня была мысль написать, как римлянин, образованный, ученый, времен упадка, представляет себе будущее лет через тысячу или более — и ничего не сбылось так, как он ожидал. Он не мог предвидеть ни реформации, ни револю-

ции» (Н. Н. Гусев «Два года с Л. Н. Толстым», изд. Толстовского музея, М. 1928, стр. 15, запись слов Толстого от 20 октября).

«Читал Павла и декабристов. Очень живо воображаю» (Дневник 22 ноября).

Это — последнее упоминание в Дневнике Толстого о замысле повести или романа из эпохи декабристов. На этот раз Толстой даже не приступил к его осуществлению.

«Ясно пришел в голову рассказ сопоставления параличной старушки, радующейся на то, что может уже до печки дойти, с плешивым Потоцким: Ah, que je m'embête [Ах, как я бешусь от скуки.]» (Дневник 16 декабря).

Не можем сказать, о каком Потоцком идет здесь речь, и что послужило поводом к данной записи.

1906 г.

«Читал вчера и нынче Максимова Сибирь и каторга. Чудные сюжеты: 1) Подносчика в кабаке, наказанного кнутом, чтоб скрыть стыд купеческой дочки; 2) чудный сюжет: «Странник» (Дневник 18 января).

Книга С. Максимова «Сибирь и каторга» вышла в трех томах в Петербурге в 1871 г. История «подносчика в кабаке», представившаяся Толстому «чудным сюжетом», рассказывается в книге Максимова в следующих словах: «В Красноярске в кабаке убит был сиделец; его подносчик мальчик в ту ночь не ночевал дома. Его заподозрили; он указал на дом дяди, как на место своего ночлега. Справка не подтвердила показания. Его били кнутом и переправляли через Енисей; он обернулся к городу и выкричал клятву, что ни в чем не повинен. Прошло довольно времени; в Красноярске поймали бродяг-поджигателей; двое показали на себя убийство целовальника. Подносчика простили, вернули, стали спрашивать, после расчета по пяти рублей ассигнациями за каждый напрасный удар кнутом, и узнали, что подносчик не указывал ночлега потому, что ночлег тот был в доме купеческой дочки, на которую не указывал он, не желая ее срамить». (С. Максимов, «Сибирь и каторга», I, стр. 346—347.)

История «странника» передается в книге Максимова следующим образом: «28 августа 1835 года в Твери взят был полицией неизвестный человек, имевший вид богомольца. На вопросы он не отвечал ни слова, а только после многих настояний решился объявить, что три года назад получил благословение от родителей на странническую жизнь и вот с тех пор ходит он по разным местам для богомолья. Когда

потребовали от него рукоприкладства, — он такого дать не согласился и заявил, что дал обет богу никому не открывать своей родины, имени и отчества, и потому отвечать будет только богу, а не присутствию полиции и уездного суда. Сенат, признав странника бродягою, умышленно скрывающим свое имя, происхождение и ведомство, определил наказать его, на точном основании 242, 243 и 399 ст. XV т. Свода уголовных законов, при полиции плетью тридцатью ударами и потом сослать в Сибирь на поселение. Приговор этот приведен в исполнение 12 марта 1836 года. Странник безмолвный безропотно и безответно перенес наказание и был водворен на жительство в Енисейской губернии, Ачинского уезда. Восемнадцать лет прожил он там забытым, хладнокровно перенося незаслуженное им наказание и именуя себя странствующим в мире... Некоторые искушения, однако, оказались ему не под силу: он долго боролся, боролся семь лет, но дух не выдержал, — терпение его истощилось, и он решился открыть место своего пребывания родной сестре своей, коллежской асессорше В., которая не замедлила подать прошение московскому гражданскому губернатору в феврале 1854 г. Из прошения этого видно, что странник — бывший подпоручик А. 2-го егерского полка, где занимал должность квартирмейстера, канцелярия и адъютанта. Выйдя в отставку в 1824 г., двадцати лет, проживал при родителях в имениях Серпуховского и Мценского уездов. Он был довольно образован и знал хорошо языки французский и немецкий. Московский губернатор отнесся к тверскому; тверское губернское правление в ноябре 1855 г. через ужурское волостное правление отобрало показание от Ивана Захарьина Спасова; вытребовало документы из мценского земского суда; копию с формуляра из инспекторского департамента военного министерства, от губернских предводителей дворянства Московской и Орловской губерний; сведения о роде дворян А., от сестры его через Серпуховского городничего подробные сведения о брате; семнадцать опытных чиновников сличили почерк руки А. по письмам от 1822 года с почерком на показании, данным в Ужурской волости в 1854 г. Получены были вполне удовлетворительные сведения из всех этих мест и от всех затронутых лиц. Дело в апреле 1856 года поступило в Сенат; в феврале 1859 г. Сенат решил: отставному подпоручику А., находившемуся под именем Ивана Захарова Спасова в Енисейской губернии, предоставить возвратиться из Сибири». (С. Максимов, «Сибирь и казачество», ч. I, стр. 347—349.)

Ни один из этих сюжетов не получил осуществления; зато через два дня после того, как была сделана эта записка, Толстой начал обрабатывать другой сюжет, заимство-

ванный из той же книги Максимова и изложенный в рассказе, получившем в окончательном виде название «За что?»

«Хотелось бы написать рассказ о том, как политический деятель, после 20, 30 лет труда в одном направлении достигнув своей цели, вдруг хватился, что у него есть душа, которой надо бы служить и которую он оставил в небрежении, и она соохлась, загубела и не отзывается, и не дает и не воспринимает радостей. (Он заболел или в тюрьме)» (Дневник 2 апреля).

1907 г.

«Хорошо думал о рассказе заваленных» (Записная книжка 18 марта).

«Рассказ о заваленных в шахте двух врагах» (Дневник 5 апреля).

Замысел остался невыполненным; содержание его неизвестно. Можно предположить, что Толстого привлекала мысль изобразить психическое состояние двух личных врагов, случайно встретившихся перед лицом близкой и неминуемой смерти. Вероятно, в этом рассказе он хотел провести свойственную его мировоззрению мысль о том, как близость неизбежной смерти изменяет отношение людей друг к другу и представляет для них в совершенно ином свете те причины вражды, которые их до этого разделяли.

«Думаю о психологическом очерке политики, о художественном изображении» (Записная книжка 17 апреля).

Подробности этого замысла неизвестны.

«Все больше и больше уясняется художественная работа Три века. Хорошо бы работать над этим» (Дневник 22 апреля).

Содержание замысла осталось неизвестным.

«Художественной работы хочется, но едва ли я теперь способен к ней. Впрочем, главное дело — не желать ничего для себя» (Дневник 30 апреля).

Быть может, Толстой вспоминал о том же замысле «Три века», о котором имеем запись от 22 апреля 1907 г.

«Записал 6 тем рассказов для детей:

- 1) О жестоком помещике, которого пожалела старуха.
- 2) О неунывающем весельчаке в бедствиях.
- 3) Об Агафье Михайловниной жалости к собакам, кошкам, мышам, тараканам.
- 4) О заваленных врагах в шахте.

- 5) Перемирие на войне.
- 6) Три искушения» (Дневник 30 апреля).

Толстой в то время по вечерам занимался с приходившими к нему в дом крестьянскими мальчиками из Ясной Поляны. Рассказы, темы которых здесь перечислены, предназначались для прочтения этим мальчикам. Ни один из этих рассказов написан не был.

Вполне понятно предполагаемое содержание трех из них: третьего, пятого и шестого.

Упомянутая в № третьем Агафья Михайловна (1812—1896) была горничной бабушки Толстого Пелагеи Николаевны Толстой (1762—1838). Последние годы своей жизни она проживала на дворе Яснополянского дома, получая от С. А. Толстой месячное содержание, большая часть которого употреблялась ею на прокорм живших с нею вместе собак и кошек. Об ее отношении к животным сохранился целый ряд воспоминаний: Т. Л. Сухотиной, И. Л. Толстого, А. К. Чертковой, И. М. Ивакина и др.

«Перемирие на войне» — это, конечно, те картины перемирия между русскими и французами, которые Толстой наблюдал в Севастополе в 1855 году. Он описал их в рассказе «Севастополь в мае 1855 года»; теперь же, очевидно, ему хотелось написать особый рассказ для детей на эту тему. Но рассказ написан не был, и единственным выражением этого замысла является следующая мысль, помещенная Толстым в его сборнике «На каждый день» под 13 марта (№ 5): «Не раз видал я под Севастополем, когда во время перемирия сходились солдаты русские и французские, как они, не понимая слов друг друга, все-таки дружески, братски улыбаясь, делая знаки и похлопывая друг друга по плечу или брюху. Насколько люди эти были выше тех людей, которые устраивали войны и внушали людям, что они — не братья, не одинаковые люди, а враги, потому что члены разных народов».

Наконец № шестой — «Три искушения», очевидно, должен был иллюстрировать один из евангельских рассказов.

Что касается тем «о жестоком помещике, которого пожалела старуха» и «о неунывающем весельчаке в бедствиях», то мы не располагаем никакими данными, которые бы дали нам возможность составить представление о предполагаемом содержании этих ненаписанных рассказов.

«Хочу писать жизнь. Это одно — то, что пережито, несомненно» (Записная книжка 1 июля).

В этой записи Толстой возвращается к мысли о продолжении «Воспоминаний», которыми он был занят в 1903—1906 годах. Намерение осуществлено не было, если не счи-

тать написанных в 1908 г. воспоминаний о защите Толстым в 1866 г. в военном суде рядового Шабунина, ударившего офицера.

«Хочется написать письмо Столыпину и «Руки вверх», пришедшее мне в голову во время игры Гольденвейзера» (Дневник 20 июня).

В данной записи видим первую мысль о художественном произведении из жизни революционеров. Александр Борисович Гольденвейзер (р. 1875 г.) — друг Толстого, пианист, профессор Московской консерватории, часто бывавший в Ясной Поляне.

«Дня три тому назад был в Крапивне у Гусева. Очень тяжелое и значительное впечатление. Хочется писать об этом и еще драму о Булыгине — сыне. Очень радостное впечатление от их жизни» (Дневник 8 ноября).

22 октября 1907 г. был арестован секретарь Толстого Н. Н. Гусев, проживавший в то время в усадьбе А. Л. Толстой Телятинки, в трех верстах от Ясной Поляны. Толстой посетил его в Крапивенской тюрьме 4 ноября. По дороге в Крапивну Толстой заехал к своему единомышленнику М. В. Булыгину, проживавшему на своем хуторе Хатунка, расположенном на полдороге между Ясной Поляной и Крапивной. В предполагаемой драме «о Булыгине — сыне» Толстой, вероятно, имел в виду изобразить старшего сына М. В. Булыгина, Сергея Михайловича, бывшего в своих нравственных и общественных требованиях радикальнее отца.

Повидимому, с этим замыслом связана и следующая запись:

«Все думается о драме. Хорошо бы» (Дневник 22 ноября).

1909 г.

«Очень хорошо бы ясно, пожалуй, в образах высказать мысль о том, как вредно и тщетно это устраивание жизни не только других людей, но и самого себя, это *empiétement*¹, вторжение в дело божие. Почти все зло, 0,99, в мире от этого» (Дневник 20 января).

«Ничего не пишу. Очень многое хочется писать: и «Стражника», и Павла, и Старца, и Детскую мудрость» (Дневник 16 марта).

Под именем «Стражника» Толстой разумел статью, вызванную разговором с проживавшим в Ясной Поляне поли-

¹ [захват, присвоение]

цейским стражником, откровенно заявившим Толстому, что он служит в этой должности только потому, что получает 35 рублей в месяц, которых он больше нигде не получит. «Павел» — это начатая Толстым в 1909 г. (но не законченная) повесть из жизни революционеров «Павел Кудряш». «Детская мудрость» — ряд диалогов, написанных Толстым в апреле — мае 1909 г. Содержание замысла, названного в записи «Старец», остается неизвестным.

«Живо представил себе повесть или драму, в которой нет злых, дурных, все доброе для себя и все не виноватые. Как бы было хорошо и как ярко выступила [бы] из-за этой доброты, невинности людей недоброта и виновность устройства жизни» (Дневник 9 мая).

«Начинаю все больше и больше подумывать о художественной работе — трех поколений. Очень бы хорошо» (Дневник 26 августа).

Запись говорит, повидимому, о том же замысле, остающемся нам неизвестным, который в Дневнике 1907 года назван «Три века».

«Сегодня, 2 октября, прекрасно спал, гулял и думал: 1) о художественном писании, в котором относиться с радикальным недоумением, т. е. с разумным христианским мировоззрением, к описываемой современности. Могло бы быть очень сильно и очень заманчиво» (Дневник 2 октября).

«Начал писать записки священника. Могло бы быть очень хорошо. Может быть и напишу. Хотелось бы это и записки лакея... Да, хочется художественной работы, можно все высказать, облегчить себя, никого не осуждая» (Дневник 21 октября).

«Записки священника» — это начатые, но не законченные «Записки отца Алексея». Что же касается «Записок лакея», то мысль о таком произведении, очевидно, была навеяна Толстому уже написанным (пока еще не опубликованным) произведением под таким заглавием, принадлежащим его единомышленнику Адриану Петровичу Новикову, в течение двадцати шести лет служившему лакеем у князя Г. П. Волконского.

В дальнейших записях Дневника Толстого 1909 и 1910 гг. раскрывается предполагаемое содержание этого ненаписанного произведения.

«К запискам лакея. Говорят о земле, старик все время молчит и начинает говорить только, когда его вызвали» (Дневник 31 октября).

1910 г.

«Главное же, все сильнее и сильнее просится наружу то страдание от грехов людских — моих в том числе — разделяющих и мучающих людей. Нынче яснее всего думал об этом в виде «Записок лакея». Как могло бы быть хорошо!» (Дневник 11 января).

«Хочется писать о солдате, убившем человека» (Дневник 27 мая).

По записям Д. П. Маковицкого и А. Б. Гольденвейзера в их дневниках от 25 мая 1910 г., Сергей Львович Толстой рассказал отцу случай, о котором ему передавал бывший солдат, служивший в 1910 г. швейцаром в одном из московских банков. В 1905 году конвойный вел трех арестантов; пытаясь бежать, они напали на него. Двое бежали, а третий был убит проходившим мимо солдатом, который штыком проколол ему живот. Убив арестанта, солдат вынул штык, вытер его и пошел своей дорогой. Но вскоре у него появились кошмары, которые довели его до сумасшествия.

Толстой просил сына разузнать подробности этого случая.

«Хочу еще попытаться написать Парашу» (Дневник 20 июня).

Параша — яснополянская крестьянка, считавшаяся «дурочкой»; имя ее Прасковья Тимофеевна Лохмачева. В Дневнике 5 июня 1910 г. Толстой записал: «Какая прелесть история Параша дурочки». А. Б. Гольденвейзер в своем дневнике «Вблизи Толстого» (т. II, М. 1923, стр. 72) приводит следующие слова Толстого: «Таня [дочь Толстого Татьяна Львовна] рассказывает про Парашу очень хорошо. Я когда-нибудь воспользуюсь, мне очень хочется это рассказать». Самую «историю» Параша Толстой передавал следующим образом: «Она девушка. Но с ней однажды случился грех: она забрюхатела. И это Таня рассказывала о ней, очень трогательно, как она доставала белый хлеб, и когда ее спрашивали, куда? — А малого-то! — И про малого: — Ишь, кобель, ворочается!.. — Но, к сожалению, не умела родить. И была девочка, а не малый. Когда ей говорили, что «что же ты, Параша, еще не родишь?» Она отвечала, что «как кто теперь ползет, так она его в морду...» — «Чудесно!» — заливался смехом Лев Николаевич (В. Ф. Булгаков, «Лев Толстой в последний год жизни», изд. «Задруга», М. 1920, стр. 224).

«Вышел на прогулку после мучительной беседы с Со-ней. Перед домом цветы, босоногие, здоровые девочки чистят. Потом ворочаются с сеном, с ягодами. Веселые, спокойные, здоровые. Хорошо бы написать две картинки» (Дневник 24 июня).

«Мучительная беседа» с женой, находившейся тогда в раздраженном истерическом состоянии, и как контраст вид здоровых босоногих крестьянских девочек и взрослых мужиков и баб, которые «веселые, спокойные, здоровые» едут с нагруженными сеном возами или возвращаются с собранными в лесу ягодами, вызвали в Толстом желание изобразить «две картины» — мир господский с роскошью, излишеством, праздностью и истериками, и мир крестьянский с здоровым и спокойным, хотя и напряженным, трудом. Замысел исполнен не был.

«1) Тип ученого, 2) тип честолюбца; 3) корыстолюбца; 4) верующего консерватора; 5) тип кутилы; 6) разбойника в принятых пределах; 7) в непринятых; 8) правдивого человека, но в обмане; 9) славлюбца — писателя; 10) социалиста революционера; 11) ухаря-весельчака; 12) христианина полного; 13) борющегося; 14) ...Нет конца этим чувствуемым мной типам» (Дневник 21 июля).

Список типов художественных произведений.

- «1) Мaman, je vous adore¹. Говорит вздор, веселый, горячий, добрый эгоист.
- 2) Художник музыкант, все для славы, никакого ни религиозного, ни нравственного сознания.
- 3) Кокетка. J'ai été admirable².
- 4) Слабая, чувственная, распутная.
- 5) Наследник большого дела фабрики.
- 6) Акуратный деятель.
- 7) Санька Кузм[инский] подленький, ловкий.
- 8) Тупой православный. Ach, wenn es nur immer so bliebe³.
- 9) Семинарист, религиозная борь[ба].
- 10) Священник грубый, корысто[любивый].
- 11) Духовн[ый] честолюбец.
- 12) Министр достиг положения и держится.
- 13) Степен[ная] развратница.
- 14) Революционер всех ненавидит и ненавидит.

¹ Мама, я вас обожаю.

² Я была восхитительна.

³ Ах, если бы только всегда так осталось.

15) Революционер думает, что любит народ.

16) Профессор верит в науку.

15) Земский деятель.

16) Ферре вице-губернатор.

17) Губернатор наглый и подлый.

1) Мастер на все, пьяница.

2) Ненавистник. Царство господское.

3) Суевер науки.

4) Ищет правды.

5) Кутила весельчак.

6) Стенька Разин.

7) Любит служить господ[ам].

8) Художник поэт.

9) Работник любит труд.

10) Мудрец фи[лософ].

11) Изувер.

12) Властолюбец.

13) Корыстолюб[ец].

14) Кокетка.

15) Блудница.

16) Мать.

17) Работница.

18) Художница.

19) Набожная».

(Записная книжка 21 июля).

В данной записи перечислены типы, которые Толстой хотел художественно изобразить. Упомянутый в записи «Санька Кузминский» — свояк Толстого Александр Михайлович Кузминский (1845 — 1917), сенатор. «Ферре вице-губернатор» — смоленский вице-губернатор Василий Юльевич Ферре, сосед Толстых по имению.

«Всем равно — заглавие очерков характеров» (Дневник 24 августа).

Из этих очерков был написан только один, стенографически записанный А. Л. Толстой под диктовку отца 23 августа 1910 г. и представляющий детскую сказочку, сочиненную Толстым для его внуков. Сказочка была напечатана во втором томе «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого», вышедшем в 1911 г.

В записной книжке Толстого имеются еще две следующие записи, относящиеся к этим очеркам:

«В «Всем равно» изображать характеры как крестьян, так и богатеев».

«Во «Всем равно». Как уморили девочку под хлороформом».

«Ночью очень хорошо, ясно думал о том, как могло бы быть хорошо художественное изображение всей пошлости жизни богатых и чиновничьих классов и крестьянских, рабочих, и среди тех и других хоть по одному духовно живому человеку. Можно бы женщину и мужчину. О, как хорошо могло бы быть. И как это влечет меня к себе. Какая могла бы быть великая вещь. И вот именно задумываю без всякой мысли о последствиях, какие и должны быть в каждом настоящем деле, а также и в настоящем художественном. О, как могло бы быть хорошо. Вчера чтение рассказа Мопассана навело меня на желание изобразить пошлость жизни, как я ее знаю, а ночью пришла в голову мысль поместить среди этой пошлости живого духовно человека. О, как хорошо! Может быть и будет» (Дневник 2 октября).

Рассказ Мопассана, упоминаемый в этой записи и вызвавший в Толстом желание художественной работы, — «Семья».

«Очень живо представил себе рассказ о священнике, обращающем свободного религиозного человека, и как обратитель сам обращается. Хороший сюжет» (24 октября).

«Видел сон. Грушенька, роман будто бы Ник. Ник. Страхова. Чудный сюжет» (Дневник 26 октября).

Николай Николаевич Страхов (1828 — 1896) — литературный критик, философ и естественник, друг Толстого. Запись о «Грушеньке», героине его романа, остается для нас невыясненной.

В письме к А. Л. Толстой, написанном в Оптиной пустыни 28 октября 1910 г., уже после ухода из Ясной Поляны, Толстой писал: «Постараюсь написать сюжеты снов и просящихся художественных писаний». Эта запись сохранилась; в ней перечислены следующие четыре сюжета:

- 1) Феодорит и издохшая лошадь.
- 2) Священник, обращенный обрацаемым.
- 3) Роман Страхова Грушенька — экономка.
- 4) Охота; дуэль и лобовые».

Первая запись относится, быть может, к крестьянину старику деревни Треханетово, близ имения Сухотиных Кочеты, у которого пала лошадь и к которому Толстой ездил 3 сентября 1910 г. Второй и третий сюжеты повторяют записи Дневника от 24 и 26 октября 1910 г. Наконец, четвертый сюжет записан, вероятно, под впечатлением, с одной стороны, предполагавшейся дуэли С. Л. Толстого с

К. В. Сумарковым из-за охоты на волков, с другой — разговоры Толстого 25 октября с отданным в солдаты яснополянским крестьянином Петром Власовым, сыном бывшего его ученика Прокофия Власовича Власова.

Последовавшая 7 ноября 1910 г. смерть Толстого, ускоренная невыносимыми семейными страданиями последних четырех месяцев его жизни, положила конец всем творческим замыслам гения.

Н. Гусев.

НЕНАПИСАННЫЙ РАССКАЗ ТОЛСТОГО

Когда это было, точно не помню, думаю, что зимой 1900—1901 г., так как Лев Николаевич тогда, как о свежей литературной новинке, говорил о вышедшей в 1900 году драме Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся». Встретил я как-то тогда еще совсем молодого близкого к Толстому Х. Н. Абрикосова. Заговорили о Толстом, и Абрикосов рассказал мне, что у Льва Николаевича проявился новый, довольно оригинальный поклонник — какой-то канцелярский чиновник духовной консистории, что посещает Льва Николаевича этот чиновник потайным образом и передает копии секретных консисторских деловых бумаг¹, и что некоторые из этих бумаг Льва Николаевича очень заинтересовали. Для примера Абрикосов рассказал мне одно дело, особенно поразившее Льва Николаевича. Это было ужасное дело об убийстве одним провинциальным архиереем своей любовницы. Убийство и укрывание трупа убитой архиереем производил не собственноручно, а «благословлял» на это своего служку. В протоколе допроса этого служки записаны были его показания: «Владыко «благословил» меня позвать ее в баню»... «Владыко «благословил» меня перерезать ей горло»... «Владыко «благословил» меня отрезать голову, а тело разрубить на куски помельче»... «Владыко «благословил» уложить куски в чемодан, отвезти в соседний город и разбросать по огородам»... Эти «благословения» при всех мерзких подробностях гнусного убийства производили впечатление дикого кошмара².

Мне неизвестно, как отнеслись к прегрешившему «владыке» высшие духовные власти, которые именно в то время под эгидой Победоносцева подготовляли акт отлучения Толстого от церкви.

Через несколько дней я попал на субботний вечер к Толстым. После чая Лев Николаевич уселся в уголке у рояля в окружении нескольких из самых обычных гостей. Помнится, был П. И. Бирюков³, Ив. Ив. Горбунов⁴,

А. Б. Гольденвейзер⁵ и еще человека два-три столь же близких Толстому. Когда я решился присоединиться к этой группе и сел рядом с Бирюковым, Лев Николаевич, постепенно одушевляясь, говорил:

— Это ужасно! И почему это вздумалось старику написать такую ерунду?

— Это о новой драме Ибсена, — шепнул мне Бирюков.

Лев Николаевич вкратце рассказал содержание драмы, которая в его изложении выходила какой-то бессмыслицей, еще более смешной, чем пересказ «Кольца Нибелунгов» в трактате об искусстве⁶. Финал драмы Лев Николаевич изложил приблизительно так:

— А потом они зачем-то бросаются в какую-то пропасть, и на них почему-то обрушивается снежный обвал, а какая-то монахиня неизвестно зачем их благословляет. И все это почему-то называется «Когда мы, мертвые, воскресаем».

Слушатели смеялись, а Лев Николаевич продолжал:

— И зачем это нужно было умному старику брать такую неестественную, выдуманную тему? Точно мало самых интересных, самых глубоких сюжетов можно найти, где угодно, кругом в настоящей жизни! Да взять хотя бы этот случай с иеромонахом, о котором я читал консисторское дело. Я вам рассказывал? Вы знаете?

Некоторые из присутствующих уже слышали рассказ, но стали просить, чтобы Лев Николаевич еще раз рассказал для тех, кто не слышал. У меня мелькнула мысль, что речь идет о том, что рассказывал мне Абрикосов, и я недоумевал: неужели такая тема представляется Льву Николаевичу подходящей для художественной обработки? Оказалось, что речь шла совсем о другом эпизоде.

Как я теперь жалею, что в свое время не записал по свежей памяти этот рассказик, в котором Лев Николаевич самыми мелкими штришками лишь намекал на художественные детали, которых я теперь уже не могу восстановить в памяти. Вынужден ограничиться лишь приблизительной краткой схемой.

«В московском Кремле помещаются казармы какой-то караульной воинской части. При этих казармах есть квартиры и для офицеров. Так вот в одной из таких квартир жил молодой офицер с молодой, очень любимой женой. В их счастливой супружеской жизни наступил важный, тревожный момент: должен был появиться на свет первый ребенок. Офицер, как водится, очень беспокоился и волновался. Действительно, роды оказались очень тяжелыми и с какими-то там осложнениями. Позвали доктора-специалиста. Тот исследовал роженицу, нашел, что положение очень серьезно, испробовал разные, какие полагается, меры; но все безуспешно. В конце концов доктор говорит офи-

церу: «К несчастью, наука тут бессильна. Вашей жене нужен теперь уже не врач, а священник». Офицер, хоть и совсем не верующий, все же, чтобы соблюсти обряд, посылает денщика за священником. Тот идет по соседству в Чудов монастырь и приводит оттуда пожилого иеромонаха. Офицер встречает его в полном отчаянии, в слезах; для него черная ряса представляется уже началом похорон. Иеромонах наскоро исповедует умирающую, дает ей причастие, а потом идет к мужу и начинает расспрашивать о том, что нашел и что сказал доктор. Оказывается, этот иеромонах «в миру» сам был когда-то врачом-хирургом, да и в монастыре продолжал полечивать и братию и прихожан; так что в келье у него имелся даже набор хирургических инструментов. Расспросив все подробно, иеромонах попросил у мужа разрешения и сам обследовал роженицу. Обследовал и говорит: «Знаете? По-моему, дело еще не так плохо. Если бы успеть сделать такую-то операцию, или наложить щипцы, или еще что-то такое, то, я думаю, можно бы еще спасти и больную и ребенка. Только надо действовать как можно скорей!»

У офицера вдруг является надежда. Иеромонах посылает служку к себе за инструментами, снимает рясу, засучивает рукава и производит операцию совершенно благополучно. Больная, которую ученый врач уже приговорил к смерти, как это часто бывает, оказывается вне опасности, ребенок остался жив; офицер в восторге, чувствует себя на седьмом небе, не знает, как благодарить иеромонаха... Одним словом, все кончается благополучно. Однако, иеромонах, прощаясь, говорит офицеру: «Только вы, пожалуйста, никому ни слова об этом не рассказывайте, а то мне очень может за это достаться. Я как монах такой операции делать не имел права». Офицер обещал никому не говорить, но как же не рассказать такой необыкновенный случай? Он под секретом рассказывает обо всем сначала родным, потом товарищам и знакомым, так что через несколько времени все в Кремле об этом знают, и слух доходит до духовного начальства.

И вот, иеромонах попадает под суд митрополита. Оказывается, он как монах никак не мог видеть обнаженную женщину и делать ей операцию (это — страшное преступление!), никак не смел проливать человеческую кровь, имея при себе причастие (это преступление еще страшней) и т. д. В конце концов митрополит¹ приговорил его к очень су-

¹ Это был известный своей реакционностью митрополит Владимир. По его приказанию в Москве были переделаны все покрышки водопровода на том основании, что на них было изображено подобие креста. Он же запретил представление в Московском художественном театре пьесы Гауптмана «Ганнеле».

ровому наказанию — сослал в заточение в какой-то дальний монастырь. Но я думаю, что такой добрый человек, как этот иеромонах, может быть, радуется, сознавая, что страдает не то, что без вины, а только за то, что сделал самое доброе, хорошее дело».

Голос у Льва Николаевича дрогнул. Он немного помолчал и заговорил уже бодрим голосом:

— Не правда ли, хорошо? Эх, если бы Мопассан был жив, я непременно написал бы ему. Он из этого сюжета сделал бы шедевр. И я, когда молодой был, тоже бы хорошо написал.

Лев Николаевич поднялся, пошел к другой группе гостей и, обернувшись к нам на ходу, еще бодрей прибавил:

— Да я еще и теперь напишу!

Кто-то из присутствующих толстовских друзей радостно заговорил:

— Наверное напишет. Я уже слышал этот рассказ два дня тому назад, а нынче сколько он уже вставил новых подробностей! Стало быть, захватила его эта тема.

Но надежда эта не оправдалась. Толстой не использовал этого сюжета — действительно подходящего и для него и для Мопассана.

А что случилось бы, если бы оба художника слова написали бы на эту тему рассказы! Какими совершенно несходными, но, может быть, одинаково драгоценными перлами обогатилась бы литература!..

А. Цингер.

Автор статьи — Александр Васильевич Цингер (1870—1934), племянник друга Толстого Ивана Ивановича Раевского, физик. Часто бывал в Ясной Поляне. Ему принадлежат воспоминания: «У Толстых» («Международный толстовский альманах, составленный П. Сергеевко», изд. «Книга», М. 1909, стр. 374—396), «В Ясной Поляне четверть века назад» («Русское слово» 1914, № 360 от 31 декабря) и ненапечатанные «Толстой о Лобачевском» и «Мелочи о Толстом».

¹ Х. Н. Абрикосов не помнит консисторского чиновника, доставлявшего Толстому копии консисторских дел. По его смутному воспоминанию, оба дела, о которых рассказывает А. В. Цингер, были сообщены Толстому В. А. Маклаковым. Упоминание имени В. А. Маклакова наводит на мысль, не были ли эти дела сообщены Толстому А. Ф. Кони, которому Толстой писал 12 апреля 1900 г.: «Благодарю вас, дорогой Анатолий Федорович, за присылку интересных дел. Возвращаю их с В. А. Маклаковым...» (Л. Н. Толстой, «Полное собрание сочинений. Юбилейное издание», т. 72, Гихл, 1933, стр. 345). Печатаю в «Литературных приложениях к «Ниве» за 1908 год свои воспоминания о Толстом и выдержки из писем к нему Толстого, Кони этого места не опубликовал, хотя и напечатал другое место из того же письма. По своему положению сенатора, Кони, разумеется, имел полную возможность доставить Толстому те дела, о которых рассказывает далее А. В. Цингер. Случай с иеромонахом Чудова монастыря записан в дневнике С. А. Толстой под 17 декабря 1897 г.

² Рассказанный Цингером факт произошел в Исаковской пустыни Пошехонского уезда Ярославской губернии. Убийцей был не

архиерей, а архимандрит. Сведения об этом кошмарном факте не могли появиться в легальной русской печати того времени; их можно найти в корреспонденции, напечатанной в № 2 за 1902 г. периодического издания «Свободное слово», выходившего в Англии под редакцией В. Г. Чертова. В этой корреспонденции, озаглавленной «О монастырях», читаем:

«В Ярославской губернии в последние годы были упразднены и переименованы в женские общины два мужских монастыря — в городе Данилове и в Пошехонском уезде, так называемая Исаковская пустынь... Монахи там [в Исаковской пустыни] жили не одну сотню лет в полном благоденствии, не отказывая себе ни в чем: были и сыты, и пьяны, и всем довольны, чего только душа хотела, потому что около самого монастыря расположена довольно большая деревня, где был, конечно, кабак, и в каждом доме которой проживали монашеские жены, а у некоторых монахов так было, говорят, и по нескольку в разных домах... О такой жизни монахов знали решительно все в уезде, и надо полагать, что и самое начальство их все это допускало, потому что очень уж это все беззастенчиво и открыто делалось, — пока праздность, пьянство и разврат не дошли, наконец, до того, что в один прекрасный августовский день сам игумен монастыря убил у себя в келье женщину, изрубил труп на куски с помощью двух других и, вынеся вон из стен монастыря, разбросал куски в ближайшем лесу. Убийцу и сообщников судили в Пошехонье при закрытых дверях, конечно, осудили на несколько лет каторги, но приговор этот был не окончательный... Монастырь в мужском заведывании просуществовал еще с год. Через год после первого убийства там произошло еще новое, но этот случай даже и до суда не был доведен, так как убийство произошло от слишком большой ревности нового игумена к водворению порядка. После этого монахов выселили, и на месте мужского монастыря явилась женская община».

Запись об этом деле находим также в дневнике А. В. Богданович, изданном в 1924 г. издательством Л. Д. Френкель под заглавием «Три последних самодержца». Здесь под 24 мая 1900 г. (стр. 249—250) записано:

«В. Ф. Дейтрих [председатель Петербургской судебной палаты] рассказал два-три дела, которые в печать не проникли, так как было запрещено о них писать. Одно из них ужасно безобразно. Случилось это в Ярославле, с одним архимандритом, к которому часто являлась одна дама. Однажды с этой дамой он так поссорился, что между ними завязалась драка. Архимандрит лежал в постели, дама села на него и его била. Он позвонил келейнича, который вместе с ним начал бить эту даму, и так ее избили, что она умерла. Надо было скрыть следы. Решили ее сжечь в печке, стали ее туда втискивать, но сжечь никак не могли. Тогда позвали протоиерея, который дал совет разбить ее на куски и затем всюду рассовать. Сказано — сделано. Затем начали в разных местах находить куски ее тела. Снаряжено было следствие, и преступление это было открыто. Архимандрита приговорили к каторге в Сибирь. На суде он сознался, что, бывший еще в другом монастыре, он таким же образом убил одну женщину».

³ Упоминание друга и биографа Толстого Павла Ивановича Бирюкова (1860—1931) в данном случае является ошибочным, так как Бирюков с 1897 по 1904 г. находился в ссылке сначала в Лифляндской губернии, затем за границей.

⁴ Иван Иванович Горбунов-Посадов (род. 1864 г.) — друг и единомышленник Толстого, редактор книгоиздательства «Посредник», издававшего книги в духе учения Толстого.

⁵ Александр Борисович Гольденвейзер, см. стр. 132.

⁶ Изложение оперы «Кольцо Нибелунгов» сделано Толстым в I главе трактата «Что такое искусство?»

ПОМЕТЫ Л. Н. ТОЛСТОГО НА «ГЕТЕВСКОМ КАЛЕНДАРЕ»¹

Четыре года тому назад, в 1932 году, по случаю исполнившегося столетия со дня смерти Гете был поставлен ряд вопросов, связанных с изучением его творчества. Был возбужден и вопрос об отношении Толстого к Гете. Ценный материал для ответа на этот вопрос дает одна из книг с пометками Толстого, сохранившаяся в Яснополянской библиотеке.

18 мая 1909 года Толстой получил от издательства Дитерих в Лейпциге выпущенный им «Goethe-Kalender auf das Jahr 1909». Вместе с книгой получено было и письмо, в котором издательство обращалось к Толстому с просьбой высказаться о Гете: «в чем вы видите главное значение Гете, или какие произведения Гете оказали на вас наиболее сильное действие, или полагаете ли вы, что влияние Гете распространится шире, чем это до сих пор имело место».

Толстой имел обыкновение делать для себя отметки на конвертах получаемых писем. На этот раз он пометил: «Можно написать?», выразив вопросительным знаком свою неуверенность в том, исполнит ли он желание издательства.

В течение нескольких вечеров (утрами Толстой не читал, отдавая все свои силы писанию) он читал присланную книгу. Его особенно заинтересовали приведенные в книге в большом количестве разговоры Гете с разными лицами². Как говорят об этом Д. П. Маковицкий в своих неиздан-

¹ Некоторые выдержки из этой статьи, в том числе и письмо Толстого, были напечатаны в «Литературном наследстве» 1932, № 4—6.

² Разговоры Гете, записанные Эккерманом, Толстой читал еще в 1897 году. Около 13 апреля 1897 г. он писал П. И. Бирюкову: «Я читаю теперь разговоры Гете с Эккерманом (довольно интересно мне и для искусства и для изучения старости)». «Для искусства» — для статьи «Что такое искусство?», которой тогда был занят Толстой.

ных «Яснополянских записках» и Н. Н. Гусев в книге «Два года с Л. Н. Толстым»¹, Толстой неоднократно делился с окружающими тем или другим прочитанным изречением Гете.

Наконец, 27 мая (9 июня) Толстой написал лицу, подписавшему письмо от имени издательства, следующее письмо (приводим в переводе с немецкого):

«Благодарю вас очень за присылку вашего «Гетевского календаря на 1909 год». Я просмотрел его с большим интересом. Что меня особенно заинтересовало, это — разговоры Гете с разными лицами. В этих разговорах я нашел для себя много нового и ценного, как например то, что он в разговоре с Фальком высказал о науках, которые сделались слишком дальнзорки, или с Римером о растительных умах и — *ἐλεῖθεροί*, или что природа — это орган, на котором играет наш господь бог, а дьявол раздувает мехи.

«Особенно замечателен его разговор с Мюллером 3 февраля 1823 года. Также то, что он еще в 1824 году говорил о вреде, приносимом журналами и критиками, и что особенно верно в наше время.

«Но было бы слишком долго перечислять все то глубокомысленное и остроумное, что я нашел в этой книге.

«Не осудите меня, что, будучи очень занят, я не могу исполнить вашего желания — высказаться о сочинениях Гете.

«Еще раз благодарю вас за книгу, которая для меня была так ценна.

Лев Толстой»

По обыкновению Толстой читал с карандашом в руке. Книга с его пометками сохранилась в Яснополянской библиотеке. («Goethe-Kalender auf das Jahr 1909. Zu Weihnachten 1908 herausgegeben von Otto Julius Bierbaum, mit Schmuck von C. R. Weiss und 12 Netzätzungen nach lebensgrossen Steinzeichnungen von Karl Bauer im Dieterich'schen Verlage bei Theodor Weicher in Leipzig»).

Отметки Толстого четырех видов: отчеркивания на полях, подчеркивания слова в тексте, NB и знаки вопроса. По этим пометкам можно судить о том, что 80-летний Толстой в Гете принимал, что его особенно привлекало и что отталкивало.

Познакомимся прежде всего с теми разговорами Гете, которые отмечает Толстой в своем письме, как особенно его заинтересовавшие.

¹ Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», изд. «Посредник», М. 1912, стр. 282.

Первым назван разговор с Фальком о науке, происшедший в 1809 году. Гете сказал (стр. 74)¹:

«Все в науках сделалось слишком дальнзорким. На наших кафедрах отдельные предметы по плану насильственно растягиваются до полугодовых чтений. Ряд действительных открытий незначителен, в особенности, если рассматривать во взаимной связи на протяжении двух столетий. Большая часть того, чем занимаются, есть ведь только повторение того, что сказал тот или другой знаменитый предшественник. О самостоятельном знании почти нет и речи. Молодых людей, как стадо, загоняют в комнаты или аудитории и кормят их, за недостатком действительных предметов, цитатами и словами. Воззрение, которого часто недостает самому учителю, ученики пусть приобретают себе после! Немного нужно, чтобы понять, что это совершенно ошибочный путь. Если же профессор в совершенстве обладает ученым аппаратом, то от этого не лучше, а только еще хуже. Самоуверенности уже нет конца».

Второй разговор, отмеченный Толстым, с Римером, относится к марту 1814 года. Слова Гете (стр. 88):

«Есть умы растительные и умы животные, — наподобие растений и животных или женщин и мужчин. Одним нужна, так сказать, почва, на которой они укрепляются и из которой извлекают себе пищу (какая-нибудь наука); другие, которые свободно ходят повсюду (*ἐλευθεροί*), всем питаются и изо всего извлекают себе пользу: поэты и художники».

Эту мысль Толстой отмечает на полях NB, однако вычеркивает в ней слова: «oder Weiber und Männer» («или женщины и мужчины»), не признавая, очевидно, той разницы женской и мужской природы, которую усматривал Гете.

Отмечен NB также и третий указанный Толстым афоризм Гете (стр. 92, разговор с С. Буасере (S. Boisserée) 1815 года): «Природа такова, что троица не могла бы сделать ее лучше. Это орган, на котором наш господь бог играет, а дьявол раздувает мехи».

Далее отмечен разговор с Мюллером 3 февраля 1823 года. Он следующий (стр. 98): «Если бы я имел несчастье быть обязанным состоять в оппозиции, я бы лучше стал производить восстание и революцию, чем возиться в мрачном кругу вечного порицания существующего. Я никогда в жизни не любил вставать во враждебную, бесполезную оппозицию к преобладающему течению большинства или к господствующему принципу; я лучше, как улитка, забирался в свою собственную скорлупу и жил там так, как мне того хотелось. К чему ведет вечная оппозиция и капризное кри-

¹ Все разговоры Гете приводим в переводе с немецкого.

тиканство и отрицание, это мы видим на Кнебеле¹: оно сделало из него недовольнейшего, несчастнейшего человека; оно, подобно раку, выело все его внутреннее содержание; двух дней нельзя прожить с ним в мире, потому что он на все нападает, что кому-либо мило.

«Что мы в себе питаем, то растет; это вечный закон природы. Есть в нас орган недоброжелательства, недовольства, так же как есть орган оппозиции, духа сомнения. Чем больше пищи мы ему доставляем, чем более мы его упражняем, тем он становится сильнее, пока, наконец, из органа не превращается в болезненную опухоль и все вокруг себя пагубно пожирает. Тогда приходят раскаяние, упреки и прочие нелепости, мы делаемся несправедливы по отношению к другим и к себе самим. Радость по поводу чужих и своих удач и успехов потеряна; в отчаянии отыскиваем мы, наконец, причину всего зла вне нас, вместо того, чтобы искать ее в нашей собственной извращенности. Бери каждого человека, каждое происшествие в их собственном смысле, выходи из себя, чтобы тем свободнее снова возвращаться в себя».

Это длинное рассуждение также отмечено Толстым но-табеной.

Наконец, последний разговор, отмеченный Толстым в письме, — о критиках и журналах, — записан 2 января 1824 года Эккерманом. Гете говорил (стр. 103):

«Кто не хочет верить, что многое в величии Шекспира принадлежит его великому, мощному веку, тот пусть только спросит себя, считает ли он возможным возникновение такого изумительного явления в теперешней Англии 1824 года, в эти скверные дни все критикующих и все разлагающих журналов. То невозмутимое, невинное сомнамбулическое творчество, при котором только и может возрастать что-либо великое, теперь уже совершенно невозможно. Все наши теперешние таланты лежат на подносе гласности. Появляющиеся ежедневно в пятидесяти различных местах критические журналы и шум, производимый ими в публике, не дают появиться ничему здоровому. Кто ныне не удаляется от этого вполне и не изолирует себя насильственно, тот пропал. Правда, через этот плохой, большей частью отрицательный, разводящий эстетику и критику журнализм, появляется некоторый род полукультуры в массах; однако для творческого таланта это вредный туман, падающий сверху яд, который разрушает дерево в его творческой силе, начиная с зеленой красоты листвы вплоть до глубочайшей сердцевины и самых скрытых волокон.

«И потом как вяла и слаба стала сама жизнь за эти два

¹ Карл Людвиг Кнебель (1744—1834) — немецкий писатель.

дрянные столетия! Где теперь еще встретишь открытую, оригинальную натуру? И у кого есть сила быть правдивым и показать себя тем, что он есть? Но ведь все это воздействует на поэта, который должен отыскивать все в себе самом, так как извне он ничего не получает».

Таковы пять разговоров Гете, особо отмеченных Толстым в письме по поводу «Гетевского календаря». Но, кроме них, он нашел в книге еще много «глубокомысленного и остроумного», как писал он, что было отмечено им на полях книги. Целый ряд разговоров Гете с разными лицами о самых различных предметах: об искусстве, о женщинах, о религии, о чтении книг, о науках, о медицине, о национальной ненависти, о национальных различиях и многом другом привлек внимание Толстого.

Им отмечается, например, разговор об искусстве с Давидом Фейтом 19 октября 1794 года, стр. 46—47:

«Искусства должны осуществляться, будь то поэзия, живопись или что другое. Тот, кто дает правила, тот должен быть очень медлителен, а художник не может ждать и должен чего-либо придерживаться. На это ведь и существует гений. Гений представляется мне всегда счетной машиной: повернут ее, результат верен; она не знает, почему или как... До сих пор, — сказал он между прочим, — в теории часто ссылались на эмпирические правила, на положения, основанные на опыте, и в искусствах говорили всегда о том, чем вещи должны казаться, а не о том, чем они должны быть и как их делать. Послушайте: мне представляется так: кто-нибудь пришел в театр, и пьеса ему нравится, и он думает, как и каждый: ты тоже мог бы написать такую хорошую пьесу, и пишет сообразно эффекту, произведенному пьесой. Но, боже мой! ничего не выходит; нужно знать, сколько неприятных частей необходимо для того, чтобы целое произвело приятный эффект¹. Короче: как люди говорят и пишут, это и значит по большей части писать пьесу как зритель. Нужно идти за сцену; нужно изучить машины и лестницы».

О женщинах и об отношении к ним отмечено Толстым три разговора Гете. Примеру Гете говорил 29 января 1804 года (стр. 54):

«У женщин, даже самых образованных, больше аппетита, чем вкуса. Всего им хочется отведать, их притягивает».

¹ Ср. у Толстого: «Он читает, и ему кажется все так просто: «тут ничего нет особенного, это и я так напишу», и он садится и начинает писать. А того не знает, каким огромным, упорным трудом далась автору эта простота, — путем бесконечных вымарываний, вычеркиваний всего ненужного, переделок... (Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», изд. «Посредник», М. 1912, стр. 281, запись слов Толстого от 18 мая 1909 г.)

все новое. Они не различают между тем, что привлекательно, что нравится, что признается справедливым; все это они валят в одну кучу. Что не против их условного вкуса, как бы оно ни было бессодержательно, пусто, мелко, дурно, то им нравится. Но им часто не нравится то, что не сходится с этой их условностью, хотя бы само по себе оно было превосходно».

Далее Толстым отмечен разговор 6 сентября 1810 года (стр. 79):

«Кто ненавидит женщин, тот в сущности более любезен по отношению к ним, чем тот, кто их любит; потому что первый считает их непреодолимыми, а второй еще надеется поладить с ними».

Наконец, к 1815 году относится разговор о женщинах с Буасере (стр. 92):

«Все же отношения с женщинами одни не могут наполнить жизнь и приводят к слишком большой запутанности, к мучениям и страданиям, которые истощают нас, или же к совершенной пустоте».

Толстой подчеркивает слова: «или же к совершенной пустоте».

Вопросам религии посвящено пять отмеченных Толстым разговоров. На первой же странице отдела разговоров (стр. 33) приведен относящийся к маю — июню 1772 года рассказ Иоганна Христиана Кестнера, где сказано про Гете:

«Он не ходит в церковь, не ходит причащаться и редко молится, потому что, говорит он, я для этого недостаточно джив».

Толстой, борец против религиозного лицемерия, подчеркивает все это место и, кроме того, подчеркивает последние слова.

Из длинного, на четырех страницах, разговора с Фальком 25 января 1813 года Толстой подчеркивает мнение Гете о продолжении индивидуального существования после смерти:

«Впрочем, много или мало из этой индивидуальности заслуживает продолжения, это другой вопрос; это дело мы должны предоставить богу».

Далее Толстым подчеркнуты слова Гете:

«Я обыкновенно не придаю никакой исключительной ценности идеям, в основе которых не лежит чувственное восприятие».

Наконец, он отмечает вопросительными знаками три места о монадах, о возможных «Fischplaneten und Vogelplaneten» (планетах рыбах и планетах птицах) и т. д.

Отмечается Толстым и разговор 31 декабря 1823 года с Соре «о религиозных предметах и злоупотреблении именем божьим» (стр. 101): «Он для них, особенно для ду-

ховных, у которых он всегда на языке, сделался пустой фразой, одним именем, при произнесении которого они совершенно ничего себе не представляют. А если бы они прониклись его величием, они бы замолкли и не могли бы его назвать от благоговения».

8 июля 1830 года с Мюллером (стр. 119): «Христос мне представляется в высшей степени значительным, но проблематичным существом. Человечество находится теперь в состоянии религиозного кризиса; каким образом оно пройдет через этот кризис, я не знаю, но оно должно пройти и пройдет. С тех пор как люди стали понимать, какой глупый вздор им внушали, и с тех пор как они поверили, что апостолы и святые были молодцы не лучше, чем такие парни, как Клопшток, Лессинг и мы, такие же несчастные щенята, естественно должно все странно перевернуться в головах».

С Эккерманом 11 марта 1832 года, за одиннадцать дней до смерти (стр. 121): «Если меня спрашивают, свойственно ли мне оказывать ему (Христу) поклонение и благоговение, то я говорю: несомненно! Я преклоняюсь перед ним, как перед божественным откровением высочайшего принципа нравственности. Если меня спрашивают, свойственно ли мне почитать солнце, то я опять говорю: несомненно! Потому что оно также есть откровение высочайшего, и самое могущественное, что нам, детям земли, дано воспринимать. Я поклоняюсь в нем свету и производящей силе бога, благодаря которой мы «живем, движемся и есмь», и с нами все растения и животные. Но если меня спрашивают, склонен ли я поклоняться перед костью большого пальца апостола Петра или Павла, то я говорю: пощадите меня и отвяжитесь от меня с вашими нелепостями! «Духа не угашайте!» говорит апостол (Павел). Очень много глупого в положениях церкви. Но она хочет властвовать и потому должна иметь ограниченную массу, которая припадает к земле и которая позволяет над собой властвовать».

О свойствах человека, разговор с Римером в июне 1818 года (стр. 95—96): «А ведь странное существо человек! С тех пор, как я знаю, как устроен калейдоскоп (доктор Зебек объяснил нам это), он меня более не интересуется. Господь бог поставил бы нас в затруднительное положение, если бы он открыл нам все тайны природы: мы бы не знали, куда нам деваться от безучастия и скуки».

О профессорах (из рассказов Фалька, относящихся к различным годам, стр. 102): «В другой раз сравнил он профессоров и их цитатами и примечаниями переполненные трактаты, где они блуждают вкривь и вкось и заставляют забыть о главном, с упряжными собаками, которые, не успев сделать несколько шагов вперед, поднимают ногу для ис-

полнения не совсем пристойных дел, так что с этими скотами только топчешься на месте и на час пути тратишь целый день»¹.

О так наз. мелочах (с Иоганном Христианом Лобе, 1820 год, стр. 97): «Нет ничего незначительного на свете. Все зависит от точки зрения».

О книгах и о критиках: «Книга, которая произвела большое действие, собственно говоря, уже не может быть предметом критики. Критика есть вообще простая привычка современных людей. Что это значит? Прочти книгу и представь ей на тебя воздействовать, отдайся этому действию, и тогда придешь к правильному суждению о ней». Первая фраза подчеркивается Толстым (стр. 98).

О нравственности — с Грюнер (Мейер) 24 августа 1823 года (стр. 100): «Новые открытия могут и будут делаться, но не может быть выдуманно ничего нового, касающегося нравственности человека. Все уже передумано, все сказано, и мы — самое большее — можем лишь повторять это под другими формами и в других выражениях. Обратитесь на восток, там найдете удивительные вещи».

О потомстве и о современниках, рассказ Фалька (стр. 102—103):

«Более справедливое потомство»... заговорил я, но Гете, не дождавшись, что собственно хотел я сказать о потомстве, возразил мне с необыкновенной поспешностью: «Я ничего об этом не хочу слышать, ни о публике, ни о потомстве, ни о справедливости, как вы называете, которую вы когда-то воздадите моим усилиям. Я проклинаю своего «Тассо» только потому, что говорят, что он перейдет в потомство; я проклинаю «Ифигению», словом, я проклинаю все, что этой публике когда-нибудь у меня нравилось. Я знаю, что она принадлежит сегодняшнему дню и что сегодняшний день принадлежит ей; но я-то не хочу жить для сегодняшнего дня. Именно поэтому пусть отстанет от меня этот Коцебу, так как я твердо решил ни одного часа не потерять с людьми, про которых я знаю, что они — не мои, и я — не их. Да, если бы только когда-нибудь довелось мне написать такое сочинение — но я слишком стар для этого — за которое бы меня немцы пятьдесят или сто лет один за другим вполне основательно проклинали и везде и повсюду ничего не говорили бы про меня, кроме дурного, — это бы меня обрадовало выше всякой меры. Это должно было быть великолепное произведение, которое произвело бы такое действие на такую от природы совершенно равно-

¹ Ср. у Толстого: «Ученые совсем как собаки: на нюхают какое место, потом их и не отгонишь от него» (В. Лазурский, «Из воспоминаний о Льве Толстом» — «Русская мысль» 1911, 11, стр. 58).

душную публику, как наша. В ненависти ведь есть по крайней мере характер, и если бы только мы вновь начали с начала и в чем бы то ни было показали основательный характер, то мы вновь были бы на полдороге к тому, чтобы стать народом. В сущности говоря, большинство из нас не умеют ни ненавидеть, ни любить. Я им нежелателен! Это — слабое слово! Они мне также нежелательны! Я никогда не делал ничего в угоду им!..»

О постоянном движении вперед и об изменениях в жизни народов (с Эккерманом 4 января 1824 г., стр. 104): «Время постоянно идет вперед, и человеческие дела каждые пятьдесят лет имеют другой вид, так что устройство, которое в 1800 году было совершенством, в 1850 году, быть может, станет уже недостаточным. И с другой стороны для народа хорошо только то, что выросло из его собственной сущности и его собственной всеобщей потребности, а не из обезьянства перед другим народом; потому что то, что для одного народа в известном возрасте может быть благотворным питанием, то для другого, быть может, окажется ядом. Поэтому все опыты ввести чужеземное новшество, потребность в котором не коренится в глубинах сущности самого народа, — глупость, и все такого рода преднамеренные революции успеха не имеют».

О медицине и врачах — с Мюллером 12 августа 1827 г. (стр. 108). Скептически относившийся к медицине Толстой подчеркивает следующие слова Гете: «Наша жизнь при помощи врачей не может быть действительно продлена ни на один день, мы живем столько, сколько определено богом; но большая разница, живем ли мы плачевно, как несчастные собаки, или хорошо и здорово, и здесь умный врач много может сделать».

В длинном разговоре с Эккерманом 12 марта 1828 года об англичанах и немцах (стр. 111—112) Толстой отмечает три места. Говоря об англичанах, живших в Веймаре, Гете сказал: «Они приезжают сюда молодыми, лет семнадцати, но вовсе не чувствуют себя здесь, на немецкой чужбине, чужими и потерянными; напротив, их выступления в обществе и их обхождение так полны уверенности и так спокойны, как будто они повсюду господя и как будто весь мир принадлежит им. Это-то и нравится нашим женщинам, и этим они в сердцах наших молодых дамочек и производят такие опустошения».

Быть может, отметка Толстого не столько относилась к указанному Гете свойству англичан, сколько к его наблюдению над немецкими женщинами.

Следующая отметка Толстого относится к замечанию Гете относительно господствовавшей тогда в Германии системы воспитания, — той системы, которую так бичевал

Толстой в своих педагогических статьях: «Теперь, когда их [соседских детей] из их домов манит весеннее солнышко и они перед дверьми своих домов начинают играть с товарищами, я вижу их постоянно чем-то стесненными, как будто они не уверены и боятся приближения какого-нибудь полицейского начальника. Мальчишка не смеет ни щелкнуть бичом, ни запеть, ни крикнуть: тотчас явится полиция и запретит. Все у нас идет к тому, чтобы преждевременно укротить милую юность и изгнать всякую естественность, всякую оригинальность и всякую буйность, так чтобы в конце концов остался один филистер».

Наконец, последним в этом длинном разговоре Гете отмечено Толстым следующее место: «Когда я с ними [молодыми немецкими учеными, приезжающими с северо-востока] пускаюсь в разговоры, я тотчас замечаю, что то, что нашего брата радует, им кажется ничтожно и пошло, что они целиком погружены в идею и что они способны интересоваться только высшими проблемами умозрения. В них нет и следа здорового чувства и радования тому, что действует на чувства, и всякое юное желание в них истреблено, и притом безвозвратно, потому что, если кто в двадцать лет не молод, то чем он станет в сорок?» Гете вздохнул и замолчал».

Толстой, всегда разделявший пушкинское «блажен, кто смолоду был молод», вероятно, с особенным удовольствием отчеркнул эти излияния Гете.

Далее, с Эккерманом 12 февраля 1829 года о правоте меньшинства (стр. 114): «Все великое и умное существует в меньшинстве. Были такие министры, которые имели против себя и народ, и короля и которые одиноко проводили свои великие планы. Никогда не следует думать, что разум станет популярен. Страсти и чувства могут быть популярными, но разум всегда будет достоянием только отдельных выдающихся людей».

С Сорэ (Soret) 14 марта 1830 г. о национальной ненависти (стр. 116): «Вообще странная вещь национальная ненависть. На самых низких ступенях культуры вы найдете ее всегда в сильнейшей и ожесточеннейшей степени. Но есть ступень, где она совершенно исчезает и где люди в известной степени стоят над народами и счастье или бедствие соседнего народа чувствуют, как свое собственное. Эта ступень культуры была свойственна моей натуре, и я давно уже укрепился на ней, прежде чем достиг своих шестидесяти лет».

О том, как следует держать себя в так называемом «светском» обществе, отмечен (стр. 35) рассказ Иоганна Каспара Лафатера (конец июля 1774 года): «В довольно большом обществе Гете сказал мне однажды: «Когда на-

ходятся в обществе, берут ключ от сердца и прячут его в карман; те, кто оставляет его в замке, дураки».

О «необразованной» стороне человека (Римеру, 1808 год, стр. 70): «Только необразованная сторона в нас делает нас счастливыми. Она есть в каждом человеке».

О жителях севера (Римеру, 1808 год, стр. 72): «Очень многие люди на севере имеют в себе гораздо более идеального, чем им нужно и чем они могут переработать; отсюда странные явления сентиментализма, религиозности, мистицизма и пр.».

Об отношении толпы к гению — с Римером в 1813 году (стр. 87): «Все дело с гением состоит в том, что люди иногда дозволяют какому-нибудь человеку то, чего они не позволяют друг другу, а именно, право быть тем, чем он хочет и чем ему приятно быть».

Одно автобиографическое признание Гете (28 апреля 1819 года) Толстой прилагал к себе (стр. 96):

«Вечером было большое общество у Гете. Он рассказывал Л. Фон-Эглофштейн, что он может плакать разве только при упоминании о редком нравственном или эстетическом превосходстве, но уже никогда более из сострадания или от собственных тягот». В неизданных «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого рассказывается, как 23 мая 1909 г. Толстой прочитал вслух эту запись и прибавил:

— Как это верно, — по-стариковски.

Чрезвычайно интересны те высказывания Гете, которые со стороны Толстого вызвали отметку вопросительным знаком. В них столкнулись два противоположные мирозерцания — Гете и Толстого. Идеалист, сторонник (в этом вопросе) Канта и Шопенгауэра, Толстой недоумевает по поводу следующего рассказа Шопенгауэра, отнявшегося к 1813 году (стр. 88): «Этот Гете в такой полной степени был реалист, что ему никогда и в мысль не могло притти, чтобы предметы, как таковые, существовали лишь постольку, поскольку они представлялись познающим субъектом. — «Как! — сказал он мне однажды, взглянув на меня своими юпитерскими глазами, — свет, существует лишь постольку, поскольку вы его видите? Нет! Вас бы не существовало, если бы свет вас не видел».

Вызывает недоумение у автора «Крейцеровой сонаты» и следующее признание 73-летнего Гете, сделанное им Мюллеру 22 мая 1822 года (стр. 98): «Плохо мне, потому что я не влюблен и в меня никто не влюблен».

Двумя вопросительными знаками сопровождает Толстой следующее замечание Гете (в разговоре с Мюллером и Римером 31 марта 1823 года, стр. 99): «Нет ничего вреднее, как всегда себя оттачивать и желать сделать лучше, ни-

когда не приходя ни к какому завершению; это препятствует всякой продуктивности».

Кроме разговоров Гете, Толстым отмечены некоторые его стихи, приведенные в первой части книги. Это — короткие изречения, по большей части в виде одного-двух стихов, главным образом из лирических стихотворений Гете. Пометки Толстого — отчеркивания на полях; лишь в одном случае поставлен вопросительный знак. Отмечались Толстым преимущественно те стихи, в которых нашла свое выражение гетевская жизнерадостность, как, например:

Willst du dir ein hübsch Leben zimmern,
Musst dich ums Vergangene nicht bekümmern;
Das Wenigste muss dich verdriessen;
Musst stets die Gegenwart geniessen,
Besonders keinen Menschen hassen
Und die Zukunft Gott überlassen.

(«Lebensregel» 1814).

(Хочешь ты устроить себе красивую жизнь —
Не заботься о прошедшем;
Пусть лишь небольшое тебя огорчает;
Всегда наслаждайся настоящим
И в особенности никого не ненавидь
И будущее предоставь богу)¹.

Ein guter Abend kommt heran,
Wenn ich den ganzen Tag gethan.

(«Lebensgenuss» 1827—1830).

(Добрый вечер наступает после того, как я целый день
работал).

Ich lasse einem jeden sein Bestreben,
Um auch nach meinem Sinn zu leben.

(«Zahme Xenien» 1827—1830).

(Я оставляю каждому его стремления,
Чтобы и мне жить по моему разумению).

Was machst du an der Welt! Sie ist schon gemacht,
Der Herr der Schöpfung hat alles bedacht.

(«Westöstlicher Divan»).

(Что ты мудришь с миром! Он уже устроен,
Господь творенья все обдумал).

¹ Даем для точности прозаический перевод.

Другие пометки Толстого относятся к выражениям гетевской мудрости, на которой останавливает Толстой свое сочувственное внимание:

Gar Vieles kann, gar Vieles muss geschehn,
Was man mit Worten nicht bekennen darf.
(«Die natürliche Tochter» 1803).

(Многое может и многое должно случиться,
Чего не выразишь словами).

Ein unnütz Leben ist ein früher Tod.
(«Iphigenie»).

(Бесполезная жизнь есть ранняя смерть).

Gleich sei keiner dem andern; doch gleich sei jeder
dem Höchsten!
Wie das zu machen? Es sei jeder vollendet in sich.
(«Vier Jahreszeiten» 1796).

(Пусть никто не походит на другого, но пусть
каждый уподобляется высочайшему.
Как это сделать? Пусть каждый будет завершен
в себе).

Ein Vorsatz, mitgeteilt, ist nicht mehr dein.
(«Die natürliche Tochter»).

(Намерение сообщенное уже более не твое).

Wer nicht vorwärts geht, der kommt zurück! So
bleibt es.
(«Hermann und Dorothea» 1747).

(Кто не идет вперед, идет назад. Так всегда бы-
вает).

Kein kluger Streiter hält den Feind gering.
(«Iphigenie»).

(Ни один умный боец не считает своего против-
ника ничтожным).

Wenn du eine weise Antwort verlangst,
Musst du vernünftig fragen.
(«Aus dem Nachlass»).

(Если желаешь получить мудрый ответ,
Ты должен разумно спрашивать).

Из жизненных наблюдений и обобщений Гете отмечаются Толстым:

Was man zu heftig fühlt, fühlt man nicht allzulang.
(«Die Laune des Verliebten»).

(Что слишком сильно чувствуют, то чувствуют не
слишком долго).

Из второй части «Фауста» Толстым отмечено три выдержки:

1) Den lieb ich, der Unmögliches begehrt.
(«Klassische Walpurgisnacht»).

(Того люблю я, кто желает невозможного).

2) Natur ist Sünde, Geist ist Teufel;
Sie liegen zwischen sich den Zweifel,
Ihr missgestaltet Zwitterkind.
(Akt 1, Saal des Thrones; Kanzler).

(Природа — грех, дух — дьявол;
Они обоюдно питают сомненье, —
Их безобразное двуполое дитя).

3) Sie streiten sich, so heisst's, um Freiheitsrechte;
Genau besehn, sind's Knechte gegen Knechte.
(2 Akt, Mephistopheles).

(Они спорят, — так это называется, — о правах свободы,
А в сущности — это рабы сражаются с рабами).

Последнее двустихие отчеркнуто Толстым с двух сторон; оно, очевидно, показалось ему особенно удачным.

Человек противоположного миросозерцания, считавший Гете «язычником», Толстой при чтении изречений и избранных стихов Гете не мог не поддаться обаянию его гениальности, о чем свидетельствует красноречиво карандаш, с которым Толстой читал книгу, и подтверждает его письмо.

Н. Гусев.

НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

Толстой — замечательный мастер прозы — свою литературную деятельность начал стихами. Двенадцатилетним мальчиком, в 1840 г., он написал первое произведение — поздравительные стихи «Милой тетишке». Это стихотворение Толстого известно. Впервые по автографу оно напечатано в Юбилейном Академическом первом полном собрании сочинений Л. Н. Толстого, т. I, Гиз, М. — Л. 1928, стр. 214. В следующем 1841 г. Толстой написал свое второе произведение — стихотворение-эпитафию на памятник гр. А. И. Остен-Сакен. Это стихотворение Толстого можно считать почти неизвестным. Несмотря на то, что оно появилось в печати в 1911 г. (см. статью Е. В. «Л. Н. Толстой и Оптина пустынь» — «Душеполезное чтение» 1911, № 1, стр. 21), исследователи жизни и творчества Толстого прошли мимо него, и оно не включено в Академическое собрание сочинений Толстого. Вот это стихотворение:

Уснувшая для жизни земной,
Ты путь перешла неизвестный.
В обителях жизни небесной
Твой сладок, завиден покой.
В надежде сладкого свиданья —
И с верою за пробом жить,
Племянники: сей знак воспоминанья —
Воздвинули: чтоб прах усопшей чтить.

Сохранившийся «автограф» этого восьмистишия Толстого необычен.

Стихи написаны на боковых сторонах памятника гр. Александры Ильиничны Остен-Сакен, рожд. гр. Толстой, похороненной на кладбище Оптиной пустыни бывшего мужского монастыря в Калужской губ.

Весною 1928 г. этот памятник, вследствие ликвидации кладбища, был снесен и вместе с другими памятниками

оставлен у монастырской стены. В 1929 г. Толстовским музеем он был оттуда взят и перевезен в Ясную Поляну, где и находится в настоящее время.

Самый памятник представлял собою огороженный небольшой решеткой постамент темного мрамора высотой в аршин, на верхней части которого, судя по отверстию, был металлический крест. На этом постаменте высечены надписи: на лицевой стороне — «Полковница Графиня Александра Ильинична фон-дер-Остен-Сакен», на противоположной — «Скончалась 30 августа 1841 года, жития ее было 44 года».

Гр. Александра Ильинична Остен-Сакен, дочь гр. Ильи Андреевича Толстого (1757—1820) и Пелагеи Николаевны, рожд. Горчаковой (1762—1838), была родной, старшей теткой Толстого — по отцу.

В своих «Воспоминаниях», написанных в 1903—1906 гг., Лев Николаевич говорит об Александре Ильиничне, как о важном лице в его детстве, и посвящает ей всю пятую главу, которая является единственным источником сведений об Александре Ильиничне, если не считать двух писем А. И. Остен-Сакен, опубликованных С. Л. Толстым в книге «Мать и дед Л. Н. Толстого», М. 1928. Толстой рассказывает жизнь своей тетки и рисует ее облик, явно любясь ею как человеком¹.

В 1837 году умер отец Толстого, Николай Ильич, который, по словам Льва Николаевича, среди лиц, окружавших его, занимал первое место, хотя не по влиянию на него, а по его чувству к отцу. В следующем, 1838 году скончалась бабушка Пелагея Николаевна. Дети Толстые остались круглыми сиротами. Опекуншей над ними была назначена Александра Ильинична, ставшая также и их воспитательницей. Именно в эти годы она и становится «важным лицом» в детской жизни писателя. Она влияет на него своей религиозностью, смиренном, добрым отношением к людям, тем, что не может «приписывать мирским делам ту важность, которая им приписывается».

Не следует, конечно, забывать, что свои воспоминания Толстой писал на склоне лет, когда религиозные вопросы играли в его жизни и творчестве первенствующую роль. Конечно, образ «скучной богомолки», как А. И. Остен-Сакен называет себя в одном из писем, Толстому был близок по духу. Рисуя его, он, возможно, идеализирует свою тетку, описывая те черты, которые наиболее интересовали его самого в 1900-е гг.

¹ В Толстовском музее хранятся два портрета — миниатюры А. И. Остен-Сакен, изображающие ее молодой «поэтической» «Аline». В Ясной Поляне имеются 3 других портрета (масло, пастель и миниатюра), изображающие ее также в годы молодости.

Стихи были написаны Толстым от лица всех пятерых племянников Толстых, точно так же, как от их имени был поставлен памятник.

Помимо этих биографических данных о принадлежности перу Толстого стихов — эпитафии, в ней легко заметить литературное сходство с прежним первым стихотворным опытом Толстого — поздравительными стихами, написанными им своей воспитательнице Татьяне Александровне Ергольской, напечатанными в первом томе «Юбилейного издания» сочинений Толстого.

Эти детские стихи своей несовершенной формой и угловатостью сходны со стихами-эпитафией и наоборот, эпитафия весьма напоминает поздравительные стихи. Оба стихотворения написаны на случай: первые ко дню ангела Т. А. Ергольской, вторые — в связи со смертью А. И. Остен-Сакен. Повидимому, Толстой, склонный с раннего возраста к художественному слову и искусствам, был в Ясной Поляне домашним стихотворцем. Возможно, что им в детстве были написаны и другие стихи, до нас не дошедшие.

В «Детстве» Толстой описывает поздравительные стихи Николиньки Иртеньева. Это, конечно, автобиографическое описание.

Интересно отметить, что детские стихи Толстого перекликаются с его позднейшими стихотворными опытами. В начале своей литературной деятельности Толстой, повидимому, серьезно мечтал быть поэтом. Он читает Лермонтова, Пушкина, Грибоедова, Гете, Гейне (см. записи в Дневнике 1854 г. 6, 8, 9, 11 июля и 1855 г. 6, 7, 8 февраля) и сам пробует писать стихи. До нас дошло несколько стихотворений Толстого, написанных в то время (1852—1854 гг.): «К западне», «Давно позабыл я о счастье», «Когда же, когда наконец перестану», две попытки писания стихами «Казак», «Севастопольская песня» (см. т. 1 и 4 Акад. изд.). Эти стихи по своему содержанию совершенно отличны от детских стихов. Прежде всего это произведения взрослого человека. В них выражены раздумья Толстого над жизнью, неудовлетворенность своей судьбой. Он «следит картины» своей жизни и счастья в ней находит «одну лишь минуту», терзается, что ему приходится «без цели и страсти свой век проводить», его мучает «от рожденья грядущей ничтожности горький залог, томящая грусть и сомненья».

Некоторые из этих стихотворений написаны под влиянием других поэтов. Например, в стихотворении «Когда же, когда наконец перестану...» ясно звучит лермонтовское настроение.

Однако в этих серьезных, взрослых стихах Толстого есть общее с детскими стихами — это их поэтическая беспомощность, формальная полость, полное неумение Толсто-

го овладеть стихом, его формой и размером. Толстой сам сознавал свою слабость в стихах. Под стихотворным отрывком «Казачков», с датой «1853, 16 апреля, Червлённая», он написал: «Гадко».

Если вспомнить, что Пушкин четырнадцати лет написал поэму «Монах» и много совершенно зрелых великолепных стихотворений, и что Лермонтов в этом же возрасте написал «Кавказского пленника», «Черкесов», «Корсара» и много лирических стихотворений, а пятнадцати лет задумал и начал писать «Демона», то надо признать, что Толстой не был поэтом от природы. Стихотворная форма давалась ему трудно и была для него совершенно чуждой.

Детские стихотворения Толстого не представляют собою оригинальных художественных образцов его первых творений. Они интересны, как первые его литературные произведения, как первые бессознательные попытки проявившегося в нем писателя, имеющие, однако, на себе уже печать творческой индивидуальности Толстого. Поэтому стихотворная эпитафия на памятнике А. И. Остен-Сакен должна быть включена в дополнительный том Академического собрания сочинений Л. Н. Толстого, как один из немногих дошедших до нас детских литературных опытов великого писателя.

Г. Волков.

ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО

П. И. БАРТЕНЕВУ

Петр Иванович Бартенев (1829—1912) — знаток русской истории и истории русской литературы, с 1863 года издатель исторического журнала «Русский архив».

Затрудняемся определить время первого знакомства Толстого с Бартеневым. В записной книжке кн. П. А. Вяземского под 22 октября 1857 г. значится: «Вечер у Сушковых: Растопчина, Лев Толстой, Щебальский, собиратель и литературный сыщик Бартенев»... (кн. П. А. Вяземский, «Старая записная книжка» — «Собрание сочинений», т. X, стр. 171). Однако запись Вяземского находится в противоречии с записью самого Толстого того же дня.

1 января 1863 г. Толстой с Бартеневым встретились на ужине вместе с М. П. Погодиным и кн. В. А. Черкасским, как это записал М. П. Погодин в своем неопубликованном дневнике. В период работы над «Войной и миром» Толстой неоднократно обращался за материалами к Бартеневу, бывшему тогда библиотекарем Чертковской библиотеки в Москве. Первое письмо Толстого к Бартеневу относится к 7 декабря 1864 г.; затем в переписке следует перерыв в два с лишком года — до 31 марта 1867 г.

22 июня 1867 г. Толстой заключил с Бартеневым условие о том, что Бартенев берет на себя чтение после автора корректур романа, публикацию о выходе его в свет и предоставляет свой склад для продажи вновь выходящих томов. С этого времени письменные и личные сношения Толстого с Бартеневым стали особенно оживленны. За 1867—1869 гг. сохранилось 34 письма Толстого к Бартеневу.

По выходе в свет «Войны и мира» переписка Толстого с Бартеневым значительно ослабела. С 1870 по 1902 год известно только восемь писем: одно письмо от 6 марта 1870 г. с просьбой прислать или указать статьи об украинском философе Г. С. Сковороде; одно письмо от января 1874 г. в ответ на просьбу Бартенева возвратить взятые у него книги; четыре письма 1878—1879 гг. в связи с работой Толстого над романом «Декабристы» и два письма от 11 и 24 сентября 1902 г. в связи с работой над повестью «Хаджи Мурат».

Ответные письма Бартенева, очень немногочисленные, хранятся в Толстовском кабинете Рукописного отдела Всесоюзной библиотеки им. Ленина. Последний раз Бартенев виделся с Толстым в Москве зимою 1899—1900 г.

До сих пор опубликовано всего 25 писем Толстого к Бартеневу: тринадцать — Ю. П. Бартеневым в «Русском архиве» 1913 г., № 12 и 1914 г., № 1 (причем одно письмо ошибочно было принято им за два письма); четыре письма — Н. Н. Апостоловым в журнале «Печать и революция» 1924 г., кн. 4; восемь писем — М. А. Цявлов-

ским в сборнике «Толстой и о Толстом. Новые материалы», вып. 4, изд. Толстовского музея, 1928. Восемь писем печатаются в «Летописях Государственного Литературного музея» (Москва).

Публикуемыми ниже письмами* заканчивается публикация всех писем Толстого к Бартеневу, хранившихся в архиве Бартенева. (Существует еще одно короткое письмо Толстого к Бартеневу, повидимому, не отправленное, оставшееся в архиве Толстого и хранящееся в Толстовском кабинете Ленинской библиотеки. Оно относится к 1869 г.). Мы публикуем всего 22 письма 1867—1902 гг., касающиеся работы Толстого над «Войной и миром», «Декабристами» и «Хаджи Муратом».

К первому периоду — работа над «Войной и миром» (1867 г.) относятся 16 писем. Из них уже были опубликованы Ю. П. Бартеневым в «Русском архиве» одиннадцать писем и Н. Н. Апостоловым одно письмо, но так как письма были опубликованы неполностью, неточно и без всяких комментариев, мы печатаем и эти письма в общей связи переписки. Мы руководствовались при этом тем соображением, что публикуемые письма являются главнейшим материалом для истории работы Толстого над «Войной и миром» за этот период. Благодаря этим письмам мы имеем точную хронологию работы Толстого над отдельными кусками романа и видим все то напряжение, с каким заканчивалось им уже в корректурах создание грандиозной эпохи («У меня в голове страшный дурман — я четвертый день не разгибаясь работаю, и теперь второй час ночи», — писал он в письме от 26 ноября 1867 г.). В письмах этих мы снова и снова видим отражение той характерной для Толстого шлифовки текста, которая заставляла его много раз переделывать одно и то же место: «То именно, что вам нравится, было бы много хуже, ежели бы не было раз 5 перемарано» (письмо от середины августа 1867 г.). Видим его тревогу за правильное воспроизведение каждого слова его труда: «В четвертом томе Ростов делает атаку, и там есть слово а л л ю р, который непременно переврут», — писал он в письме от 6 декабря 1867 г.

Письма отражают также и тревогу Толстого перед царской цензурой — его опасения за судьбу отдельных мест романа: «Пожалуйста руководствуйтесь тем, что я писал вам в последнем письме, т. е. вымарывайте все, что сочтете опасным» (письмо от 8 декабря 1867 г.). Ценны и ответные письма Бартенева, дополняющие картину работы Толстого.

К периоду работы над «Декабристами» относятся 4 письма Толстого и к работе над «Хаджи Муратом» — два письма.

1

1867 г. Марта 31. Я. П.

Уважаемый Петр Иванович!

Посылаю Вам письмо Павла к моему деду Николаю Сергеевичу Волконскому¹, которое давно у меня валяется. Пожалуй оно для вас будет иметь какой нибудь интерес².

* Все эти письма входили в общий архив П. И. Бартенева и были им самим переплетены в соответствующие томы его огромной эпистолярки (всего 54 тома). Весь этот архив писем теперь находится в Государственном Литературном музее, приобретенный от последующих владельцев его. Публикуемые здесь письма Л. Н. Толстого были извлечены прежними владельцами из разных томов этого собрания П. И. Бартенева и проданы отдельно в Государственный Толстовский музей, чем неосомненно нарушено единство архива П. И. Бартенева и его желание сохранить всю свою переписку в целостном виде.

Прим. ред.

Статью для Архива³ я непременно напишу⁴, но не теперь. Теперь я ничего не могу делать кроме окончания моего романа. Но за намерение мое или просто за то, что вы любезный человек, сделайте мне одолжение. Напишите мне, ежели это не составит для вас большого труда, материалы для истории Павла Императора. Не стесняйтесь тем, что вы не все знаете. Я ничего не знаю, кроме того, что есть в Архиве. Но то, что есть в Архиве⁵, привело меня в восторг. Я нашел своего исторического героя⁶. И ежели бы бог дал жизни, досуга и сил, я бы попробовал написать его историю⁷. Желая Вам всего лучшего.

Сотрудник ваш гр. Л. Толстой.

31 Марта.

Письмо Павла не посылаю, потому что на нем печать очень толста, а на днях пришло с людьми, к[оторые] едут в Москву⁸.

Год определяется содержанием: упоминанием о работе над окончанием романа «Война и мир».

¹ Князь Николай Сергеевич Волконский (1753—1821) — дед Толстого по матери.

² Известны два письма Павла I к Н. С. Волконскому — от 18 и 19 мая 1799 г., относящиеся ко времени службы Волконского в Архангельске в должности архангельского военного губернатора.

³ «Архив» — «Русский архив», исторический журнал, издававшийся П. И. Бартевыми с 1863 г.

⁴ Толстой обещал Бартеву для его журнала статью «о тщете исторических разысканий», о чем Бартев еще раз напоминал Толстому в письме от 13 августа 1867 г. См. ниже письмо № 5.

⁵ В 1905 г. Толстой вторично читал материалы о Павле. В Дневнике 12 октября 1905 г. он записывает: «Читал Павла. Какой предмет! Удивительный!» Толстой читал тогда исследование Н. К. Шильдера: «Император Павел I», изд. Суворина, Спб. 1901, и дневник воспитателя Павла С. А. Порошина: «Записки, служащие к истории Павла Петровича», Спб. 1891.

⁶ В «Русском архиве» за 1864—1867 гг. (первая половина) были помещены следующие статьи о Павле I: «Из дневника А. Т. Болотова — Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла Петровича» — «Русский архив» 1864 г., стр. 54, 201, 295, 596, 748; Ф. Н. Фортунатов, «По поводу анекдотов Болотова об императоре Павле I» — «Русский архив» 1864, стр. 471; Письма Павла Петровича к Николаю Петровичу Архарову — «Русский архив» 1864, стр. 873; «Расказы Генерала Котлубицкого о временах императора Павла I» — «Русский архив» 1866, стр. 1301—1331; Письма великого князя Павла Петровича к графу Ивану Григорьевичу Чернышеву — «Русский архив» 1867, стр. 179—203; «Ю. А. Нелединский-Мелецкий. Очерк его жизни по семейным бумагам» — «Русский архив» 1867, стр. 101.

⁷ Толстой о Павле не писал ни в 1867, ни в 1905 г.

⁸ Повидимому, письмо Павла I Бартеву не было послано. В настоящее время оба письма хранятся в Гос. Толстовском музее.

Ответ Бартева на письмо Толстого неизвестен.

1867 г. Июня 30. Я. П.

Посылаю вам первую половину второй части¹ — листов девять печатных, считая с тем, что я отдал². Ожидаю с нетерпением корректуру и удивляюсь, почему до сих пор мне их еще не присылали³. Также обещанные бандероли с адресами⁴ Рис⁵ не принес мне, ни Берсу⁶, которого я просил переслать мне их, не прислал мне их.

Вторую половину первой части печатное я отошлю завтра. Работа моя идет успешно, и я уверен, что с своей стороны не задержу печатания и не буду платить штрафа, только бы пересылка шла правильно. — Посылаю теперь рукопись на ваше имя, так как не имею адреса Риса. Получите от него расписку и погоните его печатанием и присылкой мне адресов и корректур. —

Об Англичанке для вас жду ответа на посланное в Англию письмо⁷.

Как получу, извещу вас.

Л. Толстой.

30 Июня.

Год определяется содержанием: началом печатания романа «Война и мир».

¹ Под «первой половиной второй части» романа Толстой разумел главы, напечатанные в № 2 «Русского вестника» за 1866 г. Для отдельного издания Толстой значительно переработал эти главы, в первом отдельном издании составившие главы XXIX—XXXVII первой части первого тома.

² Толстой подписал с типографией Риса условие на печатание «Войны и мира» 22 июня 1867 г., как он писал в тот же день Софье Андреевне (см. «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», изд. 2-е, М. 1915, стр. 69). Повидимому, Толстой тогда уже передал в типографию начало романа, напечатанное в № 1 «Русского вестника» за 1865 г. под названием «1805 год».

³ О причине задержки корректур Андрей Евстафьевич Берс сообщил Толстому в письме от 12 июня 1867 г.: «Вчера ездил я к Бартеневу и не застал его в Москве, он на даче в 70 верстах от Москвы по Рязанскому тракту... Вчера же от Бартенева поехал я к Рису (которого типография не в Армянском переулке, а у самых Мясницких ворот в доме Засецкого). Риса я также не застал в Москве, — он в Петербурге и придет завтра или послезавтра. Приказчики и конторщики его очень переконфузились, когда я стал их упрекать в задержке и неаккуратности отсылки твоего сочинения. Вместо того, чтобы выслать тебе 1-го июля, они послали первый пакет 6-го июля, второй 7-го июля, третий 9-го июля, а четвертый послали при мне 11-го июля. Обещают, что вперед задержек этих не будет, но не менее того я увидаюсь еще с Рисом. Бандерольки также посланы тебе вместе с корректурой. Я буду следить, чтобы они исполняли все по условию». («Толстой и о Толстом. Новые материалы», 3 изд. Толстовского музея, М. 1927, стр. 155).

⁴ Повидимому, Толстой просил типографию послать ему готовые бандероли с адресом типографии для отсылки исправленных корректур (о них же упоминает и Берс в цитированном выше письме).

⁵ Федор Федорович Рис — владелец типографии, где печатался первым отдельным изданием роман «Война и мир».

⁶ Андрей Евстафьевич Берс (1808—1868) — отец С. А. Толстой.

⁷ Письмо Бартенева, в котором он просил Толстого подыскать ему англичанку к его детям, нам неизвестно, так же как и переписка Толстого с другими лицами по этому делу.

Ответ Бартенева на это письмо в архиве Толстого не сохранился.

3

1867 г. Августа 7—8 (?). Я. П.

Я очень много сдал рукописи и корректуры, так что дело никак не за мной, а за ними. Пожалуйста погоняйте их. Во многих местах я ставлю черточки,

без № главы, пожалуйста оставляйте их и корректорам в типографии велите на них обратить внимание.

Так как по новому распределению 1-й том — в особенности первая часть его будет очень велика¹, то в этой части постарайтесь как можно более сжимать и избегать абзацов и напротив как можно более их делать во второй части и вообще во всем 2-м томе, который будет мал².

Из первой (напечатанной) части я велел присылать к себе корректуры всего, исключая тех листов, которые я начинаю черточкой.

Л. Толстой.

Дата определяется предположительно пометой П. И. Бартенева на письме: «Получ. 9 августа 1867».

¹ Первая часть 1 тома первого издания «Войны и мира» (1868—1869 гг.) содержала 47 глав (при нумерации глав пропущены были по недосмотру цифры IV, VIII и IX) на 297 страницах. Вторая часть содержала 19 глав на 146 страницах. Быть может, главы VIII и IX первой части были пропущены потому, что в главе VII были поставлены две черточки (см. текст письма), заменявшие обозначения глав.

² О втором томе см. ниже письмо № 7

4

1867 г. Августа 10. Я. П.

Петр Иванович!

Я корректуры возвращаю теперь очень скоро, и потому желаю и прошу, чтобы мне присылали все корректуры 1-й части¹. Я много сокращаю в 1-й части, отчего выигрывает сочинение во всех отношениях.

Отпечатанные листы — один экземпляр прошу отсылать по городской почте Княжне Элене Сергеевне Горчаковой, на Пятницкой в 3-й Гимназии (женской) ².

Л. Толстой.

10 Августа.

Год определяется содержанием.

¹ Этими словами Толстой отменил свое распоряжение, сделанное в предыдущем письме — о том, чтобы ему посылались не все корректуры первой части первого тома романа.

² Княжна Елена Сергеевна Горчакова (1824—1897) — четверюродная сестра и близкая знакомая Толстого, с 1865 г. начальница 3-й женской гимназии в Москве.

5

1867 г. Августа середина после 13. Я. П.

Я очень давно (5 дней) не получаю корректур. Припугните их пожалуйста. — Не марать так, как я мараю, я не могу и твердо знаю, что маранье это идет в великую пользу ¹. И не боюсь потому счетов типографии, которые, надеюсь, не будут уж очень придирчивы. —

То именно, что вам нравится ², было бы много хуже, ежели бы не было раз пять перемарано. О Николеве ³ и Балашеве Александре ⁴ я вычитал из записок Современника Жихарева ⁵ и потому сомневаюсь в справедливости вашего исправления ⁶. За березовую рощу ⁷ очень благодарен.

Записок Севастопольца ⁸ не успел прочесть, и скучно было. Я не люблю этот игривый тон — и оттого неправдивый. Пороху А. Е. Берс вам обещал дать, ежели или когда вам нужно.

Последние отосланные мною корректуры о приеме Пьера в масонскую ложу ⁹ я бы желал получить еще раз исправленными. — Ежели нельзя, то нечего делать, но лучше бы было.

Теперь самое важное:

Я полагаю, что выпустить два первые тома в Сентябре будет не выгодно для всего издания ¹⁰. Надо выпустить все вместе ¹¹. —

Кроме того при выпуске 2-х томов я теряю запас времени, который мне даст первая часть, не поправленная мною. Запас этот мне нужен особенно для 4-го тома, на котором я боюсь задержать печатание, так как он не вполне готов. — 3-й том надеюсь прислать весь или привезти в начале Сентября. —

Поэтому прошу вас торопить печатанием 2-го тома и на него исключительно посвятить весь шрифт и все силы, а 1-ю часть приберегать на то время, когда произойдет задержка за моей рукописью.

Весь ваш Л. Толстой.

Датируем предположительно на основании писем П. И. Барте-
нева к Толстому от 12 и 13 августа 1867 г., на которые здесь отве-
чает Толстой.

¹ Настоящее письмо Толстого является ответом на два указан-
ные выше письма Бартенева, хранящиеся в Толстовском кабинете
Рукописного отдела Всесоюзной библиотеки им. Ленина. В письме
от 12 августа 1867 г. Бартенев писал: «Вы бог знает что делаете.
Эдак мы никогда не кончим поправок и печатания. Сошлюсь на кого
хотите, большая половина Вашего перемарывания вовсе не нужна;
а между тем от него цена типографская страшно возрастает. Я ве-
лел написать типографии Вам счет за корректуры. Вы убедитесь,
что вам выгоднее нанять самого лучшего министерского перепис-
чика и прислать ко мне уже совсем готовую рукопись, чем припла-
чивать по несколько рублей за каждый лист...» «Ради бога пере-
станьте колупать. С Катковым было можно это делать, и ему можно,
у него своя типография», — писал Бартенев в письме от 13 авгу-
ста 1867 г.

² В письме от 13 августа 1867 г. Бартенев писал: «Объяснение
Безухов с женой и вся глава в Лысых горах хороши до того,
что будут жить вечно: еще лучшего места я не читал во всем ро-
мане...» Это — VI и VII главы первой части второго тома первого
изд. и всех последующих.

³ Николай Петрович Николев (1758—1815) — поэт и драматург.

⁴ Александр Дмитриевич Балашев (1770—1837) — при Александре I
был московским обер-полицмейстером, затем петербургским воен-
ным губернатором. Толстой упоминает о Балашеве по ошибке: сле-
дует — «Беклешов». Александр Андреевич Беклешов (1745—1808) был
московским генерал-губернатором в 1804—1806 гг.

⁵ С. П. Жихарев, «Записки современника», часть 1 «Дневник
студента», Спб. 1859. Толстой из книги Жихарева заимствовал опи-
сание обеда в честь Багратиона в Английском клубе в Москве. От-
сюда же взяты стихи, сочиненные поэтом Николевым в честь Ба-
гратиона, и то, что «за обедом князь сидел между двумя Алексан-
драми: А. А. Беклешовым и А. Л. Нарышкиным». См. С. П. Жихарев,
«Записки современника», стр. 329—330, и главу 3 первой части вто-
рого тома «Войны и мира».

⁶ Бартенев в письме от 12 августа 1867 г. внес следующие по-
правки в текст Толстого, о котором идет речь: «Во 2-м листе
второго тома я счел нужным вместо гр. Александра Уварова, коего
не было, поставить Федора Петровича Уварова, приезжавшего в
Москву с Багратионом. Вместо Николева, который не мог читать
своих стихов в клубе, потому что был слепец, поставил просто соч-
инитель. Вместо «грозный Росс» — «храбрый Росс»...

Ссылаясь в данном случае на «Записки Жихарева, Толстой
ошибается: по ним Николев тоже не читал своих стихов, а «старши-
ны поднесли князю на серебряном подносе приветные стихи и тотчас
же потом начали раздавать, или, вернее, совать в руки прочим
присутствующим». «Мне, — пишет Жихарев, — досталось три экземпля-
ра этого высокопарного произведения Николева, в котором, разу-
меется, не обошлось без Тита, Цезаря, Алкида и прочих нехристей».

Ошибку в имени (Александр вместо Федор) Бартенев в своем
письме указал Толстому не относительно Беклешова, а относительно
Уварова. Граф Федор Петрович Уваров (1773—1824) — генерал, уча-
стник Аустерлицкого и Бородинского сражений.

⁷ В описании дуэли Пьера Безухова с Долоховым Барте-
нев внес следующую поправку: «Вместо березовой рощи, которой
никогда не бывало в Сокольниках, дуэль происходит в сосновой»
(письмо Бартенева от 12 августа 1867 г.). После исправлений отрыв-
ок, о котором идет речь, получил следующий вид: «Место для

поединка было выбрано шагах в 80-ти от дороги, на которой остались сани, на небольшой полянке соснового леса...» (IV глава первой части второго тома).

⁸ «Из записок севастопольца» — «Русский архив» 1867, № 12, стлб. 1579—1636. В письме от 13 августа Бартенева спрашивал: «Читали ли Вы Записки Севастопольца? Скажите два слова...» Статья эта возбудила большое негодование в кругах моряков, о чем 31 января 1868 г. писал Бартенева Н. И. Орфеев: «В 20 № Московских Ведомостей я прочел, что Кронштадтские моряки бьют поход, с линками и кошками, против автора Записок о Севастополе. Его они не найдут, но могут найти издателя их, и за него-то мне стало страшно...»

⁹ Прием Пьера в масонскую ложу описан в III и IV главах II части второго тома романа.

¹⁰ В письме от 13 августа Бартенева писал: «Необходимо, чтоб в сентябре были готовы две части. Я между тем в начале сентября пропущу в печати слух о скором выходе...»

¹¹ Бартенева исполнил желание Толстого и напечатал в 267 номере «Московских ведомостей» от 17 декабря 1867 г. следующее объявление: «Война и мир. Сочинение Графа Льва Николаевича Толстого. Четыре тома (до 80 листов). Цена 7 руб.; пересылка за пять фунтов. Первые три тома выдаются с билетом на четвертый у П. И. Бартенева».

6

1867 г. Сентября 19—20 (?). Я. П.

На днях я буду в Москву¹ и обо всем переговорю с вами. Коректуры я продержал и в одном месте много перемарал, но задержал я все-таки не так долго, как долго типография не присылала мне оных. Эта задержка совсем расстроила мой порядок занятий, и только теперь я опять налачился и прошу регулярно пересылать мне 3-ю часть.

Ник. Павл. Петерсона² рекомендую вам как прекрасно, честнейшего, искреннейшего и добросовестнейшего человека и очень не глупого.

Особенно измараны — прием в масонство и французское письмо Билибина³.

Пожалуйста посмотрите их в гранках и ежели неясно, то пришлите мне еще раз (ежели я не буду в Москве).

До обещанного в архив места⁴ я еще не дошел. А помню.

Напишите, что Аксакова⁵.

Л. Толстой.

Дата определяется предположительно содержанием: 23 сентября 1867 г. Толстой приезжал в Москву (см. его письмо к С. А. Толстой от 23 сентября 1867 г. в Толстовском кабинете Рукописного отд. Всесоюзной библиотеки им. Ленина; в печатный текст «Писем гр. Л. Н. Толстого к жене» это письмо не вошло).

¹ Одной из целей этой поездки Толстого в Москву было желание лично осмотреть Бородинское поле. В письме к С. А. Толстой от 27 сентября 1867 г., описывая свою поездку в Бородино, он писал:

«Только бы бог дал здоровья и спокойствия, а я напишу такое Бородинское сражение, какого не было». («Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», М. 1915, стр. 52; здесь письмо ошибочно датировано 1866 годом.)

² Николай Павлович Петерсон (1844—1919) в 1861—1862 г. был учителем в Плехановской и Грецевской школах, основанных Толстым. По рекомендации Толстого, в 1867—1869 гг. служил помощником Бартенева в Чертковской библиотеке в Москве. По просьбе Толстого, Петерсон, будучи библиотекарем, подбирал для него материалы по «Войне и миру». Написал о Толстом: «Из записок бывшего учителя» — «Международный Толстовский альманах», составленный П. А. Сергеенко, изд. «Книга», М. 1909; «Н. Ф. Федоров и его книга «Философия общего дела» в противоположность учению Л. Н. Толстого о непротивлении и другим идеям нашего времени», Верный, 1912.

³ Письмо Билибина помещено в IX главе II части второго тома.

⁴ Об обещанной Толстым статье для «Русского архива» см. выше письмо № 1.

⁵ Дочь поэта Ф. И. Тютчева, Анна Федоровна (1829—1889), с которой Толстой был знаком, в 1865 г. вышла замуж за известного теоретика славянофильства И. С. Аксакова. Толстой подсмеивался над этим браком; в конце ноября 1865 г. он писал А. А. Толстой: «Брак А. Тютчевой с Аксаковым поразил меня, как одно из самых странных психологических явлений. Я думаю, что ежели от них родится плод мужского рода, то это будет тропарь или кондак, а ежели женского рода, то российская мысль, а может быть родится существо среднего рода — воззвание и т. п. Как их будут венчать? и где? В скиту? в Грановитой палате или в Софийском соборе в Царьграде? Прежде венчания они должны будут трижды надеть мурмолку и, протянув руки на сочинения Хомякова, при всех депутатах от славянских земель произнести клятву на славянском языке. Нет, без шуток, что-то неприятное, противоестественное и жалкое представляется для меня в этом сочетании... С тех пор как я узнал эту новость, я каждый день по нескольку раз думаю об этом — не браке, а слиянии двух — не душ, а направлений, и я не могу успокоиться и говорить с вами о вас, пока не выскажу всего». («Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», изд. Общества Толстовского музея, Спб. 1911, стр. 215—216).

7

1867 г. Октября 9. Я. П.

Как ни несоразмерны I и II томы, надо их оставить так, как они есть ¹.

То, что прислано мне было из 3-го, отправляю и удивляюсь, что не получаю дальше. Пожалуйста подгоняйте их. Надеюсь, что теперь за мной дело не станет. —

Как ни тяжело мне было все это время, я не перестал делать свое дело и, кажется, не задержал.

Из Москвы я уехал по письму жены, извещавшей о болезни дочери ². Едва эта оправилась, как заболела жена и выкинула, и довольно опасно. Я пятый день сижу над ней.

Вы семьянин и все это понимаете и, верно, сочувствуете. —

Об обещанном отрывке повторяю тоже — пришлю, ежели могу, раньше, но наверное тогда, когда дойду до него, что будет очень скоро.

Гр. Л. Толстой.

9 Октября.

Год определяется содержанием.

¹ Первый том первого издания «Войны и мира» в двух частях содержал 66 глав на 443 страницах. Второй том в двух частях содержал 37 глав на 186 страницах.

² Заболела дочь Толстого трехлетняя Танечка. В письме к жене от 27 сентября 1867 г. Толстой писал: «Страшно, очень страшно стало за маленькую Таню (я знаю, вижу, и люблю, и боюсь ее с ее жаром)» («Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», М. 1915, стр. 52).

8

1867 г. Ноября 14. Я. П.

В одном месте рассуждений Пьера о лжи он говорит: «Императоры <заманивали> спорят о том, кто предложит Наполеону свою дочь в незаконные <дочери> жены». Ежели это опасно, то замените: Император Австрийский считает себя счастливым, что успел прежде других предложить свою дочь в незаконную жену¹.

Не получал еще корректур, а нахожусь в хорошем, рабочем духе. Только бы еще на месяц. —

Четвертого тома первые листы пришлю на этой неделе. — Пора бы напечатать объявления².

Л. Толстой.

14 Ноября.

Год определяется содержанием.

¹ Данный отрывок из «Войны и мира» в окончательной редакции таков: «Император Франц добивается предложить ему [Наполеону] свою дочь в незаконные супруги» (1 глава третьей части третьего тома первого изд. 1868—1869 гг. или 1 глава пятой части второго тома изд. 1886 г. и всех последующих.)

² Объявление о выходе трех томов романа см. в комментариях к письму № 5.

9

1867 г. Ноября 18—22 (?). Я. П.

Я послал нынче листов на 5 рукописи 4-го тома и первую гранку 3-го. Насчет того, что я долго не высылал, могу только сказать: виноват, вперед не буду. Кое что не переведено в 4-м томе — письмо Александра¹ между прочим — переведите пожалуйста. — Теперь не должно быть за-

держки, каждый день буду высылать. — Протежируйте меня у Риса².

Л. Толстой.

Дата определяется предположительно по содержанию: в письме от 14 ноября Толстой писал: «Четвертого тома первые листы пришло на этой неделе»; в письме же от 25 ноября он уже писал, что посылает последние листы 3-го тома.

¹ Письмо Александра I к Наполеону содержится в III главе первой части четвертого тома первого издания или в III главе первой части третьего тома издания 1886 г. и всех последующих.

² О Рисе см. выше письмо № 2.

10.

1867 г. Ноября 25. Я. П.

25 Ноября.

Я теперь не задерживаю и не задержу типографию, хотя и много перемарал последние листы. Ради бога все последние — листов 5 — 3-й части 3-го тома как только возможно повнимательнее просмотрите корректуры. Кое где очень нечисто, и можно жестоко перевернуть. —

О цене я настаиваю на том, чтобы продавать по 10 к[опеек] за печатный лист. Пожалуйста напишите, какое впечатление произведет на вас последняя 3 ч[асть] III т[ома].

Л. Толстой

Год определяется содержанием.

Ответное письмо Бартенева неизвестно.

11

1867 г. Ноября 27. Я. П.

26 Ноября.

Посылаю последние корректуры 3-го тома. Я измучился за ними, но за то существенной стороной — доволен. Они ужасно измараны. В большей части есть подряд переписанные для ясности листы; в некоторых — нет. Но прочесть и разобрать все можно. Ежели же бы вышло недоумение — неясность, лучше велите прислать мне еще раз корректуры.

Во многих листах пришитых и сплошь переписанных (для ясности) прибавлено иногда и изменено. Одним словом держаться надо редакции переписанных листов.

Все эти гранки самое важное место романа — узел¹. Ради бога просмотрите повнимательнее и при малейшем сомнении пришлите мне другой раз.

У меня в голове страшный дурман — я 4-й день не разгибаясь работаю, и теперь 2-й час ночи.

Четвертый том пойдет легко, завтра пришлю еще рукописи.

Л. Толстой.

Пришлите мне экземпляр.

Отвечайте поскорее.

Год определяется содержанием.

По аналогии с письмом от 23 декабря 1867 г. (см. ниже № 16), слова письма: «теперь 2-й час ночи» понимаем как второй час утра 27 ноября.

¹ В последних главах третьей части третьего тома «Войны и мира» первого издания, соответствующих последним главам пятой части второго тома издания 1886 г. и всех последующих, описывается увлечение Наташи Ростовой Анатодем Курагиным, вмешательство Пьера Безухова в это дело и получение известия об этом князем Андреем Болконским.

Ответ Бартенева неизвестен.

12

1867 г. Ноябрь около 30. Я. П.

Жена моя едет на день в Москву. Она знает все касательно моего писания. Я боюсь за последние главы 3-го тома и просил ее просмотреть их и, ежели успеется и нужно, привезть их мне.

Во всяком случае независимо от писания она очень рада будет с вами познакомиться, ежели вы 2-го утром заедете к ней — к Берсам ¹.

Л. Толстой.

Дата определяется содержанием: в письме от 26 ноября Толстой упоминает, что посылает последние корректуры третьего тома.

¹ Андрей Евстафьевич и Любовь Александровна Берс (1826—1886)—родители С. А. Толстой.

13

1867 г. Декабря 4. Я. П.

Посылаю две пачки гранок 4-го тома, остальные четыре пришлю завтра вместе с рукописью. Еще посылаю сверстаный листочек, привезенный женою ¹. Вы меня совсем не поняли, или я не умел объясниться в моем письме; но вышло бог знает что, и хорошо, что я мог поправить. Я поправил так, что число линеек одинаково, и переверстки не будет. —

Цена за три тома с билетом на четвертый 7 р[ублей] сер[ебром].

По выходе всех 4-х — 8 р[ублей].

В первых главах 4-го тома есть французское письмо им[ператора] Алек[сандра] к Наполеону, я не поправил

ошибки — его поправить по печатному у Богдановича² и перевести надо. —

С нынешнего дня я чувствую себя здоровым после долгого периода нездоровья и теперь надеюсь, что с моей стороны работа закипит. —

Отчего вы отказываетесь от ведения дела с типографией? Не отказывайтесь пожалуйста, а ежели вам не в труд и вы хотите мне помочь, то пожалуйста позвольте, чтобы деньги Рису проходили через ваши руки. Он у меня был, получил 200 р[ублей], еще получил я письмо, в котором он лаконически требует 500, и я ничего не понимаю. Будьте так добры, переговорите с ним с контрактом в руках.

Читать в пользу славян я очень рад, т. е. согласен³. Билета⁴ я не получал, но это все равно, печатайте его.

Сверстанные листы 3-го тома я не задержу дня. —

Жена говорит, что вы не унываете и на меня не сердитесь, чему я очень рад.

Посылаю еще две пачки гранок в надежде, что вы не пропустите в них безобразий.

Ваш Л. Толстой.

4 Декабря.

Год определяется содержанием.

¹ См. предыдущее письмо.

² М. Богданович, «История отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Составленная по высочайшему повелению», тт. I—II, Спб. 1859; т. III, Спб. 1860. Письмо Александра I к Наполеону от 12 июня 1812 г. напечатано в приложении к I тому книги Богдановича, стр. 465.

³ Чтение неопубликованных отрывков из «Войны и мира» в пользу Славянского благотворительного общества состоялось в Москве 17 января 1868 г.

⁴ Билет на получение остальных томов «Войны и мира» при подписке на вышедшие тома. В Гос. Толстовском музее хранятся два таких билета. Текст первого: «Билет на получение романа Война и мир, сочинение графа Льва Николаевича Толстого в 4-х томах. Цена семь р. сер[ебром]. Первые три тома выдаются. По выходе всего сочинения цена возвысится». Текст второго: «Билет на получение пятого тома книги Война и мир, сочинения графа Льва Николаевича Толстого в пяти томах, цена за 5 томов восемь рублей. Первые четыре тома выдаются. По выходе всего сочинения цена возвысится».

1867 г. Декабря 6. Я. П.

Посылаю все, что у меня есть печатного, любезный Петр Иваныч. Рукопись дальнейшую не посылаю нынче только потому, что мне удобнее вдруг прислать побольше. Листов 3-го тома еще не получал.

Немножко задержало меня в работе предисловие, которое я на днях пришло. —

Как и куда его поместить?

Не назвать ли его послесловием?

Как вы об этом думаете¹. В IV т[оме] Ростов делает атаку, и там есть слово *аллюр*, который непременно переврут².

В IV т[оме] довольно много французских и немецких фраз. Надо их перевести, в особенности немецкие.

В IV т[оме] говорится много о государе и великом князе³. Есть там место о том, [как] Наполеон говорит Балашеву:⁴ «Бенигсен⁵ должен бы возбуждать в имп[ераторе] Ал[ександре] ужасные воспоминания». Это и тому подобные места вымарывайте, ежели вы найдете их опасными в цензурном отношении⁶. Даю вам *carte blanche** вымарывать все, что покажется опасным. Вы лучше меня знаете, что можно и нельзя. —

Предисловие я пришлю вам и прежде чем его набирать, вы прочтите в рукописи и напишите свое мнение.

Ваш Л. Толстой.

6 Декабря.

Год определяется содержанием.

¹ Предисловие к роману «Война и мир» напечатано не было. Некоторые мысли, которые Толстой хотел высказать в предисловии, он изложил позднее в статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир», напечатанной в № 3 «Русского архива» за 1868 г., стр. 515—528. Наброски предисловия были опубликованы А. Е. Грузинским в «Новом мире» 1925 г., № 6 и перепечатаны в книге: «Толстой. Новые тексты из «Войны и мира», вступительная статья А. Е. Грузинского, книга первая, изд. «Огонек», М. 1926, стр. 38—43.

² Вот это место из «Войны и мира»: «Едва они сошли под гору, как невольно их аллюр рыси перешел в галоп, становившийся все быстрее и быстрее по мере того как они приближались к своим уланам и скакавшим за ними французским драгунам» (XV глава первой части четвертого тома первого издания или XV глава первой части третьего тома изд. 1886 г. и всех последующих).

³ Великий князь Константин Павлович (1779—1831) — брат Александра I.

⁴ О Балашеве см. выше комментарий к письму № 5.

⁵ Гр. Леонтий Леонтьевич Бенигсен (1745—1826) в начале войны 1812 г. состоял при Александре I, затем был начальником главного штаба.

⁶ Место это Бартеневым не было вычеркнуто; оно содержится в VI главе первой части четвертого тома первого издания или в VI главе первой части третьего тома изд. 1886 г. и всех последующих.

Ответное письмо Бартенева неизвестно.

* [свободу действий]

1867 г. Декабря 8. Я. П.

Посылаю еще рукопись, любезный Петр Иванович. Она писана разными руками, и в ней много есть французского (кот[орое] надо перевести), и потому пожалуйста скажите в типографии, чтобы получше корректировали.

Я не задержу рукописи, но меня задерживает типография. Я не получал листов III т[ома] и последних корректур IV т[ома], хотя от меня все уже давно отослано. Когда то, что я посылаю, будет набрано, сообщите мне, сколько это будет листов. Мне это нужно для соображения.

В том, что я посылаю, есть тоже опасные места в цензурном отношении. Пожалуйста руководствуйтесь тем, что я писал вам в последнем письме, т. е. вымарывайте все, что сочтете опасным. Теперь, когда дело приближается к концу, на меня находит страх, как бы цензура или типография не сделали какой нибудь гадости. В обоих случаях одна надежда на вас.

Ваш Л. Толстой.

8 Декабря.

Год определяется содержанием.

1867 г. Декабря 23. Я. П.

22 декабря, 2 часа ночи.

Посылаю две тетради гранок от 41 до 58. Я очень торопился их отправить и боюсь, чтобы не переврали. Пожалуйста *повнимательнее* просмотрите их, и ежели вам покажется неясно или очень нескладен слог, пришлите мне их другой раз.

Они так перемараны, что я не могу судить. А я очень дорожу — *собранием в Слободском дворце*¹. —

В 3-м томе много опечаток.

Как идет продажа?²

Сколько выдет листов из того, что теперь есть 4 т[ома] в типографии?

Ваш Л. Толстой.

23. 7 ч. утра.

Распросукин сын Рис второй раз будит меня в середине ночи. Раз прискакал ночью, а нынче напугал нас с женою ночной телеграммой. Ему нужны деньги для того, чтобы шла его типография, а мне нужен сон для того, чтобы шла моя машина. —

Он просит 2000 рублей денег. Я очень рад заплатить их, но по тому условию, которое у меня есть, я не знаю, обязан ли я теперь заплатить ему столько (в находящемся у меня условии нет ни слова о сроке платежей).

Если я обязан заплатить теперь, то пожалуйста тотчас же выдайте ему требуемые им деньги, без всяких соображений. Если же я не обязан еще заплатить эти деньги, то все-таки *выдайте* их ему, но только с наблюдением для меня некоторых выгод, а именно, выговорив у него уничтожение всяких штрафов и мелких начетов за корректуры и предупредив его, что IV том не кончится раньше половины Января.

Будут ли работать в типографии и во время праздников?

Не сердитесь на меня, любезный Петр Иванович, за это может быть неприятное для вас поручение и помогайте мне попрежнему.

Дальнейшая рукопись будет прислана 25-го.

Год определяется содержанием. Полагаем по связи с дальнейшим, что дату «22 декабря 2 часа ночи» следует понимать как 2 часа утра 23 декабря.

¹ Собрание в Слободском дворце описано в той главе первой части четвертого тома первого издания, которая ошибочно нумерована цифрой XXI; следовало — XXII. Эта глава соответствует XXII главе первой части третьего тома издания 1886 г. и всех последующих.

² Продажа романа шла отлично. Об этом свидетельствует статья А. И-на (А. С. Суворина) в № 11 «Русского инвалида» от 13 января 1868 г., в которой читаем: «Несмотря, однако, на неприличную цену, роман расходуется быстро; он пошел бы во сто раз лучше, если бы цена была соразмерна его объему». То же 26 марта 1868 г. писал из Петербурга В. П. Боткин Фету: «Успех романа Толстого действительно необыкновенный: здесь все читают его, и не только просто читают, но приходят в восторг» (А. Фет, «Мои воспоминания», ч. II, М. 1890, стр. 175).

Ответное письмо Бартенева неизвестно.

17

1878 г. Января 3. Я. П.

Петр Иванович!

Очень обяжете меня, если пришлете номера Архива, где записки Даля о Хив[инском] походе¹; я у себя не найду. Если что вспомнится из того, о чем мы говорили, или вообще из времен Николая характерное, вспомните вашего искренне[го] приятеля Л. Толстого.

3 Января.

Год определяется содержанием: работой Толстого над романом «Декабристы», а также тем, что данное письмо было переплетено в томе писем к Бартеневу за 1878 г.

¹ В. И. Даль. «Письма к друзьям из похода в Хиву 1839 г.» — «Русский архив» 1867, № 3 и 4.

Поход для завоевания Хивы (ныне Хорезма) был предпринят в 1839 г. под начальством генерала В. А. Перовского, личностью которого, как героя задуманного им художественного произведения, Толстой в то время очень интересовался. См. его письмо к А. А. Толстой от того же 3 января 1878 г. («Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», изд. Общества Толстовского музея, СПб. 1911, стр. 286—288).

18

1878 г. Мая 1—2 (?). Москва.

Любезнейший Петр Иванович.

Как зовут и как адрес детей и наследников И. С. кн. Одоевского?¹ Я буду дома до 2-х часов, но ответ напишите мне пожалуйста.

Ваш Л. Толстой.

На обороте:

Е. В. Петру Ивановичу Бартеневу.

Записка была написана в Москве и, очевидно, послана Бартеневу с нарочным. Относится, несомненно, к 1878 году — времени наиболее напряженной работы Толстого над романом «Декабристы». После остановки в Москве в один день (5 марта) по пути в Петербург, Толстой в 1878 г. дважды выезжал в Москву: 30 апреля (пробыл 1 и 2 мая) и 6 декабря. На основании того, что та черновая редакция начала романа «Декабристы», в которой главным действующим лицом является А. И. Одоевский, помечена 6 мая 1878 г., датируем письмо временем предшествовавшей поездки Толстого в Москву.

¹ Князь Иван Сергеевич Одоевский (1769—1839) — отец декабриста кн. Александра Ивановича Одоевского (1803—1839), генерал, помещик Владимирской губернии. Наследниками кн. И. С. Одоевского были в то время его дочери от второго брака: София (1828—1909), жена гвардии ротмистра Николая Маслова, и Нина (1836 — ум.?), жена коллежского асессора Новикова. Вопросом о наследниках И. С. Одоевского Толстой интересовался, несомненно, потому, что хотел получить от них какие-либо материалы об А. И. Одоевском — декабристе. Однако сведений о дальнейших сношениях Толстого с дочерьми И. С. Одоевского не имеется.

19

1878 г. Октябрь 27. Я. П.

Петр Иваныч!

Кажется, что вы мне посылаете Архив, и он попадает к брату Сергею¹, который получает его. Если это так, то я очень вас благодарю и прошу переменить адрес. — Жду не дождусь увидаться с вами и с корыстными целями, чтобы о многом распросить, и с бескорыстными, потому что люблю вас.

Л. Толстой

Прилагаю письмо А. П. Беляеву². Пожалуйста передайте, затерял его адрес.

Дата определяется на основании ответного письма Бартенева к Толстому от 30 октября 1878 г., а также на основании записи в дневнике С. А. Толстой от 27 октября 1878 г. о том, что утром этого дня было отправлено на почту десять написанных Толстым писем («Дневники Софии Андреевны Толстой. 1860—1891», изд. М. и С. Сабашниковых, М. 1928, стр. 119).

В ответном письме от 30 октября 1878 г. (хранится в Толстовском кабинете Рукописного отд. Всесоюзной библиотеки им. Ленина) Бартнев писал:

«Я сам не знаю адреса Беляева, но он у нас бывает, и письмо ему будет передано.

Русский архив получает Ваш брат, а не Вы. Что желаете меня видеть, тому рад сердечно, и может быть в первых числах ноября буду к Вам в Ясную Поляну.

Черкните словечко, будете ли дома и как попасть к Вам Вашему П. Бартневу». (Письмо не опубликовано.)

¹ Сергей Николаевич Толстой (1846—1904), брат Л. Н. Толстого, проживал в своем имении Пирогово в 35 верстах от Ясной Поляны.

² Александр Петрович Беляев (1803—1887) — декабрист. Не принадлежа к членам тайного политического общества, под влиянием товарищей принял участие в восстании 14 декабря, за что был осужден по четвертому разряду к 12-летней каторге и затем поселению в Сибирь. Вернувшись в Россию, одно время управлял имениями Э. Д. Нарышкина. Автор «Воспоминаний», которые Толстой читал в рукописи и, как свидетельствует их автор, «сделал на полях рукописи много отметок». «Он же, — писал Беляев, — поощрил меня к изданию этих воспоминаний, начатых много лет тому назад с единственной целью помянуть сердечным благодарным словом всех тех, с которыми сводила судьба» («Русская старина» 1880, сентябрь, стр. 2—3).

Толстой познакомился с Беляевым 5 марта 1878 г. Письма Толстого к Беляеву неизвестны; письма Беляева к Толстому напечатаны в книге: «Тайные общества в России в начале XIX столетия», изд. Всесоюзного общества политических каторжан, М. 1926, стр. 205—208.

20

1878 г. Ноября начало. Я. П.

Я всегда дома, Петр Иванович, и всегда вам очень бы рад. Доехать ко мне лучше на моих, телеграфировав в Козловку¹, когда вы выезжаете и где слезаете — в Туле или Козловке (курьерский не останавливается в Козловке).

Так пожалуйста же приезжайте. Как славно обо всем спокойно переговорим.

Ваш Л. Толстой.

Письмо является ответом на письмо Бартенева от 30 октября 1878 г.; на этом основании датируем его началом ноября 1878 г.

¹ «Козловка-Засека» — станция Московско-Курской железной дороги в 3 верстах от Ясной Поляны. При Советской власти переименована в Ясную Поляну.

1902 г. Сентября 11. Я. П.

11 Сен. 1902.

Спасибо за письмецо, любезный Петр Иванович. Мне нужен Ник[олай] Павлов[ич] 1852 года и его отношения к Воронцову¹ во время его наместничества на Кавказе. Нет ли этого в Архиве Воронц[ова]². У меня есть письмо Воронц[ова] к Чернышеву³ о Хаджи Мурате в русском переводе⁴, а писаны они были по-французски. Где бы их достать в оригинале?

Как бы хотел дать что либо в Р[усский] А[рхив], но если бы вы видели мою жизнь, вы бы поняли, что до сих пор не мог этого сделать.

Желаю вам всего хорошего.

Л. Толстой.

Толстой отвечает на следующее письмо Бартенева от 31 августа 1902 г.: «Любезный граф Лев Николаевич. Накашидзе говорил мне о Вашем желании узнать побольше о Николае Павловиче. Поглядите в Русской Старине записки барона Корфа, в Русском Архиве письма Булгакова и в особенности в большой биографии Паскевича, где множество его писем.

Да исполните же Ваш обет Русскому архиву».

Упомянутый Бартеневым Илья Петрович Накашидзе (1866—1923) — грузинский писатель, единомышленник Толстого. Доставлял Толстому исторические материалы к повести «Хаджи Мурат».

¹ Князь Михаил Семенович Воронцов (1782—1856), с 1844 г. по 1853 г. наместник Кавказа. Выведен Толстым в повести «Хаджи Мурат» (гл. IX—X).

² «Архив кн. Воронцова» печатался в Москве в 1870—1895 гг. Всего вышло 40 томов, заключавших преимущественно письма разных лиц к Воронцовым.

³ Князь Александр Иванович Чернышев (1785—1857), с 1827 г. военный министр. Выведен Толстым в повести «Хаджи Мурат» (гл. XV).

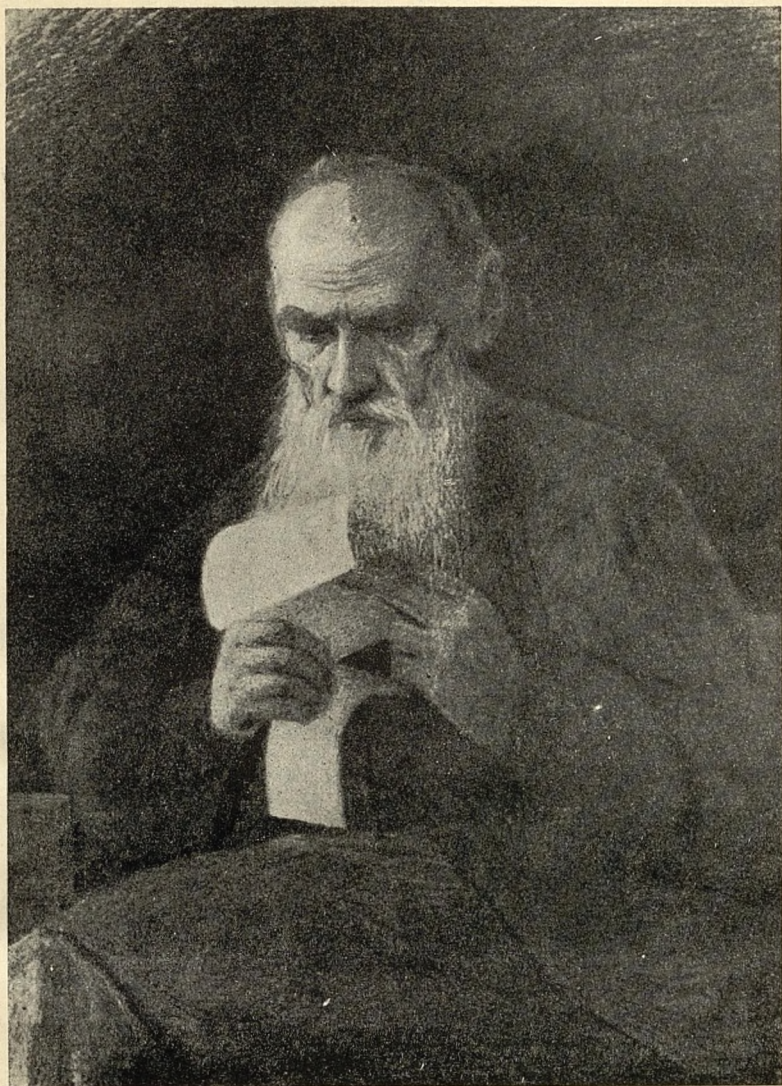
⁴ Письма кн. М. С. Воронцова к кн. А. И. Чернышеву напечатаны в русском переводе в статье А. Л. Зиссермана «Хаджи Мурат. Письма о нем кн. М. С. Воронцова и рассказы кавказцев. 1851—1852» — «Русская старина» 1881, март, стр. 655—679. Письмо Воронцова к Чернышеву о Хаджи Мурате от 20 декабря 1851 г. приведено Толстым в XIV главе повести.

1902 г. Сентября 24. Я. П.

Дорогой Петр Иванович,

Рус[ского] Ар[хива] 1888 и 1890 годов у меня, увы, нет. Если пришлете, буду очень благодарен и в целости возвращу. Остальное Зиссермановское¹ у меня все есть.

А что же вы не ответили мне на вопрос о переименовании госуда[рств]енных крестьян в удельн[ые].²

Толстой за чтением писем.
С рисунка Ю. И. Игумновой 1902 г.

Видно кран засорился. Нельзя ли продуть. Если хорошо дуть, то риску обжечься нет никакого.

Без шуток, очень благодарю вас за то, что вы сделаете, и всегда с дружбой помню вас. Л. Толстой.
1902, 24 Сент.

Данное письмо является ответом на следующее письмо Бартенева от 18 сентября 1902 г.: «Любезный граф Лев Николаевич! О Хаджи Мурате (с которым некогда кокетничала светлейшая княгиня Марья Васильевна Воронцова) можете прочитать в «Русском архиве» 1890 и 1888 годов в письмах кн. М. С. Воронцова к Ермолову и в биографии князя Барятинского. Эти годы Русского архива должны быть у Вас; если же нет, пришлите за ними ко мне из Хамовников. Я прибавлю еще историю Кабардинского полка и 25-ть лет на Кавказе Зиссермана. Только чур поберечь и мне возвратить. Припоминается, что ко мне обратиться, словно повернуть кран в самоваре... Бог Вам в помощь! А свое обещание извольте сдержать любящему Вас П. Бартеневу». (Письмо не опубликовано; хранится в Толстовском кабинете Рукописного отд. Всесоюзной библиотеки им. Ленина.)

Упоминаемые Бартеневым источники: «Князь Воронцов и А. П. Ермолов. Их переписка о Кавказе» — «Русский архив», 1890, № 1, стр. 161, 329, 441; А. Л. Зиссерман, «Фельдмаршал князь А. И. Барятинский» — «Русский архив» 1888, №№ 1—3; 1889, №№ 1—3; 1890, № 3.

Выражение, что обратиться к Бартеневу за какими-либо справками — то же, что «повернуть кран в самоваре», очевидно, принадлежит Толстому.

¹ А. Л. Зиссерман, «Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867)» 2 тт, Спб. 1879; его же «История 80-го пехотного кабардинского, генерала фельдмаршала князя Барятинского полка (1726—1880)», 3 тт., Спб. 1886. Обе книги имеются в Яснополянской библиотеке и испещрены многочисленными пометками Толстого.

² В ответном письме от 4 октября 1902 г. Бартнев писал: «История удельных имений мне мало известна. Знаю, что Екатерина умножила их покупкой у жестоких помещиков, и к царским личным владениям много прибыло лучших мест из краев, забранных войною и договорами. Удельное ведомство возникло при Павле. Александр I всю жизнь экономил, да и семейство царское не было многолюдно. Николаю достались большие деньги, и на них прикупал он в уделы из государственных земель целые палестины; деньги отдавались в государственное казначейство... Сами владельцы беспрестанно продают в уделы свои поместья и земли, с которыми не умеют справиться». Поборы с удельных крестьян легкие, и не мудрено, что они плодятся». (Толстовский кабинет Рукописного отделения Всесоюзной библиотеки им. Ленина).

Е. Серебровская.

Н. Н. СТРАХОВУ

1

1895 г. Января 14. Никольское.¹

Вот, дорогой Николай Николаевич, к вам опять просьба, боюсь, что самая неприятная.

Письмо это вам перешлет или передаст очень милая девушка Баронесса Майндорф², с кот[орой] я провел несколько дней у Олсуфьевых, у кот[орых] я жил и живу еще теперь. Я ей передал рукопись рассказа для Сев[ер-

ного] Вестн[ика] ⁵. Редакторы так жадны, что я не хочу давать им прямо в руки. А то они напечатают, не прислав мне корректур и без необходимых поправок. Поэтому я позволил себе послать этот рассказ вам и через вас. Во I-х, вы просмотрите его и скажите, можно ли его печатать. Не стыдно ли. Я так давно не писал ничего худож[ественного], что право на знаю, что вышло. Писал я с большим удовольствием, но что вышло — не знаю. Если вы скажете, что нехорошо, я несколько не обижусь. Вот это-то и может быть вам не приятно. Если же вы найдете годным рассказ, то уж пожалуйста вы подпишите коррект[уру] к печати.—

Благодарствуйте за ваши добрые письма.

Любящий вас Л. Толстой.

14 Января.

Таня ⁶ говорит, что из письма моего не видно, что я прошу прислать мне корректуры. Я очень прошу, непременно прошу прислать мне в Москву.

Адресат — литературный критик и философ Николай Николаевич Страхов (1828—1896), друг Толстого. Страхов много раз бывал в Ясной Поляне и вел с Толстым обширную переписку. Часть этой переписки была издана в 1914 г. отдельной книгой Обществом Толстовского музея в Петербурге. В это издание не вошли многие письма Толстого, в том числе и данное письмо, печатающееся по оригиналу, хранящемуся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея.

¹ 1 января 1895 г. Толстой уехал из Москвы в имение своих старых знакомых Олсуфьевых Никольское-Горушки (оно же Оболяново), Дмитровского уезда, Московской губернии, в 60 верстах от Москвы. Он пробыл там до 18 января. Уехал он для того, чтобы в уединении отдохнуть от тягостного для него шума и суеты Москвы.

² Баронесса Мейендорф — одна из дочерей барона Федора Егоровича Мейендорфа (1842—1911), женатого на графине Марии Васильевне Олсуфьевой.

³ Граф Адам Васильевич Олсуфьев (1833—1901) и его жена Анна Михайловна, рожд. Оболянина (1835—1899) — старые знакомые Толстых. Он писал о них Черткову 19 февраля 1896 г.: «Они такие простые, очень добрые люди, что различие их взглядов с моими и не различие, а непонимание того, чем я живу, не тревожит меня».

⁴ Речь идет о рассказе «Хозяин и работник», начатом Толстым 13 сентября 1894 г. и законченном в январе 1895 г.

⁵ Рассказ «Хозяин и работник» был Толстым предоставлен журналу «Северный вестник», в котором и появился в марте 1895 г.

⁶ Татьяна Львовна Толстая.

2

1895 г. Января 27-28 (?). Москва.

Дорогой Николай Николаевич.

Очень благодарю за присылку книги ¹. Непременно прочту то, на что вы указываете ², и вероятно перечту и все.

Посылаю корректуры очень измаранные³. Пожалуйста не дайте напечатать в безобразном виде. Надо мне после вас пересмотреть еще раз. Я пишу Гуревич⁴, чтобы мне прислали еще. Если вы будете добры просмотреть еще разик и поправить, что там неладно, то я очень буду благодарен. Мне не нравится этот рассказ. И в вашем отзыве я слышу неодобрение⁵. Пожалуйста напишите порезче все, что вы скажете об этом рассказе, говоря не со мною. Мне интересно знать: ослабела ли моя способность или нет. И если да, то это меня также мало огорчит и удивит, как и то, что я не могу бегать также, как 40 лет тому назад.

Ну, пока прощайте. Целую вас.

Л. Толстой.

Письмо это вам передаст мой хороший знакомый Зиновьев, брат губернатора⁶.

Письмо печатается по автографу, хранящемуся в Рукописном отделе Гос. Толстовского музея. Датируется на основании пометы Страхова на автографе: «Получ. 29 янв. 95 г.», а также почтового штемпеля получения: «Москва, 27 янв. 1895 г.», на конверте письма Страхова от 25 января, на которое отвечает Толстой.

¹ Страхов прислал Толстому свою только что вышедшую книгу «Философские очерки».

² В письме от 25 января Страхов просил Толстого прочесть предисловие к его книге и статью «Главная черта мышления».

³ Корректуры рассказа «Хозяин и работник».

⁴ Любовь Яковлевна Гуревич (р. 1866 г.) — писательница и переводчица, издательница журнала «Северный вестник».

⁵ В письме от 25 января 1895 г. Страхов писал Толстому по поводу рассказа «Хозяин и работник»: «Боже мой, как хорошо, бесценный Лев Николаевич! В первый раз я читал торопясь, отрываясь на несколько часов, и все-таки у меня осталась в памяти всякая черта. Василий Андреевич, Никита, Мухортый стали моими давнишними знакомыми. Как ясно, что Василий Андреевич — под хмельком. Его страх, его спасение в любви — удивительно, удивительно. А Мухортый ушел от него к Никите. Целая драма простейшая, яснейшая и потрясающая. Мне только одного жалко: хотя эти лица приближены к нам так, что мы становимся с ними наравне (какая прелесть Никита!), а все же впечатление выросло бы во сто раз, если бы ваш всепроникающий взгляд осветил нам души тех, кого мы называем образованными».

⁶ Алексей Алексеевич Зиновьев (ум. 1915 г.) — архитектор, брат Н. А. Зиновьева, тульского губернатора в 1887—1893 гг.

На это письмо Толстого Страхов отвечал тремя письмами — от 29 января, 3 и 21 февраля 1895 г. (хранятся в Толстовском кабинете Рукописного отдел. Всесоюзной публичной библиотеки имени Ленина). В письме от 29 января он писал: «Изобретательность ваша — несравненна. Что же я могу сказать, кроме похвал. Просто, ясно, определенно у вас рассказано то, что почти недоступно рассказу, и действующие лица, не исключая Мухортого, делают нам страшно близкими. Мороз подирает по коже. Мне очень боязно говорить о том, что мне кажется недостатком. Мне представляется, что отдых за чаем расхолаживает рассказ. Тут являются люди и целая картина быта, которые потом исчезают и не имеют значения для замерзающих. За чем они так подробно описаны? Но ведь это не недостаток, а избы-

ток — картина интересна и ярко жива. Второе, что решусь сказать вам — конец не довольно значителен. Никита, повидавший смерть, может быть, вынес какое-нибудь впечатление от этой встречи.

«Пишу и думаю: верно я чего-нибудь не понял, не додумался. Тайна смерти — вот что у вас бесподобно. До сих пор я, впрочем, не встречал читателей, которые умели бы это вполне оценить. Душевное смягчение и его смысл — только у вас можно найти. А сны? Удивительно! Еще раз — не берусь судить; мне нужно время для обдумывания, и скоро мне пришлют корректуру, уже поправленную вами — тогда еще напишу вам. «Ослабела ли ваша способность?» Не ослабела, а в каждой строчке показывает полное мастерство. Странная мысль вам пришла в голову. Верность и чистота каждой черты — изумительная». (Письмо так же, как и следующее, не опубликовано.)

3 февраля Страхов писал: «Не очень я отваживаюсь вас хвалить, но скажу, что в этом третьем чтении я опять и с новой силой испытал то невыразимое удовольствие, которое дают истинно художественные вещи... Да, нужно читать, вникая в каждую строчку. Не знаю, почему вам посылалось (как вы писали) у меня неодобрение. Меня смущает только то, что читатели, когда рассказ идет о простых людях, всегда хватаются за это и не хотят применять к себе, точно так, как, читая Евангелие, воображают все сверхъестественным и поэтому мало до них касающимся. «Иван Ильич» и «Крейцера соната» — действуют сильнее. Между тем ни у кого лица из простого народа так не близки к нам, как у вас».

3

1896 г. Середина января. Москва.

Дорогой Николай Николаевич.

Благодарю вас за вашу книжку¹, еще более благодарю вас за ваше доброе письмо². Я виноват, что не писал вам, пожалуйста, простите меня. Очень уж время идет скоро, и очень уж много отношений, так что ничего не успеваешь. А жить хорошо, и жизнь полна, и предстоящего дела в сотни лет не переделаешь, главное, в себе; хоть бы сделаться вполне тем, что Стасов³ считает столь постыдным — добрым⁴.

Письмо это передадут два молодых человека студенты Русанов⁵ — сын моего друга⁶ и Щеголев⁷, его товарищ. Оба они вполне чистые, нравственные, не пьющие, не курящие, не знающие женщин и очень способные молодые люди. Они совершенно одиноки в Петербурге, и если они хоть раз в год побывают у вас, послушают вас, узнают вас, то это им будет полезно. Если же вы их случайно — я разумею, если они встретят у вас кого, — познакомите с какой-нибудь скромной семьей, то это для них было бы очень хорошо. Рекомендовать я их смело могу во всякую хорошую семью.

Вы верно увидите Черткова⁸, и он вам расскажет про нас. Мы живем по прежнему: многое не хорошо, т. е. тяжело мне, но я привыкаю и живу в своей работе, которая все больше и больше манит меня⁹. Может быть вы увидите приехавшего с Чертковым в Петербург англичанина Кеп-

worthy¹⁰, про которого я вам говорил и кое что его вы читали. Он очень серьезный, религиозный человек, и я бы очень желал, чтобы вы с ним познакомились.

На днях я, чтобы поверить свое суждение о Шекспире, смотрел Короля Лира и Гамлета¹¹, и если во мне было хоть какое нибудь сомнение в справедливости моего отращения к Шекспиру, то сомнение это совсем исчезло. Какое грубое, безнравственное, пошлое и бессмысленное произведение — Гамлет. Все основано на языческой мести, цель одна — собрать как можно больше эффектов, нет ни складу, ни ладу. Автор так был занят эффектами, что не позаботился даже о том, чтобы придать главному лицу какой нибудь характер, и все решили, что это — гениальное изображение бесхарактерного человека. Никогда я с такой очевидностью не понимал всю беспомощность в суждениях толпы, и как она может себя обманывать.

Книгу вашу не перечел еще, как я делаю обыкновенно: когда прочту, напишу вам.

Прощайте пока, обнимаю вас. Я недели три и больше был болен инфлюенцей и теперь только поправился.

Ваш Л. Толстой.

На конверте:
У Торгового моста

д. Стерлигова

Николаю Николаевичу Страхову

Печатается по автографу, хранящемуся в Толстовском кабинете Всесоюзной Ленинской библиотеки.

¹ Н. Н. Страхов, «Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки», кн. 3, Спб., 1896.

² Страхов писал Толстому 25 декабря 1895 г. (письмо не опубликовано; хранится в Толстовском кабинете Всесоюзной публичной библиотеки имени Ленина).

³ Владимир Васильевич Стасов (1824—1906) — искусствовед, музыкальный критик; был знаком с Толстым с 1878 г.

⁴ Стасов благоговел перед художественными произведениями Толстого и отрицательно относился к его религиозному мировоззрению. В письме от 25 декабря 1895 г. Страхов писал Толстому: «Скажите мне, — спрашивал меня до сих пор бурлящий и брызжущий Стасов: — Правда ли, что наш Лев стал теперь добродушным и ласковым старичком? Не хочу верить, это было бы так грустно». «Вы, конечно, знаете, что Стасов, этот добрейший человек, воображает себя свирепым и думает, что вообще свирепость — большая добродетель».

⁵ Борис Гаврилович Русанов, студент Института путей сообщения.

⁶ Гавриил Андреевич Русанов (1845—1907) — единомышленник Толстого, бывший член Харьковского окружного суда.

⁷ Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) — впоследствии историк и историк литературы, автор многих работ по русской литературе и по истории революционного движения в России.

⁸ Владимир Григорьевич Чертков (р. 1854 г.) — старейший друг и единомышленник Толстого.

⁹ Толстой в то время был занят систематическим изложением своего религиозного миросозерцания.

¹⁰ Джон Кенворти — английский единомышленник Толстого, писатель.

¹¹ Пьесы Шекспира Толстой видел в исполнении итальянского трагика Эрнесто Росси, гастролировавшего в Москве в театре «Эрмитаж». «Гамлет» шел 4, 13 и 26 января; «Король Лир» — 4, 14 и 28 января.

Б. Г. Русанов и П. Е. Щеголев не успели передать Н. Н. Страху это письмо Толстого: 24 января 1896 г. Страхов скончался.

Н. Гусев.

И. И. КОРГАНОВУ

1

1902 г. Декабря 25. Я. П.

Милостивый государь Иван Иосифович,

Вы не могли доставить мне большего удовольствия, как то любезное обещание ваше сообщить мне подробности о пребывании Хаджи Мурата в вашем доме. Буду очень, очень благодарен за все, что вы сообщите мне, в особенности желал бы знать подробности о внешности лиц, участвовавших в этом событии, как-то: вашего батюшки, приставленного к Хаджи Мурату пристава и самого Хаджи Мурата и его нукеров.

Простите, что вместо того, чтобы быть просто благодарным вам за вашу любезность, я еще позволяю себе заявлять свои желания, но когда я пишу историческое, я люблю быть до малейших подробностей верным действительности. На всякий случай выпишу несколько вопросов, на которые, если вы ответите или не ответите, буду одинаково благодарен.

1) Жил ли Хаджи Мурат в отдельном доме или в доме вашего отца? Устройство дома?

2) Отличалась ли чемнибудь его одежда от одежды обыкновенных горцев?

3) В тот день, как он бежал, выехал ли он и его нукеры с винтовками за плечами или без них?

Много бы хотелось спросить еще, но боюсь утруждать вас, и сам чувствую себя очень слабым.

С совершенным уважением остаюсь искренно благодарный вам

Лев Толстой.

P. S. Чем больше сообщите мне подробностей, как бы незначительны они ни показались вам, тем более буду благодарен.

Иван Иосифович Корганов (1842—190?) — сын полковника И. И. Корганова, под надзором которого в г. Нухе был пленный Хаджи

Мурат. Сам он был чиновником судебного ведомства, членом окружного суда.

Переписка Толстого с Коргановым возникла в связи с работой над «Хаджи Муратом». Толстой начал писать его в 1896 г., работая с перерывами до марта 1898 года. В начале 1901 г. он возобновил работу, внося небольшие добавления. С большим напряжением занимался Толстой повестью с весны 1902 г. до лета 1903 г.; последние приступы к работе были в начале 1904 года. В это время Толстой с большим увлечением собирал материалы, обращаясь за ними к В. В. Стасову, издателю «Русского архива» П. И. Бартеневу, к библиографу Сильчевскому, вел. кн. Николаю Михайловичу и к лицам, которые могли искать сведения непосредственно в Тифлисе — в архивах и у современников. Он писал к начальнику Военно-исторического отдела Тифлисского архива В. А. Потто, сотруднику этого архива С. С. Эсадзе, учителю С. Н. Шульгину, своему приятелю И. П. Накашидзе и др. Большая часть этих писем опубликована. Одна фраза первого письма к Корганову тоже напечатана в статье П. А. Буланже «Как Л. Н. Толстой работал над Хаджи Муратом» («Русская мысль» 1913, VI). Оба письма написаны под диктовку дочери Толстого, М. Л. Оболенской, и собственноручно подписаны. Печатаются по оттискам подлинников в копировальной книге № 4, л. л. 208—209 и 219, хранящейся в Государственном Толстовском музее. Письма не датированы. Даты установлены по записям Толстого в Календарном блок-ноте и по отметкам в копировальной книге.

Первое письмо является ответом на письмо Корганова от 20 декабря 1902 года. Узнав из газет о работе Толстого, Корганов просил разрешения прислать ему для этой цели свои личные воспоминания.

В ответ на письмо Толстого Корганов писал ему 29 декабря: «Спешу вам сообщить все, что помню об интересующем вас событии бегства Хаджи Мурата из Нухи. Мне было тогда десять лет, следовательно, кругозор мой был слишком узок. На все Ваши вопросы подробнее может отвечать моя мать, которая еще жива и очень бодрая, с отличной памятью. Она живет в Тифлисе, зовут ее: Анна Авессоломовна Корганова (урожденная княжна Бебутова), ей восемьдесят два года. Если Вы обратитесь к ней, она будет счастлива исполнить Ваше желание, хотя и я пишу ей вместе с сим и прошу ответить на те вопросы, на которые я не могу отвечать. Отец мой, тогда полковник Иосиф Иванович Корганов, армяногегорганской веры, кончил курс в Главном Инженерном училище, произведен в офицеры, саперный батальон, в 1833 году, вместе с Ф. М. Достоевским. Он высокого был роста, полный мужчина, красивый, контужен в ногу, храбрец, известный в кавказской армии... Знал Кавказ как свой карман, и говорил на всех туземных языках. Подполковник Ия (как звали его грузины) Борисович Бучкиев был прислан кн. Воронцовым, как пристав и прикомандированный при Хаджи Мурате; обязан был охранять и следить за ним. Он был в ссоре и врагом моего отца, о чем, кажется, знал кн. Воронцов, и какая была комбинация князя Воронцова при назначении Бучкиева, непонятно. Отец мой говорил, что ему хотели свернуть шею, ибо весьма странно было водворять Хаджи Мурата, заведомо коварного ренегата, в Нухе, почти на границе Дагестана, и, следовательно, значительно облегчить ему бегство. Хаджи Мурат был большого роста, плотно сложенный, красавец, с остриженной черной бородой, конечно, крашеной, ходил в белой черкеске, шеголем.... Были ли с Хаджи Муратом нукеры [телохранители], я точно не помню, но слуги из лезгин с ним были. Относительно винтовок точно не помню, но, кажется, кроме кинжала, шашки и пистолета, другого оружия при бегстве при нем не было. Он жил у нас в казенном двухэтажном доме, в нижнем этаже, ежедневно

обедал с нами за общим столом, ел мало, ничего не пил (из вин). Жидкой пищи не ел. Когда подавали ему, как гостю, первому, он ни за что не брал с блюда первым, ждал, когда возьмет моя мать, сидевшая рядом, и он с блюда пилава (который готовился ежедневно) брал заметно из того самого места, с которого брала моя мать. Это мне тогда же бросилось в глаза, и, когда я полюбопытствовал узнать о причине, мне объяснили, что это обычай на востоке из боязни быть отравленным. Позже, действительно, я узнал, что такой обычай существует. Послеобеденные прогулки совершались ежедневно. Мать моя с кем-либо из детей ехала в коляске, Хаджи Мурат, полковник Бучкиев и два казака верхами. В день бегства мы отъехали более версты, у самой опушки леса Хаджи Мурат выхватил пистолет и на месте выстрелом убил одного из казаков; кажется, он стрелял и в Бучкиева, но не попал и поскакал в лес. Бучкиев немедленно послал другого казака доложить отцу моему о бегстве, а сам остался и проводил до дому перепуганную мать мою. Когда мы вернулись домой, во дворе была уже тревога, суматоха, отец распоряжался сбором войска и благодарил *иронически*, как потом мне говорил отец) Бучкиева за спасение жены и детей. Но Бучкиев этой иронии не понял. Отец мой выступил с двумя ротами солдат около шести часов вечера и, благодаря тому, что он, как инженер, знал хорошо топографию уезда и все тропинки, а также знал, каким путем Хаджи Мурат должен был ехать в Дагестан, перерезал ему дорогу и настиг в лесу, где началась огнестрельная перестрелка. У Хаджи Мурата было уже около пятнадцати всадников, которые, вероятно, его ожидали на дороге. Рассказывали, что Хаджи Мурат получил четырнадцать пуль в грудную область и все еще не сдавался. После каждой пули он затыкал дыру каким-то удивительным восточным пластырем и как будто не чувствовал раны. Так живьем он не дался. Когда, наконец, его убили, отец приказал снять голову и в спирте ее отправил в Тифлис наместнику, чтобы не было сомнений, что убит именно Хаджи Мурат. Голова эта была выставлена в пожарном депо, и весь народ ходил смотреть. Отец мне позже говорил, что если бы ему не удалось поймать Хаджи Мурата, то пришлось бы головой за него отвечать, так как он высмотрел нашу дислокацию, знал слабые стороны, и Шамиль легко мог овладеть Тифлисом. Вот был бы скандал, все бы свалили на отца! Замечательно, как мне говорила потом мать моя, что она, имея дурное предчувствие, не хотела в тот день ехать на прогулку, но Хаджи Мурат ее уговорил. Отец мне потом говорил, что если бы он знал о таком предчувствии моей матери, которому он всегда верил, то, вероятно, принял бы какие-нибудь особенные меры. Замечательно также, что отец мой никакой награды за поимку Хаджи Мурата не получил, кроме любезного письма и то от начальника штаба, даже не от Воронцова» (цитир. с сокращениями).

2

1903 г. Января 8. Я. П.

Милостивый Государь

Иван Иосифович,

Очень вам благодарен за письмо ваше и интересные подробности, которые вы мне сообщаете. С вашего разрешения я позволю себе обратиться к вашей матушке с некоторыми вопросами или, если найду знакомого в Тифлисе, который возьмет на себя это дело, попрошу его лич-

но обратиться к вашей матушке, что менее утрудит ее, чем письменно отвечать на мои вопросы.

Еще раз сердечно благодарю вас за вашу обязательность и остаюсь готовый к услугам

Л. Толстой.

Это ответ на вышеприведенное письмо Корганова.

В тот же день Толстой писал к А. А. Коргановой, спрашивая ее о Хаджи Мурате: «1) Говорил ли он хоть немного по-русски? 2) Чьи были лошади, на которых он хотел бежать? Его собственные или данные ему? И хорошие ли это были лошади и какой масти? 3) Заметно ли он хромал? 4) Дом, в котором жили вы наверху, а он внизу, имел ли при себе сад? 5) Был ли он строг в исполнении магометанских обрядов: пятикратной молитвы и др.? 6) Какие были и чем отличались те мюриды, которые были и бежали с Хаджи Муратом? 7) Когда они бежали, были ли на них ружья?.. Всякое кажущееся ничтожным обстоятельство, которое сохранилось у вас в памяти, будет для меня очень интересно и ценно» (опубликовано в книге Г. В. Бebutова «Л. Н. Толстой и Хаджи Мурат», Эривань, 1928).

Корганова лично не ответила. По поручению Толстого ее посетил в Тифлисе С. Н. Шульгин. Опрос Коргановой значительных результатов не дал. Она многое забыла, многое в ее памяти перепуталось. Полученные сведения Шульгин сообщил Толстому и опубликовал в своей статье «Предание о шамилевском набе Хаджи Мурате» («Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», X, Тифлис, 1909.

В. Жданов.

Н. М. НАГОРНОВУ

Публикуемые сорок шесть писем Л. Н. Толстого адресованы к Николаю Михайловичу Нагорнову (р. 3 декабря 1845 г., ум. 23 января 1896 г.), мужу (с 2 июля 1872 г.) племянницы (дочери сестры) Льва Николаевича, Варвары Валерьяновны гр. Толстой (1850—1921). Николай Михайлович жил в Москве, где с 1868 г. служил чиновником особых поручений при московском губернаторе, с 1875 г. был членом от правительства Московского губернского распределительного комитета, а в 1887—1896 гг. член Московской городской управы.

Письма, относящиеся к периоду с апреля 1874 г. по март 1880 г., отражают ту энергическую деятельность Толстого по изданию и продаже своих сочинений, какую он проявлял в это время. К сожалению, из ответных писем Н. М. Нагорнова сохранилось в архиве Толстого только девять. Сохранились они все, мы имели бы полную картину того, как издавались и продавались книги Толстого за это время. Но и теперь из публикуемых писем мы узнаем много нового по этому вопросу, к изучению которого теперь только приступают.

1

1874 г. Апреля конец. Я П.

Любезный Николай Михайлович.

Соניה¹ писала Варе² недавно и верно написала все подробности нашего житья-бытья, я же напишу вам несколько слов о деле, тем более, что надеюсь скоро вас увидеть у нас. — Вы были так добры, взяли на себя обузу моих портретов³ у Аванцо⁴. Если вам есть времячко, и вы хотите

меня очень одолжить, то пожалуйста возьмите их и пришлите ко мне. Деньги на уплату за них возьмите у Соловьева⁵. Я сказал ему, чтобы он уплатил счет. — Соня сейчас говорит мне, что она писала еще до родов; поэтому прибавляю в особенности тебе, любезный друг Варя, разные подробности. Роды прошли очень благополучно, несмотря на то, что акушерка опоздала и принимала старуха, которая ходит за тетенькой. Мальчик здоровенький — переносенный. Кормление идет еще хорошо, но уж угрожают известные боли. Мы сидим почти всё в комнатах. Холода и дожди. Авось вы нам привезете хорошую погоду. До скорого свиданья.

Ваш Л. Толстой.

Время написания определяется содержанием: тетенька Пелагея Ильинична Юшкова — жива (ум. 22 декабря 1875 г.), и рождение сына Николая (р. 22 апреля 1874 г.).

¹ Жена Льва Николаевича Софья Андреевна.

² Жена Н. М. Нагорнова, рожд. гр. Варвара Валерьяновна Толстая.

³ О каких портретах идет речь, сказать не можем.

⁴ Известный московский магазин художественных произведений.

⁵ Московский книгопродавец Иван Григорьевич Соловьев (умер 21 апреля 1881 г.) — комиссионер Толстого по продаже его изданий.

2

1875 г. Января 26 (?) Я. П.

Насчет а и б все правильно. На 1-х страницах такое А. Б., а на следующих такое: а б. *Ижица*, разумеется, нужно. Азы маленькое А.

Ваш Л. Толстой.

Месяц и день написания определяется содержанием сохранившегося в архиве Толстого письма Н. М. Нагорнова от 24 января. Год — содержанием. Речь идет о тексте первых страниц печатавшейся в это время книги: «Новая Азбука графа Л. Н. Толстого. М. Тип. и лит. А. Торлецкого и М. Терехова 1875».

3

1875 г. Февраля середина. Я. П.

Любезный Николай Михайлович!

С нетерпением ожидаю корректуру 2-го и дальнейших листов; но и не получив еще их, пишу о разных мелочах, для меня кажущихся важными.

1) В скольких экземплярах отпечатан 1-й лист.

2) Разобран ли набор¹.

3) Отпечатаны ли 1000 экз. на хорошей бумаге, как я просил Н. А. Соковнина².

4) Ошибок в 1-м листе много, в особенности в знаках препинания.

Пожалуйста обратите внимание на знаки препинания и не стесняйтесь рукописью. Я плохо просмотрел ее с этой стороны. Вообще следуйте тому правилу, что точку ставить везде, где сомнительный знак и где только можно.

Наш Николинька все в том же положении и мы ждем каждый день и час его смерти. Целую Варю и Волю³ и дружески жму вам руку.

Ваш Л. Толстой.

Время написания определяется содержанием — болезнь сына Николая (умер 20 февраля 1875 г.).

¹ Из-за недостатка шрифта набор листа по отпечатывании разбирали с тем, чтобы освободившимся шрифтом набирать следующий.

² Николай Александрович Соковнин (1841—1893), сын екатеринославского помещика, по окончании естественного факультета Киевского университета преподаватель в Николаевской (Херсонской губ.) женской гимназии, затем окружной инспектор во Владимире. Выйдя в отставку, открыл в Москве магазин учебных пособий «Сотрудник школы», перешедший в 1878 г. к Залескому.

Уехав из Москвы, Соковнин в Красноуфимске (Пермской губ.) занял место директора реального училища. Здесь он занимался распространением в губернии производства кустарных сельскохозяйственных орудий. В 1888 г. переехал в Кострому, где был директором промышленных училищ имени Чижова.

³ Валерьян Николаевич Нагорнов (р. 19 апреля 1873 г.) старший сын Н. М. и В. В. Нагорновых.

4

1875 г. Февраля вторая половина — март. Я. П.

От всей души радуюсь, любезный Николай Михайлович тому, что вы получили обещанное вам место¹ и поздравляю вас.

За ваши хлопоты очень благодарю и не сомневаюсь ни сколько, что вы сделаете это дело превосходно; но боюсь одного — чтобы вы из деликатности не периверировали делать это дело, тогда как вам при новом назначении много новых и старых хлопот. Пожалуйста скажите прямо. Я обойдусь какнибудь. Только скажите вперед, а я приму меры. — Благодарю уже очень и за то, что вы подбодрили Соковнина. —

Жду вашего ответа. Если попадется вам в рукописи или корректуре в отделе упражнений на *Б* в главе упражнений *ББ*, *ВВ*, *СВ* и т. д., то вы черкните это. А отдел должен начинаться прямо с слов *День*, *Пень* и т. д.² Во всяком случае очень благодарю и радуюсь вашему успеху по службе.

Ваш Л. Толстой.

Спасибо, милый друг Варя; что известила нас. Ты знаешь, что мне всегда близко к сердцу все, что тебя касается; а это, если я не ошибусь, есть важный шаг и на самом хорошем пути службы. — У нас, слава богу, теперь посветлей, т. е. Сонино здоровье значительно лучше. Поцелуй от меня Валерьяна³ и Валерьяныча⁴.

Твой Л. Т.

Время написания определяется содержанием — идут корректуры второго листа «Новой Азбуки».

¹ Н. М. Нагорнов получил место.

² Имеется в виду 27 страниц указанной книги.

³ Валерьян Николаевич Нагорнов.

⁴ Гр. Николай Валерьянович Толстой (1850—1879) — брат Варвары Валерьяновны Нагорновой.

5

1875 г. Февраля вторая половина — марта начало. Я. П.

Не имея первой половины 2-го листа, с трудом мог сообщить нужные поправки. На 27-й стр. вымарал нь, ть, ль, и вставил в пустые места слова; а то много было пустого места.

На 29 стр. и далее поставил X где слишком расставлено. Если уже нельзя иначе сделать, то на 27 стр. поставить *мышка* вместо *мышь*.

На 30 стр. вставил несколько слов, чтобы не было пустого места. На 30 стр. —¹ этот знак означает, что надо соединить в одну строку, на этой же стр. вымарал *лкь*, *бръ* и т. д. — и вставил слово в пустое место.

На 31 стр. вставил слова в пустые места и слово *чтобы*, где слишком расставлено. —

На 32 стр. вставил *бы* и *онъ* где слишком расставлено. — Жду с нетерпением 1-ю половину 2-го листа.

Дата написания определяется содержанием предыдущего письма Толстого к Нагорнову и сохранившихся писем Нагорнова к Толстому от 29 и 30 марта.

¹ Здесь в письме поставлен корректурный знак, обозначающий соединение двух строк в одну.

6

1875 г. Марта первая половина. Я. П.

К 1-му листу 2-й части.

1) Нумерация страниц должна быть одна — общая для всей Азбуки¹.

2) Курсив желательно бы было мельче.

3) На 4 стр. (и в других местах) начинается новая история одной линейкой с низа страницы. Желательно бы было этого избежать.

4) Кресты X поставлены на 6-й стр. и др., где безобразно расставлены слова. Нужно соединить.

5) На 9 стр. вымарать слово сказка и перестановить с 2-й половины 10-й стр. историю: *Шли по дороге прежде Красной шапочки, а Красн. шап. после.*

6) На 11 стр. вставлены 3 слова, чтобы заместить пустое место.

7) На стр. 13 — тире и перенести начало истории с конца страницы.

8) На 16 стр. курсив крупен и слова: *оставь избушку* слишком отставлены.

Дату написания определяем датой предыдущего письма и содержанием писем Нагорнова к Толстому от 29 и 30 марта.

¹ «Новая Азбука» состоит из трех частей: первая часть — стр. 1—38; вторая — стр. 39—66 и третья — стр. 67—91. При первой верстке пагинацию сделали для каждой части, против чего возражает Лев Николаевич. Упомянутые в письме 4, 6, 9, 10, 11, 13 и 16 страницы стали 42, 44, 47, 48, 49, 50 и 54.

1873 г. Май — 1875 г. Марта первая половина. Я. П.

Любезный Николай Михайлович! Пользуюсь вашим позволением обращаться к вам с просьбой о гувернантке и гувернерах. Вот в чем моя просьба. Зайти на Пречистенском бульваре в дом Небольсина в контору гувернанток и спросить, нет ли у них с хорошей рекомендацией Француженки или Швейцарки не столь старой как М-ме Раоих, кот[орую] они мне рекомендовали, и если есть, то мне сейчас написать, какая и какая цена. Обязанности ее смотреть за Таней и давать уроки мальчикам. Если же нет, то сейчас же съездите пожалуйста к М-ме Раоих на углу Неопалимой Купины и Трубною переулку, дом Шнейдера у Г-на Арнольди. Впрочем в конторе гувернанток вы можете взять и адрес и узнать, всё ли еще без места эта М-ме Раоих. Если М-ме Раоих без места, то тотчас же посылайте ее к нам и дайте ей за два месяца вперед, как она просила. — Теперь, если вы хотите очень меня одолжить, то съездите еще в воспитательный дом и в Николаевском Институте у смотрителя Шеншина, найдите Г-на Бёке, которого я подговорил себе, и узнайте у него, решился ли у него вопрос о том, может ли он принять мое место. Если да, то узнайте его цену (он мне сказал неопределенно) и берите его и посылайте ко мне, хоть за 800 рублей. Я предлагал ему 600, и лучше за 600, но за ценой я не постою. Вперед очень благодарю вас за ваши хлопоты. Целую Варю и Волю.

Время написания определяем словами: «Целую Варю и Волю». Это указывает на то, что из детей Нагорновых был еще только старший сын.

1875 г. Апреля конец. Я. П.

Ужасно жалко, любезный Николай Михайлович, что наши труды по Азбуке, в особенности ваши, за которые я не могу достаточно благодарить, пропадают даром.

По тому, как идет дело, видно, что Азбука не выйдет до половины Мая. Я не успею до отъезда в Самару сделать все научные распоряжения, и Азбука сядет. Не выйдет же она потому, что после святой¹ дело не подвинулось ни на шаг. Первый лист был готов; 2-й лист был отпечатан (вы по ошибке пишете, что он печатается), что же они делали? Главное же я вижу по письму вашему², что все это вам надоело до последней степени, и вам с весенними и служебными и семейными заботами и некогда и невозможно этим заниматься, чего я и ожидал.

Пожалуйста искренно ответьте мне: оставляете вы это дело или нет? Во всяком случае я не могу не быть вам глубоко благодарным за все сделанное уже для моего дела; но если вы отказываетесь, я приму меры, чтобы было готово к половине Мая, или эти разбойники в типографии не получили бы ни копейки за свою работу. На всякий случай отвечаю на ваши вопросы.

Виньетки к этому изданию не нужно.

Обертка должна быть цвета самого дешевого — хоть белая. Будьте еще так добры, дайте мне адрес типографии и велите им прислать мне оттиски всех листов и высылать листы по мере отпечатания. —

Целую Варю и детей³ и дружески жму вам руку.

Л. Толстой.

Боюсь я тоже за цензуру. Как бы по отпечатании книги цензура не задержала ее выход. Мы с женой все собираемся в Москву, но я все откладывал до выхода Азбуки, когда мне надо быть в Москве; а теперь приходится не дожидаться.

Дата написания определяется содержанием сохранившегося письма Нагорнова к Толстому от 2 мая, которое является ответом на это письмо Толстого.

¹ Святая в этом году была 13 — 19 апреля.

² Оно не сохранилось.

³ Кроме упоминавшегося сына Валерьяна у Нагорновых в это время была дочь Елизавета (р. 25 марта 1875). Вышла замуж за Льва Николаевича Краснокутского.

Приводим письмо Н. М. Нагорнова от 2 мая:

Многоуважаемый Лев Николаевич.

Письмо Ваше очень меня огорчило. Сколько я ни стараюсь, но решительно не могу припомнить того, что могло в моем письме привести Вас к такому грустному для меня выводу. Даю Вам слово, что при моем искреннем и глубоком уважении к Вам, я бы никогда не позволил себе относиться кое-как к делу, которое Вам так дорого и близко. Почувствовав, что я охлаждаю к нему, я тотчас же откровенно написал бы Вам. Мне больно, что я должен уверять Вас в том, в чем сам я ни минуты не сомневался — что я насколько не охладел к Азбуке, а напротив, с приближением дела к концу, все более и более привязываюсь к нему.

Все это время от разных обстоятельств я был в очень грустном настроении, и оно то, быть может, отразилось в тоне моего письма к Вам. Относительно печатанья Азбуки Вы немного ошибаетесь. Первый лист отпечатали после святой. Припомните, что когда в Ясной Вы сами указали некоторые ошибки на 3 и 5 стр. 1-го листа. Тогда он был отпечтан только в одном экземпляре. А я Вам привозил отпечатанными 2-ую половину 1-го листа и 1-ую половину 2-го. Третий лист перебирали 2 раза после святой. Теперь все три листа отпечатаны. Предисловие и как учить сегодня выйдут. Сегодня вечером один экземпляр будет препровожден к Цензору, а во вторник (6/V) по получении от него обратно представим 10 экземпляров в Цenz. комитет. Следовательно, к пятнице, т. е. к 9-му все будет готово. Сегодня вечером доставят мне подробный отчет из типографии, которого добиваюсь бог знает сколько времени. Завтра вышло счет и 1 экземпляр Азбуки.

Вы не поверите, с каким нетерпением я ожидаю выхода Вашей Азбуки; — но только не потому, что она мне надоела — а главное, что обидно, это то, что Вы этого ожидали, как Вы пишете.

С искренним уважением и преданностью остаюсь Ваш

Н. Нагорнов.

9

1875 г. Мая 5? Я. П.

Не пеняйте пожалуйста на меня, любезный Николай Михайлович, если я был не прав в своем письме и огорчил вас. —

Вы не поверите, как я ценю вашу мне помощь и вместе с тем, как это кажущееся всем столь пустым дело мне близко к сердцу и потому поймете, что я всякую минуту боюсь, что оно не удастся, и что ваши одолжения мне преткнутся.

Как бы то ни было, вы успокоили меня, и жду с нетерпением присылки; хотя и не понимаю, в каком положении следующие за 3-мя листы. —

Пишу эти несколько слов только, чтобы ответить на ваше письмо.

Дружески жму вам руку и целую Варю и детей. Где вы? в Москве или уже на даче?

Ваш Л. Толстой.

Предположительную дату ставим на основании письма Нагорнова от 2 мая, на которое отвечает Толстой.

10

1875 г. Май. Я. П.

Любезный Николай Михайлович!

Пожалуйста пошлите поскорее один экз. Каткову¹ в пакете, и один в Ученый Комитет Минист. Н. П. на имя Председателя его Георгиевского². Забыл имя отчество, но есть написано у вас на обороте Соковнинского счета с прилагаемым письмом. Прилагая при сем вновь составленную книгу под заглавием *Новая Азбука* стоящая 14 к. и заключающую в себе три систематически разделенные по трудностям книги для чтения, Русскую, Славянскую Азбуку, Молитвы и руководство для учителя, Граф Л. Н. Толстой покорно просит Ученый Комитет М. Н. П. рассмотреть эту книгу и одобрить или рекомендовать ее для употребления в школах, если он найдет ее того заслуживающею. —

Я пишу Каткову, прося его от себя написать Георгиевскому, с к. он в самых близких сношениях.

Хорошо бы было такую же бумагу послать в военное ведомство, в главный Штаб.

Дату написания определяем содержанием: письмо это могло быть написано только по получении от Нагорнова экземпляра отпечатанной «Новой Азбуки», что было в первых числах мая, до отъезда 4 июня Льва Николаевича в Самару.

¹ Михаил Никифорович Катков (1818—1887), редактор-издатель «Русского вестника».

² Александр Иванович Георгиевский (1830—1911), магистр всеобщей истории, публицист, насадитель классического образования в России, с 1873 г. председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения, впоследствии сенатор.

11

1875 г. Июля 4. Самарская губ.

Вероятно получу от вас известие, любезный Николай Михайлович, при этой первой нашей посылке в Самару, а теперь, не дожидаясь вашего известия, как мне ни совестно, решаюсь просить вас о великом одолжении: купить мне и прислать, если можно поскорее, ружье в 25 р. двухствольное, заряжающееся с казенной части и часы серебряные в 20 р. Это как вы понимаете нужно нам для скачки, которая будет великолепна по количеству скакунов (на 25 верст) и которую мы назначили к 6 Августа.

Ружье на Тульск. заводе я думаю, что можно иметь такое, т. е. заряжающееся с казенной части и двухствольное за эту цену. Если же нельзя и нельзя иметь скоро, то при-

бавьте рублей до 30. Если и то нельзя, то просто двухствольное, если можно в ящике. Часы у Четунова можно кажется иметь закрытые за 20 р. Вещи, если вы все также добры, как и прежде, купите поскорее (крайний срок 6 Августа, следовательно, высылки срок — 25 Июля, чем раньше разумеется, тем лучше) не в Самару, а в село Землянки Бузулукского уезда, в Волостное Правление для доставления графу Л. Н. Толстому.

Я со страхом даю вам это поручение такое фривольное и ничтожное; но так как мы обещали призы эти и собрали народ и опоздали немного, то если вы нам не можете тем, чтобы это сделать скоро, то мы будем в ужасно неприятном положении. Надеюсь, что вы не откажете. А мне уж за одно только прибавить сюда новую долю благодарности.

Денег, если у вас нет, то возьмите сейчас же у Соловьева. Я готов прислать деньги, только думаю, что это не нужно и главное задержит.

Мы живем здесь слава богу хорошо, только жена все также понемногу хворает. Урожай нынешний год до сих пор обещает быть хорошим и у меня, но посеву у меня очень мало.

С тех пор как мы выехали из Москвы, вот скоро месяц, мы не получали ни одного известия и ничего не знаем, что делается в образованных краях и главное со всеми близкими. Когда будете писать и Варю заставьте писать, то не жалейте чернил и побольше обо всем пиштите.

Целую Варю и детей и вам дружески жму руку.

Ваш Л. Толстой.

Год письма определяется содержанием.

Об устроенных Толстым скачках см. в кн. Н. Н. Гусева «Толстой в расцвете художественного гения», изд. Толстовского музея, М. 1927. стр. 199.

1875 г. Июля 22. Самарская губ.

Любезный Николай Михайлович!

Очень благодарю вас за письма (я получил 3)¹ и за хорошие известия. Мы все живем так же, как я писал в последнем письме, т. е. хорошо, если бы не здоровье жены, которое все угрожает.

Очень, очень рад, что вам пригодились 600 р., взятые у С. Н.² Надеюсь, что скоро, может быть, уже теперь, вы собираете дань с книгопродавцов. Вот что нужно бы сделать (если вы уже не сделали этого и согласны), нужно: повторить объявления с прибавлением — *рекомендовано* и с

вашим адресом, куда обращаться книгопродавцам и покупающим не менее 100 экз. —

На обертках, или пустых местах Азбуки напечатать объявление о продаже книг для чтения (они, верно, вышли уже ³) и объявление о продаже старой Азбуки ⁴ в 12 книгах и отдельно и это нужнее всего Арифметики в двух частях. Я говорю про те 2 книги Арифметики, которые находятся в числе 12-ти. Ожидаю с волнением вещи, о которых я просил вас ⁵.

Целую за себя и Соню, Варю и детей. Теперь до скорого свидания в Ясной. — Дружески жму вам руку.

Ваш Л. Толстой.

22 Июля.

Год письма определяется содержанием.

¹ Они не сохранились.

² Под «С. Н.» нужно, вероятно, разуместь Сергея Николаевича Толстого, брата Льва Николаевича.

³ На последней (92) странице «Новой Азбуки» имеется такое объявление: «Вышли и продаются во всех книжных магазинах Москвы и Петербурга следующие после Азбуки, рекомендованные Ученым Комитетом Министерства Народного Просвещения 4 Русские книги для постепенного чтения, графа Л. Н. Толстого». На всех четырех «русских книгах для чтения» (издание 1875 г.) дата цензурного разрешения 17 июля 1875 г. Просьба Толстого 22 июля «на обертках или пустых местах Азбуки напечатать объявление о продаже книг для чтения» говорит о том, что к этому времени не все пятьдесят тысяч экземпляров «Новой Азбуки» были вывезены из типографии, почему и можно было на остававшихся в типографии экземплярах припечатать приведенное объявление.

⁴ Под «старой Азбукой» Толстой разумеет петербургское издание «Азбуки» 1874 г. в 12-ти книгах, из которых 10-я и 11-я составляли «Арифметику». Объявление о продаже этой «Азбуки» не было напечатано на книжках «Новой Азбуки».

⁵ Под «вещами» Толстой разумеет часы и ружье, о которых писал в предыдущем письме.

13

1875 г. Августа 25. Я. П.

Любезный Николай Михайлович!

Мы 3-го дня приехали ¹ и дорогой мечтали о том, что найдем вас с Варей и детьми у нас; но к несчастью не имеем даже от вас никаких известий. Надеюсь, что у вас все здорово и благополучно. Очень вам благодарен за присылку ружья и часов. Они поспели к нам не только в день, но в самый час скочки ². Не пишу вам подробностей о нас, исключая, что мы все такие же, как и прежде, потому что все-таки надеюсь увидеть вас всех у нас. —

Приезжайте, если не боитесь дурной погоды. Ее нечего бояться: она так долго дурна, что вероятно осень — бабье лето будет прекрасное. —

Что наши азбучные дела. Боюсь по вашему молчанию, что скверны; а это тем более грустно, что и Самарские дела нехороши, а в Никольском³ вовсе плохо.

Соня верно будет писать. Целую Варю и детей.

Ваш Л. Толстой.

25 Августа.

Год определяется содержанием: присылка ружья и часов и т. д.

¹ Из Самарской губернии.

² См. письмо от 4 июля.

³ Имение Никольское-Вяземское Чернского у. Тульской губ., после смерти брата Л. Толстого гр. Николая Николаевича принадлежавшее Льву Николаевичу.

14

1875 г. Сентябрь? Я. П.

Боюсь вам надоест, любезный Николай Михайлович, но не могу не написать вам несколько слов о деле, которое мне кажется важным. Сколько я слышу с разных сторон, оказывается, что объявления об Азбуке, сделанные весною, были не замечены, и никому (особенно в Птб.) неизвестно о появлении азбуки. Надо непременно сделать побольше и повиднее публикации.

Сделали ли вы публикации? [Сколь]ко¹? На какую [сум]му¹? Считаете ли вы и знающие дело книгопродавцы нужным повторить? Если нужно, то сделайте пожалуйста, — рублей до 200 можно на это истратить. —

Теперь мне кажется время самое нужное. И вот вот в этих месяцах решится вопрос о том, села ли азбука как прежняя или пошла. Очень жаль, что Рис² после прибавил к счету 100 р. Если бы это знать, надо бы по копейке прибавить на цену каждой книги. Я думаю, что теперь уже поздно.

Ваш Л. Толстой.

Датируем предположительно на основании слов: «Теперь мне кажется время самое нужное. И вот вот в этих месяцах решится вопрос о том, села ли Азбука»... Так можно было писать, пожалуй, только в сентябре.

¹ Оторвано.

² Федор Федорович Рис, владелец типографии, где печатались «Русские книги для чтения» Толстого.

15

1875 г. Сентябрь. Я. П.

Любезный Николай Михайлович!

Получил ваше письмо и письмо Вари к Соне¹ и не смотря на то, что я больнешенький в жару, считаю нужным написать вам несколько слов.

Распоряжения ваши о книгах и назначение им цены все прекрасно, и я только могу благодарить вас². Одно, что нехорошо, это то, что я вижу — вы устали от моих дел, и вам некогда, и не хотите сказать. Пожалуйста, любезный и добрый Николай Михайлович, устройте так, чтобы вам не было стеснения от моих дел. Что я вам всегда благодарен буду, и что вы желаете мне оказать услугу — это несомненно, но надо устроить так, чтобы это не мешало вашим делам, и чтобы между нами было все ясно. Найдите человека, который бы за известное жалованье делал всю черную работу — посылки, переписку и т. д., а вы бы наблюдали.

Все это я говорю, потому что мне нужно, много теперь распоряжений, а вам некогда.

Нужно мне следующее:

1) Подробный счет того, сколько и где продано Азбук. Вы мне пишете, что у Соковнина продано 500 экз., и что это хорошо. Я нахожу, что $\frac{1}{100}$ того, что напечатано, и очень плохо, и потому желаю знать, сколько продано у Салаева³ и др. И кому роздано на комиссию в Петербург.

2) Немедленно надо печатать объявление (о книгах для чтения, о Азбуке, как печаталось в 1-й раз) во всех иностранных газетах. Поручить это Соловьеву, или самому, но не медля, так как теперь самое нужное время.

3) Страхов⁴ привезет в Москву 300 экз. отдельной брошюрой изданную статью «о нар. образ.»⁵. Ее надо раздать по книжн. маг.

4) Когда посланы и посланы ли Азбуки в Училищ. Совет⁶.

5) Было ли объявление, где склад и куда обращаться за книгами. Если нет, то надо объявить.

6) Неизвестно ли, какие были отзывы об Азбуке в газетах и журналах⁷.

7) Какие были денежные расчеты? Когда нужно платить за бумагу и типограф. и сколько заплачено?

8) Были ли требования Азбуки прямо к вам и какие.

Видите, сколько вопросов и дел.

Устройтесь, как знаете, но помните данное мне обещание — прямо сказать, если вам трудно и скучно. Откровенный отказ никак не может изменить наши хорошие отношения, котор. я дорожу, и сознание того, что я вам очень и очень обязан.

Ваш Л. Толстой.

Время написания определяется содержанием: со времени выхода в свет «Новой Азбуки» прошло немного времени.

¹ Неизвестны письма ни Н. М. Нагорнова к Л. Н. Толстому, ни В. В. Нагорновой к С. А. Толстой.

² Речь идет, вероятно, как и в предыдущем письме, о цене на «Русские книги для чтения».

³ Федор Иванович Салаев (1820—1879), известный книгопродавец и издатель.

⁴ Николай Николаевич Страхов (1828—1896), критик и публицист, приятель Толстого, живший в Петербурге.

⁵ Статья Толстого «О народном образовании», первоначально напечатанная в сентябрьской книге «Отечественных записок» за 1874 г., была переиздана в Петербурге отдельной брошюрой (цензурное разрешение 7 апреля 1875 г.), мал. 8°, 92 стр.

⁶ Училищный совет Крапивенского земства.

⁷ Библиография статей и заметок в журналах и газетах о «Новой Азбуке» дана А. Т. Фоминым в кн.: Л. Толстой «Педагогические сочинения», СПб. 1912, стр. 393 и в кн. Н. Н. Гусева «Толстой в расцвете художественного гения», стр. 237.

16

1875 г.? Сентября? Я. П.

Любезный Николай Михайлович!

Если у вас есть в сборе деньги, то будьте так добры, отдайте Ф. Ф. Рису по его счету все или хотя большую часть из того, что мы ему должны за печатание книг для чтения. —

Ваш Л. Толстой.

Датируем предположительно сентябрем 1875, по связи с предыдущим письмом, где Лев Николаевич спрашивает об уплате типографии. В типографии Риса печаталось не только первое издание 1875 г. «русских книг для чтения», но и последующие, почему твердо датировать 1875 г. мы не решаемся.

17

1875 г. Октября начало. Я. П.

Очень рад, дорогой Николай Михайлович, и очень благодарен за то, что вы убедили меня опять в том, что вы не тяготитесь моим делом. Пришлите мне пожалуйста 100 экз. Азбуки в 3-х книгах ¹ и 20 Книг для чтения. В земства посланы Азбуки в 3-х книжках или в одной?

Надо было в 3-х книжках.

Если Надеин ² потребует у вас экз. Азбуки и Книг после Азбуки ³, дайте ему, сколько потребует. Не было бы задержки от типографии, если потребуются Азбука? При случае спросите у Соковнина счет продажи Полн. Соч. ⁴ Старой Азбуки ⁵ и Войны и Мир ⁶, и если есть деньги — возьмите.

Мы все нездоровы всей семьей — у детей коклюш, у меня лихорадочное состояние. Благодарю Варю за ее милое письмо. Я ее письма беру и на свой счет. Обнимаем ее с Соной.

Ваш Л. Толстой.

Вальдшнепы прилетели. Как ваши дела?

Время написания определяем содержанием: «вальдшнепы прилетели», болезнь семьи (см. следующее письмо).

¹ В объявлении о продаже «Новой Азбуки» (см. письмо № 23) сказано: «Азбука продается для домашнего обучения в одной, а для школ в трех отдельных книгах».

² Петербургский книгопродавец.

³ И здесь под «книгами после Азбуки» Лев Николаевич разумеет вторую и третью части «Новой Азбуки».

⁴ Имеется в виду еще не распроданное в это время третье издание 1873 г. «Сочинений графа Л. Н. Толстого. В восьми частях».

⁵ Изданная в 1874 г. в двенадцати книгах «Азбука» Л. Толстого.

⁶ Второе издание 1868—1869 гг. «Войны и мира». Об этом издании см. в моей статье «Как писался и печатался роман «Война и мир»».

Через шесть лет это издание еще не было распродано.

1875 г. Октября середина. Я. П.

Очень благодарен, дорогой Николай Михайлович, за длинное и обстоятельное письмо. Все ваши распоряжения и предположения*) одобряю; но некоторые подробности очень для меня важные желаю знать. Пожалуйста сообщите мне: 1-е:

Как стоят мои денежные дела по этим изданиям, т. е. сколько и кому мы должны и сколько имеем получить. Для этого пожалуйста, пожалуйста сообщите мне теперь и почаще сообщайте, как идет продажа книг. А именно, сколько роздано по книгопродавцам, сколько продано. Последние известия, которые я имею об этом от 20-х чисел Сентября было продано около 2000. Теперь с тех пор скоро месяц и месяц, кот. решит судьбу книг. Пожалуйста напишите и пообстоятельнее 1. —

Надеину передайте пожалуйста побольше экзем. (если он желает разумеется). Я на него возлагаю большие надежды.

Брошюрку, которая у Соловьева уже давно, раздайте по хорошим книгопродавцам, и расходится ли она²? Рису пожалуйста скажите, если увидите, чтобы он отнюдь ко мне не ездил. Мне некогда и не зачем. Здоровье всех нас понемногу справляется. Начался ход к лучшему недавно.

Как Варе не совестно не поблагодарить бабушку³. Она сердится.

Пожалуйста раз в месяц давайте мне краткой отчет о ходе всего дела. На себя пеняйте, что я вам навязываю много дела.

Ваш Л. Толстой.

* выслать Птб. книгопродавцам, разделить мелким Московским и даже выставить листы.

Время написания определяем словами о том, что от 20-х чисел сентября прошло около месяца.

¹ Речь идет о четырех «Русских книгах для чтения».

² Брошюра «О народном образовании», о которой см. письмо № 14.

³ Тетка Толстого Пелагея Ильинична Юшкова, жившая в то время в Ясной Поляне.

1875 г. Октября 26. Я. П.

Вот так акуратность. Вот ясность! Вот одолжение! Не могу вас достаточно благодарить за последнее письмо ¹, дорогой Николай Михайлович. Это именно все то, что я желал знать и желаю на будущее знать изредка. Публикаций на железной дороге не нужно.

Посылать Рус[ские] Кн[иги] по Уч[илищам] Зем[ским] не считаю тоже особенно нужным; но если более знающие люди (Соковнин, Соловьев) присоветуют, то пошлите.

В кредит Земствам давайте. Подробности, как требования Смотр[ителя] тюрем Симферопольского замка и др. мне чрезвычайно интересны, и пожалуйста изредка сообщайте.

Мне интересно очень, берут ли военные для солдат.

Насчет ваших 600 р. пожалуйста не упоминайте. Во-первых не 600, а 400, потому что 200 я вам должен за квартиру, а во-вторых я рад радешенек, что покамест хоть этими пустяками мог быть вам полезен.

Брошюрку я желал бы, чтобы продавали просто по всем книжным лавкам по 15 к. ².

Еще просьба насчет Соковнина. Он, как я вижу, плохо расплачивается даже за новую Азбуку, а у него уже скоро год находятся на комиссии моя Старая Азбука 2-х р[ублевая]. Полн. Сочин. 12 р. и Война и Мир 10 р. ³ всего, сколько мне помнится, тысячи на 2 или около того. Необходимо поверить у него оставшееся количество экзем. или хотя счет взять от него и потребовать от него деньги. Пожалуйста сделайте это. Деньги очень нужны мне и для долга Кунину ⁴ и типографии и для моих долгов. В особенности Полн. Сочинения 100 экз. должны быть проданы и за них следует 900 р., 2-р[ублевая] Азбука тоже, я знаю через Надеина, требовалась и должна быть, хотя частью, распродана. Расписки его у меня, и если они нужны, я их вышлю вам.

У нас болезнь не выходит из дома. Только что коклюш стал проходить, у Сони сделалась сильнейшая невралгия в лице. Только что эта боль уступила хине, сделались боли в животе такие сильные, что вот она 2-е сутки лежит без

сна и еды, и только теперь на 2-е сутки есть маленькое облегчение.— Избави бог семейных людей от болезней близких. —

Целую Варю и детей.

Ваш Л. Толстой.

26 Октября.

Год письма определяется содержанием.

¹ Письмо неизвестно.

² Брошюра «О народном образовании».

³ См. письмо № 17.

⁴ Владелец писчебумажной фабрики.

20

1875 г. Ноября 1. Я. П.

Благодарю вас, тысячу раз благодарю вас, дорогой Николай Михайлович, за скорое исполнение моей просьбы. Черков ¹ сделал все, что мог, и сделал много. Бог знает, что еще будет, но пока хорошо. Он определил болезнь противно определению Кнерцера ² и кажется верно — воспаление брюшины. Он уменьшил страдания. Теперь положение такое: Сейчас она родила ребенка девочку, которая тотчас же умерла. Так как после родов прошло только полчаса, то совершенный *bien être*, который она теперь испытывает, ничего не доказывает еще.

Пройдет ли само воспаление теперь или опять усилится, это покажут следующие три дня. Черков всё предписал на всякий случай, и у нас остается Кнерцер, который будет следить за ходом болезни. Если будет хуже, то я телеграфирую еще и буду звать его. В субботу и во вторник я буду телеграфировать прямо к нему, а в промежуток между этими днями к вам, потому что тогда его трудно найти. Вы же всё узнаете у него на квартире.

Еще просьба: как получите это письмо, возьмите у Соловьева, если у вас нет, 150 рублей и передайте от меня Черкову и узнайте от него, если можно, доволен ли он.

Разумеется вы сообщите все подробности нашим. Не могу сказать, как я вам благодарен.

Ваш Л. Толстой.

Дата письма определяется содержанием: дочь Варвара родилась и умерла 1 ноября 1875 г.

¹ Василий Васильевич Чирков (р. в 1845 г.), московский врач, ассистент Захарьина, впоследствии профессор Киевского университета, в 1886 г. лечил Льва Николаевича.

² Тульский акушер Николай Андреевич Кнерцер.

1875 г. Ноября первая половина. Я. П.

Благодарю вас, дорогой Николай Михайлович, за исполнение моего поручения. Разумеется прекрасно сделали, что дали 200 ¹. Я виноват перед всеми вами, что не писал; но всё было неопределенно; теперь кажется, что можно сказать — пошло на поправку. Болей нет, и есть аппетит, и силы прибавляются. Целую милую Варю и надеюсь, что ветряная оспа, как у нашего Сережи ², прошла, не оставив следа.

Ваш Л. Толстой.

Время написания определяется содержанием.

¹ Из сохранившегося счета Н. М. Нагорнова Толстому видно, что согласно просьбе Льва Николаевича в предыдущем письме, Нагорнов 2 ноября уплатил доктору Чиркову 200 рублей, о чем пишет в этом письме Толстой.

² Старший сын Толстого Сергей Львович (р. в 1863 г.).

1875 г.? Ноября 16. Я. П.

Получил от вас счета и деньги, любезный Николай Михайлович, и очень вам благодарен. — Соня же благодарит Варю очень за кошелек. Я на днях буду в Москве и увижусь с вами и обо всем переговорю. Пока до свиданья.

Ваш Л. Толстой.

16 Ноября.

Год написания ставим предположительно.

1875 г. Ноября середина. Я. П.

Начинаю с того, что у нас теперь слава богу всё хорошо; кроме остатков коклюша, можно сказать, что жена поправляется и довольно быстро. Она сидит и ходит, хотя еще держит строжайшую диету. Продолжаю же просьбой. Мне нужно выписать учебные пособия для наших школ ¹. Так как я себе дал слово не входить в личные сношения с Соковниным, я позволяю себе просить вас сделать это за меня. Нужно:

1) Хрестоматий Паульсона (книг для чтения)	50
2) Руководство к православной вере Соколова	10
3) Задачников Малинина	10
4) Грифельных досок	100
5) Грифелей	1000

6) Карандашей	24
7) Перьев коробок	10
8) Прописей	50

Всё это как можно лучше и дешевле и выслать, как можно скорее.

Ваш Л. Толстой.

Время написания определяем сообщением об «остатках коклюша» и счетом Нагорнова, где под 27 ноября записано: «Отправка училищных принадлежностей в Ясную — 2 р. 80 к.»

¹ Под «нашими школами» Толстой понимает земские школы Крапивенского уезда.

24

1875 г. Ноябрь. Я. П.

Посылаю вам квитанции Соковнина. Очень благодарен за счет его. Что брошюрка о Нар. Обр. и включили ли вы ее в объявление ¹. Тетиньке ² как будто получше, и у нас явилась надежда. — Я же 3-й день больнешенек.

Ваш Л. Толстой.

Пришлите мне пожалуйста 10 брошюр О Н[ародном] О[бразовании].

Датируем ноябрем на основании письма от 26 октября, где речь идет о счете Соковнина.

¹ О брошюре «О народном образовании» см. в предыдущих письмах. В № 268 от 10 декабря «Русских ведомостей» за 1875 г. было напечатано такое объявление:

«Вышла и продается во всех известных книжных магазинах Москвы и С.-Петербурга: одобренная и рекомендованная ученым комитетом министерства народного образования Новая Азбука и следующие после нее рекомендованные тем же комитетом четыре русские книги для чтения графа Л. Н. Толстого. Цена Азбуки 14 коп., 1-й книги — 6 коп., 2-й — 8 коп., 3-й — 8 коп. и 4-й — 10 коп. Земства и г. г. книгопродавцы пользуются уступкой 25%; с своими требованиями могут обращаться к Николаю Михайловичу Нагорнову, в Москву на Собачью площадку, д. Домбровского, по Дурновскому пер.»

² Пелагея Ильинична Юшкова.

25

1875 г. Декабря 7. Я. П.

Я забыл попросить вас прислать мне счет учебных пособий. Пожалуйста возьмите, где брали счет, и пришлите. Мне нужно для представления в Училищ. Совет ¹.

Тетинька с каждым днем слабеет. Ждем ее смерти каждую минуту ².

Ваш Л. Толстой.

7 Декабря.

Год определяется содержанием — смерть П. И. Юшковой.

¹ См. письмо № 23.

² Пелагея Ильинична Юшкова (р. в 1801 г.) скончалась в Ясной Поляне 22 декабря 1875 г.

26

1875 г. Декабря середина. Я. П.

Любезный Николай Михайлович!

Великая просьба. (Как я воображаю вам надоело уже это вступление). Мне необходимо и как можно поскорее (так как я по разным делаемым мне затруднениям задержал это дело) послать деньги в Швейцарию 2500 франков по прилагаемому адресу.

Будьте так добры, возьмите эти деньги у Соловьева по прилагаемому письму или у других часть, если есть что взять, и пошлите их поскорее и самым верным и выгодным способом по адресу ¹.

Ваш Л. Толстой.

Здоровье тетиньки всё то же. Адрес по ошибке написали на Соловьева письме.

Если бы при отправке через банкирскую контору встретилось затруднение в том, что у банкира нет сношений с Фрибургским банкиром, то можно отправить в Женеву, уведомив письмом получателя.

Suisse.

Monsieur Python-Castella à Portalban.

Fribourg.

Время написания определяется записью в счете Нагорнова под 23 декабря: «Castella» (1250 fr.) — 392 г. 45 к.».

¹ Деньги посылались сестре Льва Николаевича гр. Марье Николаевне Толстой (1830—1912).

27

1876 г. Январь — февраль. Я. П.

1) Войну и Мир продать за 2,50 к. или продавать по 4 в новой обертке ¹.

2) Для книг для Чтения взять бумагу и печатать ².

- 3) Детство продать за 750 или печатать 30% с выручки ³.
- 4) Публикацию брошюры ⁴.
- 5) Славянские книги дать просмотреть славянисту ⁵.
- 6) Публикации по всем изданиям, всех изданий ⁶.
- 7) От Каткова деньги — 2500 Дьякову, остальные на Рязанский банк ⁷.

На Детстве и Войне и Мир:
Того же Автора.

Полные сочинения	—	томов	—	цена
Детство	—	1		цена
О народном обр[азовании]	—			—
Азбука в 3 частя[x]				цена
I Книга для чтения				цена
II " " "				
III " " "				
IV " " "				
Азбука в 12 книг[ах]				2 р. 20

На Кн. для чт.
того же автора
Азбука

Полные соч.
Вой[на] и М[ир]
и —

Время написания определяется содержанием и записью в счете Нагорнова под 4 февраля «Дьякову 2000 р.», о чем читаем в этом письме записка не дописана.

¹ Об издании «Войны и мира» см. 6-е примечание к письму № 17.

² Речь идет о втором издании четырех «Русских книг для чтения».

³ Имеется в виду издание «Детство и отрочество» графа Л. Н. Толстого. Издание второе. М. Тип. А. Торлецкого и М. Терехова, 1876 г. в двух книжках в малую 8^о.

⁴ Брошюра «О народном образовании».

⁵ Имеется в виду «второе исправленное и дополненное» издание четырех «Славянских книг для чтения», печатавшихся в типографии Риса (цензурное разрешение первых трех книг 20 декабря 1876 г., а четвертой 17 марта 1877).

⁶ Т. е. сделать публикацию обо всех имевшихся в то время в продаже изданиях Толстого на обложках этих изданий. Такие публикации и появились. Вот, например, что напечатано на задней обложке второго издания «Детства и Отрочества»: «Во всех книжных магазинах Москвы и Петербурга продаются следующие сочинения того же автора:

1) Новая Азбука, одобренная и рекомендованная Ученым Комитетом Министерства Народного Просвещения, заключающая в себе: а) азбуку и первые упражнения в чтении, составленные так, чтобы обучение грамоте могло производиться безразлично по всем употребительным, как звуковым, так и буквослагательным способам преподавания, б) расположенные по длине слов и трудностям чтений — басни, истории и сказки (более ста), изложенные понятным для про-

столюдина и детей языком, в) славянскую азбуку, г) цифры, д) молитвы и заповеди и е) руководство для обучения.

Азбука продается для домашнего употребления в одной, а для школ в трех отдельных книгах. Цена 14 к.

2) Брошюрка «О народном образовании». Цена 15 к.

3) Азбука в 12-ти частях. Цена 2 р. 20 к.

4) Война и мир (дешевое издание) в 6-ти ч. Ц. 3 р. 50 к.

5) Полное собрание сочинений. Цена 12 руб. сер.

6) Рекомендованные для школы Учен. Ком. Мин. Нар. Пров. Четыре русские книги для чтения. Цена 1-ой книги 6 коп., 2-ой — 8 коп., 3-ей — 8 коп. и 4-ой — 10 коп.

7 Деньги от Каткова — гонорар за «Анну Каренину», печатавшуюся в 1875, 1876 и 1877 годах в «Русском вестнике». Дмитрий Алексеевич Дьяков (1823—1891) — приятель Толстого.

28

1876 г.? Февраля 6—8? Я. П.

Любезнейший Николай Михайлович!

Пожалуйста соберите мне денег, сколько можете, и вместе с деньгами, которые должен отдать Соловьев, купив восточного займа 1-го или 2-го, передайте жене.

Очень радуюсь взаимной радости жены и Вариньки. Дай бог только, чтобы у вас было всё здорово и благополучно. Целую Варю и детей, особенно музыканта. —

Ваш Л. Толстой.

Время написания определяется записью в счете Нагорнова под 9 февраля 1876 г.: «Софье Андреевне 200 р.».

29

1876 г. Марта 10—15? Я. П.

Очень вам благодарен, любезный Николай Михайлович, за присылку счета ¹. Напишите только пожалуйста словечко о том, остались ли мы должны типографии Торлецкого и сколько ². Да еще пожалуйста пособерите деньги с многих, с которых не получено. Цену за Детство и Отрочество назначьте сами — не менее 75 не более 1 ³. За славянские книги цена та же как и за Русские соответственно числу печатных листов, поэтому нужно прежде их учесть, сколько будет. Рис знает, как считать: $\frac{3}{4}$ ширины страницы должны быть заняты славянским шрифтом, а остальное соответствующим мелким Русским. Добейтесь пожалуйста счета от Соковнина да у Салаева и мелочных должна же быть продажа.

Здоровье жены гораздо лучше. Это была фальшивая тревога. Целую Варю и детей.

Ваш Л. Толстой.

Что Война и Мир? ⁴ Объявление пожалуйста. Сколько Рису будем должны за печатание ⁵, да пускай он сделает смету славянских книг на 5000 экз.

Время написания определяется письмом Нагорнова от 7 марта, на которое настоящим письмом отвечает Толстой.

¹ Счет на полученные и израсходованные деньги Толстого сохранился в архиве Льва Николаевича.

² В типографии Торлецкого печаталось второе издание «Детства и Отрочества».

³ Из письма Нагорнова к Толстому от 7 марта видно, что себестоимость двух книжек была 21,5 коп. Продавались обе книжки за 1 р. серебром.

⁴ Т. е. как идет продажа остатков второго издания «Войны и мира». См. письма №№ 17 и 19.

⁵ «Печатание» второго издания четырех «Русских книг для чтения».

30

1876 г.? Апрель начало? Я. П.

Верьте, что очень сожалею, дорогой Николай Михайлович, что не могу исполнить вашего желания. У меня столько было непредвиденных расходов, что я давно уже собираю деньги, чтобы заткнуть сделанные дыры. Я так мало знал положение моих дел у вас, что рассчитывал у вас взять денег. А вы так озадачили меня, что и не предвидится. Что за Войну и Мир осталось ли что? И сколько нераспродано? Книжек я не получил. Пожалуйста пришлите мне Русские и Славянские. Я надеюсь быть в Москве в конце Апреля, тогда увидимся и потолкуем, как уплатить по 1-му векселю. Нельзя ли продать Салаеву.

Пожалуйста не пеняйте на меня за отказ. Мне нельзя иначе. Целую Варю и детей. Давно от нее не было известий.

Видно всем плохой год, если и у вас дела идут плохо, с вашей акуратностью.

Ваш Л. Толстой.

Год написания определяется на основании вопроса о продаже «Войны и мира» (см. предыдущее письмо), месяц же на основании слов, что «в конце апреля» Лев Николаевич надеялся быть в Москве.

31

1877 г. Февраль. Я. П.

Любезный Николай Михайлович!

Извините меня пожалуйста, что я пишу вам нынче только о деле и боюсь, что такое, которое доставит вам много хлопот. Я посылаю назад в Самару вернувшегося

оттуда прикащика Тимофея Михайлова¹. Ему нужны деньги. Расчитывая, что у вас собралось сколько-нибудь моих денег, я прошу вас дать ему, что у нас есть, до 500 р. (пятьсот). Если вам не будет это стоить большого труда, и вы свободны и здоровы, будьте так добры, соберите ему эти деньги.

Дружески жму вашу руку, целую Варю и детей. У нас все здоровы, кроме меня. Приливы к голове и боли, которые мешают мне работать.

Ваш Гр. Л. Толстой.

Датируется по упоминанию о приливах к голове, которыми Толстой страдал с февраля 1877 г.

¹ Тимофей Михайлович Фоканов, яснополянский крестьянин, служивший одно время бурмистром в Ясной Поляне, а потом управляющим самарским имением Толстых.

32

1877 г. Декабря 7—12? Я. П.

На вопросы ваши, любезный Николай Михайлович, отвечаю следующее: требование Салаева 35% невозможно и я согласен только при 30%. Если он не согласен, то и не надо.

Очень благодарен вам, что вы сделали публикацию, что бы давно нужно. У нас все до сих пор идет прекрасно, т.-е. здоровье жены и мальчика, которого мы еще не знаем, как звать. — Моя просьба к вам следующая: деньги, которые у вас могут быть собраны с Мамонтова¹ и других, перешлите мне или при случае, если таковой встретится — Дьяков, Истомин², вы сами, который давно уже обещаетесь заехать проездом в деревню — или, если случая нет, то перевод через Рязанской банк.

Целую Варю и детей³ и жму вам руку. Мне все нездоровится да и начал заниматься и потому в Москву ехать не хочет[ся].

Ваш Л. Толстой.

Время написания определяем словами о рождении сына и о том, что Толстому «все нездоровится». Это было в декабре 1877 г., когда 6-го родился Андрей Львович.

¹ Книгопродавец Николай Иванович.

² Владимир Константинович Истомин (1847—1914), в это время чиновник в канцелярии московского губернатора, издатель журнала «Детский отдых», сотрудник «Московских ведомостей», знакомый Толстого.

³ Кроме Валерьяна и Елизаветы, у Нагорновых в это время был сын Борис (р. 2 мая 1877 г., ум. летом 1899 г.).

1878 г. Июня 6. Я. П.

6 Июня.

Пишу вам, любезный Николай Михайлович, не зная, где вы, но пользуюсь случаем благодарить вас за присылку денег 200 р. Остальные деньги 400 р. я возьму, если можно 14 Июня, при поездке в Самару. Еще просьба — не можете ли вы мне в общих чертах написать положение наших дел — что продано, что осталось. Хоть и совестно мне вас утруждать, но вы бы очень обязали меня. Жму вам руку. Целую Варю и детей. Сестра¹ завтра едет в Черемошню².

Ваш Л. Толстой.

Год определяем словами о том, что 14 июня Толстой будет в Москве проездом в Самару. Это было в 1878 г.

¹ Гр. Марья Николаевна Толстая.

² Черемошня — имение Д. А. Дьякова Новосильского уезда Тульской губ.

1878 г. Июня 13. Нижний-Новгород.

Любезный Николай Михайлович.

Я посылал к вам в Москве, надеясь вас увидеть и, разумеется, не нашел, а мне до вас две большие просьбы. Пожалуйста не откажите исполнить их с вашей обычной добротой и акуратностью. Я еду в Самару и пишу это письмо, как вы видите, из Нижнего, где я сижу, потому что потерял бумажник с 300 р. денег. Нынче я займу тут и завтра уеду, но дело в том, что мне в Самару нужно побольше денег¹. Соловьев выдал мне 2 векселя в 3,500 р. Я их передал с своей надписью ему, прося его как можно скорее их дисконтировать и переслать мне. Пожалуйста помогите мне в этом: 1) дисконтируйте их, где выдадут скорее деньги, 2) поторопите Соловьева и 3) сообразив проезд жены, если она поедет, о чем она вам напишет, передайте эти деньги ей, если дело это задержится, и перевод придется делать одновременно с ее отъездом². Если же раньше ее, то пошлите перевод на Самарский банк, а меня уведоьте телеграммой в Богатово на Оренбургской дороге.

Вторая же просьба та, чтобы и ваши деньги, сколько их соберете, прислать с Соловьевскими.

Извините за труд и очень много благодарствуйте. Дружески жму вам руку.

Ваш Гр. Л. Толстой.

Время написания определяется письмом Толстого к С. А. Толстой № 104 (в кн. «Письма Л. Н. Толстого к жене», 2-ое изд., М. 1915, стр. 117), которое нужно на основании следующего (№ 105) письма датировать 13 июня.

¹ Об этом см. письмо № 104 Толстого к С. А. Толстой.

² Софья Андреевна с младшими детьми выехала из Ясной Поляны в Самарскую губ. 23 июня.

35

1878 г. Июня 14. Сам. губ.

¹ Хотел писать Соловьеву и раздумал, решил я опять утруждать вас, любезный Николай Михайлович. Как я писал вам, я потерял деньги и потому должен был занять и взять в кредит билеты до Самары. Теперь надо заплатить эти долги. Пожалуйста, пожалуйста у себя или у Соловьева возьмите эти деньги и вышлите их поскорее в два места, а именно:

1) 50 р. В Симбирск Е. В. Дмитрию Федоровичу Ермолову ² в собственном доме.

и 2) в Самару в контору Пароходного общества Самолет для передачи на пароход *Скорый* 60 р. 45 к.

Хоть и совестно мне так часто утруждать вас, любезный Николай Михайлович, но я уверен, что вы по дружбе ко мне не откажетесь всё это сделать, тем более, что вы видите, как это необходимо.

Дружески жму вам руку.

Ваш Л. Толстой.

Время написания определяется письмом Толстого к С. А. Толстой от 14 июня (№ 106 указанной книги), где Лев Николаевич писал: «с этой же почтой пишу в Москву, чтобы ему (Ермолову) и в контору Самолета Нагорнов выслал бы 50 и 60 рублей».

¹ *Зачеркнуто:* Милости[вый государь]

² Об этом Ермолове Толстой писал: «...едет юноша, Ермолов — он ехал с нами как то лицестом, а теперь кавалергардским солдатом. Он предложил мне денег, узнав мою историю, и я взял у него 50 рублей» (там же).

36

1878 г. Сентября начало. Я. П.

Любезнейший Николай Михайлович!

Виноват, что не отвечал на ваше письмо, тем более, что я был очень благодарен за ваши хлопоты с Соловьевым. Пожалуйста поступайте с ним поэнергичнее так, как мы говорили, и вы писали.

Теперь же еще просьба. К 17-му мне хочется подарить жене часы. Будьте так добры, купите хорошенькие часы

самой простой внешности, но лучшей доброты. Гладкие, ценою до 100 р.

Извините, что утруждаю вас; но вы и так хорошо и так приятно делаете наши поручения, что невольно увлекаешься и надоедаешь вам. —

Машенька сестра у нас. В доме у нас все были нездоровы, теперь получше. Целую Варю и детей, жму вам руку.

Пожалуйста часы доставьте нам к 16-му.

Ваш Л. Толстой.

Год написания определяем о «хлопотах» с Соловьевым, о чем см. в следующем письме, месяц — содержанием (именины Софьи Андреевны).

37

1878 г. Октября 27. Я. П.

Любезнейший Николай Михайлович!

Благодарю за уведомление о делах плохих с Соловьевым, на которое не успел отвечать. Я пишу с этой почтой Соловьеву, и вы пожалуйста пожмите его да и напишите, как и что. Как поживаете вы и Варя и дети и музыкант¹, которых целую. У нас всё слава богу хорошо и по старому. Рублей пятьсот мне нужно сюда в Ясную, так как все деньги вышли, то не можете ли, взяв от Соловьева, прислать. О молодых ничего не знаем. Дружески жму руку.

Ваш Л. Толстой.

Год написания определяется словом о «молодых» — племяннике Льва Николаевича — гр. Николае Валерьяновиче Толстом (1850—1879), 8 октября 1878 г. женившемся на Надежде Федоровне Громовой (1859—1935).

¹ «Музыкантом» Лев Николаевич называл старшего сына Нагорных Валерьяна Николаевича, отличавшегося музыкальными способностями.

38

1875—1878 гг. Я. П.

Любезный Николай Михайлович.

Посылаю вам те счета, которые нашел. Посылаю, потому что об этом была речь, но мне кажется, что они не нужны. У Соловьева есть книги и росписки, и если вы будете так добры уделить мне на это немного вашего времени, то по его книгам и счетам вы всё можете сверить. Лучше же всего бы было, если бы вы эту поверку счетов поручили комунибудь за известное вознаграждение. А то бессовестно зло-

употреблять вашим временем, да и чужому человеку легче это сделать. Что наше печатание?

Целую Варю и детей и жму вам руку. •

Ваш Л. Толстой.

39

1875—1878 гг. Ноября начало? Я. П.

Как вы поживаете, любезный Николай Михайлович, и что наши дела? Напишите пожалуйста. Я всё собирался в Москву, но теперь занялся делами и едва ли приеду ранее конца ноября. Если у вас есть мои деньги, будьте так добры, заплатите Мадам Рено на Никитском Бульваре дом Вишняковой 15 р. и 115 Белкиной с тем, чтобы они прислали жене шубу.

Что милая Варя и мелкота? Целую их.

Ваш Л. Толстой.

40

1875—1878 гг. Я. П.

Любезный Николай Михайлович.

Мне бы следовало давно отвечать вам, но была такая суета, и я всё думал, что буду в Москве и увижусь, что до сих пор не ответил. Теперь же пишу уже по делу. Если вам есть время, сообщите пожалуйста ход дела по книгам и если есть те деньги, то пришлите, а то мы бедствуем.

У нас все слава Богу здоровы. Как вы с семьей. Как кончили дела, про кот. говорил мне Леонид ¹?

Ваш Л. Толстой.

¹ Кн. Леонид Дмитриевич Оболенский (1844—1888), муж племянницы Толстого гр. Елизаветы Валерьяновны Толстой (1852—1935).

41

1875—1878 гг. Я. П.

Благодарствуйте Николай Михайлович за все ваши хлопоты и распоряжение по моим делам.

Надо надеяться, что корректуры выйдут правильны. Хотя я хорошенько не разобрал, кто их ведет. — Вы? Но вы всего не успеете. — Впрочем вы лучше знаете. Я только боюсь, чтобы вы на меня не сетовали, а я сетовать не буду, а только благодарю, что дело кончено. Это главное.

Соловьеву половину долга я готов отсрочить, хотя и

неприятно до Сентября; а одну половину прошу теперь отдать.

Целую Варю и детей.

Ваш Л. Толстой.

Письма с 38 по 41 — датировать уже, чем 1875—1878 гг., мы пока затрудняемся.

42

1879 г. Март — Апрель. Я. П.

Любезнейший Николай Михайлович.

Я, признаюсь, ошибся, надеясь, что получу деньги Соловьева по дисконту векселей: теперь я понял, что прежде надо получить векселя, а потом дисконтировать; поэтому будьте так добры, возьмите у него векселя, пришлите мне, и если будет милость ваша, дисконтируйте. Я на деньги эти очень рассчитывал, и они мне очень нужны. Что же касается до риска, то риск одинакий, не получив деньги и получив. Итак устройте это пожалуйста. Очень меня одолжите. Поцелуйте за меня Варю и детей.

Ваш Л. Толстой.

Датируется по связи с следующим письмом, датируемым маем 1879 г.

43

1879 г. Май. Я. П.

Любезнейший Николай Михайлович!

Посылаю вексель Соловьева подписанный. Если вы учтете его, очень буду благодарен. А еще сделайте милость, возьмите у него векселя на остальную сумму. Да подтвердите ему, чтобы он выручку за книги выдавал вам ежемесячно, или прямо клал в банк на мое имя.

Азбуки по моему непременно надо прибавить цену.

Я бы сделал так: Азбуку собственно отдельно продавал бы 5 коп., а остальные три книжечки продавал бы под заглавием *Первое чтение* отдельно за 15 к.

Это мой план, а если вы не согласны, то делайте, как знаете. Я за всё буду благодарен.

Изменений делать никаких не буду.

Количество экземпляров — решайте сами.

Целую Варю, детей и вас.

Ваш Л. Толстой.

Да еще сделайте милость, и это очень важно для меня, передайте Николеву в Архиве, что до времени мне не нужно более переписывать. Когда мне будет нужно, я ему напишу.

Датируем 1879 годом на основании упоминания о «Николеве в Архиве». В этом году Лев Николаевич занимался в Московском Архиве министерства юстиции делами XVIII века. Николев Иннокентий Николаевич, начальник I и II Отделений этого архива, по поручению Толстого, делал выписки из дел XVIII в., нужные Льву Николаевичу для исторического романа. Об этом см. статью Н. П. Чудкова «Л. Н. Толстой в Московском архиве министерства юстиции» («Красный архив», том 22-й, 1927, стр. 245—250).

Сохранилось восемь писем Николаева к Толстому, относящихся к марту-маю 1879 г.

44

1879 г. Я. П.

Не сердитесь на меня, любезный Николай Михайлович, что не посылаю вам лошади. Она болела, худа, хроמת. Она поправится у меня, и тогда возьмете. — Благодарю вас за присылку векселей. Пожалуйста устройте и учтите его. Да если у вас есть ¹ возможность собрать денег, соберите. Бывает период богатства, а теперь у меня период бедности. Желаю вам успеха в вашей поездке. Хорошо бы, если бы вы к нам заехали. Целую Варю и детей ², и вам дружески жму руку.

Ваш Л. Толстой.

Письма №№ 43 и 44 датируем 1879 г., так как в них, как и в письме № 42, речь идет о векселях (см. письмо № 33).

¹ После слова «есть» ошибочно написано: «вас».

² В это время, кроме Валерьяна, Елизаветы и Бориса, у Нагорновых была дочь Татьяна (р. 15 апреля 1879 г.).

45

1880 г. Февраля 3? Я. П.

Николай Михайлович.

Пожалуйста кончите с Салаевым, 25 ты. за 5500 экз. —

Деньги положите в банк или купите восточного займа и тоже положите под сохранение в банк. Последнее даже лучше. У меня всё благополучно. Целую Варю и детей.

Ваш Л. Толстой.

Время написания определяется сношениями Толстого с Ф. И. Салаевым по делу четвертого издания полного собрания его сочинений. См. Л. Н. Толстой, «Полное собрание сочинений. Юбилейное издание», Гихл, т. 63.

46

1880 г. Февраль—марта первая половина. Я. П.

Благодарю вас, Николай Михайлович, за письмо. Деньги положите в какойнибудь банк да собирайте побольше к

святой. Вы не пишете о ваших. Надеюсь, что все здоровы, и Варино здоровье лучше. Поцелуйте ее за меня, дружески жму вам руку.

Л. Толстой.

Датируем по бумаге, такой же, как и та, на которой написано предыдущее письмо. Святая была в 1880 г. с 20 по 27 апреля.

М. Цявловский.

В. К. ИСТОМИНУ

1.

1881 г. Декабря 1. Москва

Любезный Владимир Константинович.

Я переменял не больше 20 строк во всем, но они *очень* нужны, особенно в конце. Надеюсь на ваше умное и тонкое отношение к этому моему писанию иверяюсь вам. Переменять же больше не буду, в чем и подписуюсь.

Л. Толстой.

Печатается по автографу, хранящемуся в Гос. Толстовском музее.

Адресат Владимир Константинович Истомин (1848—1914), близкий знакомый Толстых в 1870—1880-е гг. Истомин был дружен с семьей Берсов и вероятно через них познакомился с Толстым. С середины 1870-х по конец 1880-х гг. он занимался литературной деятельностью, сотрудничал в газете «Московские ведомости» и с 1881 по 1887 г. был фактическим издателем и редактором журнала «Детский Отдых». Номинально издательницей «Детского Отдыха» была его жена Н. А. Истомина, а редактором в 1881—1882 гг. был брат С. А. Толстой Петр Андреевич Берс. С 1883 г. редактором стал В. К. Истомин. Позднее он долгое время служил управляющим канцелярией московского генерал-губернатора и отношений с Толстым не поддерживал.

Письмо Истомину написано Толстым по поводу печатания в журнале его первого народного рассказа «Чем люди живы», впервые опубликованного в декабрьской книжке «Детского Отдыха» за 1881 г.

Сюжет рассказа «Чем люди живы» заимствован Толстым из книги А. Н. Афанасьева «Народные русские легенды» (М. 1859) и из устной передачи легенды, которую он слышал от олонецкого сказателя В. П. Щеголенка.

Толстой начал писать рассказ «Чем люди живы» по просьбе П. А. Берса в январе 1881 г. и продолжал над ним работу летом, осенью и зимой этого года. Несмотря на небольшой размер рассказа Толстой очень много работал над ним. Сохранилось 27 рукописей и 3 корректуры разных редакций, причем первоначальные редакции совершенно отличны от последующих. В рукописях рассказ назывался сначала «Петинной историей» (по имени Петра Андр. Берса), затем «Архангел», «Ангел на земле», «Кафтан, сапоги и сироты», и только вслед за этим появилось заглавие «Чем люди живы».

Зиму 1881—1882 г. Толстой с семьей жил в Москве в доме Вотконского, в Денежном пер. Держа корректуру рассказа, он по своей обычной манере подверг ее большой правке не только в гранках, но и в верстке. Две корректуры рассказа в сверстанных листах сохранились у родственников В. К. Истомина и в настоящее время приобретены Толстовским музеем.

Два публикуемые письма Толстого к Истомину приобретены вместе с корректурами и написаны по поводу исправления рассказа в верстке.

Четырнадцать листов первой верстанной корректуры «Чем люди живы» с начала до конца исправлены самим Толстым. Им исправлено гораздо больше, чем двадцать строк. Как пишет Толстой в письме, особенной правке подвергались последние два листа корректуры, т. е. конец рассказа.

Начало последней XI главы «Чем люди живы» Толстой в этой корректуре исправил пять раз.

Первоначально эта глава начиналась следующими строками:

«И замолчал ангел и нашел страх на Семена с Матреной, не могут они от света смотреть на ангела. И поклонились они ему в ноги и сказали: прости нас за то, что мы не знали, кто ты. И улыбнулся ангел и сказал им:» Это начало главы Толстой зачеркнул и заменил лаконическим: «И громче стал голос и светлее стало лицо его». Затем он отверг это начало и заменил его другим: «И еще светлее стало лицо Михаила и звучнее стал его голос. И поняли Семен с Матреной, кто был Михаила и (зачеркнуто: «не могли они только») нашел на них страх и они только из-под руки могли смотреть на него». Это третье начало Толстой также перечеркнул, заменив следующим: «И умильнее (зачеркнуто: «звучнее и умильнее») стал голос Михаила, и еще светлее стало лицо его. И дети обступили его и (зачеркнуто: «радовались глядели ему в глаза») радовались (3 сл. неразоб.) его. Но на Семена с Матреной нашел страх, и они только из-под руки взглядывали на него. И сказал Михаил».

Но и это начало не понравилось Толстому. Он заменил его другой редакцией: «И умильнее стал голос Михаила и такой свет засветился от лица и тела его, что не могли Семен с Матреной прямо смотреть на него». Отвергнув и это пятое начало, Толстой, наконец, остановился на следующей редакции, вошедшей в печатный текст: «И (зачеркнуто: «умильнее стал голос Михаила») поняли Семен с Матреной (зачеркнуто: кто жил с ними), кого они одели и накормили и кто жил с ними и заплакали они от страха и радости. И сказал ангел».

Судя по второй верстанной корректуре и печатному тексту, Толстой, как он обещает Истомину в письме, больше рассказа не исправлял.

2

1881 г. Декабря 4. Москва.

Синий карандаш на портках не мой. Исключить их потому нельзя, что тогда ангел будет без порток.

Печатается по автографу, хранящемуся в Гос. Толстовском музее.

Письмо Толстого является ответом на письмо Истомина от 4 декабря 1881 г., в котором он писал:

«Добрейший Лев Николаевич,

в последней Вашей корректуре слово портки всякий раз очерчено синим карандашом, а сбоку поставлены NB, я не понимаю, что это значит, т. е. следует ли портки совсем выкинуть и ограничиться рубахой или иначе поставить их в общей связи речи. Надеюсь вечером играть с Вами в винт.

Душевно преданный

В. Истомин.

4 декабря 1881 г.

Ответ Толстого написан на первой странице письма Истомина. Как и в первом письме, речь идет об исправлениях корректуры рассказа «Чем люди живы». Получив от Толстого исправленную первую

корректуру рассказа в верстке, Истомин отдал ее для исправления в типографию. После исправления корректуры наборщиками и ее переверстки текст рассказа был просмотрен, по всей вероятности, корректором, внесшим в набор довольно много исправлений, пропущенных наборщиками по первой корректуре. В трех местах, дважды в середине четвертой главы и один раз в начале пятой, в корректуре встретилось слово «портки». В первом случае, оно было набрано через «а» — партки, в двух других через «о». Корректор, исправив в первом случае «а» на «о», очертил все три слова «портки» синим карандашом и сделал на полях заметку NB, обращая этим внимание автора на различное написание слова «портки». Истомин, повидимому, не искушенный в правке корректур, не понял значения отметок и в качестве редактора журнала спрашивал, как быть с портками. Толстой ответил ему шуткой, оставляя слово портки и этим соглашаясь на внесенную корректором унификацию в написании слова «портки» через «о».

Г. Волков.

Е. А. МОЧАЛОВОЙ

1910 г. Февраля 9. Я. П.

Черновое

Ответить:

тае, а не таё.

Печатается по черновику-автографу, хранящемуся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея, написанному Толстым на конверте письма Мочаловой. О написании этого письма подробно рассказывает В. Ф. Булгаков в своем дневнике: «Лев Толстой в последний год его жизни», М. 1920, стр. 61. Дата определяется почтовым штемпелем дня получения: Засека 9 февраля 1910 г. и записью Булгакова. На письмо ответила А. Л. Толстая того же числа, что видно из ее пометки на конверте.

Е. А. Мочалова, директриса театральной школы в Одессе, обратилась к Толстому с письмом от 5 февраля 1910 г., в котором просила сообщить «как правильно будет произносить» слова Акима из «Власти тьмы»: «тае или таё?»

Н. Родионов.

Л. Л. и Т. Л. ТОЛСТЫМ

1

1894 г. Марта 2. Москва.

....Работаю над предисловием к Мопассану.¹ Злодеи напечатали, что тот, кто купит 2-й том Мопассана, получит статью Толстого о Мопассане², и надо дать эту статью, иначе будут ругать, а мне стал противен Мопассан своей нравственной грязью, и я бросил свое прежнее предисловие и начал писать новое, в котором хочется сказать то, что думаю об искусстве, но до сих пор еще не сумел все высказать³...

Ты пишешь про внешнюю сторону искусства и отсутствующие содержания⁴, вот это-то и причины и вред этого мне

хочется выразить в статье о Мопассане. Он сам говорит, что цель искусства *faire quelque chose de beau* *. А *beau* ** это *une convention humaine* ***, т. е. что где что считается *beau* **, то и *beau* .**

И этак все думают: и Репины, и Касаткины, и Чеховы. А надо показать, что есть истинно прекрасное и что условное. Сколько раз я возвращался к этому предмету⁵ и все не умею его ясно высказать. Должно быть еще во мне неясно. А предмет такой важности, что скрасть неясности не хочется...

Письмо написано дочери Татьяне Львовне и сыну Льву Львовичу, находившимся в то время в Париже. Местонахождение подлинника неизвестно. Печатается по копии, хранящейся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея. Выпускаем часть письма, касающуюся семейных дел и болезни Л. Л. Толстого.

¹ Толстой в то время был занят работой над предисловием к сборнику рассказов Мопассана, печатавшемуся книгоиздательством «Посредник».

² Такого рода объявление было сделано московским издателем Маракучевым при выпуске им первого тома рассказов Мопассана, выбранных Толстым и переведенных его знакомым Л. П. Никифоровым.

³ Предисловие к рассказам Мопассана было закончено Толстым 2 апреля 1894 г. и появилось при переводе повести Мопассана «Монт-Ориол», выпущенном «Посредником» в 1894 г.

⁴ В письме от 24 февраля 1894 г. Т. Л. Толстая описывала свое посещение в Париже трех выставок современной французской живописи. Она писала: «Ужасное вынесла впечатление. Злоба берет, что смеются над публикой, а потом грустно... Искусство куда-то затеялось».

⁵ Первый набросок статьи об искусстве был написан Толстым в 1882 г. в виде письма к издателю «Художественного журнала» Н. А. Александрову. Набросок этот напечатан в сборнике третьем «Толстой и о Толстом. Новые материалы», изд. Толстовского музея, М. 1927. Затем Толстой посвятил вопросу о назначении искусства несколько глав в трактате «Так что же нам делать?» (1884—1885). Вновь возвращается Толстой к тому же вопросу в 1889 г. и продолжает работать над статьей об искусстве в 1890—1894 гг. Но и на этот раз статья не была закончена. Увидел свет лишь трактат «Что такое искусство?», писавшийся в 1896—1897 гг. и напечатанный в №№ 5 за 1897 г. и 1 за 1898 г. «Вопросов философии и психологии».

2

1894 г. Марта 12. Москва.

... По случаю предисловия к Мопассану я достал книги по эстетике у Стороженки¹ и много прочитал по этому предмету и многое узнал. Прекрасная есть английская книга Knight'a *A Philosophy of the beautiful*², и очень много хорошего в книгах Гюйо (забыл, как пишется)³. Две книги его —

* [создавать нечто прекрасное]

** [прекрасное]

*** [условное человеческое, понятие]

L'art au point de vue sociologique⁴ и др[угая] — не помню⁵, содержат много хорошего. Я прежде не читал. Если там нет полной и, главное, ясной теории, эволюционизм путает, то зато много вызывающего на мысли в самом хорошем направлении.

...Вопросы теории искусства уже который раз волнуют меня. Видно, еще неясно в голове. А кое как говорить не зачем. Надо прочесть историю эстетики, чтобы видеть, как много об этом говорено умного и верного, но очень неясного. И теперь все мне напоминает об этом предмете и вызывает мысли: вчерашний вечер у Берсов⁶, и твое посещение, замучившее тебя, Louvre'a⁷. Вчера после чепухинского квартета Чайковского я разговорился с виолончелем — ученик, очень хорошо играющий, консерватории. А там начали петь. Чтобы не мешать пению, мы ушли в другую, заднюю комнату, и я горячо доказывал ему, что музыка новая зашла на ложную дорогу; вдруг что-то перебивает мне мысли, захватывает меня и влечет к себе, требует покорности. А это там начали петь — ученик консерватории, прелестный баритон Бабурин и девица Риг — дуэт *La ci darem la mano*⁸. Я перестал говорить и стал слушать и радоваться и улыбаться чему-то. Что же это за страшная сила. Так же и твой Louvre. Как за колдовство, т. е. за таинственное воздействие злое, казнили, а за молитвы, таинственное воздействие доброе, прославляли, возвеличивали, так и с искусством надо. Это не шутка, а ужасная власть. А оказывается, что люди хотят только дурного воздействия. И о твоей повести⁹, Лева, в Русских Ведомостях чудесно сказано — неодобрительно, что это пассивное совершенствование или что-то в этом роде¹⁰. А Ге картину сняли, потому что это бойня¹¹, это нарушает удовольствие. Вот и разберись тут. Все надо с начала...

Письмо написано Татьяне Львовне и Льву Львовичу Толстым, находившимся в то время в Париже. Печатается по автографу, хранящемуся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея. Семейную часть письма выпускаем.

¹ Николай Ильич Стороженко (1836—1906) — историк литературы, профессор Московского университета, знакомый Толстого с 1881 г. В бытность Стороженко библиотекарем Румянцевского музея в Москве в 1880-х гг. Толстой через него доставал из музея нужные ему книги, а впоследствии пользовался его личной библиотекой.

² A. Knight, «Philosophy of the beautiful» («Философия прекрасного»). Книга вышла в 2-х томах в Лондоне в 1893—1896 гг. Упомянется в трактате «Что такое искусство?»

³ Жан Мари Гюйо (Jean Marie Guyau, 1854—1888) — французский философ, социолог и поэт.

⁴ Книга Гюйо «L'art au point de vue sociologique», вышедшая в 1889 году, имеется в русском переводе: «Искусство с точки зрения социологии», СПб. 1891.

⁶ Другая книга Гюйо, трактующая об эстетике, очевидно, «Les problèmes de l'esthétique contemporaine», вышедшая в 1884 г., также имеется в русском переводе: «Задачи современной эстетики», СПб. 1891.

⁶ Александр Александрович Берс (1844—1921) — двоюродный брат С. А. Толстой.

⁷ Лувр — художественный музей старой живописи в Париже. В письме от 5 марта 1894 г. Т. Л. Толстая писала отцу: «Сегодня ходила в Louvre. Смотрела статуи древние и очень этим наслаждалась, но устала невероятно, так что нервы расстроились, и я часа два не могла отлежаться и успокоиться — реветь хотелось без причины».

⁸ «La ci darem la mano» — дуэт из оперы Моцарта «Дон Жуан».

⁹ Рассказ Л. Л. Толстого «Совершеннолетние» был напечатан в «Северном вестнике» 1894 г., № 2, стр. 123—135.

¹⁰ Отзыв о рассказе Л. Л. Толстого был напечатан в «Русских ведомостях» 1894 г., № 81 от 3 марта.

¹¹ Картина Н. Н. Ге «Распятие», выставленная в Петербурге, была снята с выставки после отзыва Александра III: «это — бойня».

Н. Гусев.

И. Е. РЕПИНУ

1898 г. Марта 24. Москва.

Дорогой Илья Ефимович,

Очень порадовали меня своим письмом. Если моя книга помогла уяснить вопросы искусства такому художнику, как Репин, то труд ее писания не пропал даром.

Хороши записки Лорера¹.

Дружески обнимаю вас.

Л. Толстой.

24 Марта.

Печатается по механической копии, хранящейся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея. Толстой отвечает на следующее письмо Репина от 21 марта 1898 г.:

«Обожаемый Лев Николаевич, сейчас прочел окончание «Что такое искусство?» и нахожусь всецело под сильным впечатлением этого могучего труда вашего. Если можно не согласиться с некоторыми частностями, примерами, зато общее, главная постановка вопроса так глубока, неопровержима, что даже весело делается, радость проникает. Религия найдена — это самое великое дело жизни нашей. Вот уже могу без всякого лицемерия крикнуть: я счастлив, что дожил до этого дня. Бесконечно любящий вас И. Репин».

¹ «Кавказские воспоминания» декабриста Николая Ивановича Лорера (1795—1873) были напечатаны в «Русском архиве» 1872 г. №№ 1—2. Толстой интересовался ими в связи с своей работой над повестью «Хаджи Мурат».

Н. Гусев.

Т. СИНКЛЕРУ (T.SINKLAIR)

1906 г. Декабря 2 (15). Я. П.

Dear Sir,

I received your letter and the parcel with different papers. I am very much gratified to know that your opinion on Sha-

kespeare and his fame quite coincids with mine. I looked through the papers that you sent me and am sorry not to have found there the first volume of your book.

Yours truly,
Leo Tolstoy.

2 Dec.
1906.

Перевод:

Милостивый государь,

Я получил ваше письмо и посылку с различными статьями. Мне очень приятно, что ваше мнение о Шекспире и его славе совершенно совпадает с моим. Я просмотрел материалы, которые вы мне прислали, и очень сожалею, что не нашел среди них первого тома вашей книги.

Искренне ваш
Лев Толстой.

2 дек. 1906 г.

Печатается по копировальной книге № 7, лист 177, хранящейся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея.

Адресат — Сэр Джон Джордж Толлемах Синклер (Sir John George Tollemache Sinclair, род. 1825 г., ум. ?), английский аристократ, крупный землевладелец, владевший 80.000 акров земли, лейтенант Шотландской гвардии в отставке. Был вице-губернатором одной из провинций. В 1870—1885 гг. член парламента (либерал). Синклер перевел на французский язык «Next French Revolution» и «The last French Hero» Теккерея, ряд стихотворений Байрона, Омара Хайяма и Э. Арнольда.

Письмо Толстого является ответом на письмо Синклера от 1 декабря (н. с.) 1906 г., в котором он писал (перевод с английского):

«Я имею смелость обратиться к вам с... письмом, чтобы выразить большое удовлетворение, испытанное мною вчера, по прочтении в самый день ее появления в «Nineteenth Century» вашей остроумной статьи, в которой вы приступаете к разрушению Шекспировского суеверия, охватившего, как вы указываете, на целые столетия европейскую и американскую публику. С детства я неизменно находил трагедии и комедии Шекспира до последней степени скучными и утомительными и никогда не имел терпения прочесть ни одной из них с начала до конца, как вы это сделали со всеми ими. Я думаю, что старческое недомыслие и нелепая лесть Шекспиру оказывают самое скверное влияние на литературу цивилизованного мира. Около двадцати лет тому назад я опубликовал трехтомный труд в 2500 страниц на французском языке, в котором критиковал Шекспира и приводил отзывы многих знающих авторов, которые разобрали его произведения строго и справедливо. Мои заметки о Шекспире содержатся в первом томе. Мне очень жаль, что у меня имеется только один экземпляр первого тома, который мне все время нужен, но если вы пожелаете его иметь, то я думаю, что мне удастся раздобыть для вас экземпляр, хотя в настоящее время его и нет в продаже. Второй том я посылаю вам почтовой посылкой и может быть вы найдете «несколько жемчужин в моей огромной (литературной) навозной куче», как говорил Вольтер о Шекспире. Я отправил вам также напечатанную на машинке мою статью о Шекспире, которую я посылал издателям «The Nineteenth Century» и в другие журналы, но никто из них не осмелился напечатать критику на Шекспира, — принадлежащую не моему перу. Точно так римско-католический издатель не напечатал бы статьи против непогрешимости папы, а

Шекспир — наш английский папа. Я присоединил еще и другую статью о «Гамлете» и несколько заметок об этой трагедии, которые быть может вам и пригодятся. Еще посылаю вам несколько отзывов более или менее известных лиц о разных моих книгах... и две песни, написанные мною в честь бессмертного Нельсона.

Не знаю, видели ли вы и читали ли два очень длинных моих письма, напечатанных в «Times» в ответ на ваше письмо о «Великом грехе», но я выразил в них свое большое восхищение вашим характером и вашими делами».

Г. Волков.

М. ЛОСКУТОВУ

1908 г. Февраля 24. Я. П.

Ясная Поляна

Вы спрашиваете меня о том, упадок ли декадентство, или напротив, движение вперед?

Коротко ответить: разумеется, упадок, и тем особенно печальный, что упадок искусства есть признак упадка всей цивилизации. Упадок же цивилизации происходит от отсутствия верований, отсутствия религии. И это то самое условие, в котором мы живем в настоящее время. Причина, почему декадентство есть несомненный упадок цивилизации, состоит в том, что цель искусства есть объединение людей в одном и том же чувстве. Это условие отсутствует в декадентстве. Их поэзия, их искусство нравятся только их маленькому кружку точно таких же ненормальных людей, каковы они сами. Истинное же искусство захватывает самые широкие области, захватывает сущность души человека. И таково всегда было высокое и настоящее искусство.

Прощайте, желаю вам всего хорошего.

Лев Толстой.

24 февр. 08.

Продиктовано в фонограф. С фонографа записано (и датировано) секретарем Толстого Н. Н. Гусевым, подписано собственноручно. Печатается по оттиску подлинника в копировальной книге № 8, л. 132, хранящейся в Государственном Толстовском музее.

Письмо является ответом на письмо Михаила Лоскутова, ученика VII класса кадетского корпуса (Варшава) от 12 февраля 1908 года. Лоскутов спрашивал: декадентство в литературе — упадок или возрождение? «Конечно, вопрос для учеников кадетского корпуса это непосильный и даже прямо неразрешимый. Несмотря на это он возрождается у нас [в классе] чуть не каждую неделю... Высший авторитет для всех нас (меня и товарищей) представляете Вы, а потому я решил оторвать Вас от Ваших занятий, с просьбой сообщить нам свой взгляд на декадентство».

Письмо кадета заинтересовало Толстого. Еще до своего ответа Лоскутову, 20 февраля по поводу его он говорил с композитором С. И. Танеевым, гостившим в Ясной поляне:

— «Я думаю, разумеется, что [декадентство] упадок», — сказал Лев Николаевич.

— «Почему вы так думаете?» — спросил С. И. Танеев.

— «Потому, — ответил Лев Николаевич, — что цель произведений искусства заражать своим настроением читателя, слушателя, зрителя.

Чем выше чувство, которым заражаются, тем выше и искусство. Можно заразить самым низменным чувством, например, грубым сладострастием, каким-нибудь чувством исключительности, например, своего кружка. В произведениях декадентов я не вижу высоких чувств. Кроме того, заражение должно быть всеобщим; нужно, чтобы и в Китае могли заразиться этим чувством».

— «А декаденты, — сказал С. И. Танеев, — напротив, гордятся, что их немногие понимают».

— «Да! — ответил Лев Николаевич. — Я едва могу догадаться... нет, неправду сказал: совершенно не могу догадаться, в чем видят особенную красоту этого искусства» (Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1928, стр. 95).

В. Жданов.

А. А. ТОЛСТОЙ

1862 г. Февраля 23. Я. П.

Благодарствуйте за ваше письмо — писать мне некогда, а пожалуйста сделайте одно: достаньте записки из Мертвого дома и прочтите их. Это нужно.

Целую ваши руки — прощайте.

Л. Толстой.

23 Февраля.

Письмо печатается по копии, хранящейся в Рукописном отделении Государственного Толстовского музея и сверенной с оригиналом, хранящимся в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

На письме Толстым проставлена дата месяца и числа; год не проставлен, но с уверенностью можно сказать, что письмо относится к 1862 году. «Записки из мертвого дома» печатались в журнале «Время» за 1861 и 1862 гг. Но в 1861 г. Толстой находился за границей, откуда не мог бы написать своему другу А. А. Толстой такого короткого письма; равным образом письмо не могло быть написано и 23 февраля 1863 г., так как в своем письме от 1 мая 1863 г. А. А. Толстая писала Льву Николаевичу, что за всю зиму она не получила от него ни одной строчки («Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», изд. Общества Толстовского музея, Спб. 1911, стр. 184).

Адресат письма — двоюродная тетка Толстого, Александра Андреевна Толстая (1817—1904). Она была лучшим другом Толстого в его молодости; Толстой вел с ней обширную и душевную переписку, большая часть которой опубликована в вышеуказанной книге. Печатаемое нами письмо в эту книгу не вошло. Письмо А. А. Толстой, на которое отвечает Лев Николаевич, неизвестно.

Публикуемое письмо является первым отзывом Толстого о «Записках из мертвого дома» и о Достоевском вообще. Из этого письма видно, что «Записки из мертвого дома» были высоко оценены Толстым сейчас же по их появлении. Известно, что эта высокая оценка сохранилась у Толстого до конца его жизни. Около 26 сентября 1880 г. он писал Н. Н. Страхову: «На днях нездоровилось, и я читал Мертвый дом. Я много забыл, перечитал и не знаю лучше книги из всей новой литературы, включая Пушкина. Не тон, а точка зрения удивительная — искренняя, естественная и христианская. Хорошая, назидательная книга. Я наслаждался вчера целый день, как давно не наслаждался. Если увидите Достоевского, скажите ему, что я его

люблю». (Л. Н. Толстой, «Полное собрание сочинений», т. 63, Гихл, 1934, стр. 24.)

В трактате «Что такое искусство?» «Записки из мертвого дома» причислены к образцам «высшего» искусства. В 1904 г. Толстой включил в свой «Круг чтения» два отрывка из «Записок из мертвого дома»: «Орел» и «Смерть в госпитале».

Н. Гусев.

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

1898 г. Мая 20. Гриневка¹.

Спасибо вам, дорогой Яков Петрович, за ваше доброе письмо. Я не был недоволен и тем письмом, но вы, как чуткий к доброте человек, захотели растопить последние остатки льда и вполне успели в этом. От души благодарю вас за это. Вы, верно, знаете, какое преобладающее перед всем другим [значение] приобретает в старости доброта. Я и всегда особенно ценил легенду об Иоанне Богосл[ове], под старость говорившем только: братья, любите друг друга; а теперь особенно умиляюсь перед нею. Это одно на потребу.

Живу я теперь у второго сына и занимаюсь распределением помощи нуждающимся крестьянам и Чернского и Мценского уезда, на границе кот[орого] я живу, в 7 верстах от Спаское², через к[оторое] часто проезжаю, т[ак] к[ак] самая большая нужда в деревнях, окружающих Спаское. Очень приятно было узнать, что крестьяне в имении моего друга были так хорошо наделены землею, в особенности в сравнении с окружающими, что нужды там нет³. Проехал я через сад, посмотрел на кособокий милый дом, в кот[ором] виделся с вами последний раз⁴, и очень живо вспомнил Тургенева и пожалел, что его нет. Я уже лет на пять пережил его.

Вы говорите про старость. Я тоже чувствую и очень ее приближение, и мне кажется, что то ослабление жизнедеятельности, к[оторое] мы чувствуем здесь, не есть уменьшение жизни, а только начинающийся уже переход в ту жизнь, кот[орой] мы еще не сознаем. Когда же мы умрем, мы вдруг сознаем ее. Прощайте, дай бог спокойствия и любви и к другим и от других.

Ваш Л. Толстой.

20 Мая 1898.

Передайте привет вашей жене⁵ и детям, к[оторых] не могу представить себе большими.

С поэтом Яковом Петровичем Полонским (1820—1898) Толстой познакомился еще в Петербурге в 1856 г. В неопубликованном дневнике Дружинина, хранящемся в Государственном литературном музее, под 8 ноября 1856 г. есть запись о том, что у него были Толстой и

Полонский. Затем Толстой виделся с Полонским в бытность свою за границей (в Баден-Бадене) в июле 1857 года. Знакомство продолжалось и позднее: Полонский заходил к Толстому в его московский дом в Хамовниках, о чем есть записи в Дневнике Толстого от 30 апреля и 2 мая 1884 г. Равнодушный к стихам (кроме самых больших мастеров), Толстой в письме к Н. Н. Страхову от 5 апреля 1877 г. называет «прелестным» стихотворение Полонского «Вечная ткань», присланное ему Страховым в письме от 16 марта 1877 г. («Толстой и о Толстом. Новые материалы», сборн. второй, изд. Толстовского музея, М. 1926, стр. 32).

7 апреля 1898 г. Толстой написал Полонскому письмо о том, что он «по разным причинам» видит, что Полонский имеет к нему «враждебное чувство», которое для Толстого «особенно больно и даже удивительно», и просил уничтожить это чувство (письмо Толстого опубликовано в сборнике «Толстой и о Толстом», изд. Толстовского музея, М. 1924, стр. 31—32). «Враждебное чувство» Полонского к Толстому вытекало из того, что он, церковник и монархист, не мог сочувствовать антицерковным и антигосударственным взглядам Толстого.

На письмо Толстого Полонский отвечал 14 апреля 1898 г. Он писал: «Напрасно думаете вы, что я разлюбил вас или питаю к вам враждебные чувства... Но вы и ваши идеи и ваши поучения для меня не одно и то же. Признаюсь вам, что негодовать на них и несмотря на всю мою немощь бороться с ними считаю своим священным долгом... Между нами прошла пропасть, так как вы отрицали все для меня святое — все мои идеалы: Россию, как народ и как государство, церковь и проповедь, таинство брака и семейную жизнь, искусство и присущую ему красоту, все это вы готовы были смести в одну сорную кучу»...

Не удовлетворившись этим письмом, Полонский 5 мая 1898 г. послал Толстому второе письмо, в котором писал: «Не удовлетворен я моим длинным и многословным ответом на ваше доброе, воистину братское послание, и вы, конечно, недовольны им, но спрошу вас: мешает ли вам это недовольство попрежнему любить меня? Так и мне недовольство слишком резкими страницами вашей книги «Царство божие внутри вас» не мешает любить вас попрежнему». Далее Полонский возражал на некоторые положения статьи Толстого «Что такое искусство?» (Письма Полонского не опубликованы; хранятся в Толстовском кабинете Рукописного отделения Всесоюзной публичной библиотеки имени Ленина).

Ответ Толстого интересен, между прочим, тем воспоминанием о Тургеневе, которое в нем содержится. Печатается по копии, хранящейся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея, сверенной с автографом, хранящимся в Институте русской литературы, в Ленинграде.

¹ Толстой 24 апреля 1898 г. уехал из Москвы в имение своего сына Ильи Львовича — Гриневку, Чернского уезда Тульской губ. для организации помощи голодающему населению. Он прожил здесь до 27 мая.

² Спасское-Лутовиново — имение Тургенева, где бывал Толстой.

³ В своей статье «Голод или не голод?», написанной в 1898 г., Толстой писал: «Первая деревня, в которую я приехал, было знакомое мне Спасское, принадлежавшее Ивану Сергеевичу Тургеневу. Расспросив старосту и стариков о положении крестьян этой деревни, я убедился, что оно далеко не так дурно, как было дурно положение тех крестьян, среди которых мы устраивали столовые в 1891 г. У всех дворов были лошади, коровы, овцы, был картофель, и не было разоренных домов; так что, судя по положению спасских крестьян, я подумал, что не преувеличены ли толки о нужде нынешнего года. Но посещения следующей за Спасским — Малой Губаревки и других

деревень, на которые мне указали, как на очень бедные, убедили меня в том, что Спасское находится в исключительно счастливых условиях и по хорошему наделу и по случайно хорошему урожаю прошлого года».

⁴ Толстой вместе с Полонским был у Тургенева в Спасском 9—10 июня 1881 г.

⁵ Вторая жена Полонского — Жозефина Антоновна, рожд. Рюльман, скульптор-любитель, автор бюста Тургенева, поставленного в Одессе.

Н. Гусев.

Н. С. ЛЕСКОВУ

1

1893 г. Декабря 10. Москва.

10 Дек. 1893.

Дорогой Н. С., уже давно следовало мне написать вам, да сначала не прочел вашей вещи, о которой хотел писать вам¹, а потом некогда было.

Мне понравилась, и особенно то, что все это правда, не вымысел. Можно сделать правду столь же, даже более занимательную, чем вымысел, и вы это прекрасно умеете делать.

Что же вам говорили, что не следует говорить?² нечто то, что вы не восхваляете старину. Но это напрасно. Хороша старина, но еще лучше свобода.

Слышали ли вы о Хилкове³, о том, что его мать по высочайшему повелению, приехав с приставом в место его ссылки, увезла его детей⁴. Я не описываю подробностей, п[отому] ч[то] вы, верно, все знаете.

Какая прекрасная статья Меньшикова!⁵

Я все пишу тоже⁶ и все не кончаю. Москва и ее суэта мешают мне работать столько и с такой свежей головой, как в деревне.

Как вы живете? Радуюсь мысли увидеть вас.

Любящий вас Л. Т.

С Николаем Семеновичем Лесковым (1831—1895) Толстой был знаком с апреля 1887 г. Уцелело очень немного писем Толстого к Лескову; большинство их, повидимому, погибло. До сих пор были напечатаны только шесть писем Толстого к Лескову: одно — 1890 г., («Письма Л. Н. Толстого, собранные П. А. Сергеенко», т. II, изд. «Книга», М. 1911, стр. 118—119), одно — 1891 г. (П. И. Бирюков, «Биография Л. Н. Толстого», т. III, Гиз, 1923, стр. 152—153) и четыре — 1894 г. («Новый сборник писем Л. Н. Толстого», собрал П. А. Сергеенко, изд. «Окто», М. 1912, стр. 116—117 и 127; «Толстой и о Толстом», вып. 4, изд. Толстовского музея, М. 1928, стр. 13). Сорок девять писем Лескова к Толстому, относящихся к 1887—1894 гг., напечатаны в сборнике «Письма Толстого и к Толстому», Гиз, М.-Л. 1928, стр. 64—189.

Печатаем два письма Толстого к Лескову 1893 и 1894 гг., имеющиеся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея в копиях.

¹ «Загон», очерк Лескова, напечатанный в «Книжках Недели» 1893 г., № 11.

² 1 ноября 1893 г. Лесков писал Толстому: «Я написал нечто

для «Недели», и это уже набрано, но как-то пугает всех, и потому не знаю, выйдет это или нет. Называется это «Загон». По существу это есть обозрение. Списано все с натуры. Если выйдет это, то пожалуйста прочитайте и скажите мне: безвредно это или вредно. Мне не нужно похвал, а нужно проверять себя по суду того, кому верю. Не в том дело, мастеровито ли это, а в том: есть ли сие на потребу дня сего? Мне ведь тоже говорят и так и иначе; а я один, слаб и умом шатаю. Обозрения это читают в корректуре люди разные и кое-что мне возражают, что будто этого не надо бы; а другие говорят: надо, и в числе этих редакция «Недели», а я сам уверен так, что это представить стоило, и вреда я ничему доброму не делаю. Посмотрите пожалуйста и вы». («Письма Толстого и к Толстому», стр. 157).

³ Дмитрий Александрович Хилков (1857—1914) — в то время единомышленник Толстого, бывший в ссылке на Кавказе. Впоследствии Хилков отошел от толстовства сначала к учению социалистов-революционеров, а затем — к православию.

⁴ Хилков был женат гражданским браком на Цецилии Владимировне Винер. Двое их детей, Борис и Ольга, не были крещены. 23 октября 1893 г. к Хилковым явилась его мать, княгиня Юлия Петровна Хилкова, и «по высочайшему повелению» и «с благословения» популярного в то время священника Иоанна Кронштадтского отобрала у них детей и увезла с собой. Дети были окрещены по православному обряду.

⁵ Статья М. О. Меншикова «Работа совести», написанная по поводу статьи Толстого «Неделание», была напечатана в «Книжках Недели» 1893 г., № 11.

⁶ Толстой был занят в то время работой над статьей «Христианство и патриотизм», написанной по поводу франко-русского союза.

⁷ Лесков отвечал Толстому 14 декабря 1893 г. См. «Письма Толстого и к Толстому», стр. 160—162.

2

1894 г. Мая 14. Я. П.

Николай Семенович,

В последнее время мне привелось так очевидно неправдиво употреблять обычные в письмах эпитеты, что я решил раз навсегда не употреблять никаких и потому и перед вашим именем не ставлю теперь ни одного из тех выражающих уважение и симпатию эпитетов, которые совершенно искренно могу употребить к вам.

То, что я писал о том, что мне опротивели вымыслы¹, нельзя относить к другим, а относится только ко мне, и только в известное время и в известном настроении, в том, в котором я вам писал тогда. Притом же вымыслы вымыслам рознь. Противны могут быть вымыслы, за которыми ничего не выступает. У вас же этого никогда не было и прежде, а теперь еще меньше, чем когда-нибудь. И потому в ответ на ваш вопрос говорю, что желаю только продолжения вашей деятельности, хотя это желание не исключает и другого желанья, свойственного нам всем для себя, а потому и для людей, которых мы любим, чтобы они, а потому и дело их вечно до смерти совершенствовалось бы и ста-

новилось бы все важнее и важнее и нужнее и нужнее людям и приятнее богу. Всегда страшно, когда близок к смерти, я говорю это про себя, потому что все больше и больше чувствую это, что достаешь из своего мешка всякий хлам, воображая, что это и это нужно людям, и вдруг окажется, что забыл и не вытряхнул забившееся в уголок самое важное и нужное. И мешок отслуживший бросят в навоз, и пропадет в нем задаром то одно хорошее, что было в нем. Ради бога не думайте, что это какое-нибудь ложное смирение. Нашему брату, пользующемуся людской славой, легче всего подпасть этой ошибке: уверишься, что то, что люди хвалят в тебе, есть то самое, что нужно богу, а это нужное богу так и останется и сопреет.

Так вот это страшно всем нам, старым людям, я думаю и вам. И потому жутко перед смертью, и надо шарить хорошенько по всем углам. А у вас еще много там сидит хорошего.

Пока прощайте. Желаю, чтобы письмо это застало вас в Петербурге и в добром телесном и душевном состоянии.

Толстой отвечает на письмо Лескова от 8 апреля 1894 г., в котором Лесков, вспоминая прежнее письмо к нему Толстого, писал: «Вы раз писали мне, что вам опротивели вымыслы, а я вам отвечал тогда, что я не чувствую в себе и сил и подготовки, чтобы принять новое направление в деятельности. Это была простая перемолвка. С тех пор пришло кое-что новое, и многие приступают с тем, что «надо же давать положительное в вере», и просят от меня трудов в этом направлении, а то, что я делаю, представляют за ошибочное. Это меня смущает... То небольшое дарование, которое дано мне... не может произвести великих произведений. Это вне всякого сомнения, и я это всегда знал и никогда за этим не гнался. Если я не стану делать того, в чем привык обращаться, то я много лучше не сделаю, а в моем роде одним работником будет менее... Я очень дорожу вашим советом: не откажите сказать мне: хорошо или нет я рассуждаю и поступаю?» («Письма Толстого и к Толстому», стр. 164—166).

¹ В январе—марте (?) 1894 г. Толстой писал Лескову: «Начал было продолжать одну художественную вещь, но поверите ли, совместно писать про людей, которых не было и которые ничего этого не делали. Что-то не то. Форма ли эта художественная изжила, повести отживают, или я отживаю? Испытываете ли вы что-нибудь подобное?» («Новый сборник писем Л. Н. Толстого». Собрал П. А. Сергеевко, изд. «Окто», М. 1912, стр. 127).

Н. Гусев.

В. Д. АХШАРУМОВУ

1910 г. Апреля 20. Я. П. 20 Апреля 1910 г. Ясная Поляна.

Благодарю вас, уважаемый Владимир Дмитриевич, за присылку мне вашей книги. Несмотря на мое равнодушие к стихам, я прочел ее с удовольствием и с таким же удовольствием вспоминаю то время, о котором вы вспоми-

наете и нашем тогдашнем знакомстве. «Куда», «Холодный ветер ломит двери» и другие стихотворения мне понравились, не говоря о содержании, ясностью и определенностью мысли и выражений, которых уже не встречаешь у теперешних поэтов. Не знаю, как вы, а для меня истинное благо жизни прямо пропорционально старости и приближению к концу. От всей души желаю вам того же и надеюсь, что вы это испытываете.

С совершенным уважением Лев Толстой.

Печатается по копии, хранящейся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея. Местонахождение подлинника неизвестно.

Владимир Дмитриевич Ахшарумов (р. 1825, ум. 23 января 1911 г.), литератор, сотрудник «Библиотеки для чтения», которую в конце 1850-х годов редактировал А. В. Дружинин. Впоследствии служил управляющим Полтавской контрольной палатой. Жил много лет и умер в Полтаве. Брат «петрашевца» Дмитрия Дмитриевича Ахшарумова (1828—1910).

Письмо Толстого является ответом на следующее письмо В. Д. Ахшарумова от 6 апреля 1910 г.:

«Ваше Сиятельство, граф Лев Николаевич!

Дожив до глубокой старости — мне уже 85 лет — я, по настоятельному совету близких мне людей, напечатал сборник моих стихотворений и позволяю себе одновременно с этим письмом послать вам два экземпляра этого сборника.

Я знаю, граф, что вы не сторонник писания в стихах, но позволяю себе сделать это потому, что высоко ценю ваш авторитет и что первые четыре стихотворения моего скромного сборника в давно-былое время были прочитаны редактором журнала «Библиотеки для чтения» Дружининым вам, Тургеневу и Некрасову и одобренные тремя известными всей России писателями, тогда же были напечатаны в упомянутом журнале.

Простите, что по слабости зрения, не лично пишу, а только подписываю письмо.

На случай, если бы вам угодно было почтить меня ответом, адрес мой: Полтава, Екатерин. ул. д. 60, Влад. Дмитр. Ахшарумову.

Глубокоуважающий вас

Владимир Ахшарумов».

Четыре первые стихотворения «Сон», «Басня», «Ночь» и «Сказка для девушек», которые были прочитаны А. В. Дружининым Толстому, Тургеневу и Некрасову, были напечатаны в журнале «Библиотека для чтения». Письмо Ахшарумова, судя по записям В. Ф. Булгакова в его дневнике «Лев Толстой в последний год его жизни» изд. «Задруга», М. 1920, стр. 134 и Д. П. Маковицкого в его «Яснополянских записках» за 1910 г., Толстой получил 9 апреля 1910 г., а через несколько дней и самый сборник в двух экземплярах: В. Д. Ахшарумов, «Стихотворения». Полтава. 1908. В оглавлении одного экземпляра сборника, который хранится в Яснополянской библиотеке, Толстой отмечены черточками карандашом стихотворения «Куда», стр. 52 и «Покоя ишу я, покоя», стр. 100.

Приводим два стихотворения В. Д. Ахшарумова, понравившиеся Толстому (стр. 52 и 27):

КУДА?

Пусть будет то, что быть должно,
Событья время набирает —

И длинной цепью, как звено
С другим звеном соединяет.
Ничто отдельно не идет,
В одном уж есть зерно другого —
И сила тайная влечет
Слепые жребии земного.
Куда? Зачем? Что дальше там,
Где смерть нам путь пересекает?..
Последний вздох, быть может, нам
Все эти тайны открывает.
Пока мы в праве лишь гадать,
Что жить горячее желанье
И жизни тяжкое страданье
Не могут даром пропадать.

Холодный ветер ломит двери,
Осенний дождь стучит в окно,
Один сижу я худ и бледен,
В душе, как на небе, темно.
Ни преступленья, ни позора
На сердце камнем не лежит,
Не сожаленье о минувшем,
Не страх о будущем томит.
Всё в доме спит под песню бури...
Не сплю лишь я да старый сад,
Где ветер листья обрывает,
Деревья стонут и трещат.
О бурях жизни, о страданиях,
О близкой смерти мыслю я,
О тайне смерти—страшной тайне
И о задаче бытия.
Ужель нужны все эти муки —
И вечный труд и вечный гнет —
И только мировым страданьем
Наш мир и движется вперед?

Н. Родионов.

Л. Н. АНДРЕЕВУ

1908 г. Сентября 2. Я. П. 2 сентября 1908 г. Ясная Поляна.

Получил ваше хорошее письмо, любезный Леонид Николаевич. Никогда не знал, что значит посвящение, хотя, кажется, и сам кому-то посвящал¹. Одно знаю, что ваше посвящение мне означает ваши ко мне добрые чувства, то же, что я видел и в письме вашем ко мне, и это мне очень приятно. Вы в вашем письме так искренно скромно судите о своих писаниях, что я позволю себе сказать свое мнение не о ваших собственно писаниях, но вообще мои мысли о писательстве, которые, может быть, пригодятся и вам. Думаю, что писать надо, во-первых, только тогда, когда мысль, которую хочется выразить, так неотвязчива, что она до тех пор, пока, как умешь, не выразишь ее, не отстанет от тебя. Всякие же другие побуждения для писательства — тщеславные и, главное, отвратительные денежные, хотя и

присоединяющиеся к главному — потребности выражения, только могут мешать искренности и достоинству писания. Этого надобно очень бояться. Второе, что часто встречается и чем, мне кажется, часто грешны особенно нынешние современные писатели (все декадентство на этом стоит) — желание быть особенным, оригинальным, удивить, поразить читателя. Это еще вреднее тех побочных соображений, о которых я говорил в первом. Это исключает простоту, а простота — необходимое условие прекрасного. Простое и безыскусственное может быть нехорошо, но не простое и искусственное не может быть хорошо. Третье: поспешность писания. Она и вредна и кроме того есть признак отсутствия истинной потребности выразить свою мысль. Потому что, если есть такая истинная потребность, то пишущий не пожалеет никаких трудов, ни времени, для того, чтобы довести свою мысль до полной определенности, ясности. Четвертое: желание отвечать вкусам и требованиям большинства читающей публики в данное время. Это особенно вредно и разрушает вперед уже все значение того, что пишется. Значение ведь всякого словесного произведения только в том, что оно не в прямом смысле поучительно, как проповедь, но что оно открывает людям нечто новое, неизвестное им и большей частью противоположное тому, что считается несомненным большой публикой. А тут как раз ставится необходимым условием то, чтобы этого не было.

Может быть что-нибудь из всего этого пригодится вам. Вы пишете, что достоинство ваших произведений есть искренность. Я признаю не только это, но что и цель их добрая: желание содействовать благу людей. Думаю, что вы искренни и в своем скромном суждении о своих произведениях. Это тем более хорошо с вашей стороны, что тот успех, которым они пользуются, мог бы заставить вас, напротив, преувеличивать их значение. Я слишком мало и невнимательно читал вас, как я мало вообще читаю художественные произведения и интересуюсь ими; но по тому, что я понимаю и знаю из ваших писаний, я бы посоветовал вам больше работать над ними, доводя в них свою мысль до последней степени точности и ясности.

Повторяю то, что ваше письмо мне было очень приятно. Если будете в наших странах, рад буду повидаться с вами².

Любящий вас

Лев Толстой.

Леонид Николаевич Андреев (1871—1919) из всех русских писателей 1900-х годов привлекал наибольшее внимание Толстого. Всякое новое произведение Андреева, если оно доходило до Ясной Поляны, всегда прочитывалось Львом Николаевичем, и прочитывалось с особенным чувством — надежды и по большей части разочарования. Видя в Андрееве большой литературный талант, Толстой в то же

время видел и все ярко бросавшиеся ему в глаза недостатки его произведений: погоня за внешними эффектами, деланный, напускной пессимизм, отсутствие чувства меры, искусственность и вычурность языка и пр. И от каждого нового произведения Андреева Толстой ожидал, что этот большой талант выберется, наконец, на настоящую дорогу. И в этом была причина того интереса, с каким Толстой следил за литературной деятельностью Андреева.

Письменные сношения Толстого с Андреевым исчерпываются тремя письмами: от 30 декабря 1901 г., от 17 ноября 1904 г. и от 2 сентября 1908 г. Первое и третье письма были напечатаны Н. Н. Гусевым в сборнике «Толстой и о Толстом. Новые материалы», вып. 2, изд. Толстовского музея, М. 1926. Письмо от 2 сентября 1908 г. было напечатано в сборнике «Италия», изд. «Шиповник», Спб. 1909. Перепечатываем его как в силу интереса письма Андреева, на которое отвечает Толстой, так и потому, что письмо это особенно ярко формулирует взгляды Толстого на искусство последних лет его жизни.

Толстой отвечает на следующее письмо Андреева:

18 Август. 08.

«Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

У меня есть «Рассказ о семи повешенных», который я очень хотел бы посвятить Вам, и прошу на это Вашего доброго согласия. Сейчас рассказ напечатан в «Альманахе» изд. «Шиповник», а с 1-го января 1909 г. я отказываюсь от права авторской на него собственности, предоставляя издавать его всякому желающему. Я сделал бы это теперь же, но по обстоятельствам дела вынужден переждать некоторое время — дать возможность «Шиповнику» получить затраченные им деньги.

Я хорошо знаю крупные художественные недочеты рассказа, во многом сам решительно им недоволен, но в оправдание свое могу привести только то, что я был нездоров, когда писал, и очень торопился. Думалось, что лучше худож. недостатки, но только выпустить теперь же, так как молчать нельзя. И если сейчас я осмеливаюсь просить Вас о разрешении посвятить рассказ Вам, то лишь потому, что полная искренность лежит в основе его. С глубокой болью писал я, и не рассказ, который плох, а свою боль приношу Вам, человеку, всю жизнь мою, с самых ранних лет, стоявшему надо мной, как воплощение совести и правды.

Я знаю, глубокоуважаемый Лев Николаевич, что многое из написанного мною очень не нравится Вам, и знаю, что во многом Вы совершенно правы. Но силы мои ограничены, я часто не могу и не умею избавиться от недостатков письма, которые и для меня очевидны — повидимому в самом существе моем коренятся они, так же неотъемлемы, неисправимы, как и голос. Все же я непрестанно борюсь с ними, ибо слишком часто они затмевают то самое дорогое для меня и важное, что только важно и для Вас — искренность. Ни разу в своих вещах я не был неискренним — только это дает мне право обратиться к Вам с этим письмом и просить — снисхождения к человеку, который так любит Вас и чит, и если не делает всего, что нужно, то лишь по недостатку сил.

Обычай требует, чтобы в конце письма, перед фамилией поставить какое-то слово, которое говорит об отношении — но я не могу найти ни одного такого слова, которое вполне бы выразило, как люблю я Вас и что значите Вы для меня.

Очень прошу Вас адресовать Ваш ответ ко мне так:

Финляндская ж. д., ст. Териоки, местечко Ваммельсу. Леониду Ник. Андрееву.

Леонид Андреев».

¹ Два посвящения были сделаны Толстым: в 1855 году Тургеневу рассказа «Рубка леса» и в 1885 году повести «Холстомер» — памяти М. А. Стаховича.

² Андреев воспользовался приглашением Толстого в Ясную Поляну 21—22 апреля 1910 г. Это посещение Андреев описал в своих воспоминаниях «За полгода до смерти», напечатанных в журнале «Солнце России» 1911 г., № 53 (93). Описание посещения Андреева см. также в книге В. Ф. Булгакова «Лев Толстой в последний год его жизни», изд. «Задруга», М. 1920, стр. 160—164, и в дневнике А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого», т. II, М. 1923, стр. 14—15.

Н. Гусев.

И. Д. ГАЛЬПЕРИНУ-КАМИНСКОМУ

1910 г. Февраля 24—25. Я. П.

25 Февраля 1910 г.
Ясная Поляна.

Илья Данилович,

Очень вам благодарен за присылку статьи о Barricade¹. Я вчера получил и прочел часть самых интересных отзывов. Да, это очень замечательное явление, и хотелось бы высказаться о нем. Но дела так много, а сил и жизни осталось так мало, что едва ли удастся.

Больше всего поразило меня во всем этом удивительное соединение огромной эрудиции, большого ума, необыкновенного изящества языка, утонченной учтивости по отношению к противникам, с самым наивно грубым эгоизмом, ничего не видящим, кроме себя и своего сословия, с самым грубым невежеством по отношению основных и необходимых для жизни каждого человека религиозно-нравственных понятий, тех религиозно-нравственных понятий, без которых при всех возможных аэропланах и величайшей уточненной игры артистов Théâtre Français и т. п., люди все-таки спускаются на ступень почти животного.

Особенно удивительно для меня при этом еще и то, что эти люди, как г. Бурже и другие, во Франции в 1910 г., после Вольтера, Руссо и др., могут серьезно говорить про католицизм. Ничто яснее того не показывает тот ужасный в смысле не ума, а разума, и не блеска, а нравственности, упадок, в котором находятся эти люди. В этой свалке для меня очевидно *tous les moyens sont bons*². Католицизм — пускай мы знаем, что это грубый, бессмысленный, одуряющий народ, давно развенчанный обман, но он годен для нашей цели, давай его сюда. Про пьесу Вашу знаю³ и Всего хорошего.

Лев Толстой.

Печатается по рукописной копии, присланной И. Д. Гальпериным-Каминским, сверенной с черновиком-автографом, написанным на четырех страницах почтовой бумаги. Подлинник находится у И. Д. Гальперина-Каминского во Франции. Черновик-автограф хранится в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея. В черновике-автографе

нет последней фразы, она приписана на подлиннике. Публикуется в СССР впервые. В Париже впервые напечатано в театральной Парижской газете «Comedia» 1910, 19 мая. Дата определяется по дневнику Толстого 24 февраля 1910 г., где записано: «Вечером читал о Бурже и написал Гальперину», и копией, где оно датировано 25 февраля 1910 г. Повидимому, письмо, написанное Толстым 24 февраля, было перепечатано на ремингтоне и подписано 25 февраля.

Илья Данилович Гальперин-Каминский (1858—1936) переводчик сочинений Толстого на французский язык, автор французской биографии Толстого: «Tolstoï par Tolstoï Autobiographie epistolaire», Paris. 1913. И. Д. Гальперин-Каминский прислал Толстому из Парижа от 28 февраля нов. ст. (12 февраля ст. ст.) длинное (на 11—12 страницах почтовой бумаги) письмо, в котором он описывал волнение французского общества по поводу только что вышедшей книги Поля Бурже «Баррикады» (Paul Bourget «La Barricade»), в которой трактуется о необходимости и моральном праве высших классов употреблять насилие над низшими. И. Д. Гальперин-Каминский просил Толстого написать свое мнение об этой книге и послать ему для перевода. К письму приложены вырезки из разных французских газет и журналов по поводу «La Barricade». Вырезки эти были прочитаны Толстым в течение двух дней 23 и 24 февраля, что видно из записей его в дневнике за эти дни и в дневнике В. Ф. Булгакова: «Лев Толстой в последний год его жизни», стр. 88—89.

¹ «La Barricade» Поля Бурже. Поль Бурже (Paul Bourget) (1852—1936) французский писатель, романист и критик.

² Все средства хороши.

³ Говорится о сценической переделке Гальперина-Каминского легенды Толстого: «Зерно с куриное яйцо» (1886 г.), под заглавием: «Le Grain Merveilleux», поставленной на открытой сцене театра в Париже (Théâtre aux Champs) летом 1909 г. Кроме этой пьесы, на открытой сцене исполнялись псалмы духовоборов, сообщенные И. Д. Гальперину-Каминскому А. К. Чертковой.

12 марта нов. ст. 1910 г. И. Д. Гальперин-Каминский послал из Парижа новое письмо, в котором сообщал, что выслал Толстому пьесу Бурже «La Barricade», и так как там говорится о Толстом, то он собирается выступить публично в театре перед зрителями с цитатами из своей студенческой переделки «Воскресения». Кроме того, он приложил письмо свое к В. Г. Черткову и просил Толстого, прочитав его, отправить Черткову.

На конверте этого письма, полученного, судя по почтовому штемпелю, 3 марта 1910 г., Толстой написал: «Саша, прочти, пошли письмо Черткову. Мне напомни написать о Barricade». Повидимому, намерение это не осуществилось, так как из оставшихся материалов не видно, чтобы Толстой вновь писал где-либо по поводу этой пьесы. Самую же книгу он читал, и она, по словам А. Б. Гольденвейзера, заинтересовала его. См. А. Б. Гольденвейзера, «Вблизи Толстого», том II, изд. «Центр. т-во Кооперативное издательство», М.-Пгг. 1923, стр. 8.

Н. Родионов.

Э. В. ЭЛЛИСУ

1906 г. Декабря 3. Я. П.

E. W. Ellis.

Dear sir,

I quite agree with you about Shelley¹. He has not given all what he could and certainly would have given to the world. He had the highest aspiration and was always bold and true.

I was glad to know that you agree with my opinion of the merit of Shakespeare's work ².

3 Dec. 1906.

Yours truly,

Leo Tolstoy.

Перевод:

Милостивый государь.

Я совершенно согласен с вами относительно Шелли¹. Он не дал того, что мог бы дать и конечно дал бы миру. У него были самые возвышенные стремления, всегда искренние и смелые.

Рад был узнать, что вы соглашаетесь с моим мнением о достоинствах сочинений Шекспира².

3 дек. 1906 г.

Искренне ваш

Лев Толстой.

Печатается по копировальной книге № 7, лист 183, хранящейся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея.

Адресат — Э. К. Эллис, англичанин, живший в 1906 г. в Суффолке (Англия). Письмо Толстого является ответом на письмо Эллиса от 29 ноября (н. с.) 1906 г., в котором он писал:

«Позвольте мне, незнакомому вам человеку, выразить свое восхищение вашей превосходной статьей о Шекспире, напечатанной в «Fortnightly Review»! Я вполне согласен со всем, что вы говорите, и хотел бы, если вам угодно, переговорить с вами об этом вопросе. Лично я считаю Шелли величайшим поэтом Англии. Мне бы очень дорого было знать ваше мнение об его произведениях».

¹ Перси Биши Шелли (1792—1822), знаменитый английский поэт.

² Статья Толстого о Шекспире большей частью английской читающей публики и особенно критикой была принята отрицательно, как парадоксальная. Таких людей, как Эллис, разделявших взгляды Толстого на Шекспира, было немного.

Г. Волков.

В. И. АЛЕКСЕЕВУ

1890 г. Декабря 13. Я. П.

Спасибо, что написали, дорогой Василий Иванович. Радуюсь вашему счастью и живу с вами. Помогай вам бог. — По вашим письмам не пойму вашу жену, и радуюсь мысли узнать ее и полюбить.

Вот работа, к[оторую] я предложу ей: есть, вы знаете, такой писатель Метью Арнольд, он написал «Critical essays» или подобное этому заглавие — два тома Таухница¹; я их читал, это ряд критических статей о малоизвестных писателях и статей о том, что есть критика². Это замечательно умно и хорошо — полезно³, и я уверен, что помещу это в журнале каком-нибудь.

Целую вас.

Л. Толстой.

[На обороте:] Полтава,

Александровская улица, д. Коганова,
Василию Ивановичу Алексееву.

Письмо печатается по автографу, хранящемуся в Рукописном отделе Государственного Толстовского музея. Датируется на основании составленного М. Л. Толстой списка писем Толстого за 1890 г.

Адресат письма — Василий Иванович Алексеев (1848—1919), учитель Сергея Львовича Толстого в 1877—1881 гг., народник, участник кружка Н. В. Чайковского и позднее американской коммуны В. Фрея. Толстой всегда относился к Алексееву с большой любовью и уважением. В письме, на которое здесь отвечает Толстой, до нас не дошедшем, Алексеев сообщал о своей женитьбе на Вере Владимировне Загоскиной и просил Толстого указать для нее работу переводов.

¹ Мэтью Арнольд (1822—1888) — английский писатель, поэт и критик. Толстой имеет в виду его книгу «Essays in Criticism» («Критические очерки»), два тома, изд. В. Tauchnitz, Лейпциг.

² Статья М. Арнольда, о которой пишет Толстой, называется: «The Function Criticism at the Present Time». Русский перевод: «Задачи современной критики», изд. «Посредник», М. 1902.

³ По поводу этой статьи М. Арнольда Толстой в 1900—1901 гг. писал в своем предисловии к русскому переводу романа В. Поленца «Крестьянин»: «Лет 20 тому назад Мэтью Арнольд написал прекрасную статью о назначении критики. По его мнению, назначение критики в том, чтобы находить во всем том, что было где бы и когда бы то ни было писано, самое важное и хорошее и обращать на это важное и хорошее внимание читателей. Такая критика в наше время затопления людей газетами, журналами, книгами и развития рекламы мне кажется не только необходима, но от того, появится ли и получит ли авторитет такая критика, зависит вся будущность просвещения образованного класса нашего европейского мира».

Н. Гусев.

Е. Е. ЛАЗАРЕВУ

1902 г. Ноября 11. Я. П.

Дорогой Егор Егорович,

Спасибо вам за ваше письмо и простите, что долго не отвечал вам. И стар, и слаб, и занят. Ко мне раз зашел пьяненький умный мужик. Он увидел у меня на столе свинчивающийся дорожный подсвечник и чернильницу. Я, думая доставить ему удовольствие, показал, как она развинчивается и употребляется. Но он не прельстился моим подсвечником и, неодобрительно покачав головой, сказал: все это *младость*¹. А мне кажется, что все художественные работы — все только *младость*. Это в ответ на ваши увещания, кот[орые] мне лестны и приятны, поощряя меня к *младости*. Иногда и отдаю дань желанию побаловаться.

На днях был у нас доктор, живший у Сухот[иных]², и много рассказывал про вас и освежил еще больше вашего письма мою большую симпатию к вам, что совсем не трудно. — Радуюсь на вашу бодрую, свойственную вам деятельную жизнь. Думаю, что, хотя и средства достижения у меня с вами различные, — цель одна. И то хорошо.

Передайте мой привет вашей жене и не очень сетуйте на нее за ее мне очень приятный недостаток³. Я на днях кончил и отослал небольшую статью, обращение к духо-

венству⁴, кот[орая] мне казалась нуж[на] и кот[орая] вызовет против меня гро[мы]⁵. Прощайте, дружески жму вам руку.

Лев Толстой.

11 Нояб. 1902.

Печатается по отписку автографа в копировальной книге № 4, л.л. 175—176, хранящейся в Гос. Толстовском музее.

Ответ на письмо Егора Егоровича Лазарева (р. 1855 г.) — народного, одного из организаторов партии социалистов-революционеров, жившего эмигрантом в Швейцарии. После Октябрьской революции Лазарев выехал из России и присоединился к белой эмиграции. Толстой лично был знаком с ним до его ссылки в Сибирь.

После встречи в Швейцарии с дочерью Толстого, Т. Л. Сухотиной, Лазарев прислал подробное письмо о своей жизни за границей. По поводу известия о работе Толстого над «Хаджи Муратом» он писал в этом письме от 18 октября 1902 г.: «Вот что у меня рвется из сердца сказать вам. Меня порадовали вестью о вас, что вы окончили новый роман с кавказским названием, и быть может по нескромности сообщили мне о вашем колебании, что вам дальше и в какой форме писать: новый роман или статью, т. е. мыслить художественно, образами, или, если можно так выразиться, прозой и от головы... Нельзя насиловать свой дух, свою душу. И только поэтому, что быть может по нескромности мне передали ваше признание, что вам хочется, внутренно хочется мыслить образами, я невольно шепчу вам на ухо: дорогой мой, послушайте еще раз своего внутреннего голоса и продолжайте, не оставяйте мыслить образами» (Архив Толстого в Рукописном отд. Всесоюзной библиотеки имени Ленина).

¹ Об этом эпизоде есть запись в дневнике А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого», I, М. 1922, стр. 95.

² Григорий Моисеевич Беркенгейм (1872—1919) — врач; одно время был домашним врачом в Ясной Поляне, лечил Толстого в Астапове.

³ В том же письме Лазарев писал Толстому: «Обрел завидную жену, один из самых крупных недостатков которой состоит в нетерпимом и непримиримом преклонении перед одним русским «великим стариком». Но я с покорностью судьбе переношу все ее слабости, тем более, что во всех других отношениях она истинно редкий человек».

⁴ «Обращение к духовенству». Рукопись была отправлена В. Г. Черткову для опубликования.

⁵ Протоиерей И. И. Сергеев (Иоанн Кронштадтский) написал „Ответ пастыря церкви Льву Толстому на его «Обращение к духовенству», Спб. 1903. «Все сочинение Толстого «Обращение к духовенству» наполнено самую бесстыдную ложью, к какой способен человек, порвавший связь с правдой и истиной... Кто такой Лев Толстой? Это лев рыкающий, ищущий кого поглотить. И сколько он поглотил чрез свои льстивые листки! Берегитесь его», — говорится в этой брошюре.

В. Жданов.

Ф. Н. БЕРГУ

Черновое неотправленное.

1888 г. Января 25—31? Москва.

Уважаемый Федор Николаевич!

У меня есть прекрасная статья о Гоголе под заглавием: *Гоголь, как учитель жизни*¹, выставляющая с поразитель-

ной ясностью и силой высоту христианско-нравственной жизни и смерти и писаний Гоголя. Статья идет в разрез со всем тем, что в продолжение вот уже скоро 50 лет лжется в нашей литературе о Гоголе, но выставляет всё это так, что спорить нельзя, а можно только устыдиться. Я дал мысль об этой статье ее автору для составления народной (в самом широком смысле) книжки о Гоголе, и автор исполнил эту мысль сверх моего желания превосходно. Хотите ли вы напечатать эту статью? Скоро ли можно ее напечатать, если она вам понравится? Какой гонорар вы определите автору, самому бескорыстному человеку, но живущему только своим трудом? Вот вопросы, на которые очень прошу вас ответить.

Уважающий вас.

Да, забыл, — если статья вам понравится, то после какого времени, после ее появления в журнале, вам не помещает ее напечатание отдельно? Хочется мне написать хорошенькое предисловие к этой статье², но не знаю, удастся ли, и потому не обещаю и буду просить вашего мнения, независимо от этого.

Печатается по автографу, хранящемуся в Государственном Толстовском музее. Публикуется впервые. Датируется по содержанию. (О своем предисловии к статье о Гоголе Толстой писал и Н. Н. Страхову 24 января 1888 г.).

Федор Николаевич Берг (1839—1909). В 1880-х годах Ф. Н. Берг редактировал журнал «Нива», а в 1889—1895 гг. «Русский вестник».

¹ Эта статья была написана бывшим провинциальным актером и журналистом, находившимся в то время под влиянием идей Толстого и сотрудничавшим в «Посреднике», Александром Ивановичем Орловым. Исправленная и проредактированная Толстым, она была послана в редакцию журн. «Нива», но напечатана там не была. Появилась лишь в 1888 г. в издании «Посредника».

² В черновиках Толстого сохранилась неоконченная статья о Гоголе, относящаяся приблизительно к 1888 г. Возможно, что это и было начало предисловия к книге А. И. Орлова.

В. Мишин.

В. БОЛЫЧЕВУ

1908 г. Ноября 19—20? Я. П.

Стихи ваши недурны, но надо вам сказать, что я никогда не был охотником до стихов, считая, что мысль всегда удобнее выразить без стеснения рифмой и размером, выражение же мыслей есть одно из самых важных дел жизни, и потому я не ценитель стихов вообще, а также и ваших. На вопрос ваш, отдавать ли свои силы на совершенствование в стихотворстве, отвечаю скорее отрицательно, так как много и много есть деятельностей более

серьезных и нужных и самому и другим людям, чем не только стихотворство, но всякая литературная деятельность.

Продиктовано Н. Н. Гусеву, записавшему текст стенографически на конверте письма адресата. Конспект для его ответа.

Ответы Л. Н. Толстого через секретаря обычно были кратки, о стихах примерно такие: «стихи ваши дурны, не советую заниматься пустым делом». В данном случае ответ более пространный.

В. Большчев, житель города Воронежа, писал в сопроводительном письме к своим стихам 16 ноября 1908 г.: «Если Вы поощрите меня оценкой посылаемых Вам моих стихотворений, то я более серьезно посвящу себя литературе. Я из народа и народник и кабинетных тенденций чуждаюсь» (Архив Толстого в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея).

По поручению Толстого ответил ему Н. Н. Гусев 20 ноября и рукопись вернул.

В. Жданов.

УЧИТЕЛЬНИЦЕ Е. Б.

1910 г. Марта 1. Я. П. 1 марта 1910 г. Ясная Поляна.

Посоветуйте мальчику не писать стихов. То, что он пишет, нельзя даже назвать стихами — так это плохо.

Посоветуйте не писать.

Слово — дело великое. Великое потому, что оно есть могущественное средство единения людей. Так соединили и соединяют людей слова великих учителей мира — Христа и других. Но слово может быть и орудием зла, когда оно не соединяет, а разъединяет людей. Может быть и оскорблением того, кто их произносит, когда оно употребляется для сквернословия или коверкания языка безобразными стихами. И потому с словом надо обращаться с уважением к этому великому человеческому свойству, и говорить только то, что нужно, и во всех случаях стараясь сказать это как можно проще и яснее, не стесняясь умышленно размером, рифмой. Скажите это вашему мальчику.

Последние лет пять я получаю ежедневно не менее 2-х писем от деревенских стихотворцев с ужасным набором слов, которые представляются их авторам стихотворениями, с просьбами помочь «развитию их дара», как они выражаются, и поместить их произведения в печати. Если счастье, сколько я получил таких писем со стихотворениями за последние года, то это будут тысячи. А сколько еще таких, которые, занимаясь тем же, не обращаются ко мне? Так что стихотворство в народе сделалось за последнее время зловредной эпидемией, которую не только не надо поощрять, но против которой, наоборот, надо всеми силами бороться, тем более, что в основе этого сочинительства лежат большей частью очень дурные чувства тщеславия и корысти.

Точно так же считаю ненужным поощрять и желание под предлогом образования вступления в учебные заведения, дающие диплом и возможность выйти из своего рабочего состояния и сесть ему на шею.

Посылаю вам несколько копеечных книжек, имея в виду преимущественно мальчика со склонностью к философии. Дайте ему по одному экземпляру тех, которых два.

Посылаю вам и вышедшие книжки «На Каждый День». Вы в числах 18 и 19 найдете мой взгляд, подтверждаемый великими мыслителями, на назначение истинной и на вред ложной науки.

Лев Толстой.

Печатается по машинописному подлиннику, хранящемуся в Рукописном отделе Гос. Толстовского музея. Кроме подлинника там же хранится черновик-автограф, написанный на почтовой бумаге. Черновик-автограф испещрен многочисленными поправками Толстого, делавшимися в процессе писания.

Е. Б. (не раскрывшая своего имени), учительница министерской школы в селе Изрог, Ефремовского уезда, Тульской губ., обратилась к Толстому с письмом от 26 февраля 1910 г., в котором писала:

«Многоуважаемый Лев Николаевич!

Посылаю Вам стихотворение 15-летнего мальчика-крестьянина. Он учится в 5-м отделении министерской школы, при которой я состою учительницей. Это его первые попытки стихосложения, и я посылаю Вам, думая, что они Вам будут интересны. Хочу я также спросить Вас, нужно ли стараться о дальнейшем образовании мальчика, отличающегося быстрым, ясным умом, прямым взглядом на вещи и жадной к знанию, а также другого очень впечатлительного, чуткого и склонного к философии (между прочим, хромого), и если не грех отрывать их от их обстановки, если не будет это худшим злом для них, то что можно сделать, чтобы дать им возможность учиться дальше?..

Если затруднительно, то не отвечайте мне; нас много, а Вы один. А если можно, то напишите этому мальчику что-нибудь о его стихах, он будет счастлив бесконечно: они Вас очень любят. Не могу не поблагодарить Вас и от себя за столько радостных минут, доставляемых чтением Ваших дорогих произведений».

Адресатка ответила Толстому кратким письмом от 10 марта, в котором писала: «Лев Николаевич. Я получила и письмо Ваше и книги. Спасибо. Учительница Изгорской школы Ефремовского уезда Е. Б.»

И. И. Горбунову-Посадову и Н. Родионову.

И. И. ГОРБУНОВУ-ПОСАДОВУ

1888 г. Октября 1—25? Москва.

Дорогой Иван Иванович.

Ваш проэкт переделки или дополнения Бовы¹ мне очень нравится. Если вам и Баранцевичу², или вам, или Бирюкову удастся сделать то, что вы предположили, то это будет хорошее дело. Куйте железо, пока горячо. В этих вещах надо сейчас же писать то, что придумал, а то разрастается

и перерастает замысел: так со мной бывало. Так со мной б[ыло] с битвой рус[ских] с Каб[ардинцами]³. Я начал и бросил, потом поручил одному человеку в Москве, тот написал очень много, бездарно и нецензурно, и рукопись его не пошла. Тема очень хороша. Кавказский герой ранен, попадает в плен к врагам, любит их, выплачивает и уезжает к себе. Кабардинка бежит за ним и делается христианкой, и герой оставляет военную службу и уезжает с нею в деревню. Все это так в оригинале.

П[авел] И[ванович]⁴ живет с нами, и нам жить очень хорошо. Не только надеюсь, но уверен, что вам также хорошо и в Петербурге.

Любящий вас Л. Толстой.

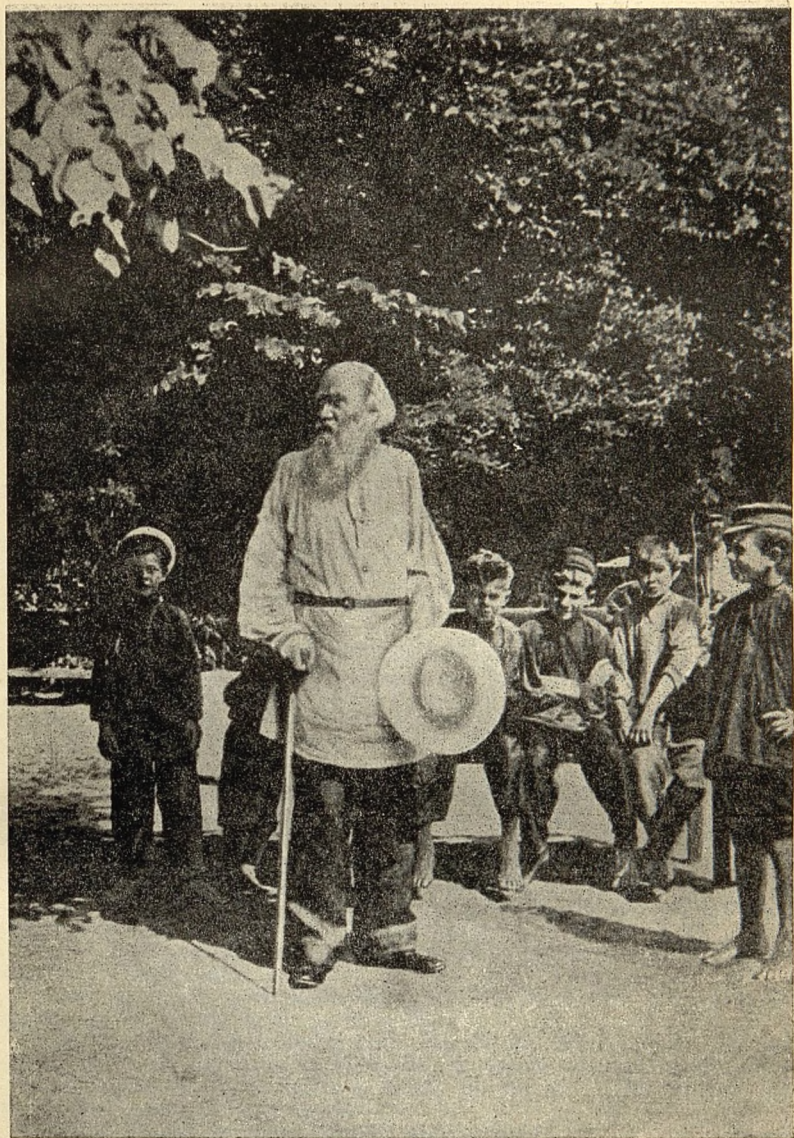
Печатается по автографу, хранящемуся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея. Датируется по указанию И. И. Горбунова, который относит его написание к осени 1888 г. Слова же: «П[авел] И[ванович] живет с нами», дают основание пометить его 1—25 октября 1888 г., т. е. временем пребывания П. И. Бирюкова в Ясной Поляне.

Иван Иванович Горбунов-Посадов (р. 1864 г.) — поэт и писатель, друг и единомышленник Толстого. С 1889 г. — один из редакторов «Посредника», а с 1897 г., с высылкой П. И. Бирюкова и В. Г. и А. К. Чертковых за границу — единственный редактор и издатель «Посредника». Помимо этого И. И. Горбунов в 1907—1918 гг. издавал и редактировал журнал «Свободное воспитание», и в 1908—1918 гг. детский журнал «Маяк»; в 1893—1917 гг. издавал «Сельский деревенский календарь». Автор многих статей о Толстом. См. «Сорок лет служения людям. Сборник статей, посвященных общественно-литературной и книгоиздательской деятельности И. И. Горбунова-Посадова». М. 1925.

Письмо Горбунова, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

¹ В 1884 г. по инициативе Толстого было организовано народное издательство «Посредник», в котором руководящую роль приняли В. Г. Чертков и потом П. И. Бирюков, издателем был И. Д. Сытин. «Посредником» выпускались книги как идейного содержания, так и чисто художественные. Цель этих изданий была — дать чтение простому народу, который до того времени пользовался по преимуществу услугами бульварных и лубочных издательств. В связи с этим у Толстого в 1886 г. возникла мысль о переделке и приспособлении к изданиям «Посредника» пользовавшихся большой популярностью лубочных повестей и романов. Об этом он писал в письме к «тифлисским барышням», просившим у него дела (см. Л. Н. Толстой, «Полезное собрание сочинений», юбилейное издание, т. 63, стр. 428—430). Письмо это, опубликованное в тифлисской газете «Новое обозрение» (1887, № от 12 марта) и затем перепечатанное рядом газет, вызвало целую переписку, касающуюся затронутых Толстым вопросов, и к Толстому стали поступать просьбы о присылке книг для таких переделок или предложения своих работ.

Упомянутый Толстым проект переделки «Бовы» И. И. Горбуновым выполнен не был. — «Бова» — «Сказка о славном, сильном, храбром и непобедимом витязе Бове королевиче и о прекраснейшей супруге его королеве Дружневне» — сказка иностранного происхождения; возникновение ее относится к XIV в.; в России получила распространение с конца XVII в. Печаталась преимущественно в лубочных изданиях.

Толстой с детьми.
С фотографии П. А. Сергеенко 1907 г.

² Казимир Станиславович Баранцевич (р. 1851 г., ум. около 1927 г.) — писатель-беллетрист.

³ «Битва русских с кабардинцами» — лубочная повесть.

⁴ Павел Иванович Бирюков.

В. Мишин.

2

1891 г. Апреля 4—5 (?). Я. П.

Давно надо б[ыло] ответить о рассказах¹. Ни Быстренина², ни Квасоваровой³ рассказы мне не нравятся для народа. Они писаны с точки зрения <гос[подской]> барской, а сами по себе очень не дурны. Квасов[аровой] очень даже хороший по языку. На днях я послал полученную от Семенова⁴ повесть Гайдеб[урову]. Та очень хороша, как все Семеновское, не блестяще, но серьезно, содержательно и искренно. Пошлите в Русск[ое] Обозр[ение] Дмитр. Ник. кн. Цертелеву⁵ адрес Барыковой⁶. Pater⁷ напечатают⁸. Прекрасное письмо Вл[адимира] Гр[игорьевича]⁹ получил и буду отвечать. Хозяйственные статьи¹⁰ прочел. Никуда не годятся. Доказывает только то, что в этом деле нам больше есть чему учиться, чем учить. Все пошлю на днях.

[На обороте:]

Воронежской губ. Россоша.

Ивану Ивановичу Горбунову.

Печатается по автографу (открытое письмо), хранящемуся в Рукописном отделении Государственного Толстовского музея. Дата определяется предположительно почтовым штемпелем отправления: «Почтовый вагон 5 апреля 1891». Письмо И. И. Горбунова-Посадова, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

¹ Толстому были присланы для отзыва рассказы, предназначенные к напечатанию в народном книгоиздательстве «Посредник», в котором ближайшее участие принимал И. И. Горбунов-Посадов.

² А. К. Черткова рекомендовала для издания в «Посреднике» рассказ В. П. Быстренина «Свой суд», входивший в состав сборника его «Очерков и рассказов», вышедших в 1890 г. Рассказ Быстренина впоследствии был напечатан «Посредником».

³ О писательнице Квасоваровой и ее рассказах не располагаем никакими сведениями.

⁴ Повесть С. Т. Семенова «Братья Бутузовы». См. письмо к Семенову от 31 марта 1891 г., стр. 257.

⁵ Князь Дмитрий Николаевич Цертелев (1852—1911). В 1890—1891 гг. был редактором московского журнала «Русское обозрение».

⁶ Анна Павловна Барыкова, рожд. Каменская (1839—1893) — поэтесса, сотрудница «Посредника».

⁷ Драма Франсуа Коппе «Pater» («Отче наш»).

⁸ Перевод драмы Коппе «Pater» был сделан А. П. Барыковой и напечатан в «Русском обозрении» 1891, № 9, стр. 55—77. Судя по письму к Толстому И. И. Горбунова-Посадова от 25 сентября 1891 г., драма Коппе была указана ему Толстым.

⁹ В. Г. Черткова. И. И. Горбунов-Посадов проживал тогда на хуторе Чертковых «Россоша».

¹⁰ Речь идет, повидимому, об агрономических книжках, предположившихся к изданию в «Посреднике».

Н. Гусев.

3

1910 г. Октября 24. Я. П. 24 Октября 10 года Ясная Поляна.

Иван Иванович.

Получил листовки, высланные вами Саше¹, и очень заинтересовался ими. Разобрал их на четыре сорта: самые хорошие, хорошие, посредственные и плохие. Вышло почти что поровну. И вот мне хочется заменить плохие и отчасти посредственные книгами безразличными, только не безнравственными и вредными, но самыми разнообразными, которые чередовались бы с книгами остальными, одного определенного направления. Однообразие это, я думаю, тяжело и действует обратно той цели, с которой они распространяются, вызывая скуку, в особенности, если книги с нравственными целями не совсем хорошие. Книги эти я бы заменил, во-первых, простыми, веселыми, без всякого замысла рассказами, даже сборниками смешных, веселых, невинных анекдотов. Второе — практическими руководствами земледелия, садоводства, огородничества. Третий отдел выбрал бы самые лучшие стихотворения: Пушкина, Тютчева, Лермонтова, даже Державина. Если мания стихотворства так распространена, то пускай, по крайней мере, они имеют образец совершенства в этом роде. Об этом еще придется подумать. Вы же с своей стороны выскажите ваше мнение.

До свидания, милый друг, ваш Лев Толстой.

Приложение: Список книг, изд. «Посредник», с отметками Толстого.

1. Очень хорошие книги.

1. Л. Н. Толстой, «Три старца», «Кающийся грешник». № 581, М. 1910.

1. Л. Н. Толстой, «Любите друг друга». № 729, М. 1909.

1. Л. Н. Толстой, «Сестры». По Мопассану, № 575.

1. Л. Н. Толстой, «Зерно с куриное яйцо». № 574. М. 1910.

1. Л. Н. Толстой, «Работник Емельян и пустой барабан». № 576.

1. Л. Н. Толстой, «Ильяс». № 728, М. 1910.

1. Л. Н. Толстой, «Бог один у всех». По Бернарден де Сент-Пьеру, № 577.

1. Л. Н. Толстой, «Большая медведица», «Камни», «Вражье лепко, а божье крепко». № 727, М. 1910.

1. Л. Н. Толстой, «Где любовь, там и бог». № 6, М. 1910.

1. Л. Н. Толстой, «Крестник». № 573, М. 1910.

1. Л. Н. Толстой, «Для души». Изречения мыслителей разных стран и разных веков». № 773, М. 1910.

1. Л. Н. Толстой, «Упустишь огонь, не потушишь». № 5, М. 1910.

1. Л. Н. Толстой, «Изречения Магомета, не вошедшие в коран». № 742, М. 1910.

1. Л. Н. Толстой, «Лаотзе».

1. Л. Н. Толстой, «О смерти». № 752.

1. Л. Н. Толстой, «О бессмертии». № 751.

1. Л. Н. Толстой, «Об истинной любви». № 755.

1. А. Аполлов, «Борьба света с тьмой». № 641, М. 1908.

1. С. Семенов, «Недруги». № 378.

1. С. Семенов, «Дворник». № 669, М. 1910.

1. С. Семенов, «Шпитонок». № 156.

1. С. Семенов, «Подпасок». № 749, М. 1909.

1. С. Семенов, «Левониha». № 443, М. 1910.

1. С. Семенов, «Марфуша-сирота». № 759, М. 1910.

1. «Под выстрелами». С немецкого, «Калека», рассказ Гюи де Мопассана, № 486.

1. «Житие Св. Филарета Милостивого», № 19, М. 1909.

2. Хорошие книги.

2. Л. Н. Толстой, «Ассирийский царь Ассархадон», № 500, М. 1909.

2. Л. Н. Толстой, «Много ли человеку земли нужно», № 24, М. 1910.

2. Л. Н. Толстой, «Для совести». Изречения мыслителей разных стран и разных веков», № 782, М. 1910.

2. Л. Н. Толстой, «О добре и доброте. Мысли разных писателей», № 754, М. 1909.

2. «Ответ мертвеца». Перевод Лукьянской, № 347.

2. «Ледаший». № 74, М. 1910.

2. А. Пакин. «Пора опомниться», № 246.

2. В. Чертков, «Злая забава». Мысли об охоте. № 777.

2. И. Горбунов-Посадов «Белый гость». Сборник притч и рассказов», № 397, М. 1910.

2. И. Горбунов-Посадов, «Мститель». Сборник притч и рассказов, № 465. М. 1909.

2. И. Старинин, «Об одном добром человеке», № 309. М. 1909.

2. И. Старинин, «Дядя Фаддей», № 274, М. 1910.

2. С. Семенов, «Чья вина?» № 207, М. 1909.

2. С. Семенов, «Невеста», № 463, М. 1909.
2. С. Семенов, «Хорошее житье», № 560, М. 1910.

3. Недурные.

3. И. Горбунов-Посадов, «Рох и его собака». Сборник рассказов», № 408, М. 1909.
3. И. Горбунов-Посадов, «Дочь китайского вельможи и другие рассказы», № 432, М. 1910.
3. И. Горбунов-Посадов, «Мудрец Солон». Сборник притч и рассказов, № 393.
3. Н. Селезнев, «Белая береза», № 750, М. 1909.
3. Е. Горбунова, «Наши зеленые друзья — деревья», № 338.
3. А. Черткова, «Подвиг», М. 1910.
3. Л. Е. Оболенский, «Странник», № 9.
3. Ю. Безродная, «Великодушный Голиаф», № 204, М. 1908.
3. М. Конопницкая. «Покинутые», «Мариська». № 306, М. 1910.
3. С. Семенов. «Не в деньгах счастье», № 58, М. 1910.
3. С. Семенов, «Красная девица». Песенник для взрослых, № 470.
3. С. Семенов, «Крестьянские работы и деревенская жизнь по месяцам года».
3. Собрал Л. Н. Толстой, «Безубойное питание, или вегетарианство. Мысли разных писателей», № 753.
3. С. Стахович, «Сиротка», № 313.
3. В. Гаршин, «Сказание о гордом Аггее», № 380, М. 1909.

4. Низший сорт.

4. А. Аполлов, «Необыкновенный случай», № 194, М. 1908.
4. Ф. Горностаев, «Два ребенка», № 492.
4. Ф. Горностаев, «Гончар-самоучка», № 68.
4. Франко, «К свету», № 531, М. 1910.
4. М. Конопницкая, «Убийца», № 775, М. 1910.
4. Н. Телешев, «С богом», № 403, М. 1910.
4. Н. Телешев, «Домой», № 322, М. 1910.
4. Н. Телешев, «Елка Митрича», № 801, М. 1910.
4. Н. Дядин, «В простоте душевной», № 770, М. 1910.
4. И. Горбунов-Посадов, «Христианка», № 409, М. 1909.
4. И. Горбунов-Посадов, «Волки». Сборник рассказов и притч, № 402.
4. И. Старинин, «Получка», 564.
4. А. Волгин, «Отказались», № 484, М. 1910.
4. А. Волгин, «Житие Св. Павлина Ноланского», № 736.
4. А. Додэ, «Крушение корабля», № 383, М. 1910.

4. Гюи де Мопассана, «Мечь». Ф. Коппе, «Сиделки», № 169, М. 1909.

4. А. Пушкин, «Станционный смотритель», № 358, М. 1910.

4. И. Наживин, «Бабушка», № 497, М. 1910.

4. И. Наживин, «В неволе», № 498, М. 1910.

4. И. Наживин, «Вино — яд», № 359.

Печатается по машинописному подлиннику, хранящемуся в архиве И. И. Горбунова-Посадова. Кроме того, у Н. Н. Гусева хранятся пачки книг с отметками Толстого на обложках: «1, 2, 3 и 4», синим и красным карандашом, в обложках с надписями Д. П. Маковицкого: «1 — очень хорошие, 2 — хорошие, 3 — недурные, 4 — низший сорт». Там же хранится список этих книг, составленный по разметкам Толстого, который воспроизводится в приложении.

¹ Дочери Александре Львовне Толстой.

Приводим две записи Д. П. Маковицкого в неопубликованных «Яснополянских записках» от 23 и 24 октября 1910 г., касающиеся работы Толстого по распределению книжек изд. «Посредника». Запись от 23 октября: «После обеда Ал. Л. на повзвала Л. Н. ча посмотреть свое хозяйство. В ремингтонной на шкапу она показала книги Л. Н. чу для рассылки и пачки копеечных изданий «Посредника», выписанных ею на свои деньги для раздачи около семидесяти разных книжек. Л. Н. рассматривал их с большим интересом. Ему попалась книжечка «Вино — яд». Чье это? — спросил Л. Н. — Твое, — ответила Ал. Льв. Л. Н. просил отобрать по одному экземпляру каждой из семидесяти книжек, взял их с собою и до 10 часов 40 м. был занят чтением и пересматриванием их и распределением на четыре разряда: 1. Очень хорошие. 2. Хорошие. 3. Недурные. 4. Низший сорт. Первый — третий разряд будет постоянно выписывать, а четвертый тем, которые просят книжек для продажи.

24 октября утром Л. Н. сказал: «Я нынче ночью думал. Мне еще нужны все другие книжечки, которые находятся в народной библиотеке и каталог «Посредника». Я хочу все их пересмотреть. Четвертый разряд надо выбросить и заменить книжечками веселого содержания, а то это однообразие наскучит».

Н. Родионов.

Ф. А. ЖЕЛТОВУ

1887 г. Апреля 21? Москва.

...¹ Я полагаю, что задача пишущего человека одна: сообщить другим людям те свои мысли, верования, которые сделали мою жизнь радостною. Радостной, истинно радостной делает жизнь только уяснение и применение к себе, к разным условиям своей жизни евангельской истины.

Только это можно и должно писать во всех возможных формах; и как рассуждения, и как притчи, и как рассказы. Одно только опасно: писать только вследствие рассуждения, а не такого чувства, которое обхватывало бы все существо человека. Надо, главное, не торопиться писать, не скучать, поправлять, переделывать 10, 20 раз одно и то же, немного писать и, помилуй бог, не делать из писания

средства существования или значения перед людьми. Одинаково по моему дурно и вредно писать безнравственные вещи, как и писать поучительные сочинения холодно и не веря в то, чему учишь, не имея страстного желания передать людям то, что тебе дает благо.

Я не могу вам вкратце выразить то, что я считаю нужным для писания иначе, как указав вам на мои народные рассказы последнего времени и на предисловие к «Цветнику»², в котором я старался выразить, в чем состоит дело поэтического писания. Я очень радуюсь тому, что вы хотите писать во-первых, потому что вы крестьянин, во 2-х тому, что вы свободны от ложного церковного учения, закрывающего от людей значение учения Христа.

Ваши статьи³ я прочел. Лучшее по содержанию — это путешествие и сон; но статья эта имеет неприятный для меня литературный фельетонный характер, и содержания мало. Сон этот мог быть эпизодом в чем-нибудь цельном, но отдельно он имеет мало значения. Статья о празднике холодна и тоже имеет литературный характер. Под литературным характером я разумею то, что она обращена к читателю газетному и интеллигентному. Желательно и я советую вам другое: воображаемый читатель, для которого вы пишете, должен быть не литератор, редактор, чиновник, студент и т. п., а 50-летний хорошо грамотный крестьянин. Вот тот читатель, которого я теперь всегда имею перед собой и что и вам советую. Перед таким читателем не станешь щеголять слогом, выражениями, не станешь говорить пустого и лишнего, а будешь говорить ясно, сжато и содержательно. Прочтите рассказ «Раздел»⁴, написанный крестьянином, и «Дед Софрон»⁵. Оба рассказа трогают людей, потому что говорят о существенных интересах людей, и интересы эти дороже авторских.

Если хотите прислать мне, что напишете для печатания в «Посредник», пришлите в Тулу.

Любящий вас брат.

Писать вы, как мне кажется, можете и потому, что владеете языком и, главное, потому, что вы с молодых лет всосали в себя учение Христа, в его нравственном значении, как это видно из вашего письма.

Печатается по копии (автограф погиб при пожаре у Ф. А. Желтова), хранящейся в архиве В. Г. Черткова. Датируется на основании письма Ф. А. Желтова от 18 апреля 1887 г., на которое отвечает Толстой.

Федор Алексеевич Желтов (р. 12 февраля 1859 г.) — крестьянин села Богородского, Горбатовского у. Нижегородской губ., сектант-молоканин. Автор нескольких рассказов и статей. По поводу своей переписки с Толстым Желтов замечает: «Его народные рассказы

возбудили во мне желание что-либо написать, и с этого у меня завелась переписка со Львом Николаевичем». (Автобиография Ф. А. Желтова. Архив В. Г. Черткова.) В 1888 г. Желтов познакомился с Толстым лично, посетив его в Москве.

Толстой отвечает на следующее письмо Ф. А. Желтова от 18 апреля 1887 г.: «Простите, если я оторву Вас несколько минут своим письмом. Верьте, что это письмо пишет человек искренно уважающий Вас, вполне разделяющий Ваши взгляды и сочувствующий Вашим стремлениям и идеям... Мы люди простые, крестьяне, и хотя грамотные, но мало образованные; нам много еще нужно знать, много уяснить, но тем не менее мы понимаем, что те великие истины, к которым сознательно и бессознательно искони стремится человечество, которые оно выражало и выражает на разные лады и которые оно отыскивает прямыми и окольными путями, заключаются лишь в неизменном вечном нравственном законе... И вот для того, чтобы делать что-нибудь от себя, чтобы служить по своим силам тому, чему должно служить человечество, я избрал путь — литературу: избрал потому, что чувствую к тому свое призвание; я хочу, чтобы свет, если он во мне есть — не угасал; хочу, чтобы он, если не ярко горел, то хоть мерцал, ибо и то есть благо. Но вопрос в том, что есть истинный хлеб, какие истинные задачи литературы... я как слабый в этом нуждаюсь в наставлении, но при этом думаю, что в том же нуждаются и многие литераторы. Я желаю знать тот истинный путь, по которому должно идти на этом поприще. Укажите мне его. Направьте на дело мои молодые силы. Дайте работы; не бесплодной работы, а полезной, плодотворной, животворящей. — Я пишу кое что, помещая свои очерки и рассказы в газетах, но во мне говорит что-то не то, чему должно служить. Этот вопрос мучит меня, я прошу Вас, умоляю разрешить мне его и указать на то, чем я могу принести пользу, и я с верою жду от Вас на это ответа. Я надеюсь на то, что Вы с немощным братом поделитесь своим светом и укажете ему истинный путь. — Жду к как ж а жду и и — источника воды».

¹ Пропуск в копии, имеющейся в распоряжении редакции. По этому поводу Ф. А. Желтов замечает: «Пропущено в нем замечание на первую часть моего письма, где я излагаю свое сложившееся убеждение... Лев Николаевич высказывает свою радость, что он видит ко всему высказанному мною духовное средство своих убеждений». (Из письма Ф. А. Желтова В. С. Мишину от 26 августа 1927 г.)

² «Цветник» — сборник, составленный сотрудниками «Посредника» для народного чтения, к которому Толстой написал предисловие. Впервые издан в Киеве в 1886 г.

³ Два рассказа Ф. А. Желтова, присланные автором на просмотр Толстому: «Деревенский праздник» — «Русский курьер» 1887, № 30 от 31 января; «Трясина (сон)» — «Русский курьер» 1887, № 101 от 15 апреля.

⁴ И. Г. Журавов, «Раздел», изд. «Посредник», М. 1886.

⁵ В. И. Савихин, «Дед Софрон», изд. «Посредник», М. 1886.

В. М и ш и н.

П. П. КАЗМИЧОВУ

1909 г. Июля 23. Я. П. Ясная Поляна. 23 июля 1909 г.

Павел Петрович,

Прочел оба ваши рассказа, и первый рассказ «У виселицы», особенно в том виде, в каком он в рукописи, т. е.

не ослабленный цензурными выпусками, мне очень понравился, и думаю, что не ошибусь, сказав, что он и сам по себе очень хорош и производит то самое чувство ужаса, которое, очевидно, переживал автор и которое переживают многие и многие люди теперь в России. Очень жалею о тех выпусках, которые ослабили его, потому что в рассказе все хорошо, особенно, как вы и говорите, первая глава, которая, к сожалению, выпущена. Так что, повторяю, рассказ очень хорош, и желательно, чтобы он получил наибольшее распространение без выпусков¹. Второй же рассказ «Казнь» не понравился мне².

Благодарю вас за обращение ко мне и присылку рассказов. Нужно ли вернуть вам их обратно?⁸

Лев Толстой.

Письмо написано и датировано на машинке, подписано собственноручно. Подлинник хранится в Рукописном отделении Государственного Толстовского музея.

Павел Петрович Казмихов (р. 1872 г.) — беллетрист, критик (псевдонимы: Мих. Борецкий, П. Мирецкий). В 1895 г. окончил юридический факультет Московского университета. С 1895 г. по 1920 г. работал присяжным поверенным в Новочеркаске. В 1920—1925 гг. служил в различных учреждениях. В 1925 г. переехал в Москву. В настоящее время (1932 г.) лектор-массовик по художественной литературе. Первый его рассказ «Гостя» опубликован в «Журнале для всех» 1905 г., апрель. Последней крупной работой является его вступительная статья к собранию сочинений Ф. А. Березовского, М.-Л. 1928. Сотрудничал в «Ежемесячном журнале», изд. В. С. Миролубовым, «Бодрое слово» (1909 г.), «Красная новь», «На литературном посту», «Октябрь» и др.

При письме от 14 июля 1909 г. Казмихов прислал рукописи своих рассказов «Казнь» и «У виселицы». Он писал Толстому: «Глубокоуважаемый Лев Николаевич! Смертные казни, как они совершались у нас в Новочеркаске, были умышленным кощунственным надругательством над живыми и мертвыми людьми. Эти ужасы мне захотелось описать в доступной для меня художественной форме и тем вывести из покоя и бездействия людей равнодушных и незнающих. Насколько позволили мне силы, я постарался все, что узнал от очевидцев и участников, отразить в двух очерках: «У виселицы» и «Казнь». Первый очерк уже напечатан в июньской книжке «Русского богатства», но по цензурным условиям изменено даже само заглавие: вместо моего — простого, прямого и ясного: «У виселицы», редакцией дано заглавие: «Под покровом ночи», чтобы меньше привлечь внимание защищающего казни правительства; кроме того, сделаны еще пропуски, между прочим, опущено одно место, самое главное и существенное, в начале второй главы по тем же цензурным соображениям, и опущена вся первая глава, по-моему, очень значительная, где я именно указываю, как ужас казни, сначала огромный, в буднях и мелочах жизни городского общества обмельчал и рассосался, как гной рассасывается в теле. Поэтому я посылаю Вам и свою рукопись, без пропусков и сокращений, и книжку «Русского богатства» за июнь. Кроме того я посылаю еще рукопись очерка «Казнь», еще нигде не напечатанного, в котором передан ужас, пережитый сыном, узнавшим, что его отец-священник присутствовал при казни. Старался писать только правду, чтобы люди узнали и ужаснулись, и тем, сколько можно, содействовать устранению из жизни

этого зла, развращающего душу человеческую в самых глубоких тайниках ее. Я посылаю свои работы Вам, величайшему борцу со смертной казнью, и несколько Ваших слов о моих работах я бы принял с благоговейным чувством нравственного удовлетворения, и это было бы для моей совести величайшей наградой за пережитые страдания при описании этих ужасов.

¹ Рассказ «У виселицы» был написан автором в три дня. Редакция «Русского богатства» напечатала его в первом номере, тотчас по получении рукописи. Первая глава выпущена по желанию В. Г. Короленко, который нашел в ней больше элементов публицистических, нежели художественных. Речь подсудимого во второй главе и отдельные выражения в рассказе выпущены по цензурным соображениям. По получении письма Толстого Казмихов отослал первую главу вместе с копией комментируемого письма в газету «Речь», где она была напечатана под заглавием «Из летописи одного городка» в 1909 г. № 216 от 2 августа. В свое время рассказ пользовался большой популярностью, особенно в судейских кругах. ¹

² Этот рассказ напечатан под заглавием «Свыше сил» — «Ежемесячный журнал», изд. В. С. Миролубовым, 1914, № 3.

³ Рукописи остались в Ясной Поляне. Найти их не удалось.

По поводу рассказа Казмихова Толстой отметил в дневнике 23 июля 1909 г.: «Читал прекрасный рассказ о казнях». То же самое записал в своем дневнике Д. П. Маковицкий. В том же году приехавший из Ясной Поляны в Новочеркасск И. З. Денисенко передавал знакомым Казмихова следующий отзыв Толстого, который Денисенко слышал лично: «Вот уже два дня читаю, и слезы у меня на глазах. Писали о смертной казни и до вашего Казмихова. Писали Виктор Гюго, Тургенев, Достоевский, писал я, Леонид Андреев, а так просто и так потрясающе никто еще не писал» (из письма Казмихова к В. А. Жданову от 2 июля 1932 г.).

В ответном письме от 6 августа Казмихов писал: «В тот день, когда я получил Ваше письмо, я не мог уснуть ночью от волнующего чувства огромной радости и благодарности за Ваш ответ. Смертные казни замучили меня, и от нестерпимой боли я закричал, но мой крик, мой слабый голос не был бы услышан в шуме жизни. Теперь же, когда к моему «крику» присоединился Ваш голос, к моему рассказу присоединилось несколько Ваших сочувственных слов, я верю, что ужас, пережитый мною, станет ужасом многих и многих человеческих душ, и это сроднит и сблизит многих, не знавших этого, в чувстве ужаса перед казнью».

В. Жданов.

В. С. НИКИШИНУ

1910 г. Апреля 5. Я. П.

Черновое неотправленное.

Булгакову написать:

В стихах есть чувство, но слабо, если хочет писать, то пусть как самоуч[ка] пишет о крестьянской жиз[ни.]

Печатается по автографу, хранящемуся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея, написанному на конверте письма Никишина. Публикуется впервые. Дата автографа Толстого определяется почтовым штемпелем: Засека, 5 апреля 1910 г. Письмо не было отправлено,

что видно из ошибочной пометы В. Ф. Булгакова на конверте: «Нет адреса. Без ответа».

Василий Сергеевич Никишин (р. 1 марта 1889 г.) — крестьянин д. Сосенки, Десенской волости, Подольского уезда, в настоящее время живет в Москве, присылал Толстому четыре письма от 5 января, 25 февраля, 12 марта и 3 апреля.

Публикуемое письмо Толстого является ответом на последнее письмо Никишина, при котором он присылал четыре новых своих стихотворения. Из ответа Толстого видно, что стихотворения Никишина, как редкое исключение, получили некоторое одобрение Толстого. Приводим одно из них:

Смерть крестьянина

Умер. Все кончено. Все улетело —
Жизнь и забота с нуждой.
Вижу на лавке одно только тело
Скошено смертной косой.

Руки скрестивши над грудью надломленной
Тяжкой суровой борьбой,
Вид получился березы, расколанной
В летнюю пору грозой.

Рядом стоит его друг изнуренный,
В слезах неутешных — жена,
Мальчик, как цвет в темноте истомленный.
Горя же чаша полна.

С горем, с нуждой ты родился на свете,
С горем, нуждой и умрешь.
Так, видно, писано в нашем завете:
Отдых в могиле найдешь.

Н. Родионов.

А. П. НОВИКОВУ

1904 г. Апреля 22. Я. П.

Адриан Петрович,

Получил ваше письмо и вашу рукопись. Рукопись в высшей степени интересна и в ней много хорошего: прекрасно описана жизнь в деревенской нужде и потом в глупой барской роскоши. Недостатки следующие: 1) Слишком часто подчеркиваются нелепости барства. Это ослабляет впечатление. 2) Рассуждения в Берлине о рабстве слишком длинны и однообразны. Надо сократить, оставив десятую часть. 3) Рассказ о Казерио ненатурален. Тоже сократить или выпустить. Желательно же было бы прибавить: 1) подробности женитьбы и семейной жизни, 2) очень хорошо бы было описать прием в военную службу и самую службу. В общем же гораздо больше очень хорошего, чем слабого. И вся вещь производит сильное и хорошее впечатление. Советую вам переработать ее и тогда опять дайте мне посмотреть. Вашу мысль, окончив статью, послать экземпляр князю, я не одобряю. Зачем без пользы раздражать.

Любящий вас Л. Толстой.

Печатается по копировальной книге № 6, листы 128—129, хранящейся в Гос. Толстовском музее.

Адресат — Адриан Петрович Новиков (1865—1930), крестьянин села Боровкэва Тульской губ.

Письмо Толстого является ответом на письмо А. П. Новикова от 5 апреля 1904 г., в котором он писал: «Дорогой и добрый Лев Николаевич. Будьте так добры и снисходительны, не найдете ли вы возможным уделить для меня немного времени и просмотреть то, что я написал «О господской и рабской жизни». Это первая часть из моих воспоминаний о ней. А вторую часть этой правдивой истории я начну писать тогда, когда получу от вас ваше мнение о первой части. Если по вашему из этого выйдет хотя что-нибудь толковое и не совсем бессмыслица, то я, написав вторую часть, отдам все это переписать на печатной машине в трех экземплярах. Один из них я дам старой княгине (матери моего хозяина), один своему хозяину, а один оставлю для себя, а подлинники эти я перешлю вам в ваше полное распоряжение».

А. П. Новиков в 1892—1918 гг. служил лакеем у князя Григория Петровича Волконского (род. в 1870 г.), с которым ездил за границу и написал книгу о своей жизни «Правдивая история рабской жизни» или «Записки лакея». Часть книги в очень сокращенном виде была напечатана в «Свободном слове» за 1905 г., № 17, под заглавием «Народ и господа».

«Записками лакея» А. П. Новикова Толстой интересовался все последние годы своей жизни, неоднократно перечитывая их. Отрывки Толстого о них имеются в дневниках самого Толстого, в «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого и в книге В. Ф. Булгакова «Лев Толстой в последний год его жизни».

Упоминаемый в письме Казерио — итальянец — анархист, убивший в 1894 г. президента Французской республики Мари Франсуа Карно (1837—1894). В своих записках Новиков рассказ об убийстве Карно ведет от лица пастуха-итальянца.

Г. Волков.

Е. ОЗЕРОВОЙ

1910 г. Марта 19. Я. П.

19 Марта 10 г.
Ясная Поляна.

Боюсь, что огорчу вас, и очень сожалею об этом. Я не люблю стихов вообще. Трогают меня, думаю, преимущественно как воспоминания молодых впечатлений, некоторые, и то только самые совершенные, стихотворения Пушкина и Тютчева. Ваши же стихи слабы и не советовал бы вам этим заниматься. Говорю то, что думаю. Пожалуйста не имейте на меня за это недоброго чувства.

Печатается по копии, сверенной с черновиком-автографом, написанным на конверте письма Озеровой. Местонахождение подлинника неизвестно. Автограф и копия хранятся в Рукописном отделе Гос. Толстовского музея. Полностью публикуется впервые. Отрывок письма без начала и без конца был опубликован впервые В. Ф. Булгаковым в его дневнике «У Л. Н. Толстого в последний год его жизни», изд. «Т-ва И. Д. Сытина», М. 1911 г., стр. 94. Дата определяется копией и подтверждается пометкой на конверте рукой А. Л. Толстой.

Ел. Озерова, жившая в 1910 г. в Казани, прислала Толстому свои стихотворения в рукописи при письме от 14 марта 1910 г., в письме она просила прочесть и сказать «Нужно ли продолжать начатый путь!.. Ваша идея жить только добрыми и правдивыми отношениями друг к другу, проникнув в мое сердце, нашла как бы отзвук на Ваш зов».

Н. Родионов.

В. И. САВИХИНУ

1904 г. Января 19. Я. П.

Дорогой Василий Иванович.

Очень благодарен за прекрасную медаль Пушкина, но главное же я давно благодарен вам за ваш чудный рассказ Дед Софрон. Рассказ этот много сделал и делает добра своей истинной поэзией и задушевностью.

Что давно не видал вашего?

Желаю вам всего лучшего.

Лев Толстой.

1904. 19 Янв.

Печатается по копировальной книге № 6, лист 38, хранящейся в Государственном Толстовском музее.

Адресат — Василий Иванович Иванов, псевдоним З. Савихин (род. в 1858 г.), рабочий, писатель-беллетрист. Родился в крестьянской семье в дер. Гнездилово, Гдовского уезда, бывш. Петербургской губ. С детских лет ушел в город. Сначала работал на табачной фабрике, затем долгое время в медальерном отделении Монетного двора. Путем самообразования достиг известного развития и в 1880-х годах начал писать рассказы из народной «крестьянской жизни, с нравственной и религиозной основой. Печатался преимущественно в «Русском богатстве» и «Северном вестнике».

Первым рассказом был рассказ, о котором пишет Толстой: «Дед Софрон, или суд людской не божий». Рассказ, написанный в духе народных рассказов Толстого, имел большой успех. В издании «Посредника» он выдержал больше десяти изданий. 1-е изд. — М. 1886.

Письмо Толстого написано в ответ на письмо И. И. Горбунова-Посадова от 13 января 1904 г., в котором он писал: «Наш старейший сотрудник Савихин (Иванов), ...просил меня передать вам прилагаемую медаль в память Пушкина, сработанную под его руководством. Хэтя вас и не интересуют наверно такие вещи, я охотно взялся передать, потому что знаю, что Савихину хотелось чем-нибудь выразить вам ту старинную глубокую любовь к вам, которая живет в нем. Конечно он и в помыслах не имел, что вы что-нибудь напишете ему, но если бы вы захотели написать ему строчку, то вот его адрес... Но не стесняйтесь себя нисколько этим, потому что, повторяю, он и в мыслях не имел этого. Но, с другой стороны, я знаю, что у него бывает много тоски душевной и разуверенности в своих силах и что одна строчка вашего приветия так много значила бы для автора нашего милого старого «Деда Софрона», ставшего одной из любимых народных книг».

Медаль, присланная В. И. Савихиным Толстому — это медаль, выпущенная в память 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина 1799—1899. В настоящее время она находится в Яснополянском музее.

Г. Волков.

Л. САППАКАНУ

1895 г. Августа 26. Я. П.

26 Août, 1895.

Monsieur,

J'ai reçu votre livre et je l'ai lu avec intérêt et plaisir. La nouvelle qui m'a plu le plus n'est pas «Le miracle de soeur Simplice», mais «La Milliardaire».

Tout le livre est bien écrit et je remercie beaucoup l'auteur d'avoir pensé à moi en me l'envoyant.

Recevez, Monsieur, l'assurance de toute ma considération.

Léon Tolstoy.

Перевод

Милостивый государь,

Я получил вашу книгу и прочел ее с интересом и удовольствием. Рассказ, который мне больше всего понравился, это не «Чудо сестры Симплиции», а «Миллиардерша».

Вся книга хорошо написана, и я очень благодарен автору за то, что он вспомнил обо мне и прислал мне ее.

Примите уверение в моем совершенном уважении.

Лев Толстой.

26 августа 1895 г.

Печатается по копии, хранящейся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея.

Французский писатель Л. Сарракан 6 августа (н. ст.) 1895 г. послал Толстому том своих рассказов под заглавием «L'Adoration» вместе с письмом, в котором писал: «Один из них [рассказов], «Чудо сестры Симплиции», казалось мне, соприкасается с кругом ваших постоянных интересов — с миром общественной нравственности. Я буду очень счастлив и сочту для себя за большую честь, если этот рассказ своим общим содержанием или своим исполнением окажется достойным на мгновение остановить на себе ваше внимание».

Н. Гусев.

С. Т. СЕМЕНОВУ

1

1888 г. Января 15—26

Прочел я ваши две статьи Чуж[ое] д[обро] в прок не и[дет]¹ и «Солдатка»². Первое мне понравилось — хорошо составлено. Это лучшее, что вы писали. А солдатка плохо. Задумано хорошо, но это только начало, а конца нет, чтобы описать несчастье и гибель солдатки, надо описать длинный ход падения ее во внутренней жизни. И это очень интересная и важная тема, но вы только взяли за нее, но ничего не сделали. Все это случается очень скоро и неправдоподобно, и само[го] главного нет — того, как супружество заменяется для нее похотью. А я бы хотел, чтобы это было описано верно и страшно и потому поучительно.

Как вы поживаете женившись. Желая вам любви и согласия: в этом все счастье супружеской жизни. — Напишите мне о себе. —

Здесь у нас составилось согласие против пьянства. Я уверен, что вы захотите присоединиться к нам³ и вербовать членов. Дело это очень большое и важное. Хочется написать об этом книжечку. Переводные книги об этом печатаются, я тогда пришлю вам.

Любящий вас Л. Толстой.

Печатается по автографу, хранящемуся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея. Датируется на основании упоминания о рассказе С. Т. Семенова. Об этих же рассказах В. Г. Чертков дает подробный отзыв в своем письме к С. Т. Семенову от 27 января 1888 г., упоминая, как уже известное, письмо Толстого относительно этих рассказов. Судя по словам в приписке Черткова к данному письму Толстого: «Я вам сообщу на этих днях мои соображения по этому поводу», письмо В. Г. Черткова от 27 января 1888 г. написано вскоре после письма Толстого к С. Т. Семенову.

Сергей Терентьевич Семенов (1868—1922) — писатель из крестьян-бедняков дер. Андреевской, Волоколамского у. Московской губ. На литературное поприще выступил с рассказом «Два брата» в 1886 г., который он предварительно прислал на просмотр Толстому. Переделанный и исправленный по указанию Толстого, рассказ этот был напечатан в издании «Посредника». Дальнейшая его литературная деятельность также тесно связана с кружком «Посредника» и Толстым. Последний цензил в Семенове правдивого изобразителя крестьянской жизни, его язык и значительность содержания его рассказов и повестей, и написал предисловие (1894 г.) к его «Крестьянским рассказам».

Помимо художественного творчества Семенов выступал и как публицист. Большинство его статей касалось крестьянского хозяйства и кооперации.

3 декабря 1922 г. Семенов был убит своими соседями: местным богачом Малютиным в сообщничестве с И. Тихомировым. См. И. Белоусов, «С. Т. Семенов (Из воспоминаний об ушедших)» — «Эхо», 1923, № 5; П. Царев, «Самоучка-писатель С. Т. Семенов». Галич. 1927.

¹ Этот рассказ печатался в изд. «Посредник» под заглавием «Не в деньгах счастье, или неразумный отец». М. 1889.

² После этого С. Т. Семенов много работал над этой повестью, и в 1889 г. она была сдана в печать. Однако в «Посреднике» отдельным изданием она появиться не могла по цензурным условиям. Первые напечатана в «Книжках недели» 1889, сентябрь, стр. 1—35 (под заглавием: «Жена без мужа»).

³ С. Т. Семенов вступил в члены согласия против пьянства и значился по спискам под № 136. См. «Согласие против пьянства» — «Известия общества Толстовского музея» 1911, 3—4—5, стр. 9.

В. Мишин.

2

1891 г. Марта 31. Москва.

Письмо ваше¹ очень рад был получить. Повесть² мне понравилась, и очень желаю ее видеть напечатанной. Я послал ее в редакцию Недели. Я думаю, что Гайдебуров³ напишет вам. Если ему не понадобится, я попытаюсь поместить в другом месте и потом в Посреднике. Не отвечаю вам длинным письмом, п[отому] ч[то] очень занят⁴. XIII том в цензуре⁵. Если выйдет, я попрошу вас послать. Дай бог вам жить так, как вам душою хочется.

Любящий вас Л. Т.

[На обороте:]

Волоколамского уезда Московской губернии
деревня Андреевская
Сергею Терентьевичу Семенову.

Печатается по автографу (открытое письмо), хранящемуся в Рукописном отделении Государственного Толстовского музея. Дата определяется записью в Дневнике Толстого от 1 апреля 1891 г.: «Вчера ответил... Семенову».

¹ Письмо Семенова, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

² Семенов прислал Толстому свой новый рассказ «Братья Бузуовы».

³ Павел Александрович Гайдебуров (1841—1893) — журналист, в то время издатель сочувственного Толстому органа «Неделя».

⁴ Толстой работал тогда над обширным сочинением «Царство божие внутри вас».

⁵ Тринадцатый том «Сочинений» Толстого изд. 1890 г. был арестован вследствие помещения в нем «Крейцеровой сонаты». Арест был снят после свидания С. А. Толстой с Александром III в апреле 1891 г.

3

1891 г. Апреля 10—11? Я. П.

Гайдебуров пишет мне, что рассказ¹ совершенно нецензурен, и он возвращает его мне. Я попытаюсь поместить его еще куда-нибудь, но очень боюсь, что ответ будет тот же, т[ак] к[ак] Гайдебур[ов] знает в этом толк, т. е. что можно и чего нельзя. — Не унывайте пожалуйста. Знаю, что вам нужно, но не рассчитывайте на этот заработок. Он самый обманчивый и вредный.

Я попробую послать в Сев[ерный] Вестник, но опять повторю, не ожидаю успеха². — А рассказ хорош, хотя не всем нравится. Помогай вам бог. Пишите мне. Всегда рад вести о вас.

Л. Т.

[На обороте:]

Московской губернии Волоколамского уезда
Деревня Андреевская
Сергею Терентьевичу
Семенову.

Печатается по автографу (открытое письмо), хранящемуся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея. Датируется на основании почтового штемпеля отправления: «почтовый вагон 11 апреля 1891 г.».

¹ «Братья Бузуовы».

² Толстой послал рассказ Семенова сначала в журнал «Русская мысль», затем в «Северный вестник». Рассказ не был напечатан ни в одном из этих журналов и появился лишь в 1898 г. во втором томе «Крестьянских рассказов» Семенова, выпущенных «Посредником».

4

1896 г. Марта 21. Я. П.

21 марта 1896.

Дорогой Сергей Терентьевич, очень жаль мне, что должен сказать вам неприятное о вашей драме¹. Вы мне рас-

сказывали гораздо лучше. Главное, нехорошо главное лицо. Оно не живое, а прописная ходячая проповедь. Это ничего. Не унывайте. Или переделывайте, или пишите сначала. У вас много времени, по вероятиям, впереди. Каждое лицо должно иметь тени, чтобы быть живым, а этого у вас нет. Нехорош и учитель, слишком дурен. Прощайте. Письмо ваше переслано Леониле Фоминичне². Дружески жму вашу руку.

Письмо печатается по копии, хранящейся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея. Местонахождение подлинника неизвестно.

¹ Драма Семенова, о которой идет речь в письме, неизвестна.

² Леонила Фоминична Анненкова (1845—1914) — единомышленница Толстого, курская помещица.

Н. Гусев.

Г. СОКОЛОВУ

1905 г. Января 14. Я. П.

Стихотворение ваше мне очень нравится. Пошлите его по следующему адресу за границу Черткову. Я думаю, что он напечатает его. V. Tchertkoff. Christchurch, Hants. England, *Владимиру Черткову.*

Лев Толстой.

14 Янв. 1905.

Печатается по копировальной книге № 6, лист 281, хранящейся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея.

Адресат — Георгий Соколов, часовой мастер, в 1904 г. жил на ст. Минеральные воды.

Письмо Толстого является ответом на письмо Соколова от 24 декабря 1904 г., в котором он писал:

«Тысячи извинений, дорогой Лев Николаевич. Умоляю вас простите. Я осмелился побеспокоить вас не найдете ли возможным уделить несколько минут для прочтения при сем прилагаемого стихотворения. Я крестьянин и помню освобождение крестьян. Все это происходило на моих глазах и что получилось, вот я, как сумел так изложил в стихах, которые при сем прилагаю. Было бы очень желательно, если бы вы сообразовали мне ответить: одобряете мои мысли или порицаете. Чтобы я мог судить о себе, чему я достоин. Образования я не получил никакого. Я простой часовой мастер и то самоучка, но имею аттестат от московской ремесленной управы в знании часового мастерства. Я был бы очень благодарен, если бы вы сообразовали указать недостатки. Я показывал некоторым студентам: они очень одобряют. Не приходилось показать ни одному литератору».

Приводим стихотворение Соколова целиком.

К юбилеям на 19-е февраля.

Сей день праздник всей России —

Царской милости указ!

Простодушные плебей —

Одурачили всех вас.

Где ж та матушка свобода,
Что дана для крепостных?
С той поры прошло полвека
Что же сделано для них?

Будто б волею монарха,
Снято рабство с крепостных,
Дан всем доступ к просвещенью
Нет препятствий никаких.

Вот крестьянам дали школы —
Это правда, но какие —
Не гимназии конечно,
А церковно приходские.

Где всех учат лишь терпенью
И взирать на небеса,
И внушают гипнотизмом
Чтобы верить в чудеса.

Без вины просить прощенья
У того же, кто неправ,
Быть безмолвным как скотина,
Не искать свободных прав.

Для чего же в этих школах
Так готовят бедняков,
Чтобы был для тунеядцев
Большой выбор батраков.

Ведь безмолвных тунеядцы
Могут смело обирать,
С терпеливых же без шума
Можно шкуру ободрать.

Хитрой выдумкой холопы,
Чтоб забавить простяков,
Изменили им название
Крепостных на батраков.

Раньше мучил их помещик,
На собак людей менял,
Но в своих же интересах
Он их все же опекал.

Без коня мужик не пахарь —
Опекун то понимал,
Если пали лошаденки,
То помещик покупал.

И дровишек было можно
Без гроша приобретать,
Для постройки разрешалось
С лесу барского же брать.

На свободу же пустили,
Как детей в дремучий лес,
До сих пор они блуждают
Влача варварский прогресс.

Пустырями да с преградой
Их помещик наделил,
Чтоб сосед землевладелец
В рабство вновь закабалит.

Вам крестьянушки хозяйство —
Не под силу тяжкий труд,
Пусть землю, лес, уголья
Все помещики берут.

Вы лишь подати платите
И налоги все сполна,
В остальном, уж извините,
Вам свободушка дана.

Вот вся милость и заботы
О крестьянах на Руси,
Все дается лишь дворянам,
А крестьяне не проси.

Как не стыдно вам холопы —
Зло умышленно скрывать,
Льете кровь меньшого брата,
Чтоб его же угнетать.

Точно все вы по природе
Чужды совести, ума,
Что так властвует над вами,
Дико варварская тьма.

Нарядившись, как паяцы,
В панталоны с гадуном,
Вместо шапки броненосец
Перевернутый вверх дном.

Приютились возле трона
Двуязычные льстецы,
Балаганные петрушки
И наглейшие лжецы.

Не смешно ли: два героя,
Геркулес и лилипут,
Бросив пыль в глаза народу,
Чтоб избавиться от смут.

Выход был рассчитан верно,
Но отчасти устарел,
Геркулес парализован,
От простуды заболел.

Сотни тысяч гнать на бойню
Самый ценный молодеж,
Умножать сирот голодных
Это зверство и грабеж.

Не с военного ли поля,
На столах у вас бифштекс,
Не поток ли братской крови,
Пьете с тостом за прогресс.

Время вспомнить и о деле —
Мир не спит, идет вперед,
Стонет в рабстве лишь доселе
Весь трудящийся народ.

Неужели ваша совесть
Так погрязла навсегда,
Вам порою не подскажет,
Устыдитесь, господа.

Юрко Плюгавый».

Положительная оценка Толстым этого стихотворения по всей вероятности вызвана возрастом поэта-самоучки, а главное содержанием стихотворения.

В «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого 29 декабря 1904 г. имеется следующая запись: «Лев Николаевич прочел вслух письмо мужика, который помнит освобождение крестьян, и его поэму-сатиру на освобождение мужиков. — Хорошо написано, недурно, — сказал Лев Николаевич» (Д. П. Маковицкий, «Яснополянские записки», I, изд. «Задруга», М. 1922, стр. 58).

В «Свободном слове» стихотворение напечатано не было.

Г. Волков.

Л. Л. ТОЛСТОМУ

1

1890 г. Ноября 30. Я. П.

Не отвечал тебе тотчас, милый друг, оттого, что ездил в Крапивну, а потом суета сделалась приездом¹ и нездоровьем². Мама немножко нездорова, и Миша³ очень — в роде тифа, и Борель⁴ тоже; да и самому второй день нездоровится, голова болит. Статью⁵ не надо печатать и не надо также писать. Если неприятны бестолковые и ложные суждения, то лучшее средство, чтобы их было как можно меньше, ничего не отвечать, как я всегда и делал и считаю даже нужным делать. Кроме того, отвечать значит идти против принятой мною издавна системы. Теперь повести⁶: я на месте Цертелева⁷ тоже не напечатал бы ее. Главное, два недостатка: герой⁸ неинтересен, несимпатичен, а автор относится к нему с симпатией, а другое — неприятно действует речь студента, и его поучение⁹ ненатурально. — Несимпатичен герой тем, что он барчук, и не видно, во имя чего он старается над собой — как будто только для себя. И оттого и его негодование слабо и не захватывает читателя¹⁰.

У тебя, я думаю, есть то, что называют талант и что очень обыкновенно и не ценно, т. е. способность видеть, замечать и передавать, но до сих пор в этих двух рассказах не видно еще потребности внутренней, душевной

высказаться, или ты не находишь искреннюю, задушевную форму этого высказывания.

В обоих рассказах ты берешься за сверхсильное, сверхвозрастное, за слишком крупное. Я не буду отстаивать своего мнения, я стараюсь только как умею высказать то, что думаю. Попытайся взять менее широкий, видный сюжет и постарайся разработать его в глубину, где бы выразилось больше чувства, простого, детского, юношеского, пережитого. Пишу, чтобы не откладывать, а у меня голова болит. В другой раз яснее бы выразил. Да еще поговорим, живы будем. Целую тебя.

Печатается по копии, хранящейся в Рукописном отделении Государственного Толстовского музея. Адресат письма — третий сын Толстого Лев Львович (р. 1869 г.)

Л. Л. Толстой занимался литературной деятельностью и переводами с английского. Им написан целый ряд рассказов, повестей и драм. Одно время Лев Львович разделял религиозно-философское учение отца, но затем не только отошел от него, но занял враждебную позицию по отношению к нему и выступал против Толстого в печати. В своих воспоминаниях Лев Львович писал: «В 1900 г. я поселился в Петербурге, где писал в местных газетах и журналах. Отец мой с интересом следил за моими литературными дебютами. Я посылал ему мои пьесы, которые он читал и критиковал в своих письмах ко мне. Наши отношения оставались хорошими до того дня, когда я, во время русско-японской войны, написал статью в защиту войны» (Л. Л. Толстой, «Правда о моем отце», Л. 1924).

¹ 26 ноября 1890 г. Толстой поехал в уездный город Крапивну на суд над четырьмя крестьянами Ясной Поляны, которые в пьяном виде убили своего односельчанина жонокрада Гаврила Болхина. Суд состоялся 27 ноября. Перед судом Толстой побывал у подсудимых в тюрьме. Вследствие присутствия Толстого был вынесен более мягкий приговор: трое обвиняемых были приговорены к ссылке на поселение, вместо каторжных работ.

² В копии — «нездоровый».

³ Михаил Львович Толстой (р. 1879 г.) — седьмой сын Толстого.

⁴ М-г Borel — француз, гувернер мальчиков Толстых.

⁵ О какой статье идет речь, неизвестно, так как письмом Л. Л. Толстого, на которое отвечает Лев Николаевич, в архиве Льва Николаевича не сохранилось.

⁶ Толстой имеет в виду две первые повести Льва Львовича: «Любовь» и «Монтекристо».

⁷ Князь Дмитрий Николаевич Цертелев — в то время редактор журнала «Русское обозрение».

⁸ Герой повести «Любовь» — студент Зверев.

⁹ В повести Л. Л. Толстого студент знакомится с проституткой Любовью Ивановной; затем в университете он присутствует на судебном вскрытии ее трупа после ее смерти от алкоголя, и тут же произносит обличительную речь.

¹⁰ В дневнике Толстого под 28 ноября 1890 г. записано: «Читал Левину статью. Нехорошо». Повесть была напечатана под псевдонимом Л. Львов в «Книжках Недели» 1891, март, стр. 107—132.

Н. Гусев.

1904 г. Января 19. Я. П.

За мной письмо, милый Лева, и очень за мной, потому что твое первое письмо было такое хорошее, что следовало сейчас же отвечать на него...

Ты пишешь, что пишешь. В том положении, в котором ты теперь, тебе это и бог велел, да и в хороших ты для этого условиях. Желаю, очень желаю тебе успеха не только внешнего, но внутреннего, сознания, что твоя работа полезна. Драму, пишешь, трудно очень написать такую драму, которая в наше время была бы то же, что были драмы Софокла, Эврипида для греков. А это-то и надо... Я пишу и Фальшивый купон, если помнишь, я давно начал, и дополнение о религии и распространяю Мысли мудрых людей. Хочу сделать из них Круг Чтения на каждый день. Прощай, милый Лева, целую тебя, Дору и детей.

Л. Т.

19 Янв. 1904.

Печатается не полностью (выпускаем семейную часть письма) по автографу, хранящемуся в Институте Русской Литературы Академии Наук СССР.

В 1904 году Лев Львович Толстой, вследствие болезни его жены Доры Федоровны — у нее был острый бронхит и нефрит, болезнь почек — жил с нею сначала в Крыму, а затем в Египте, в Хелуане, в Hotel Pension «Antonio».

Письмо Толстого является ответом на письмо Льва Львовича от 31 декабря 1903 г., в котором он писал: «...Здесь тяжело то, что дорого, роскошно. Приходится быть праздным. Легко то, что все на солнце и на воздухе. Нравится мне жизнь народа и самый народ и завидую ему в том, что ему так просто, свободно и хорошо, не смотря на бедность. Люди сидят и греются на солнце, болтают, смеются, молятся, работают — все под открытым небом. Там, где мороз и снег, это немисливо. Здесь люди, с которыми я встречаюсь, хотя и грамотны, многие не слыхали о тебе и ничего не читали. Это в первый раз случается со мной и показывает, как трудно и как много времени нужно для распространения истины семян...»

Какую драму писал Лев Львович, живя в Египте, — неизвестно.

Интересно мнение Толстого, какая нужна была драма в эпоху 1905 г. Это драма на злобу дня, действенная, живая, влияющая на жизнь. Для этого драма не только должна быть современной по содержанию, но и абсолютно совершенной по форме.

Г. Волков.

И. Б. ФАЙНЕРМАНУ

1

1895 г. Ноября 18—19? Я. П.

Иван Михайлович¹ переслал мне вашу рукопись². Я нынче еду в Москву и, чтобы не завозить ее туда, отправляю ее вам. Напишу подробно после. Продолжать стоит, если есть влечение. Для того, чтобы имело силу, надо переделывать,

в особенности сокращать, просевать и избегать желания сказать все. Слишком много несогласованного между собой содержания нарушает впечатление.—

Любящий вас Л. Т.

Письмо датируется на основании слов: «Я нынче еду в Москву». Толстой в 1895 году приехал в Москву из Ясной Поляны 19 ноября. День отъезда его в точности неизвестен, поэтому датируем предположительно двумя числами — 18 и 19 ноября.

Адресат письма — Исаак Борисович Файнерман (1864—1925) — в 1880—1890-х гг. близкий к Толстому по взглядам, впоследствии напечатавший под псевдонимом Тенером ряд воспоминаний о Толстом весьма сомнительной точности. Оба письма к Файнерману печатаются по копиям, хранящимся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея.

¹ Иван Михайлович Трегубов (1858—1931) — друг Толстого, близкий ему по взглядам.

² Трегубов переслал Толстому рукопись рассказа Файнермана «Суд».

2

1895 г. Ноября 18—19? Я. П.

Сейчас вновь перечел ваш рассказ и очень внимательно. Вся его первая часть совершенно невозможна. Все это так неестественно, преувеличено и выдуманно, что ни одна редакция, по моему мнению, не решится его напечатать. Судья, берущий взятки чаем и виноградом, кот[орый] он с жадностью поедает с своей женой, становой с тесаком на боку, признания станового и судьи друг другу в взятках, давние купцами 10 т[ысяч] судье для того, чтобы не платить по векселям, и т. п. неверные, очевидно в одном умышленно мрачном свете выставляемые и выдуманные события и подробности делают всю эту часть невозможной. Такая же выдуманность и преувеличенность, подрывающая доверие читателя, есть и в допросе станового. Хороши только описания заседания у судьи и в особенности мирового съезда. Эта картина очень хороша, но пока до нее дойдет читатель, он потеряет уже все доверие к описываемому. — В таком виде посылать рассказ ни в Вестник Европы, ни в какую другую редакцию невозможно, и потому возвращаю вам его.

Знаю, что это письмо мое будет вам очень не только неприятно, но и тяжело, но что же мне было делать? Лучше сказать правду. У вас есть способность писать, но нет строгого критического отношения к себе и потому терпения перерабатывать. Пожалуйста же не сердитесь на меня и верьте искреннему расположению к вам и желанию вам истинного блага. Как и во всех делах, «тише едешь, дальше будешь». Гораздо выгоднее, даже в материальном отношении, — если вы уже непременно хотите зарабатывать хлеб

этой опасной для души литературной работой, — подвергнуть свою работу самой строгой своей критике, не скучая этим, переделать ее 10, 20, 30 раз, откинуть все лишнее очистить до конца и тогда только отдать ее в печать. Тогда устанавливается репутация, и можно добывать и этим опасным путем средства жизни, и гораздо легче, чем писать кое-как и много. Придумать, как исправить этот рассказ, вы должны сами, но мне казалось бы, что надо вот как сделать: начать прямо с вымазанных ворот и вкратце рассказать, кто и зачем их вымазал, и потом допрос, суд у судьи и в съезде. Центр тяжести и смысл рассказа в самоуверенном, жестоком пренебрежении развратных и праздных господ к трудящемуся и смиренному народу и фарисейство мнимой справедливости на суде. И это хорошо выставляется в последних главах. Их надо еще подчистить, усилить, а остальное рассказать только настолько, насколько нужно для понимания суда. Так бы я сделал.

Ну прощайте, так не сердитесь. Желаю вам не литературного успеха, а того состояния, при кот[ором] можно быть равнодушным к нему.

Любящий вас Л. Толстой.

Публикуемое письмо является непосредственным продолжением предыдущего; возможно, что оно написано в тот же день. Речь идет в нем о том же рассказе Файнермана «Суд». Рассказ напечатан не был.

Н. Гусев.

Л. И. ФИЛИППОВОЙ

1904 г. Июня 10. Я. П.

Милостивая государыня
Марья Николаевна.

Я прочел роман вашего покойного мужа «Осажденный Севастополь» и был поражен богатством исторических подробностей.

Человек, прочитавший этот роман, получит совершенно ясное и полное представление не только о Севастопольской осаде, но о всей войне и причине ее. И с этой стороны его вполне можно рекомендовать издателям. Я же не могу взять на себя рекомендовать его, так как воинственный и патриотический дух, которым проникнут роман, находится в полном противоречии с моими много раз выраженными взглядами.

В книге, которую вы мне передали, не достает в IV части одного листа от стр. 128 до стр. 145. Книга была у меня, я один читал ее; листы в этом месте были не разрезаны, и я получил ее с недостающим 9-м листом 4 тома.

Книгу возвращаю и очень сожалею, что не могу исполнить
вашего желания.

С совершенным уважением готовый к услугам

Лев Толстой.

10 Июня.

Печатается по копировальной книге № 6, лист 182, хранящейся в
Рукописном отделении Гос. Толстовского музея.

Адресат — Любовь Ивановна Филиппова, жена писателя М. А.
Филиппова. Жила в Петербурге. Толстой в своем ответе ошибочно
написал ее имя и отчество.

По всей вероятности через общих знакомых Филиппова обратилась к Толстому, как к знаменитому писателю и бывшему севастопольцу, с просьбой рекомендовать издательствам роман своего мужа «Осажденный Севастополь».

Михаил Авраамович Филиппов (1828—1886), юрист, публицист и беллетрист. Автор ряда беллетристических произведений и исторических романов: романа «Скорбящие», изъятого из обращения в начале 1870-х гг., романа «Рассвет», Спб. 1873, романа «Патриарх Никон» 2 т., Спб. 1889, «Под небом Украины» Спб. 1887. «Исторических повестей» Спб., 1898 и др. В 1882—1883 гг. издавал журнал «Век».

Часть романа «Осажденный Севастополь» появилась в свет в 1889 г. Филиппова просила отзыва Толстого вероятно о последних томах романа. Были ли они напечатаны — неизвестно.

Осада Севастополя длилась одиннадцать с половиною месяцев, с 13 сентября 1854 г. по 27 августа 1855 г., когда русские войска оставили Севастополь. Толстой принимал участие в обороне Севастополя в качестве артиллерийского офицера.

Г. Волков.

ПИСЬМА В. В. СТАСОВА К Т. Л. и С. А. ТОЛСТЫМ

Переписка Л. Н. Толстого с В. В. Стасовым опубликована полностью в книге: «Лев Толстой и В. З. Стасов. Переписка. 1878—1906». Редакция и примечания В. Д. Комаровой и Б. Л. Модзалевского. Изд. «Прибой», Л. 1929.

Эти ценные материалы дополняются как в отношении содержания, так и хронологически письмами Стасова к членам семьи Толстых. В Рукописном отделении Толстовского музея хранятся письма Стасова к С. А. Толстой (тридцать два письма за 1886—1906 гг.) и к Т. Л. Толстой в замужестве Сухотиной (девять писем за 1895—1898 гг.). Печатаются наиболее важные, имеющие общий интерес — четыре письма к Т. Л. Толстой и одно (последнее) к С. А. Толстой.

Из архива Т. Л. Толстой печатается также письмо Ромэна Роллана к ней, написанное уже после смерти Толстого.

1

СПБ. Императорск.
Публ. Библиотека.

Графиня Татьяна Львовна, я получил несколько дней тому назад от Вашего брата графа Сергея Львовича Ваше письмо от 9 марта и при нем копии с писем Вашего батюшки к Н. Н. Ге¹. Но я до сих пор не мог отвечать Вам, потому что все это время меня опять одолела прежняя моя болезнь начала 90-х годов: как говорят доктора, *переутомление мозга* и связанная с нею локальная болезнь уха. Все это пресквернейшее дело, потому что ужаснейшие кружения головы и страшное сжимание мозга, в соединении с рвотой, желчью и слабостью всего тела делают человека ничуть не лучше самой последней тряпки². Мне еще Серг. Петрович Боткин³ говаривал бывало, чтоб я убавил пару со своими работами, но это хорошо говорить тому, кому только 40 и 50 лет, а не тому, кому уже их целых 71, а надо и хочется сделать то-то и то-то. Итак, я немножко опоздал поблагодарить Вас искренне за присылку мне разрешения нашего *Льва-Великого* на употребление некоторых выписок из его чудесных, часто удивительных писем к Н. Н. Ге в моей биографии Ге. Я бесконечно горжусь тем, что Ваш отец захотел доверить мне их и позволил

пользоваться. Конечно, во всей биографии это будут самые бриллиантовые точки⁴. Жаль только, что я не могу делать этих выписок иначе, как с величайшею осторожностью и бережностью. Интересного и важного тут повсюду рассыпаны не пригоршни, а целые горы, и я бог знает, как хотел бы переполнить последние главы этими драгоценными камнями — да вот нельзя! И ответственность теперь моя становится самая большая (я сам себе невольно представляюсь чем-то в роде мальчика или девочки в пансионе, которому поручают класс, и этот мальчик или девочка уже и ног под собою не слышит, и напустил себе на лицо важный вид и серьезность, и поглядывает кругом уже совсем иначе и распоряжается так солидно, так превосходно — просто прелесть). Вот это все *раз*; а потом — большинство чудных мыслей и подробностей принадлежат не в биографию Ге, а в биографию самого Вашего отца. К числу поразительно верных характеристик, очеркнутых всего в трех словах, но значительных и сильных, словно Самсонова палица какая-нибудь, я бы указал, например, хоть на такие слова, как написанные 21 июля 1891 года: «*Репин — хорошая художественная натура, но совсем сырая, нетронутая, и едва ли он когда проснется...*» Ведь кто это мог отгадать столько лет тому назад?! По своей талантливости, мало ли чем он мог прежде казаться; но вот только теперь, когда ему стукнуло 50 лет, мы все наконец и увидали и уразумели, какой он *ренегат* по сущности своей природы и как ему ничего не надо именно из того, что всего важнее в искусстве! Ему нынче уже одно только и осталось дорогим, интересным и любезным: *виртуозность внешней формы*. Все остальное — *содержание* прежде всего — да хоть бы его отроду и на свете-то не бывало! — так думает нынче Репин. Какой ужас! Какое падение!⁵ Но вот мы этого проливного дождя, этой безобразной непогоды никогда и не воображали прежде, — в наши глаза только солнце яркое сияло. Да, *мы* — обыкновенный народ, люд близорукий. Но есть еще какие-то птицы небесные, какие-то существа природы, совсем еще к ней близкие, совсем с нею переплетенные, которые не одно солнце видят, но и все, что кругом него летит, несется и движется, которых никакой свет не обманет, никакие лучи красоты, и за 100 верст вперед слышат начинающую клубиться непогоду и черные пары! Вот-то благодатное зрение, вот-то благодатная способность понимания!.. К сожалению, ни *этих* слов Вашего отца, ни множества других я не буду приводить. Нельзя. Но уже Герцена никак не пропущу. Слова о нем слишком великолепны и пронзительны⁶.

Мы тут все, вся Россия, а пожалуй и вся Европа объедаемся теперь до обжорства, до положения риз новой кни-

гой Вашего отца: «Хозяин и работник»⁷. И я никому не уступлю в восхищении и восторге. Какая скульптура! Кроме нас, ни у кого в целом свете нигде больше такой нет. А все-таки для меня остаются выше всего, выше всего из написанного им в целую жизнь: «Власть тьмы», «Смерть Ивана Ильича», «Царство божие» и «Патриотизм»⁸. То уже — Геркулесовы столбы создания!

Ваш В. Стасов.

Р. С. Но вот что я еще забыл у Вас попросить, Татьяна Львовна: спросите пожалуйста у Льва Николаевича, кому передать присланную мне от него уже $\frac{1}{2}$ года тому назад по нечаянности книгу *Штрауса о Лао-Цзы*⁹ и т. д.?

¹ Вскоре после смерти художника Н. Н. Ге (2 июня 1894 г.) Стасов начал собирать материалы для его биографии и тогда же обратился к Толстому с просьбой предоставить в его распоряжение переписку семьи Толстых с Ге, на что получил согласие. Почти во всех письмах Стасова к Толстому в 1894 г. говорится о значении Ге как художника, об его эпистолярном наследстве. В одном Стасов сообщил: «Материалы для Ге мало-по-малу стекаются, и, кажется, у меня будет самое важное и значительное. Но, кажется мне тоже, ничего нет важнее и колоритнее и характернее того, что я от вас и ваших двух дочерей получил» (11 августа 1894 г.). Копии с полученных писем он отправил в Ясную Поляну с просьбой о разрешении привести в биографии отмеченные цитаты. Комментируемое письмо — ответ на это разрешение.

² Стасов с большой тревогой относился к болезням старости. В ряде писем он полемизировал с Толстым, уговаривавшим его спокойно встретить смерть. См., например, в т. 72 «Полного собрания сочинений» Толстого письмо № 336.

³ Сергей Петрович Боткин (1832—1889) — известный клиницист.

⁴ Стасов писал Толстому об его письмах к Ге: «Я думаю, что во весь ваш век вы не писали кому бы то ни было писем более важных, более громадно-содержательных, более из глубины души и жизни, в минуты вашего самого высокого творчества» (13 сентября 1894 г.).

⁵ В этот период был разгар вражды между Репиным и Стасовым. Началась она в 1892 г., после примирения Репина с Академией художеств, обострилась в 1893 г., после статьи о К. Брюллове, в которой, восторгаясь его произведениями, Репин отстаивал значение формы в искусстве, признавая и ценность искусства для искусства. Личные отношения старых друзей прервались. При всяком предлоге Стасов резко нападал на Репина (о нем он писал Толстому в письме от 9 декабря 1894 г.). Примирение произошло в 1899 году. См. Влад. Каренин, «Владимир Стасов», ч. II, Л. 1927, стр. 553 и сл.; Игорь Грабар, «Репин», М. 1933, стр. 200 и сл.; т. 72 «Полного собрания сочинений» Толстого, стр. 184.

⁶ О Герцене Толстой писал Ге в письме от 13 февраля 1888 года. Это место Стасов поместил в своей работе, в главе «Общение с Львом Толстым». Вся переписка Ге с Толстым опубликована в книге «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге». Переписка. Изд. «Academia», 1930 (указанное письмо на стр. 109).

⁷ «Хозяин и работник» был напечатан в журнале «Северный вестник» 1895, № 3.

⁸ «Христианство и патриотизм».

⁹ Об этой книге в нескольких письмах писал Стасов тогда и Толстому.

СПБ. Императ.
Публ. Б-ка.
28 марта 95.

Графиня Татьяна Львовна,

Я получил обе Ваши посылки: копии с писем Н. Н. Ге к И. М. Якубовскому¹ и П. И. Бирюкову и письма его же к Вам, к вашей сестрице, к Вашему отцу, к В. Г. Черткову. Премного за все это Вам благодарен, и, конечно, *многим* отсюда должен попользоваться, особливо из писем к Якубовскому и к Льву Николаевичу, и еще немного.

Что же касается до *Репина*, то у меня не могло и в голове быть печатать что-нибудь из того, что ему может быть неприятно, а тем паче — вредно. Боже меня сохрани! У меня бы никогда и рука не поднялась на что-либо подобное. И даже скажу, мне это *просто невозможно* теперь: мы разошлись, ходим и ездим по совершенно разным рельсам, и печатать против человека, в настоящую минуту как-будто неприязненного — ах, как это было бы некрасиво с моей стороны! Словно обрадовался, и вот дескать ему теперь можно задать порядо-ного тумака, пусть отведает — фи-фи-фи, ни за что!

Вы сказали про мой портрет; это для меня будет большая честь и радость, если он у Вас будет стоять на столе или висеть на[д] стол[ом]. Сочувствие молодого поколения восхищает бог знает как! Но мне надо посмотреть и порыться, может быть, еще остался один из изрядных портретов, тех, что я любил и что хвалили все художники — говорили, по освещению мол что-то á la Rembrandt!² И, кажется мне, такой один еще у меня где-то есть в библиотеке. Посмотрю и пошарю там хорошенько, и сам еще не знаю, точно ли есть. А если нет, то уж Вы меня извините и подождите немножко. Надо будет сделать новый. А это у меня всегда такой редкий казус.

Теперь мне надо сказать Вам, Татьяна Львовна, целых две вещи: *первая* та, что мне было необыкновенно важно и приятно услышать от Вас, что мои статьи о Н. Н. Ге Вам и Вашим сколько-нибудь понравились³. Я ведь совсем убежден был, что они слишком не удались, и потому, оставшись ими ужасно недоволен, Лев Николаевич и перестал совсем писать мне. Если это не так, то и чудесно и великолепно, — чего мне еще желать? *Вторая* же вещь та, что Вы мне с Вашей сестрой Марьей Львовной давно уже сильно нравитесь, хотя и издали, хотя мы никогда и не видимся. Ведь я Вас обеих видел совсем еще детьми, совсем еще девочками. Уж Вы меня извините с моими глупостями, но я Вам прямо так-таки и скажу, что Вы мне обе бог знает как нравитесь, потому что напоминаете мне старинное мое отношение к

моему собственному отцу. Я с самых молодых лет, еще мальчиком, был словно влюблен и боготворил его так, как потом уже никогда больше никого и ничего не любил и не боготворил. Меня вечно звали его *адъютантом*, и это была только одна сотая правды, потому что я ему не то что служил, а с утра до вечера только о нем и думал, даже покуда был в Правоведении, и оттуда даже *переписывался* с ним, а когда был дома, то у меня не было никакой другой большой работы, ни дела важнее того, чтобы с ним быть, его слушать, с ним говорить, что-то делать для него, подавать ему его халат, надевать ему спальные сапоги, читать ему по вечерам по 5 и по 6 часов сряду, писать за него разные деловые записки и дела — что, разве это не то самое, что у Вас идет с вашим отцом и что наполняет всю Вашу жизнь? Знаете, что я Вам еще скажу, чтоб слишком долго не надоедать Вам. Когда мне было 20 и 30 лет, я много раз бывал влюблен и сумасшествовал, как все, как надо и как иначе не бывает. Но давно все это прошло, побледнело и улетело, остались одни воспоминанья, в роде полинялых цветных бумажек — но то чувство осталось все то же, и ему износу никогда не было и не будет. Оно крепко, как кремь, и из него до сих пор еще вылетают все прежние искры, точно мне не 71 год, а всего 20 или 25. Верно, и с Вами обеими так будет. Мы все горим в одной и той же болезни.

Ваш В. Стасов.

¹ Вероятно не И. М., а Юрий Осипович Якубовский (1857—1929) — единомышленник Толстого, знакомый Ге.

² Рембрандт (1606—1669) — величайший голландский живописец.

³ Написанные на основе собранных материалов свои статьи о Ге Стасов публиковал в «Северном вестнике», 1895, №№ 1—3, в «Неделе» и затем издал отдельной книгой под заглавием «Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка». Составил В. В. Стасов. Изд. «Посредник», М. 1904.

СПБ. Публ. Б-ка.
11 апр. 98.

Графиня Татьяна Львовна,

Я исполнил тотчас же Ваше приказание и немедленно по получении Вашего письма к А. В. *Верецагину*¹ переслал его в Лугу — полагаю, что он уже Вам отвечал. Что именно отвечал, — не знаю, но думаю, что он еще не был у военного министра, потому что иначе непременно по приезде в Петербург побывал бы и у меня, как он обыкновенно это делает.

Я Вам до сих пор не писал после получения столько радостной для меня посылки Вашей — всех черновых бу-

маг, относящихся до последнего творения Льва Николаевича «Что такое искусство?»², но это произошло у меня вопреки всем моим привычкам и вопреки доставленной Вами мне радости (а радость, как Вы хорошо знаете, *развязывает*, а не *связывает* язык!) — произошло оттого, что я все рылся и копался в этих новых тысячах драгоценных листов и листовков; отыскивал, что там есть (быть может!) еще для меня *нового, неизвестного*, не вошедшего в «печатную статью» — за которую я Вам тоже столько обязан и глубоко благодарен! Рылся и копался, а все-таки мало еще дорылся и докопался, — легкое ли это дело проглядеть и проэкзамени[вать] и посравнить с печатным такую громадную массу! А поэтому и прибегаю к Вашему великому милосердию и прошу Вас усердно: не можете ли Вы мне прямо отметить, указать, в каких именно местах произошли *цензурные выпуски*; авось, это у Вас где-нибудь отмечено! Этак мне в 100 раз легче и скорее будет отыскать дорогие золотые зернышки!

Так вот-с, государыня моя, вот это все было *одною* причиною моего продолжительного молчания. А вторая причина была та, что на меня эти последние недели напало нечто в роде какой-то болести или нездоровья, что-то такое *не по себе*, в чем я себе не могу даже дать порядочного отчета. Не хотел ничего делать, ни писать, ни предпринимать. Хоть палкой себя поколотил, да и только! Нездоровится, не может — и ни к чему не чувствуешь себя способным. И это недомогание было даже в такой степени сильно, что я не попал на концерт *Беляева*³, где играли симфонию С. И. Танеева (которого так люблю и уважаю). Пospел я только услышать ее на *релетиции*; а потом и засел дома. Что это такое? Простуда случайная, какая-то маленькая немочь, или, напротив, просто-на-просто надвигание грозной старости (вовсе не случайной!), и немочь *вовсе не маленькая*? Бог их знает, не разберешь, только так или сяк, а я вот не писал и не делал все это время, — вот-те и все тут. В том числе не писал и Вам, не благодарил и низко не кланялся за все Ваши великие и богатые милости. Но вот делаю в настоящую минуту и то и другое, и только молю Вас: возьмите да напишите мне поскорее, если возможно, то, о чем выше Вам рассказываю. А я есмь и пребываю

Ваш всегда В. Стасов.

¹ Александр Васильевич Верещагин (1850—1909) — писатель, брат живописца. Стасов ценил его талант.

² Черновики «Что такое искусство?» до настоящего времени хранятся в Рукописном отделении Гос. публичной библиотеки. Они изучаются теперь для издания трактата в юбилейном издании «Полного собрания сочинений» Толстого (будет напечатано много вариантов).

³ Митрофан Петрович Беляев (1836—1904) — лесопромышленник, меценат, основатель русских симфонических концертов.

СПБ. 11 февр. 98.

Милейшая Львовна (пишу на восточный манер, например [ер], Эль-Мансур, Абдель-Кадер и т. п.), как это хорошо, когда кто держит обещание свое! Вот Вы мне прислали 1-й § великого сочинения одного великого человека¹ — и я Вам аплодирую из всех ладоней своих, словно Вы *Патти*², или *Леньяни*³, или, наконец, хотя бы наша любезная *Климентова*⁴, в желтом бальном платье прохаживающаяся по Вашей зале, вверху, небрежно поддерживая одной рукой свой длинный хвост и с великою храбростью распевающая французский романс! Аплодирую из всех своих ладоней, так [как] и Вы тоже вывели высокую и трудную нотку, сделали трудное *pas d'élévation*⁵ или простояли целых 1½ минуты на самых что ни есть цыпочках, *le pied bien cambré!*⁶ Желаю Вам и впредь одерживать такие победы над горлом и ногой! Но вместе еще более того желаю Вашей матушке, ко мне конечно всегда милостивой и оттого мне всегда крепко дорогой, но еще не исполнившей тоже одного очень трудного *па*: это прислать нам в Библиотеку оригинал той же самой *великой статьи*, на которую уже и теперь растворили свои рты и жадно нюхают воздух все 50 000 рукописей нашей Публичной Библиотеки. Я даже недавно слышал в «рукописной нашей зале» слабое шуршанье и тонкое перекликанье достопочтенных пергаментов, давно пожелтевших и сморщившихся, словно старые лимоны. Я напряг уши, и мне удалось услышать тайные разговоры и мечты почтенных старушек, французских, немецких, английских, итальянских, латинских, греческих, персидских, арабских, индийских, самаркандских и кокандских. Они секретно поталкивали друг дружку старыми своими боками и потихоньку урчали — словно «говор струй»: «Ах, кто к нам скоро придет, кто придет!! Какая красавица, какая чудная прелесть! Великого Льва новая дочка—*Что такое искусство!!* Никогда такой русской красоты еще не видано и не слышано. Мы все вместе — к черту, ко дну теперь пойдем! Ну, да нечего делать. *Faisons bonne mine à mauvais jeu!*⁷ Смиримся, покоримся! Нечего делать, расступимся, дадим самое первое место этой умнице и красавице! Вот какие тяжкие времена пришли: *русская*, а всех перешибла!!!»

Пожалуйста, милейшая Львовна, ради всех святых и их небес, доложите пожалуйста Вашей матушке все, что я вот тут слышал у старушек. Авань, эти интересные шуршанья, это милое бескорыстие почтенных разношерстных дам найдут себе *милость* в глазах у Софьи Андреевны, и как только чудная *Черनावушка* освободится из типографских тисков и

объятий, — Ваша матушка пошлет ее к нам в гости на житье, на веки веков. Аминь!

Ваш всегда В. С.

¹ Стасов получил оттиск из «Вопросов философии и психологии», №№ 40 и 41, где впервые напечатан трактат Толстого «Что такое искусство?». Стасов восторженно принял это произведение. Он писал Толстому: «Я только сию секунду прочитал вашу историю про «искусство» и придавлен от пяток до макушки. Этого еще никто не писал, хотя иные уже пожалуй и думали». „Искусство — общение людей, заражение своим“. Выше и глубже не выдумаете и не создадите ничего. «Конечно, на этих страницах есть местечки мне неприятные, чуждые, несочувственные... Но это только исключенья, и их авось не много. Но общее, все вместе — это какая-то громада, водопад Иматра, несущийся с невообразимой высоты между каменных, холодных, непреклонных стен и наполняющий все пространства внизу и вокруг гремящим и клокочущим звуком и красотой уносящей. Я считаю, что эти немногие страницы — последние слова и речь кончающегося XIX века. Какой это век, который способен кончаться таким величием и такую неслыханною правдою, оставшеюся неизвестною в продолжение столетий, тысячелетий. Да, да, вот на чем кончат XIX столетие. Великое столетие! Для меня несомненно, что от этих слов и страниц должен начаться новый поворот всего искусства» (письма от 29 декабря 1897 г., 6 января и 11 апреля 1898 г.).

² Аделина Патти (р. 1843 г.) — знаменитая певица.

³ Пьерина Ленъяни — балерина Мариинского театра.

⁴ Мария Николаевна Климентова-Муромцева (р. 1856 г.) — известная певица, артистка московского Большого театра.

⁵ Балетный термин.

⁶ Балетный термин.

⁷ Делаем хорошую мину при плохой игре!

5

СПБ. 14 сент. 1906.

Графиня Софья Андреевна, я услышал, наконец, что Вам лучше. Как я обрадовался! Мне кажется, моя радость и восхищение были в сто раз сильнее, чем у многих других. И знаете почему? — потому что, по нечаянности, я как раз во время Вашей болезни читал книгу Бирюкова¹, сначала по-французски (она раньше пришла в Петербург), а потом и по-русски. Вы такую огромную роль играете там, что я и помимо всякой болезни непременно писал бы Вам про впечатление, произведенное Вами на меня, а тут еще болезнь², страх, воображение, что больше Вас не увидишь, не скажешь уже никогда, что было в голове у меня от Ваших писем, Дневника³, рассказов, — как это меня пугало, как это меня мучило. По счастью, все это теперь прошло. А знаете, которое было одно из самых сильных впечатлений? Это Ваш портрет — незадолго до свадьбы. Как он мне был приятен, как Вы мне тут нравитесь! Я видел у Вас несколько Ваших портретов, совсем молодых, в миниатюрах, в красках

(кажется, все в овалах, по привычке миниатюристов — ведь они тоже все шагают в одну и ту же ступеньку, как лошади, идущие обозом), и в этих казенных овалах мне мало что понравилось — не могу только вспомнить, был ли там тоже и этот овал! Но был или не был, а он мне сильно понравился теперь, потому что перенес меня разом в 60-е годы, которые мне так близки и так дороги, точно вчера были, и я среди них двигался и дышал еще довольно молодою и сильною жизнью. Знаете, даже одна Ваша прическа тут, как тогда носили, косичкой под ухо, переносила меня словно крылом каким-то в старые знакомые, дорогие времена. И я себе невольно, не думая и не делая никакого малейшего усилия памяти, перелетал в начало 60-х годов, в лето и осень 62 года, когда я провел много времени, недель, на громадной всемирной выставке в Лондоне — это было одно из громаднейших и глубочайших событий моих — и выставка была такая, что меня, петербуржца, ошеломяла, даром что я незадолго перед тем прожил в Италии, во Флоренции и Риме, почти 5 целых лет⁴, — и выставка эта была для меня поразительный феномен, да и половину времени в Лондоне проводил у Герцена, всякий день у него, то целый день, то вечер до поздней ночи; такое время, которого никогда не высокоблишь из самых горячих своих воспоминаний. Ах, какой это был человек, несравненный и невообразимый, — если даже оставить на секунду в стороне воспоминание о его гениальности, — чарующий и привлекающий, как сон какой-то блаженный. И вот теперь мне представляется, как в эти самые месяцы и дни, далеко от моего тогдашнего Лондона, в России, в Ясной Поляне, происходила и кипела другая жизнь — с другим великим человеком, жизнь страсти и увлечения, — вступление в новую жизнь. У Герцена все давно уже было кончено с брачной жизнью, он был одинок и несчастен, семейство его не удовлетворяло⁵... И с такими детьми Герцен, бедный Герцен, измученный и страдавший, должен был проводить много-много лет в одной берлоге, в одном воздухе. Но, как подумаешь, у него было раньше них еще одно горе, в сто раз хуже. Это — его Наталья Александровна⁶, его жена во Владимире и Москве. Какие мученья могут сравниться с его тогдашними, после первых годов чада, непостижимого уже теперь упоения, непонятной теперь уже совершенно страсти, Фаты Морганы. Ведь это была несчастная, слабая, совершенно ничтожная женщина, плаксивая, вечно ноющая, вечно кого-то боящаяся, поминутно испуганная, поминутно готовая броситься на колена, кланяться в землю, вымаливать. Какое кислое лицо должен был выносить Герцен, уходя от ее образцов и распятий, от ее сожалений, упреков, выговоров — всего, что так безобразит миллисны женщин. Хоть бы по

крайней мере была эта жалкая Наталья Александр[овна] красива немножко, все-таки было бы лучше! Но даже и того не было. Какая она была Герцену товарищ, друг, помощница, радость, счастье и жизнь?! Я просто не в состоянии читать ее письма. Меня решительно мутит и тошнит. Но как вспомнишь, какими и другими людьми был окружен в молодости и в средних годах Герцен — это просто ужасно! Этот Энгельсон ^{7...}⁸ что это были за люди! И Герцен, любя их и проведя юношеские годы среди них, мог веровать в них, мог что-то находить в них! Непостижимо. Какова иногда участь великих людей у себя — дома! Из русских около Герцена был тогда всего один русский, на что-нибудь похожий: Бакунин ⁹. Это была натура сильная, могучая, можно сказать — иной раз колоссальная, с глубокой и сильной мыслью, но беспорядочный и безумный, словно сумасшедший. Он сам не понимал, что говорит и что делает, что у него хорошо и что прескверно и отвратительно. Он стоит передо мною вот и теперь, через 40 лет с лишком. И я скажу: кто хочет увидеть его во всей его величине и малости, во всей его притягательной и отталкивающей силе — должен только прочесть Герцена рассказ. Это портрет, превосходящий жизнью, красками и дышащий правдой — все портреты Рубенса ¹⁰, Вандика ¹¹ и Тициана ¹². Ах, что это был за человек — Герцен! Должно быть я никогда не сподоблюсь того блаженства, чтобы взять да написать то время, что я провел в 62-м году около него. А как бы хотелось, как бы для меня самого надо было! Да, но это дело слишком страшное. Тотчас свихнешь себе шею и полетишь ко всем чертям, вниз куда-то.

Но я, как вероятно случается иногда с каждым, кто пишет письмо и вспоминает про старые, прожитые времена, — я ушел совсем в другую сторону от того, про что хотел было с Вами поговорить, дорогая Софья Андреевна. Мне хотелось только сказать, какое чудное впечатление сделали Вы в новой книге Бирюкова и как я Вас там видел, живую, деятельную, действующую, привлекающую, необходимую для многих, всего более для несравненного самого Льва Великого. Мне кажется, вынь Вас из его биографии, — все было бы другое. Но что для меня ужасно, это мое нынешнее убеждение, которого ничто не может ни опровергнуть, ни изменить — это что ни Льва, ни Вас я больше никогда уже не увижу. Ухабы вне дома, мостовые на дорогах и улицах, лестницы в 6 и 7 этажей в домах — это все уже мои неподобные враги, и с ними не справишься. Сколько раз я собирался, вместе с Элиасиком Гинцбургом ¹³ взять да махнуть к Вам в Ясную. Да, близок локоть, да его не укусишь, а вот это-то и скверно, вот это-то и ужасно. Только остаются воспоминания: в Москве — как я Вас в доме ждал, и Вы

вдруг приехали с какого-то базара, в черной шубке, и как была поражена Александра Львовна, когда я ее руку поцеловал; в Ясной — как я слушал иные чудные, несравненные места из Вашего *Дневника*. Все прошло, все пропало. Никакого возврата! — Как я подумаю: Байрон устами своего «Манфреда» только и просил у Судьбы, что *Забвения*. А я — я, маленькая пылинка, только одного прошу себе от той же самой Судьбы: «Ничего не забывать, все помнить, все видеть глазами, что было, все слышать, что чувствовалось в самые хорошие дни и часы». Вот как всякому — свое. А Вас, Софья Андреевна, все-таки еще и еще поздравляю с возвращением здоровья.

В. С.

¹ П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой», биография. По неизданным материалам (воспоминания и письма Л. Н. Толстого), т. I. Изд. «Посредник», М. 1906.

² В сентябре 1906 г. С. А. Толстая была опасно больна (киста, начинался перитонит). Ей делали операцию.

³ Во время приездов Стасова к Толстым Софья Андреевна читала ему свои дневники, изданные теперь в четырех выпусках (М. 1928—1936).

⁴ Во Флоренции Стасов жил в 1851—1854 годах. См. Влад. Каренин, «Владимир Стасов», ч. I, Л. 1927, гл. VII.

⁵ Выпущено редакцией 138 слов.

⁶ Н. А. Герцен (1822—1852), с 1838 г. жена Герцена.

⁷ Владимир Аристович Энгельсон (1821—1857) — русский эмигрант (см. о нем в «Былом и думах» по указателю).

⁸ Выпущено редакцией 5 слов.

⁹ Михаил Александрович Бакунин (1814—1876). Много страниц посвящено ему в «Былом и думах» (см. по указателю).

¹⁰ Рубенс (1577—1640) — знаменитый фламандский живописец.

¹¹ Ван-Дейк (Вандик) Антонис (1599—1641) — знаменитый фламандский живописец, ученик Рубенса.

¹² Тициан Вечеллио (1477—1576) — величайший живописец венецианской школы.

¹³ Илья Яковлевич Гинцбург (р. 1859 г.) — скульптор, ближайший друг Стасова. Несколько раз приезжал с Стасовым к Толстым.

Это письмо написано 14 сентября 1906 г., последнее письмо к Л. Н. Толстому — 19 сентября. В ночь с 10 на 11 октября Стасов скончался.

В. Жданов.

ПИСЬМО РОМЭН РОЛЛАНА К Т. Л. СУХОТИНОЙ-ТОЛСТОЙ

Литература о Толстом и Ромэн Роллане обширна и общеизвестна. Достаточно напомнить, что впервые обратился двадцатилетний Роллан к Толстому в 1887 г. еще учеником Высшей нормальной школы. Роллан писал Толстому «в состоянии жестокого нравственного кризиса», Толстой «со слезами на глазах» прочел его письмо и написал обширный ответ, разросшийся в статью, тогда же опубликованный в переводе на русский язык под заглавием «Ручной труд и умственная деятельность (из письма к француз)». Снова писал Роллан Толстому уже через десять лет, в 1897 г.— по поводу своей драмы о св. Людовике, затем в 1901 г. о преследованиях духоборов, и в 1906 г. по поводу «Воспоминаний» Толстого. Большие выдержки из писем Роллана к Толстому опубликованы в переводе на русский язык в книге Леонида Гроссмана «Собеседник Толстого (Ромэн Роллан и его творчество)», М. 1928. Там же напечатано письмо Роллана, адресованное Толстовскому музею в 1926 г.— ответ на поздравление музея с днем шестидесятилетия. Публикуемое письмо к дочери Толстого написано по поводу книги Роллана: «*Vie de Tolstoï*». Paris, Librairie Hachette, 1911.

Mardi 2 novembre 1911.

Chère Madame,

Votre lettre m'a profondément ému. J'avais pour votre illustre père une affection pieuse. Ses livres m'ont causé, lorsque j'étais adolescent, un enivrement qui persiste encore et se renouvelle chaque fois que je les rouvre. La lumière de bonté qui émanait de sa grande âme m'a plus d'une fois éclairé dans les jours sombres. J'aurai toujours le regret de ne l'avoir jamais approché, à Jasnaja. Et pourtant, il me semble que je l'ai vu tant j'ai vécu dans l'intimité de son esprit. Rien ne pouvait me faire plus de plaisir que la pensée que mon petit livre aurait pu le satisfaire, et ses enfants l'y reconnaissent, ainsi que vous avez la bonté de me l'écrire.

Je vous remercie beaucoup de votre excellente lettre et de la peine que vous avez prise de m'envoyer votre exemplaire avec vos observations. J'en viendrai compte dans une prochaine édition, ainsi que de ce que pourra m'apprendre votre ami M. Salomon¹, que je dois voir prochainement.

Croyez qu'aussi longtemps que je vivrai, je garderai le souvenir quasi-filial de celui qui, sans l'avoir su, fut „lo mio duca e mio maestro“, mon premier guide dans l'art et dans la vie.

Veuillez recevoir, chère Madame, mes respectueux hommages.

Romain Rolland.

Je vous retourne votre exemplaire de mon livre. J'y joins, à titre d'humble et pieux souvenir, en ces jours de commémoration de ceux qui ne sont plus, l'édition d'une lettre que votre père m'écrivit il y a bien longtemps². (Il se pourrait même que vous eussiez écrit cette lettre sous sa dictée: car il y a deux écritures, une plus large, avec des corrections et des retouches au dessus d'une écriture plus fine.)³—Vous y verrez que j'écrivais aussi le nom de Tolstoy avec un y. Ce sont les éditeurs qui m'ont persuadé de changer l'orthographe «i» et je le regrette: car le nom est plus beau avec l'y.

162 boulevard Montparnassé. Paris.

Перевод:

Вторник, 2 ноября 1911.

Милостивая государыня,

Ваше письмо меня глубоко тронуло. К вашему знаменитому отцу я питал благоговейную привязанность. В моем отрочестве я испытывал опьянение от его книг, которое и теперь возобновляется, когда я их перечитываю. Свет доброты, исходящий из его великой души, не раз просвещал меня в тяжелые минуты. Буду вечно сожалеть, что не был у него в Ясной. Но все же мне кажется, что я его видел, — до такой степени я жил, задушевно прикасаясь к его духу. Мысль, что моя маленькая книжка была бы ему приятна, что дети его в ней его узнают, как вы любезно сообщаете мне, доставляет мне огромную радость.

Благодарю вас бесконечно за ваше чудесное письмо и за то, что вы потрудились прислать мне ваш экземпляр с вашими замечаниями. Я воспользуюсь ими для следующего издания, равно и указаниями вашего друга г. Саломона⁴, которого скоро увижу.

Прошу вас верить, что до конца своей жизни я сохраню как бы сыновнюю память о том, который, хотя я его и не видел, был «lo mio duca e mio maestro» [«моим властителем и учителем»], моим руководителем в искусстве и в жизни.

Примите, милостивая государыня, выражение моего уважения.

Ромэн Роллан.

Возвращая вам экземпляр моей книги, присоединяю к нему изданное письмо вашего отца, писанное уже давно². Во дни поминовения отошедших — это мое приношение, свидетельствующее о моей смиренной и благоговейной памяти. (Возможно, что он продиктовал вам это письмо: оно писано двумя почерками — один крупнее, с поправками и переделками над строками почерком более мелким.)³ — Из него вы увидите, что я тоже писал Tolstoy с у. Редакторы убедили меня изменить орфографию на i, о чем я сожалею, так как фамилия прекраснее с у.

162, бульвар Монпарнас, Париж.

¹ Шарль Саломон (Charles Salomon, р. 1862 г.) — литератор, автор ряда статей о Толстом, переводчик его произведений.

² Письмо Толстого к нему 1887 г. Роллан опубликовал в книге: Tolstoy, «Une lettre inédite», в серии «Cahiers de la quinzaine». Neuvième cahier de la troisième série. Paris [1902]. В Толстовском музее имеется экземпляр из собственной библиотеки Роллана с его надписью: «Au Musée Tolstoy de Moscou fraternellement Romain Rolland» [«Московскому Толстовскому музею братски Ромэн Роллан»].

³ Письмо Толстого к Роллану в 1887 г. (окончательный текст, посланный адресату) написано Т. Л. Толстой (Сухотиной), собственноручно подписано и в ряде мест исправлено Толстым. В Толстовском музее хранится фотоснимок с письма, присланный Ролланом в 1930 г. для академического издания Полного собрания сочинений Толстого. Там же хранятся черновики письма (в трех редакциях).

В. Жданов.

ПОРТРЕТ КАТЮШИ МАСЛОВОЙ

*К лаборатории творчества Толстого*¹

«Пословица говорит: «скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается», а я говорю: скоро дело делается, а не скоро сказка сказывается. И это так и должно быть, потому что дела самые большие разрушаются, и от них ничего не остается, а сказки, если они хороши, живут очень долго» — писал Толстой 8 октября 1899 г. А. Ф. Марксу, торопившему его с присылкой корректуры «Воскресения», печатавшегося в «Ниве».

«Воскресение» *сказывалось* долго. Оно писалось в 1889—1890, 1895—1896, 1898—1899 годах, имеет шесть основных редакций и большое количество вариантов отдельных мест. Окончательный текст «Воскресения» занимает 28 печатных листов; рукописей (автографов и копий с собственноручными исправлениями) сохранилось 4 963 листа и 189 обрезков разного формата, кроме того 1 500 корректурных гранок с собственноручными исправлениями и два сверстанных корректурных экземпляра (текст VII—IX глав второй части романа) с частичными исправлениями Толстого. Наиболее интересные черновые редакции и варианты изданы отдельным томом в 20 печатных листов².

Обычный процесс работы Толстого. — Он делал первый набросок, почти каждую страницу которого тут же в ряде мест перечеркивал, на полях, между строк, на лоскутках бумаги вписывал вставки — и получалась характерная толстовская рукопись. Переписчик (кто-нибудь из семейных или близкий знакомый) делал копию, которая подвергалась опять сложной авторской правке, вновь переписывалась или частично переклеивалась, опять изменялась — так в некоторых

¹ См. вложенную в конце книги таблицу.

² Том 33 Юбилейного издания «Полного собрания сочинений» Толстого, Гихл, 1935. См. там же подробную историю писания «Воскресения». Основной текст напечатан в томе 32. В дальнейшем ссылки на это издание. В приведенных выше цифровых данных учтены рукописи и гранки, хранящиеся в Государственном Толстовском музее, а также недавно найденные в Рукописном отделе Всесоюзной библиотеки имени Ленина.

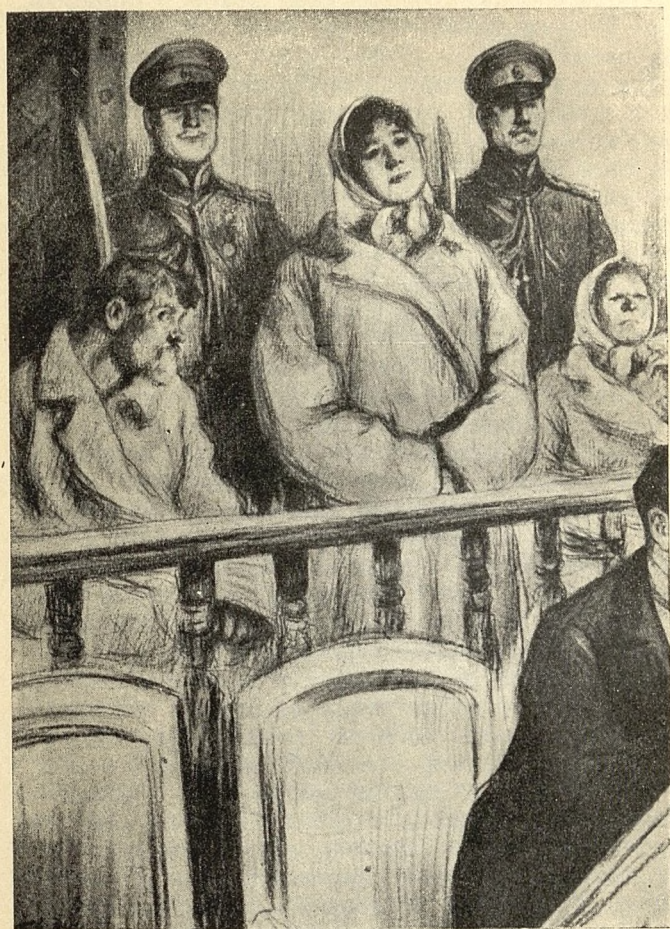
случаях до двадцати раз. Случалось, что многократно исправлявшийся, т. е. уже принятый автором, тонко шлифованный им текст отбрасывался и создавался совершенно новый вариант, проходивший в свою очередь те же стадии. Внимание художника не ослабевало до последнего момента — корректуры журнала «Нива» иногда претерпевали участь рукописей. Многие места романа, тщательно уже отделанные, при чтении гранок набора изменялись настолько, что появлялся новый вариант. Исправления делались на полях корректур или на отдельных листах, гранка заново переписывалась и отсылалась в типографию для нового набора. Почти ни одного листа не оставалось хотя бы без краткой, но очень существенной правки Толстого. Последние штрихи, изменения отдельных слов, на первый взгляд мало значащие, особенно показывают исключительную взыскательность художника. Бывало, что даже после подписания к печати отдельных глав вслед посылались новые исправления.

В издательской практике, особенно журнальной, вероятно не было еще таких осложнений. Приходилось задерживать печатание, в типографии останавливались машины, издатель Маркс, терпевший убытки, и письмами и телеграммами умолял Толстого о соблюдении сроков. Толстой пытался делать это, но требования художника были сильнее всех остальных.

Попытку показать творческий метод Толстого сделал Толстовский музей к Съезду советских писателей в 1934 году. Одним из экспонатов выставки музея была прилагаемая таблица. Даже один пример — создание внешности Масловой-арестантки — дает представление о гигантской работе Толстого.

В окончательном тексте портрет Масловой-арестантки занимает только четырнадцать строк (т. 32, стр. 4—5). Этот маленький отрывок на протяжении всей работы над «Воскресением» изменялся и дополнялся двадцать раз. Сохранилось 19 вариантов и один, 10-й, не сохранился. (Не исключена возможность, что между IX и XI был и не один вариант.) Из них шесть автографов, двенадцать копий рукой переписчика с собственноручными исправлениями и одна корректура тоже с собственноручными исправлениями.

Варианты 1—11 относятся к первой законченной редакции «Воскресения», план которой резко отличается от окончательного. В этой редакции события разворачиваются хронологически: характеристика Нехлюдова (названного тогда еще Валерьяном Юшкиным), проезд его к тетушкам, встреча с Катюшей, сближение с ней, отъезд Нехлюдова, судьба Катюши, судьба Нехлюдова, встреча с Катюшей в суде и т. д. В этой редакции портрет Масловой-арестантки дан в

Портрет Масловой.

момент прихода ее в зал суда. Но уже в конце 1895 г. роман был коренным образом переделан. 5 ноября Толстой записал в дневнике: «Сейчас ходил гулять и ясно понял, отчего у меня не идет «Воскресение»: ложно начато. Я понял это, обдумывая рассказ «Кто прав» (о детях). Я понял, что надо начинать с жизни крестьян, что они — предмет, они положительное, а то — тень, то — отрицательное. И то же понял и о «Воскресении». Надо начать с нее. Сейчас хочу начать». 7 ноября, там же: «Немного писал эти два дня новое «Воскресение». Совестно вспомнить, как пошло я начал с него. До сих пор радуюсь, думая об этой работе так, как начал».

Этими записями датируется новый приступ Толстого к «Воскресению», его четвертое начало и его вторая редакция. План романа изменен: действие начинается с момента отправки Масловой из тюрьмы в суд, как и осталось в окончательном тексте. Портрет Масловой-арестантки дан теперь в начале романа, при ее выходе из камеры, — а не в суде, как было раньше. Варианты 12—20 относятся ко второй и последующим редакциям «Воскресения».

Над портретом Масловой Толстой работал долго и упорно. Он не ограничивался исправлениями первых набросков, а неоднократно все подвергал коренной переделке, то пользуясь прежними элементами, то вводя совершенно новые. Приступая к описанию Масловой, Толстой еще не имел ясного представления об ее внешнем облике. В первом наброске он дает диаметрально противоположные определения: высокая и низенькая; худая и полная; безобразная, — лицо ее *было бы* красиво и лицо ее *не было* красиво. Вначале это — портрет профессиональной проститутки с резкими отталкивающими чертами: на ее лице *лежала печать разврата*. Во втором варианте набросок подвергается коренной правке: нет больше попыток сделать Маслову безобразной, — у нее *красивый лоб, вьющиеся черные волосы, тонкий нос и прекрасные черные глаза под прямыми бровями*. Однако Толстой все еще подчеркивает ее профессию, пытается соединить *печать развращенности и привлекательность*, но затем уменьшает контраст, зачеркнув это место, и оставляет лицо *измученное, со следами нечистой и нетрезвой жизни*. Редакция не удовлетворяет Толстого — внешность Масловой должна привлечь на себя внимание Нехлюдова. И этого Толстой добился в одной из дальнейших редакций, где так описано это впечатление: «Особенно страшна ему казалась женщина в арестантском халате, и наглая и стыдливая, и привлекательная и отталкивающая; страшна именно этой какой-то своей бесовской привлекательностью»*. К этому Толстой стремился на протяжении ряда вариантов. В этом

* См. т. 33, стр. 102.

направлении зарисовки привлекательного и отталкивающего, с постепенным усилением привлекательных черт идет дальнейшая работа. В искании художественной правды Толстой несколько раз примеривает, пытается вернуться к старым, хотя бы и смягченным определениям, но все решительнее и решительнее отказывается от них, пока не исчезает задуманный сначала портрет профессиональной проститутки и не создается живой образ *Катюши* Масловой.

Третий вариант — новый приступ к работе. От неприятных черт осталось лишь *желтое нездоровое лицо*. Третий вариант также весь зачеркивается; заново пишется четвертый. В нем нет уже ни одной отталкивающей черты: Маслова красива и стыдлива; войдя, она опустила голову, села с края и, не поднимая головы, исподлобья взглянула перед собой. Для контраста с Масловой резкими чертами наделается другая подсудимая, Евфимья Бочкова. В пятом варианте, также заново написанном, сделана попытка усилить теневую сторону новым приемом — вульгарность костюма: вместо незаметного арестантского халата — яркое зеленое платье; у Масловой вызывающее лицо, которое было бы красиво, если бы не *неровный румянец щек и подпухшие глаза*. Оставлены только красивые *необыкновенно ярко черные глаза под тонкими бровями*. Стыдливость тоже сохранилась: войдя, Маслова опустила голову и так сидела, не поднимая ее. Эта черта стыдливости остается до девятого варианта. В шестом варианте опять заметна борьба художника — какой дать Маслову: привлекательной или отталкивающей. Сначала он оставляет ее в зеленом платье, прибавив бархотку на шее и черепаховый полумесяц в волосах, таким образом еще более вульгаризировав ее, но тут же зачеркивает описание костюма, и Маслова снова, как и в четвертом варианте, — в *арестантском халате, повязанная под подбородком серым платком*. Исчезают *вызывающее лицо, обвислые щеки*, уточняется смысл подпухших глаз — *какие бывают у людей, ведущих нездоровый образ жизни*. В седьмом варианте вновь сильно подчеркиваются специфические особенности лица Масловой: *на всем лице: в преждевременных морщинах, в подпухших глазах и, главное, в этой нездоровой пухлой белизне была печать истасканности и развращенности*. Весь первый абзац седьмого варианта с описанием лица Масловой впоследствии зачеркнут, и взамен написан новый — восьмой. Подчеркнутые в предыдущем варианте неприятные черты здесь смягчены, общее определение дано более кратко: *печать разврата на всей ее фигуре и лице*. Толстой пытается отметить ее развязность: *она смеющимися глазами оглядела*, — но, не докончив фразы, зачеркивает и опять оставляет Маслову с опущенной головой. В девятом варианте особое внимание уделено прическе Масловой. На

отдельном листке Толстой дважды исправляет эту часть: появляются опять промелькнувшие в шестом варианте торчавшие в волосах полумесяцами шпильки, на лбу и висках — завитки; впервые появляются наведенные брови, но вскоре опять восстановлены тонкие брови. В этом варианте Маслова некрасива, но привлекательна, — печать разврата исчезает навсегда. В десятом — детально описаны некрасивые черты: нос был мал, рот большой, но все же Маслова притягивает глаза мужчин. Наконец, в одиннадцатом варианте отброшены некрасивые черты и уже детально описаны красивые. От специфических особенностей осталось только вялое, унылое выражение одуловатого лица, которое окончательно исчезает в четырнадцатом варианте. Впервые лишь в одиннадцатом варианте появляется «косящий» взгляд Масловой, так сильно запечатлевающийся у каждого читателя. Этим вариантом заканчивается работа над портретом Масловой в пределах первой редакции романа.

Двенадцатый вариант относится уже ко второй редакции. Толстой по-иному начинает роман — с описания Масловой. При этом новом приступе к работе он уже имеет ясное представление о внешности Масловой. Он смело пишет ее портрет, пользуясь чертами явно определившимися в процессе работы над предыдущими одиннадцатью вариантами. На протяжении последних девяти вариантов Маслова не подвергается больше таким резким изменениям, процесс работы главным образом сводится к отделке деталей.

Интересно проследить работу Толстого над отдельными чертами — процесс работы художника, стремившегося дать предельно выпуклый и художественно правдивый образ*.

Нос:

- провалившийся (1)
- тонкий (2, 6, 7)
- прямой (3)
- тонкий и красивый (4)
- неправильный (9)
- мал (10)
- тонкий небольшой (11)

Лоб:

- красивый (2, 3, 4)
- правильный, чрезвычайно белый (6)
- правильный (7)
- крутой (11)
- невысокий (11)

* В приведенном ниже списке цифры в скобках указывают номер варианта. Определения, напечатанные жирным шрифтом, вошли в окончательный текст.

чистый (12)
белый гладкий невысокий (12)
гладкий невысокий (13)
прямой гладкий невысокий и чрезвычайно белый (14, 15, 16)

Волосы:

вьющиеся черные (2, 3, 15, 16, 17, 18, 19, 20)
черные (4, 5, 6, 11)
темные (7)
черные курчавящиеся (9, 10)
очень черные (12, 13, 14)
Вьющиеся черные (20)

Глаза:

прекрасные черные (2)
очень черные красивые (3)
агатовые (4)
черные блестящие (4, 10, 17)
подпухшие (5, 6, 7, 13, 14)
необыкновенно ярко черные (5)
черные (8)
узкие подпухшие и очень черные (8)
черные заплывшие агатовые (9)
черные агатовые большие добрые немного косившие (1)
несколько подпухшие черные.
глаза немного косили (12)
очень черные блестящие глаза, из которых один косил немного (15, 16, 17)
глянцевитые черные, <как мокра>¹ улыбающиеся (17)
очень черные блестящие, несколько подпухшие, глаза, из которых один косил немного (18, 19)
очень черные блестящие, несколько подпухшие, но очень оживленные глаза, из которых один косил немного (20)

Брови:

прямые (2)
тонкие черные (3, 4, 6, 7)
тонкие (5)
наведенные (9)
черные (10, 17)
прямые тонкие (11)
черные брови (17)

¹ Незаконченная фраза: *Как мокрая смородина*. Это определение дано глазам Масловой-девочки (т. 32, стр. 45). Любопытный штрих: однажды, во время работы над «Воскресением», выйдя из кабинета в столовую, Толстой воскликнул: «Нашел! — Как мокрая смородина», (Сообщила С. А. Стахович.)

Цвет лица:

- желтое нездоровое (3)
- чрезвычайно бело (4)
- особенно румяно (5)
- необыкновенно бело, как бывают белы люди, живущие в тюрьмах без солнца (5; 6)
- желтовато-бело как бывают белы ростки картофеля, проросшего в погребе, и руки и лица людей, живущих в тюрьмах без солнца (7, 8)
- желтая пухлая белизна (7)
- очень белое пухлое (8)
- неестественно белое (9)
- болезненная бледность (12)
- чрезвычайно белое, как бывают белы лица людей, проводивших долгое время взаперти (13, 14)
- неестественная белизна и бледность (14)
- той особенной белизны, которая бывает на лицах людей, проводивших долгое время взаперти, и которая напоминает ростки картофеля в подвале (15, 16, 17, 18, 19, 20)**
- неестественная белизна (15)
- бледная (16)
- матовая бледность (16, 17, 18, 19, 20)

Щеки:

- обвисшие (5)
- неровный румянец щек (5, 6)

Ресницы:

- черные (6, 7)

Рот:

- Небольшой приятный (9)
- большой (10)

Губы:

- Изогнутые губы с детски выдающейся верхней губой (11)
- наивно сжатые (17)

От старательной вырисовки внешности со всеми деталями Толстой перешел к рисунку более резкому. Отброшены лоб, нос, рот, губы, щеки, брови, ресницы. Портрет сделан несколькими штрихами. В окончательный текст вошли: **очень черные блестящие, несколько подпухшие, но очень оживленные глаза, из которых один косил немного, выющиеся черные волосы и лицо той особенной белизны, которая бывает на лицах людей, проводивших долгое время взаперти, и которая напоминает ростки картофеля в подвале.**

Глаза, волосы, цвет лица — и на протяжении всего романа Маслова стоит перед читателем как живая.

В приложенной таблице дана точная транскрипция всех вариантов этого отрывка. Она была сделана в красках, что

было нагляднее, но по техническим причинам дается различными шрифтами. Прямым шрифтом напечатан текст первого наброска и в дальнейших вариантах — то, что в новой редакции осталось неизменным; жирным — новые вставки; разрядкой в скобках — вычеркнутое при исправлении предыдущего варианта; курсивом — вставленное, но тут же зачеркнутое, не вошедшее в законченный текст данного варианта. При чтении прямого шрифта с разрядкой получается предыдущая редакция; при чтении прямого с жирным — новая редакция.

Описание рукописей:

Вар. 1, 3, 4, 12 — автографы (весь текст написан заново).

Вар. 2, 9, 11, 13 — 19 — копии рукой переписчика с собственноручными исправлениями.

Вар. 5 составлен из вновь написанного на отдельном листке первого абзаца и окончания предыдущего варианта с исправлениями, внесенными в соответствии с новым началом (халат заменен платьем).

Вар. 6. Первый абзац — обычная копия с исправлениями Толстого. Два последних абзаца отрезаны и переклеены к следующему варианту. Здесь эти абзацы воспроизводятся с незначительными исправлениями, которые были внесены до переклейки (исправления эти сделаны таким же тонким пером, как и в первом абзаце).

Вар. 7. Переписанный первый абзац предыдущего варианта значительно исправлен Толстым, после чего весь зачеркнут и на полях того же листка написан новый текст. В вар. 7 воспроизводится только исправленный первый абзац, так как второй и третий абзацы исправлялись позже, при работе над следующим вариантом. В седьмом варианте он остался неисправленным и здесь не воспроизводится.

Вар. 8 составился из нового текста первого абзаца и переклеенных из вар. 6 двух последних абзацев, исправленных уже в соответствии с этим новым началом.

Вар. 10 не сохранился. Сличением вариантов 9 и 11 восстанавливаем исправления, сделанные Толстым в варианте 10.

Вар. 20. Корректурная гранка с собственноручными исправлениями. Окончательный текст.

Вариант 8, отрывки из 9 и 11, весь вариант 12 опубликованы в томе 33; 1, 12 и 20 — в статье Д. Кальма «В лаборатории великого мастера. (Заметки о будущей выставке)». — Литературная газета, 1934, № 91 от 20 июля. (Варианты, опубликованные в статье Д. Кальма, заимствованы из настоящей работы. Там же частично использованы и пояснения к таблице.) Остальные четырнадцать вариантов и полностью варианты 9 и 11 публикуются впервые.

К ИСТОРИИ «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ»

Вопрос о времени возникновения «Крейцеровой сонаты» считался до сих пор открытым. Единственным источником, говорящим о времени написания первой редакции этой повести, считалось упоминание о ней в письме Толстого к Г. А. Русанову около 14 марта 1889 г. В этом письме Толстой писал: «Слух о повести имеет основание. Я уже года два тому назад написал начерно повесть действительно на тему половой любви, но так небрежно и неудовлетворительно, что и не поправляю, и если бы занялся этой мыслью, то начал бы писать вновь»¹.

На основании этого хронологически неясного упоминания начало «Крейцеровой сонаты» относилось исследователями предположительно к 1887 году.

Между тем в переписке Толстого имеется целый ряд данных, позволяющих с полной несомненностью отнести начало «Крейцеровой сонаты» к октябрю 1887 г.

Около 3 октября 1887 г. Толстой писал П. И. Бирюкову: «Я пишу кое-что, про которое вам, кажется, и не говорил». Письмо Толстого является припиской к письму Софьи Андреевны, в котором она писала Бирюкову про Льва Николаевича: «По утрам он много работает и не над статьей уж [Толстой около того времени закончил работу над большим философским трактатом «О жизни»], а со всех сторон на него напирают сюжеты, и он, как бы боясь расплескать их, молчит и ничего не рассказывает. Наднях, верно, принесет мне переписывать, и тогда я узнаю, что пишется». (Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Всесоюзной публичной библиотеки имени Ленина.)

В тот же день Толстой писал Н. Н. Ге: «Я все время работал над своей книгой «О жизни» и дошел уже, кажется, до того предела, даже перешел, что всякая работа над ней портит. Она печатается. Буду стараться меньше копать».

¹ «Из переписки Л. Н. Толстого» — «Вестник Европы», 1915, № 3, стр. 15.

Тем более, что затеял другое — художественное. Только затеял»¹.

В. Г. Черткову Толстой писал около 10 октября: «Я начал писать новое, да не идет». (Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Государственного Толстовского музея.)

Около 14 октября Толстой писал Н. Н. Страхову: «Я начал было новую работу, да вот уже недели две не подвигаюсь». (Письмо полностью не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Государственного Толстовского музея.)

22 октября Толстой писал жене из Ясной Поляны в Москву: «Я немного пишу по утрам, то идет хорошо, то останавливается, как нынче. Таня [дочь] начала переписывать, но главное не минует твоих прекрасных рук»².

Все приведенные цитаты глухо говорят о каком-то начале художественного произведения, не указывая ни имени его, ни содержания. И нам оставалось бы только гадать о том, какое именно художественное произведение начато было Толстым в октябре 1887 г., если бы в нашем распоряжении не было писем Т. Л. Толстой к Т. А. Кузминской, написанных в этом месяце и определенно указывающих, какое произведение начато было тогда Толстым. (Письма не опубликованы; хранятся в Рукописном отделении Государственного Толстовского музея.)

9 октября 1887 г. Т. Л. Толстая писала: «Перед обедом две Маши [М. Л. Толстая и М. А. Кузминская] опять пошли пробежаться, нагнали папа и с ним рассуждали, и пришли к заключению, что нет ни одной дурной девушки, и нет ни одного счастливого брака. Тетенька, а ведь это верно? Но мы три решили опровергнуть второй вывод и на опыте доказать противное, тем более, что у нас такой прекрасный пример перед глазами наших двух матерей, которых из всех, кого мы знаем, можно назвать самыми счастливыми в супружестве. Папа пишет какую-то художественную вещь, т. е. не статью, и там все эти вопросы затронуты, потому он об этом говорит много».

20 октября Т. Л. Толстая писала: «Папа пишет что-то о семейной жизни, любви, ревности, — я это подсмотрела, — а сегодня он сказал, что даст это нам переписывать. В какой форме это будет — не знаю».

Письма Т. Л. Толстой не оставляют никакого сомнения в том, что глухие упоминания Толстого о каком-то начале

¹ «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка», изд. «Academia», Л. 1930, стр. 104—105.

² «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», изд. 2-е, М. 1915, стр. 322. К выражению «твоих прекрасных рук» С. А. Толстая делает примечание: «Л. Н. шутил, вспоминая поговорку Фета».

им в октябре 1887 г. художественном произведении относятся именно к «Крейцеровой сонате». Из писем Толстого видно, что первая редакция «Крейцеровой сонаты» была написана им в самых первых числах октября 1887 г., после чего в писании повести последовал перерыв около двух недель. Около 20 октября писание повести возобновилось, но творческий порыв был непродолжителен, и, неудовлетворенный написанным, Толстой отложил начатое.

Повесть была отложена, но не забыта. 30 ноября 1888 г. Толстой, как записал он в Дневнике, «все утро гадал, спрашивал себя, что прежде писать, и решил кончить начатое. Оказалось всего десять штук». Он сделал список этих десяти «штук»; список сохранился; в нем значится и «Крейцера соната».

12 января 1889 г. Марья Львовна Толстая писала сестре Татьяне Львовне: «Был Стахович... Он заказал Александру Петровичу [А. П. Иванов, переписчик Толстого] переписать все последние вещи папа: «Крейцерову сонату», «Записки сумасшедшего», «Николая Палкина» и т. п. Папа позволил, но сказал, что «Крейцерову сонату» ему неприятно дать, потому что он думает, что когда-нибудь опять возьмется за нее». (Письмо не опубликовано; хранится в Рукописном отделении Государственного Толстовского музея.)

И действительно, после того как первые три месяца 1889 года были для Толстого временем сравнительно малой работоспособности и малой производительности, в апреле он почувствовал новый приток творческих сил. 3 апреля он записывает в Дневнике: «Хотел писать новое, но перечел только все начала и остановился на «Крейцеровой сонате».

И началась упорная и с большим увлечением работа над переделкой и завершением повести. Работа эта нашла подробное отражение в Дневниках и письмах Толстого. Она рассказана в обстоятельных статьях Н. К. Гудзия: «Как писалась и печаталась «Крейцера соната» Толстого» («Звенья», 1933, № 2) и «История писания и печатания «Крейцеровой сонаты» (том 27 «Юбилейного издания» «Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого»).

Н. Гусев.

ПОМЕТКИ Л. Н. ТОЛСТОГО НА КНИГАХ ЯСНОПОЛЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Яснополянская библиотека насчитывает до 14 000 томов. Начало библиотеке было положено, как известно, отцом Льва Николаевича. Библиотеку Лев Николаевич систематически не пополнял. Он не был библиофилом. Она книгами пополнялась главным образом в связи с той или иной литературной и философской работой Льва Николаевича. Основную часть библиотеки составляют приношения авторов. Главная масса книг поступила в последние 50 лет. Книги, находящиеся в Яснополянской библиотеке, имеются на различных языках. Больше всего книг русских, их до 8000 названий. Далее, на втором месте, стоят английские — 3600 названий, за ними идут французские — 2000, далее немецкие — 1000 и менее одной тысячи на испанском, польском и шведском языках.

Все это количество книг Яснополянской библиотеки распадается на 8 основных отделов:

- а) Литература и критика — 3000 книг;
- б) Религия и философия — около 2000 книг;
- в) История и биографии — 1 000 книг;
- г) Педагогика и детские книги — 800 книг;
- д) Медицина и смесь — 800 книг;
- е) Экономические и юридические — 600 книг;
- ж) Естественные науки, география и путешествия — 600 и последний отдел — периодические издания — до 6000 книг.

Так как Яснополянская библиотека служила более полувека для удовлетворения разнообразным интересам большой семьи Толстых, то состав книг не позволяет точно судить об интересах и вкусах самого Льва Николаевича, хотя количественный состав отделов библиотеки позволяет нам сказать об основных линиях интереса и творческой деятельности Л. Н. Толстого. На первом месте по количеству книг стоит художественная литература. Далее, идет религия и философия. За ними — история и т. д.

Яснополянская библиотека к настоящему времени полностью не сохранилась, так как некоторая часть книг осталась у знакомых и близких, которым Лев Николаевич охотно давал книги, говоря, что задача книг та, чтобы ими пользовались, чтобы их читали.

В данной статье мы ограничились воспроизведением пометок Толстого на книгах художественных произведений русских и иностранных писателей, находящихся в Яснополянской библиотеке. Нами даны с пометками Толстого следующие произведения: Андреев Л. «Тьма», Ахшарумов В. «Стихотворения», Гаршин В. «Сигнал», Гоголь «Сочинения», Гомер «Илиада», Горбунов-Посадов И. «Золотое колечко» и др., Григорович Д. «Повести и рассказы», Гринченко Б.

«Отец и дочка», Даль «Пословицы русского народа», Диккенс «Холодный дом», Достоевский «Братья Карамазовы», Захарьин-Якунин И. «Жизнь, служба и приключения мирового судьи», Лесков «Сочинения», Микулич В. «Бедные люди», де-Мопассан Гюи «Сочинения», Мульстаули В. «Повести, сказки и легенды», Пушкин «Сочинения», Родионов И. «Наше преступление», Рыбников «Песни», Семенов С. «Дедушка Илья и другие рассказы», Снегирев И. «Новый сборник русских пословиц и притчаний», Толстой Л. Н. «Много ли человеку земли нужно?», Тургенев «Сочинения», Шекспир «Король Лир», «Гамлет», «Отелло».

Пометки на книгах Лев Николаевич делал большею частью черным карандашом, реже цветным (красным и синим). Пометки на книгах в более ранний период, т. е. до средних лет (до 60-х годов), делались им старыми приемами, т. е. отчеркиванием ногтем, загибанием уголков. С 60-х годов Толстой работал над большим количеством печатного материала для своих художественных произведений. В связи с этим он уже начал делать пометки черным карандашом на книгах. Отчеркивания или подчеркивания определенных мест в тексте являются наиболее типичными пометками у Толстого. Эти пометки имели своей задачей отметить, на что следует обратить внимание при чтении или при использовании в работе. Кроме этого рода пометок, Толстой делал различные пометки на полях (оценки, условные знаки и т. п.), что встречается реже. К пометкам относятся также различные знаки, как-то: NB, баллы — от 0 до 5 с плюсом, которыми оценивал Толстой всю книгу или некоторые места из нее.

В нашей работе полностью выписывается подчеркнутый Толстым текст. Отчеркнутые им места также по большей части выписываются целиком.

Отдельные стихи, пословицы и поговорки, отчеркнутые или подчеркнутые Толстым, приводятся также целиком.

Переходя к демонстрации пометок Толстого, необходимо отметить, что эта работа является продолжением начатых в свое время работ над пометками Толстого на книгах Яснополянской библиотеки, которые описаны А. Е. Грузинским (статья «Яснополянская библиотека» — «Толстовский ежегодник 1912 г.»); С. Л. Толстым («Л. Н. Толстой о поэзии Тютчева» — там же); В. Ф. Булгаковым («Отчет по описанию библиотеки Л. Н. Толстого, находящейся в Ясной Поляне» — «Толстовский ежегодник 1913 г.»).

Данной работой также не исчерпывается целиком работа над пометками Толстого на книгах Яснополянской библиотеки. Необходимо еще работа над огромным и интересным материалом, который подобран в Рукописном отделе Государственного Толстовского музея и в самой Яснополянской библиотеке. К этой работе должны быть привлечены квалифицированные литературоведы и толстоведы. Вся эта работа в результате должна дать еще больший материал по вопросу работы Льва Николаевича Толстого над книгой, об отношениях к произведениям тех или других писателей, об использовании исторических фактов, народных выражений, пословиц и т. п. в своих работах. Вот краткий перечень очередных работ по изучению пометок Толстого на книгах Яснополянской библиотеки.

А. Петров.

АХШАРУМОВ В. Д. Стихотворения. Полтава. 1908.

В оглавлении отмечены черточками стихотворения: «Куда?» (52 стр.) и «Покою ищущая» (100 стр.).

ГАРШИН В. Сигнал. Рассказ. Изд. «Посредник». М. 1908. На обложке Толстым поставлен балл: 5.

ГОГОЛЬ Н. В. Старосветские помещики. Изд. «Посредник». М. 1909.

На обложке Толстым поставлен черным карандашом балл: 3.

ГОГОЛЬ Н. В. Сочинения и письма. Изд. П. А. Кулиша. СПб. 1857.

Том 3. В оглавлении подчеркнуты ногтем заглавия: «Нос», «Шинель», «Коляска».

На 137 стр. («Портрет») верхний уголок загнут.

Том 4 («Мертвые души»). На 134—135 стр. заключен в скобки весь текст: «Счастлив путник, который, после длинной, скучной дороги...», кончая словами: «величавый гром других речей».

На 134 стр. против абзаца: «Счастлив писатель, который, мимо характеров скучных, противных...» стоит — 1; против слов: «Но не таков удел» — 2.

На 135 стр. подчеркнуто:

«Озарить ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы!»

На 202 стр. заключены в скобки 23 строки от слов: «Вообще мы как-то не создались...», кончая словами: «И всякий сует какую-нибудь свою куму».

В этих строках, кроме того, подчеркнуто: «пять рублей с полтиною». Заключены в скобки слова: «было совершенно другого рода, оно».

ГОМЕР. Илиада, переведенная П. Гнедичем, часть вторая. Издание второе. СПб. МДСССXXXIX [1839].

На 6 стр. отчеркнуто 4 стиха:

«Бич захватил золотой, и на светлую стал колесницу;
Коней погнал по волнам; и взыграли страшилища
бездны.

Вдруг из пучины заскакали киты, узнавая владыку;
Радуюсь, море под ним расстилалось, а гордые кони...»

На 139 стр. отчеркнуты 2 стиха:

«Дышащий томно, ему отвечал ты, Патрокл благородный:
«Славься теперь, величайся, о Гектор! Победу стяжал ты».

В первом стихе подчеркнута «ты».

На 178 стр. отчеркнут стих:

«Боги бессмертные, умер Менетиев сын благородный».

На 182 стр. отчеркнуты: а) стих:

«Он в зарождении сладостней тихо струящегося меда»,

б) 4 стиха.

«Прежде еще не одну между жен полногрудых Троянских
Вздохами тяжкими грудь разрывать я заставлю и в горе
С нежных ланит отирать руками обеими слезы!

Скоро узнают, что долгие дни отдыхал я от брани!»

На 279 стр. отчеркнуты последние 6 стихов:

«Лягут при теле моем искаженном. О, юноши, славно!
Как ни лежит он, упавший в бою и растерзанный медью:
Все у него и у мертвого, что ни открыто, прекрасно.
Если ж седую брану и седую главу человека,
Ежели стыд у старца убитого псы оскверняют,
Участи более горестной нет человекам несчастным!»

На 281 стр. отчеркнуты 11 стихов:

«Сам я пойду и предстану Пелееву славному сыну?
Если ему обещаю Елену и вместе богатства
Все совершенно, какие Парис в кораблях глубодонных
С нею привез в Илион, роковое раздора начало,
Выдать Атридам, и вместе притом разделить Аргивянам
Все остальные богатства, какие лишь Троя вмещает?
Если с Троян, наконец, я потребую клятвы старейшин:
Нам ничего не скрывать, но представить все для раздела
Наши богатства, какие лишь град заключает любезный?..
Боги! каким предаюся я помыслам? Нет, к Ахиллесу
Я не пойду, как молитесь! — Не сжалится он надо мною».

На 293 стр. отчеркнуты 7 последних стихов:

«Сзади от пят и до глезн, и, продевши ремни, к колеснице
Тело его привязал, а главу волочить оставил;
Стал в колесницу, и, пышный доспех возвращенный
поднявши,
Коней бичом поразил; полетели послушные кони.
Прах от влекомого вьется столпом; по земле растрепавшись,
Черные кудри крутятся; глава Приамида по праху
Бьется, прекрасная прежде; а ныне врагам Олимпиец...»

294 стр. отчеркнута вся:

«Дал опозорить ее на родной земле Илионской!
Вся голова почернела под перстью. — Мать увидала,
Рвет седые волосы, дорогое с себя покрывало
Мечет далеко, и горестный вопль подымает о сыне.
Горько рыдал и отец престарелый; кругом же граждане
Подняли плач; раздавались вопли по целому граду.
Было подобно, как будто от края до края высокий

Весь Илион от своих оснований в огне рассыпался!
Мужи держали с трудом иступленного горестью старца,
Рвавшегося в поле вратами Дарданскими выдти из града.
Он умолял их тоскующий, он расстился по праху,
Он говорил, называя по имени каждого мужа:
«Други, пустите меня одного, не заботясь, пустите
Выдти из града! Один я пойду к кораблям Мирмидонским;
Буду молить я губителя, мрачного сердцем злодея:
Может быть, лета почтит он; над старостью, может быть,
дряхлой

Сжалится: он человек, отца он такого ж имеет,
Старца Пелея, который его породил и взлелеял
К горю Троян, и стократ к жесточайшему горю Приама!
Сколько сынов у меня он похитил во цвете их жизни.
Но обо всех сокрушаюсь я менее, чем об едином!
Горесть о нем неутешная скоро сведет меня к гробу,
Горесть о Гекторе. О, хоть на сих бы руках он скончался.
Мы бы хоть душу насытили плачем над ним и рыданьем,
Я, безотрадный отец, и его злополучная мать!»

296 стр. отчеркнута вся (кроме первых четырех стихов):

«Боги! уже не смиряет ли храбрость его роковую,
Коей он дышит! В толпе никогда не останется Гектор;
Первый вперед полетит, никому не уступит в геройстве!»
Так произнесши, из терема бросилась, будто Менада,
С сильно трепещущим сердцем, и обе прислужницы следом;
Быстро на башню взошла, и, сквозь сонм пролетевши
народный,

Стала, со стен оглянулась кругом, и его увидала
Тело влачимое в прахе; безжалостно бурные кони
Полею его волокли к кораблям быстролетным Ахеян.
Темная ночь Андромахины ясные очи покрыла;
Навзничь упала она, и казалось, дух испустила.
Спала с нее и далеко рассыпалась пышная повязь,
Ленты, прозрачная сеть и прекрасно плетенные тесьмы;
Спал покров, блистательный дар золотой Афродиты,
Данный в день оный царевне, как Гектор ее меднолатный
Из дому взял Гетиона, отдавши несметное вено.
Вкруг Андромахи невестки ее и золовки толпятся,
Бедную долго держали, казалось, убитую скорбью.
В чувство пришедши, она, и дыхание в персях собравши,
Горько навзрыд зарыдала, и так среди жен говорила:»

На 304 стр. отчеркнуты 3 стиха:

«И взаимно с тобой насладимся рыданием горьким». Рек,
и жадные руки любимца обнять распростер он,
Тщетно: душа Менетида, как облако дыма сквозь землю...»

На 321 стр. отчеркнуты последние 8 стихов:

«Хлещет с плеча он бичом по коням; а дымящиеся кони
Скачут высоко и с скоростью дивной летят по дороге;
Брызги песка от копыт непрерывные прыщут в возницу;
Пышная, оловом, золотом нарядная вокруг колесница
Быстро за бурными конями катится; след за собою
Шины колесные, тяжкие медью по тонкому праху
Чуть оставляют; с такою горячностью кони летели!
Стал среди круга ристатель торжественный; с пламенных
коней...»

На 325 стр. отчеркнуты 12 стихов:

«Коней касаясь, клянись Посидаоном, землю держащим,
Что не умышленной хитростью ты мне запнул колесницу».
Умный, младый Антилох отвечал Менелаю Атриду:
«Светлый Атрид, укротися; юноша я пред тобою.
Ты, о царь Менелай, и летами и доблестью выше;
Ведаешь, как легко в заблуждения младость впадает:
Ум молодой опрометчив, короток рассудок незрелый.
Сердце смягчи, Менелай: а награду мою, кобылицу
Сам я тебе отдаю; и когда б из моих достояний
Более чем ты потребовал, с радостью я, и теперь же
Выдал бы, нежели мне у тебя, питомец Кронида,
Выйти из сердца навеки, и быть пред богами виновным!»

На 331 стр. отчеркнуты 2 стиха:

«Рек, и почтительно выслушав, оба они покорились;
С поля сошли, и от праха очистясь, надели хитоны.»

На 333 стр. отчеркнуты 9 стихов:

В влажный вступил он помет, из волов убиенных разлитый,
Коиخ Патроклу в честь закалал Пелеион благородный;
Тельчим пометом наполнились ноздри и рот у Аякса.
Чашу, награду свою, подхватил Одиссей терпеливый,
Первый примчась; а вола захватил Оилид знаменитый;
Стал, и рукою держась за роги вола полевого,
Он выплевывал кал, и так говорил Аргивянам:
«Дочь Громовержца, друзья, повредила мне ноги Афина!
Вечно, как матерь, она Одиссею на помощь приходит.»

На 337 стр. отчеркнуты 18 стихов:

«С страшной силой послал, но не сделал ответа владыке
Фебу, в жертву принесть первородных овнов гекатомбу.
В птицу герой не попал: воспрепятствовал Феб
раздраженный;
В шнур близ ноги он уметил, которым привязана птица:
Привязь у самой ноги пересекла стрела; встрепелулась,
К небу взвилась голубица свободная; привязь по ветру

На землю вся опустилася; громко вскричали Данаи.
Быстро тогда Мерион у печального Товкра из длани
Выхватил лук, а стрелу наготове держал, чтоб направить;
В сердце обет сотворил метателю стрел Аполлону,
Первенцев агнцов ему в благодарность принести гекатомбу;
И, высоко под облаком робкую птицу завидев,
Быстро кружащую, в бок под крыло угодил он стрелю:
Вверх сквозь крыло пролетела стрела, и обратно на землю
Пав, перед ногой Мариона вонзилась в дол; а голубка,
С выси лазурной на мачту спустясь черноносого судна,
Вью к груди преклонила, грустно развесила крылья,
Быстро из персей дух испустила, — и с мачты далеко...»

На 342 стр. отчеркнуты последние четыре стиха:

«Мертвого вяжет к коням и у гроба любезного друга
В прахе волочит! Не славное он и не доброе выбрал,
Разве что нашу он месть на себя, и могучий, воздвигнет:
Землю, землю немую неистовый муж оскорбляет».

В последнем стихе подчеркнута: «Землю, землю немую».

351 стр. отчеркнута вся, кроме первых 5 стихов:

«Так говоря, прогонял их жезлом; от грозящего старца
Все удалился. Он же вскричал, сыновей порица,
Клита, Гелена, Париса, питомца богов Агафона,
Паммона, Гиппофоя, Дейфоба вождя, Антифона,
Храброго сына Полита и славного мужеством Дия:
Грозно на сих сыновей и кричал и приказывал старец:
«Живо, негодные дети, позорники. Лучше бы всем вам
Вместо единого Гектора пасть пред судами Ахеян!
О злополучный я смертный! Имел я в Трое обширной
Храбрых сынов, и от них ни единого мне не осталось!
Нет благовидного Нестора, нет конеборца Троила,
Нет и тебя, мой Гектор, тебя, между смертными бога!
Так, не смертного мужа казался он сыном, но бога!
Храбрых Арей истребил; а позорники эти остались,
Эти лжецы, плясуны, знаменитые лишь в хороводах,
Эти презренные хищники коз и агнцов народных!
Долго ли будете вы снаряжать колесницу, и в короб
Скоро ли вложите все, чтобы мог я немедленно ехать?»

На 354 стр. отчеркнуты штрихами два стиха:

«Коней погнал от преддверья и гулких навесов крылечных,
Мески пошли впереди под повозкой четырехколесной».

В этих стихах подчеркнута: «гулких навесов».

На 362 стр. отчеркнута четыре стиха:

«Вспомнив Пелея родителя! Я еще более жалок!
Я испытую, чего на земле не испытывал смертный:

Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю!
Так говоря, возбудил об отце в нем плачевные думы;»

На 362 стр. далее дважды отчеркнуты последние 4 стиха:

«Многих повергнул? В груди твоей, старец, железное сердце,
Но успокойся, воссядь, Дарданион; и как мы ни грустны,
Скроем в сердца и заставим безмолвствовать горести наши.
Сердца крушительный плач ни к чему человеку не служит».

На 365 стр. отчеркнуты 9 стихов:

«С мыслью, чтоб тело покрытое в дом отпустить от Пелида.
Он же, вызвав рабынь, повелел и омыть и мастьями
Тело намазать, но тайно, чтоб сына Приам не увидел;
Он опасался, чтоб гневом не вспыхнул отец огорченный,
Сына узрев; и чтоб сам он тогда не подвинулся духом
Старца убить и нарушить священные Зевса заветы.
Тело рабыни омыли, умастили мастью душистой,
В новый одели хитон и покрыли прекрасно ризой;
Сам Ахиллес и поднял и на одр положил Приамида;»

ГОРБУНОВ-ПОСАДОВ И. 1) Христианка (быль). 2) Свя-
тая. Стихотворение. «Посредник», изд. 4-е. М. 1909.

На обложке Толстым поставлен черным карандашом
балл: 3.

ГОРБУНОВ-ПОСАДОВ И. Дочь китайского вельможи и
другие рассказы. «Посредник», изд. 3-е, М. 1909.

На обложке Толстым поставлен черным карандашом
балл: 5.

ГОРБУНОВ-ПОСАДОВ И. (составил), Золотое колечко.
Песенник. «Посредник», изд. 2-е. М., без обозначения года.

На обложке Толстым поставлен черным карандашом
балл: 4.

ГОРБУНОВ-ПОСАДОВ И. (составил) Красная девица.
Песенник. «Посредник», изд. 2-е. М., без обозначения года.

На обложке Толстым поставлен черным карандашом знак
вопроса.

ГРИГОРОВИЧ Д. В. Повести и рассказы. СПб. 1873 г.
Загнуты нижние уголки: на 4 стр. в рассказе «Соседка»; на
24 стр. в рассказе «В ожидании короля» и на 70 стр. в рас-
сказе «Столичные родственники».

ГРИНЧЕНКО Б. Отец и дочка. Рассказ. Изд. «Посредник».
М., без обозначения года.

На обложке Толстым поставлен черным карандашом
балл: 1.

ДАЛЬ ВЛАДИМИР. Пословицы русского народа. Сбор-
ник пословиц, поговорок, речений, присловий, частоговорок,
прибауток, загадок, поверий и пр. Изд. 2-е, М. О. Вольф,
СПБ. — М. 1879.

На XLII стр. подчеркнуто: а) «стоит поп на копне, колпак на попе»; б) «иная вода стоит крови».

На L стр. подчеркнуто: «ему — про Тараса, а он — полтора».

На LI стр. подчеркнуто: а) «не под дождем, подождем»; б) «для почину, выпить по чину»; в) «что будет, то будет, а еще и то будет, что и нас не будет».

На LIII стр. подчеркнуто: «над грехом старосты нет».

Том II. На 261 стр. отчеркнуты первые 7 строк:

«Чу, теленок замычал (барабан).

Стой, не шатайся; ходи, не спотыкайся; говори, не заикайся; ври, не завирайся.

Коленей не подгибай, да брюха не выставляй, да не относи заду.

Не выпячивайся, не осажайся и в срединке не мотайся».

На 376 стр. подчеркнуты выражения, обозначающие пьянство: «залить за галстук», «убить муху», «побороть медведя», «зашибить дрозда», «замочить губы», «смазать глотку», «смотить горло», «сполоснуть губы», «завить горе ремешком», «замочить усы в чарке», «заморить червячка», «через край хлебнул», «у него есть в голове», «насандалить нос», «наклюкаться», «натянуться».

На 377 стр. подчеркнуты подобные же выражения: «насосаться», «закатить ухарскую», «зашумело в голове», «заметать петли», «закидывать круги», «писать мыслете», «лыка не вяжет», «язык в киселе», «налился», «натянулся, как губка», «хоть выжми», «натянулся, как пъявка», «умылся до положения риз», «четверней проехал», «служить землемером по винной части», «как стелька пьян», «напился чернее матушки грязи».

На 378 стр. подчеркнуто: «что через губу не плюнет», «пить мертвую, непробудную», «допился до чортиков».

На этой же 378 стр. отчеркнуты 7 строк названий водки: «Сивуха, сивалдай, сильвупле, французская, 14 класс, царская мадера, петровская, чем я огорчила, чем ворота запирают, пожиже воды, пользительная дурь, дешевая, продажный разум, огонь да вода, душегрейка, хлебная слеза, что под тын кладет, распояная, подвздошная, крякун, заунывная, плясовая, горемычная, клин в голову, прильпе язык, мир Европы».

Из них подчеркнуто: «наканифолился», «нализался», «налимонился», «наутюжился», «начокался», «нахлестался», «подгулял».

На 379 стр. подчеркнуто: «во хмелю».

На 382 стр. подчеркнуто: «сторонись, душа, оболю».

На 384 стр. отчеркнуты 6 строк: «Первую пить — здраву быть, вторую пить — ум веселить, утроить — ум устроить».

четвертую пить — неискусну быть, пятую пить — пьяному быть, чара шестая — мысль будет иная, седьмую пить — безумному быть, к восьмой приплести — рук не отвести, за девятой приняться — с места не подняться».

На 385 стр. отчеркнуты 4 строки: «Три степени пьянства; с воздержанием, когда крадешься по стенке; с расстановкой, когда двое ведут, третий ноги переставляет; с расположением, когда лежишь врастяжку».

Из них подчеркнуто: «с воздержанием», «с расстановкой», «с расположением».

Отчеркнуто: «Пьян с поведением» (т. е. под руки ведут).

На 387 стр. отчеркнуто: а) «У наших бражников много праведников».

б) «Святые угодники на пьяниц угодливы: что ни день, то праздник».

в) «Пойми пьяного речь, поймешь и свиное хрюканье».

На 549 стр. отчеркнуты 5 строк:

«Много нагару на лучине — к морозу.

Нагоревший уголь на лучине крупится — к морозу.

Кошка моется, лижет лапу — к ведру.

Кошка в мороз в печурку садится.

Кошка костыль ставит — к ведру».

ДИККЕНС Ч. Роман «Холодный дом», перевод с английского. (Титульный лист отсутствует.)

В главе XXVI «Стрелки», на 188 стр. отчеркнуто 3 строки: «и с большими преступлениями, чем Ньюгет. Страшен демон под грубой рубашкой или под грубым балахоном, но еще страшнее он, еще опаснее, еще нечувствительнее под белой манишкой, с золотой булавкой».

На 190 стр. отчеркнуто:

«руки, а может, у него уж такая привычка: иначе он, может быть, и есть не умеет.

— Деревня! — говорит мистер Джорж, работая ножом и вилкою: — Я думаю ты никогда не видывал деревни, как ушел от своих, Филь.

— Случилось однажды видеть болота, — говорит Филь и продолжает спокойно завтракать.

— Какие болота?

— Болота, командир, — отвечает Филь.

— Где же ты их видел?

— Не знаю где, — говорит Филь: — но я их видел однажды, хозяин: место такое низменное и грязное.

Хозяин и командир — это слова, которыми Филь с одинакою преданностью и с одинаким почтением называет мистера Джоржа, и только его одного».

В них подчеркнуто «преданностью», «одинаким почтением».

На 192 стр. отчеркнуто:

«был не очень добрый, да в газовом заведении чуть-чуть было не сгорел; спасибо, пожарный выкинул из окна на мостовую; вот с тех пор я и сделался очень гадок, так гадок, что и в толпе не пройду.

Расписывая с полным самодовольством эту картину, Филь заслуживает лишнюю чашку кофе. Наливая ее, он говорит:

— После того как меня выкинули из окна, командир, вы меня и увидели в первый раз.

— Помню, Филь, ты гулял на солнечной стороне.

— Прислонясь к стене, хозяин...

— Фа, Филь, шмыгал об стену...»

На 193 стр. отчеркнуто:

«И когда вы остановились против меня,— кричит Филь, поставив на стол чашку и блюдечко и поспешно снимая тарелку с колен,— вы сказали: «Эй, товарищ! что ты, на войне что ли был?»

Я не мог ничего вам ответить сразу, командир, потому что я был поражен, когда увидел, что человек, такой здоровый, сильный, свежий, как вы, обращаете внимание на такую безногую лягушку, как я. Но вы продолжали говорить со мной от сердца, и слова ваши — что твой стакан теплого.

«Что с тобой случилось, — говорили вы, — а? Ну, не бойсь, не бойсь, рассказывай смелее. А я уж и так не боялся и говорил вам, а вы говорили мне, я еще говорил вам, а вы еще говорили мне — и вот теперь я здесь, командир, у вас, командир, — кричал Филь, вскочив со стула и стараясь как-то особенно странно прильнуть к стене. — И коли нужна цель и ее нет, пусть стреляют мне в рожу. Ее не испортят, пусть стреляют! Если нужно боксироваться, да не с кем, пусть боксируют меня: пусть стучат в голову — ни-почем. Если нужно для силы бросать...»

В них подчеркнуто: «человек, такой здоровый, сильный, свежий...», «на такую безногую лягушку...», «Но вы продолжали говорить со мной от сердца, и слова ваши — что твой стакан теплого».

На 196 стр. подчеркнуто:

«— Велите ему, любезный друг, оставить это проклятое ружье и убираться отсюда».

Далее подчеркнуто:

«— Вы такой весельчак, мистер Джорж, — говорит до-стопочтенный дедушка».

Ниже еще подчеркнуто:

«— Дорогой друг мой! Эта сабля страшно блестит и, должно быть, очень остра. Чтоб случайно не сделать ка-кого-нибудь греха».

На 197 стр. отчеркнуто:

«Это сбивает окончательно с толку мистера Смольвица: он не знает, как бы приступить к изложению цели своего посещения, какая бы она ни была; впадает в отчаяние, скребет ногтями воздух, в бессильной злобе, выражая этим несокрушимое желание истязать, изранить и оцарапать лицо мистера Джоржа».

На 211 стр. отчеркнуты 18 строк:

«— Больше, брат! Но я об этом при ней ни гу-гу! Дисциплина прежде всего — понимаешь? Ведь это она открыла во мне музыкальные способности. Кабы не она, я бы и теперь киснул в артиллерии. Шесть лет я потел около скрипки, десять около флейты. Старуха говорит: «Нет, нейдет, охота есть, да склонности не те; попробуй, говорит, фагот». И достала, братец, фагот у капельмейстера Карабинерного полка. Я, бывало, засяду в траншеи да и давай дуть. Пошло. Сделал успехи. Завел сам фагот, да вот и живу им.

Джорж замечает, что она свежа как роза и крепка как яблоко.

— Да чего тут, братец: красивее ее я не видывал. Чем старше, тем лучше, то есть, что твой майский день. Но при ней я об этом ни гу-гу! Дисциплина прежде всего — понимаешь?»

В них подчеркнуто: «Но при ней я об этом ни гу-гу. Дисциплина прежде всего — понимаешь?»

ДОСТОЕВСКИЙ Ф. М. Полное собрание сочинений. Том 13. Спб. 1882.

На 361 стр. в романе «*Братья Карамазовы*», в главе «О аде и адском огне, рассуждение мистическое», подчеркнуты 6 строк:

«страдание о том, что нельзя уже более любить. Раз, в бесконечном бытии, не измеримом ни временем ни пространством, дана была некоему духовному существу, с появлением его на земле, способность сказать себе: «Я есть и я люблю». Раз, только раз, дано было ему мгновение любви деятельной, живой, а для того дана была земная жизнь, а с нею времена и сроки, и что же: отвергло сие счастливое».

На полях поставлено NB.

Далее отчеркнуты еще 16 строк, начиная от слов: «видит и лоно Авраамово, и беседует с Авраамом...», кончая словами: «...то воистину обрадовались бы ему, ибо мечтаю так, в...»

ЗАХАРЬИН (ЯКУНИН) И. Н. Жизнь, служба и приключения мирового судьи. Из записок и воспоминаний. СПб. 1900.

Отчеркнуты целиком стр. 35, 214—219, описывающие кляузничество и развратную жизнь сельского духовенства.

На 85 стр. отчеркнуто:

«Не удивительно поэтому, что простой русский народ, да и не один простой, уходит и в штунду, и в молокане, и во всякую иную ересь; уходит он чаще всего не из потребности переменить свои религиозные верования, — в большинстве, довольно неопределенные, туманные, — а лишь из желания переменить «отцов духовных», которых не в силах перенести каждое мало-мальски истинно верующее сердце».

ЛЕСКОВ Н. С. Полное собрание сочинений. Изд. 3-е, А. Ф. Маркса, 36 томов, приложение к журналу «Нива» за 1902 и 1903 гг.

В 3 томе на 77 стр. в «Однодуме» (гл. 1) отчеркнуты 6 строк:

«Пироги изготовлялись по скоромным дням с творогом и печенкою, а по постным с кашею и горохом, вдова выносила их в ночвах на площадь и продавала по медному пятаку за штуку. От прибыли своего пирожного производства она питала себя и сына, которого отдала в науку «мастерице».

На этой же странице отчеркнуты 7 строк:

«писал старухам множество заупокойных поминаний и тем положил начало самопитания. Но важнее этого были те свойства, которые дала ему его мать, сообщившая живым примером строгое и трезвое настроение его здоровой душе, жившей в здоровом теле. Он был, как и мать, умерен во всем и никогда не прибегал ни к чьей посторонней помощи».

На 78 стр. отчеркнуты первые 8 строк:

«В четырнадцать лет он уже считал грехом есть материн хлеб; поминания приносили немного, и притом заработок этот, зависящий от случайностей, был непостоянен; к торговле Рыжов питал врожденное отвращение, а оставить Солигалич не хотел, чтобы не разлучаться с матерью, которую очень любил. А потому надо было здесь же промыслить себе занятие, и он его промыслил».

Ниже на этой же странице отчеркнуто еще 7 строк:

«Сам Алексашка, которого это касалось всех более, был от мира непрочь и на мир не челобитчик: он смелою рукою взял почтовую суму, взвалил ее на плечи и стал таскать из Солигалича в Чухлому и обратно. Служба в пешей почте пришлась ему по вкусу и по натуре: он шел один через леса, поля и болота и думал про себя свои сиротские думы, какие согласились...»

Здесь подчеркнуты следующие слова: «Служба в пешей почте пришла ему».

На 79 стр. отчеркнуты 4 строки:

«Он кроме этой сумы всегда носил с собою еще другую, серую холщевую сумку, в которой у него лежала толстая

книга, имеющая на него, неодолимое влияние. Книга эта была «Библия».

Далее в середине страницы (гл. II) отчеркнуто 5 строк:

«Он уже не захотел ездить с почтарем и стал искать себе другого места — опять непременно там же, в Солигаличе, чтобы не расстаться с матерью, которая в то время уже состарилась и, притупив зрение, стала хуже печь свои пироги».

Отчеркнуты 4 строки внизу страницы:

«Конечно, во всем этом было много оригинального. Рыжов, например, знал наизусть все писания многих пророков и особенно любил Исаию, широкое богословие которого отвечало его душевной настроенности и составляло...»

На 80 стр. отчеркнуто 13 строк:

«Новомесячий ваших, и суббот, и дня великого не потерплю: поста, и праздности, и новомесячий ваших, и праздников ненавидит душа моя. — Егда прострете руки ваши ко мне, отвращу очи мои от вас, и аще умножите моления, не услышу вас. Измойтесь, отымите лукавство от душ ваших. Научитесь добро творити, и приидите истязаться, и аще будут грехи ваши яко богряное — убелю и яко снег. Но князи не покоряются, — общницы татем любяще дары, гоняще воздаяние — сего ради глаголет Саваоф: горе крепким, — не перестанет бо ярость моя на противных. И выкрикивал сирота — мальчуган это «горе горе крепким» над пустынным болотом и мнилось ему, что ветер...»

На 81 стр. (гл. III) отчеркнуто 9 строк:

«Не раз было сказано и никем не оспорено, что, по понятию многих русских людей, каждый городничий был «третье лицо в государстве». Государственная власть в народном представлении от первоисточника своего — монарха разветвлялась так: первое лицо в государстве — государь, правящий всем государством; за ним второе — губернатор, который правит губернией, и потом прямо за губернатором непосредственно следует третье — городничий, «сидящий на городе». Исправников тогда еще не было и...»

На 82 стр. отчеркнуты в конце 3-й главы 4 строки:

«началу градской власти и, не расставаясь с родным Солигаличем, стать на четвертую ступень в государстве; в Солигаличе умер старый кварталный, и Рыжов задумал проситься на его место».

В четвертой главе на этой же 82 стр. отчеркнуты 4 строки: «Как казенного жалованья по этой четвертой в государстве должности полагалось всего десять рублей ассигнациями в месяц, то есть около двух рублей восьмидесяти пяти копеек по нынешнему счету. На это четвертая...» В этих четырех строках подчеркнуты слова: «в государстве должности», «пяти копеек».

На 83 стр. отчеркнуто 6 строк:

«качества, очень подходящие для полицейской службы, которой добивался Рыжов, — он был сделан солигалическим квартальным, а мать его продолжала печь и продавать свои пироги на том самом базаре, где сын ее должен был установить и держать добрые порядки: блюсти вес верный и меру полную и утрясенную».

Еще ниже отчеркнуты 3 и далее сейчас же еще 4 строчки двумя отдельными линиями:

«с приятностью, так хорошо, как будто им этим большое одолжение сделали, и ничего не взял за науку. В тот же день он отверг и приношение капустных баб, пришедших к нему на поклон по касающему, и еще объявил, что ему по касающему ни от кого ничего и не следует, потому что за все его касающее ему «царь жалует, а мзду брать бог запрещает».

Здесь подчеркнуто: «приношение капустных баб», и «а мзду брать бог запрещает».

На 84 стр. отчеркнуты первые 6 строк:

«...проводил и посоветовал, а одному-другому пьяному ухо надрал, да будошникову жену, которая под коров колдовать ходила, в кутузку запер, а на утро явился к городничему с докладом, что видит себе в деле одну помеху в будошниках». В них подчеркнуто: «колдовать ходила, в кутузку запер».

Далее отчеркнуто еще 9 строк:

— «Кто думал спрашивать, а закон... городничий судил о нем русским судом: «закон — что конь: куда надо — туда и вороти его». Александр же Афанасьевич выше всего ставил закон; «в поте лица твоего ешь хлеб твой», и по тому закону выходило, что всякие лишние «приставники» — бремя ненужное, которое надо оставить и приставить к какому бы то ни было другому настоящему делу — «потному».

В них подчеркнуто: «туда и вороти его», и «ставить к какому бы то ни было... делу «потному».

Ниже на этой же странице отчеркнуты еще 8 строк:

«Городничий возмутился духом, вник в дело, увидел, что этак невозможно, и воздвиг на Рыжова едкое гонение.

Он попросил протопопа разузнать, нет ли в бескасательном Рыжове какого неправославия, но протопоп отвечал, что явного неправославия в Рыжове он не усматривает, а замечает в нем некую гордыню, происходящую, конечно, оттого, что его мать пироги печет и ему отделяет».

На 85 стр. отчеркнуто 5 строк:

«Тогда протопоп указал, что Рыжов не справлял себе форменного платья и в пасхальный день, скупой похристовавшись с одними ближними, не явился с поздравлением

ни к кому из именитых граждан, на что те, впрочем, претензии не изъявили».

Ниже отчеркнуто еще 7 строк:

«...было обмундироваться, но обмундировка требовалась, и она была у прежнего квартального.

Все видели у него и мундир с воротом, и рейтузы, и сапоги с кисточкой, а этот как ходил с почтою, так и оставался в полосатом тиковом бешмете с крючками, в желтых нанковых штанах и в простой крестьянской шапке, а на зиму имел овчинный нагольный тулуп, и ничего иного».

В них подчеркнуто: «этот как ходил с почтою... ничего иного».

Далее отчеркнуто 2 строки:

«К тому же произошел случай, потребовавший денег: умерла мать Рыжова, которой нечего было делать на земле».

Ниже отчеркнуто 6 строк:

«Александр Афанасьевич схоронил ее, по общему отзыву, «скаречно», чем доказал свою нелюбовь. Он заплатил за нее причту по-милости, но по самой-то пирожнице даже пирога не спек и сорокоуста не заказал.

Еретик! и это было бы тем достовернее, что хотя городничий ему не доверял и протопоп в нем сомневался...»

В конце страницы отчеркнуты 3 последние строки и на стр. 86 — 17 строк:

«В этих особах Александр Афанасьевич имел защитниц. Городничиха сама ему послала от урожая земного две меры картофеля, но он, не развязывая мешков, принес картофель назад на своих плечах и коротко сказал:

«За усердие благодарю, а даров не приемлю». Тогда протопопица, дама мнительная, поднесла ему две коленкоровые манишки своего древнего рукоделия от тех пор, когда еще протопоп был ставленником, но чудак и этого не взял:

— Нельзя, говорит, дары брать, да и, одеваясь по простоте, я никакой в сем щегольстве пользы не нахожу.

Тут и сказала протопопица мужу в злости задорное слово:

— Вот бы, говорит, кому пристало у алтаря стоять, а не вам, обиралам духовным.

Протопоп осердился, велел жене молчать, а сам все лежал и думал:

«Это новость масонская, и если я ее услужу и открою, то могу быть в большом отличии, и даже могу в Петербург переехать».

На 88 стр. (гл. V) отчеркнуты 4 строки:

«Рыжов отвечал, что он согласен.

— Изволь же, братец, повесть и исповедываться.

— Согласен, — отвечал Рыжов.

— И как оба мы люди на виду у всех, то и на виду все это должны сделать, а не как-нибудь прячучись. Я к протопопу на дух хожу, — он всех в духовенстве опытнее, — и ты к нему иди».

Далее отчеркнуты 4 строки:

«а напротив начальства особого зла не мыслит, ни на вас, ни на меня «по касающему» доносить не думает. А что «даров не принимает», — то это по одной вредной фантазии».

Далее отчеркнуто:

«— Ишь его, дурака, угораздило!

— Да, начитался от скуки и позабыть не может.

— Экий дурак! что же теперь с ним делать?»

Внизу отчеркнуты еще 3 строки:

«исправления Рыжова «по касающему», отец протопоп преподал городничему мудрый, но жестокий совет, — чтобы женить Александра Афанасьевича».

На 88 стр. отчеркнуты 4 строки:

«трудно: жена его начнет нажигать, и не тем, так другим манером так дойдет, что он ей уступит и всю библию из головы выпустит, а станет к дарам прилипчив и начальству предан».

Далее отчеркнуты 7 строк:

«— Ишь ты, — говорит, — греховодник, будто за ним и греха никогда не водится, а он себе уж и жену высмотрел.

— Где грехам не водиться! — отвечал Александр Афанасьевич: — полон сосуд мерзости, — а только невесту я еще не сватал, но, действительно, на примете имею и прошу позволения сходить на нее взглянуть».

На 89 стр. отчеркнуты первые 3 строки:

«— А где она у тебя, — не здешняя, верно, — дальняя?

— Да, так, и не здешняя, и не дальняя, — у ручья при болотце живет».

Далее на той же 89 стр. в главе VI отчеркнуты 6 строк:

«...неделю он привел в город жену — ражую, белую, румяную, с добрыми карими глазами и с покорностью в каждом шаге и движении. Одета она была по-крестьянски, и шли оба супруга друг за другом, неся на плечах коромысло, на котором висела подвязанная холщевым концом расписная лубочная коробья с приданым».

На 90 стр. отчеркнуты 19 строк:

«помогало, что и многие другие жили вокруг не в большем довольстве. Чаю они не имели и не содержали его в заводе, а мясо ели только по большим праздникам — в остальное же время питались хлебом и овощами, квасными или свежими с своего огорода, а всего более грибами, которых росло в изобилии в их лесной стороне. Грибы эти «баба» летнею порою сама собирала по лесам и сама готовила в прок, но, к сожалению ее, заготавливала их только одним спо-

собом сушения. Солить было нечем. Расход на соль в потребном количестве для всего запаса не входил в расчет Рыжова, а когда «баба» однажды насолила кадочку груздей солью, которую ей подарил в мешочке откупщик, то Александр Афанасьевич, дознавшись об этом, «бабу» патриархально побил и свел к протопопу для наложения на нее эпитимии за послушание против заветов мужа, а грибы целую кадкой собственноручно прикатил к откупщику двору и велел взять «куда хотят», а откупщику сделал выговор».

В них подчеркнуто: «побил и свел к протопопу для наложения на нее эпитимии за послушание против заветов мужа».

Ниже отчеркнуты еще 4 строки:

«...не пользующееся ничьим особенным сочувствием и ничьего особенного сочувствия не искал; солигаличские верховоды считали его «поврежденным от библии», а простецы судили о нем просто, что он «такой-некий-этакий».

На 91 стр. отчеркнуты 4 строки:

«...честно служил всем и особенно не угождал никому; в мыслях же своих отчитывался единому, в кого неизменно и крепко верил, именуя его учредителем и хозяином всего сущего. Удовольствие Рыжова состояло в...»

Далее отчеркнуты 3 строки:

«вписывал в большие тетради синей бумаги, которые подшивал в одну обложку с многозначительною надписью: «Однодум».

На 92 стр. (гл. VII) отчеркнуты 5 строк:

«губернатора, он, по примеру многих деятелей, прежде всего «размел губернию», то есть выгнал со службы великое множество нерадивых и злоупотреблявших своею должностью чиновников, в числе коих был и солигаличский городничий, при котором состоял квартальный Рыжов».

В конце страницы отчеркнуты последние 4 строки:

«в связи с апофеозом его службы, точно так же, как и в первые дни его квартальничества, не было форменного платья, и он правил «за городничего» все в том же».

На 93 стр. отчеркнуты 8 строк:

«непристойность» и продолжал сидеть на своем месте в бешмете.

Делу полицейской расправы в городе эта неформенность не мешала, но вопрос становился совершенно иным, когда пришла весть о приезде «надменной фигуры». Александр Афанасьевич, в качестве градоначальника, должен был встретить губернатора, принять и рапортовать ему о благосостоянии Солигалича, а также отвечать на все вопросы».

На 94 стр. (гл. VIII) отчеркнуты 5 строк:

«и чернь и четвероногие скоты. Города к приезду губернаторов воспринимали помазание мелом, сажей и охрою; на шлагбаумы заново наводилась национальная пестрядь казенной трехцветки; бударям и инвалидам внушали «головы и усы наваксить»; из больниц шли усиленные выписки в «оздоровку».

Ниже отчеркнуты 10 строк:

«Станционные зрители в эту пору отмещивали неспокойному люду свои нестерпимые обиды и с непоколебимой душевною твердостью заставляли трястись на каких попало клячах, потому что хорошие лошади «выстаивались» под губернатора. Словом, не было никому проходу, ни проезду без того, чтобы он не осязал каким-нибудь из своих чувств, что в природе всех вещей происходит нечто чрезвычайное. Благодаря этому, тогда без всякого пустозвонства болтливой прессы всяк, стар и млад, знали, что едет тот, кого нет на всю губернию больше».

На 95 стр. отчеркнуты 6 строк:

«В эти же дни в домах чернили нарядные сапоги, белили рейтузы и приготавливали залежавшиеся и поточенные молью мундиры. Это тоже оживляло город. Мундиры сначала провешивали в жаркий день на солнышке, раскидывая их на протянутых через двор веревках, что ко всяким воротам привлекало множество любопытных».

Ниже отчеркнуты еще 8 строк:

«...мысленно подвергается сомнению; отцам же нашим, имевшим настоящую, крепкую веру, давалось по их вере.

Ожидание губернатора в те времена длилось долго и мучительно. Железных дорог тогда еще не было, и поезда не подходили в урочный час по расписанию, подвозя губернатора вместе с прочими смертными, а особо заготовлялся тракт, и затем никто не знал с точностью ни дня, ни часа, когда сановник пожалует».

На 96 стр. отчеркнуты 8 строк:

«...лежали на городничем, который вперед всех выносил вскачь навстречу, первый принимал на себя начальственные взоры и взрывы и потом, опять стоя же, скакал впереди губернаторской кареты к собору, где у крыльца ожидал протопоп во всем облачении и с кропилом в чаше священной воды. Здесь городничий непременно собственноручно откидывал губернаторскую подножку и этим приемом, так сказать, собственноручно...»

На 97 стр. отчеркнуты 5 строк:

«...прибывший губернатор. И, надо правду сказать, от городничего многое зависело: он мог испортить дело вначале, потому что одною какою-нибудь своею неловкостью мог разгневать губернатора и заставить его рвать и метать; а мог также одним ловким прыжком, оборотом...»

Далее отчеркнуты еще 6 строк:

«...тревога солигаличской чиновной знати, которой пришлось иметь своим представителем такого своеобразного, неуклюжего и упрямого городничего, как Рыжов, у которого, вдобавок, ко всем его личным неудобным качествам, весь убор состоял в полосатом тиковом бешмете и кошла-той мужицкйй шапке».

Ниже на этой же странице (гл. IX) отчеркнуты 10 строк:

«...города, но к изменению своего несообразного костюма, а продолжал прохаживаться в бешмете. На все предлагаемые ему прожекты он отвечал:

— Не должно вводить народ в убытки: разве губернатор изнуритель края? Он пусть проедет, а забор пусть останется.

Требования же насчет мундира Рыжов отражал тем, что у него на то нет недостатков и «что, говорит, имею, — в том и являюсь: Богу совсем нагишом предстану. Дело не в платье, а в рассудке и совести, — по платью встречают — по уму провожают».

В этих строках подчеркнуто: «говорит, имею, — в том и являюсь: Богу совсем нагишом...»

На 98 стр. отчеркнуты 7 строк:

«Дорожа первым впечатлением ожидаемого гостя, солигаличские чины добивались только двух вещей: 1) чтобы был перекрашен шлагбаум, у которого Александр Афанасьевич должен встретить губернатора, и 2) чтобы сам Александр Афанасьевич был на этот случай не в полосатом бешмете, а в приличной его званию форме. Но как этого достигнуть?»

Ниже на этой же странице отчеркнуты 11 строк:

«и кроме того, помолиться о жертвователе в тайноглаголемой запрестольной молитве. Кроме того, отец протопоп рассудил, что откупщик должен дать заседателю, сверх ординарии, тройную порцию рому, французской водки и кизлярки, до которых заседатель охоч. И пусть заседатель зато отрапортуется большим и пьет себе дома эту добавочную ординарию и на улицу не выходит, а свой мундир, одной с полицейскими формы, отпустит Рыжову, — от чего сей последний, вероятно, не найдет причины отказать, и будут тогда и овцы целы, и волки сыты».

На 99 стр. отчеркнуты 16 строк:

«имел мундирную пару в полном порядке. Следовательно, оказалось только упросить его, чтобы он для общего блага к приезду начальства слег в постель под видом тяжелой болезни и сдал свою амуницию на этот случай Рыжову, которого отец протопоп, надеясь на свой духовный авторитет, тоже взялся убедить и убедил. Не видя в этом ни даров, ни мзды, справедливый Александр Афанасьевич, для общего счастья, согласился надеть мундир. Произведена

была примерка и пригонка форменной пары заседателя на Рыжова, и, после некоторого выпуска со всех сторон всех запасов в мундире и в рейтузах, дело было приведено к удовлетворительному результату. Александр Афанасьевич, хотя чувствовал в мундире весьма стеснительную связанность, но мог, однако, двигаться и все-таки был теперь настоящим представителем власти. Небольшой же белый карниз между мундиром...»

На 100 стр. (гл. X) отчеркнуты 15 строк:

«Это катил губернатор. Рыжов быстро прыгнул в телегу и хотел скакать, как вдруг был поражен общим стоном и вздохом толпы, крикнувшей ему:

— Батюшка, сбрось штанцы.

— Что такое? — переспросил Рыжов.

— Штаны сбрось, батюшка, штанцы, — отвечали люди. — Погляди-ка, на каком месте сидел, так к белому весь шлангов припечатал.

Рыжов оглянулся через плечо и увидел, что все невысохшие полосы национальных цветов шлагбаума, действительно, с удивительной отчетливостью отпечатались на его рейтузах.

Он поморщился, но сейчас же вздохнул и сказал: «Сюда начальству глядеть нечего» и пустил вскачь тройку навстречу «надменной особе».

На 102 стр. (гл. XI) отчеркнуто:

«...всколебался и поднялся на высоту невероятную.

Рыжов все шел следом за губернатором и, по мере того, как Ланской приближался к солее, Рыжов все больше и больше сокращал расстояние между ним и собою, и вдруг неожиданно схватил его за руку и громко произнес:

— Раб божий Сергей! входи в храм господень не надменно, а смиренно, представляя себе самым большим грешником — вот как!

С этим он положил губернатору руку на спину и, степенно нагнув его в полный поклон, снова отпустил и стал на вытяжку».

На той же странице (гл. XII) отчеркнуто:

«Очевидец, передававший эту анекдотическую историю о солигаличском антике, ничего не говорил: как принял это бывший в храме народ и начальство. Известно только, что никто не имел отваги, чтобы заступиться за нагнутого губернатора и остановить бестрепетную руку Рыжова, но о Ланском сообщает нечто подробнее. Сергей Степанович не подал ни малейшего повода к продолжению беспорядка, а, напротив, «сменил свою горделивую надменность умным самообладанием». Он не оборвал Александра Афанасьевича и даже не сказал ему ни слова, но, перекрестясь и оборо-

тась, поклонился всему народу, а затем скоро вышел и отправился на приготовленную ему квартиру».

На 103 стр. отчеркнуты 25 строк:

«— А как он насчет взяток: умерен ли?

— Помилуйте, — говорит голова: — он совсем ничего не берет.

Губернатор еще больше не поверил.

— Этому, — говорит, — я уже ни за что не поверю.

— Нет, действительно, не берет.

— А как же, — говорит, — он какими средствами живет?

— Живет на жалованье.

— Вы вздор мне рассказываете: такого человека во всей России нет.

— Точно, — отвечает, — нет; но у нас такой объявился.

— А сколько ему жалованья положено?

— В месяц десять рублей.

— Ведь, на это, — говорит, — овцу прокормить нельзя.

— Действительно, — говорит, — мудроно жить, только он живет.

— Отчего же так всем нельзя, а он обходится?

— Библии начитался.

— Хорошо, «Библии начитался», а что же он ест?

— Хлеб да воду.

И тут голова рассказал о Рыжове, каков он во всех делах своих.

— Так это совсем удивительный человек! — воскликнул Ланской и велел позвать к себе Рыжова».

Ниже отчеркнуты последние 5 строк и 5 строк на стр. 104:

«— А где воспитывались?

— Не имел воспитания... у матери рос, а матушка пироги пекла.

— Учились где-нибудь?

— У дьячка.

— Исповедания какого?

— Христианин.

— У вас очень странные поступки.

— Не замечаю: всякому то кажется странно, что самому несвойственно».

Далее отчеркнуты еще 6 строк:

«— Жалованье малое получаете?

Никогда не смеявшийся Рыжов улыбнулся.

— Беру, — говорит, — в месяц десять рублей, а не знаю: как это много или мало.

— Это немного.

— Доложите государю, что для лукавого раба это мало».

Ниже отчеркнуты еще 12 строк:

«— Вы, говорят, никакими статьями не пользуетесь?

Рыжов посмотрел и промолчал.

— Скажите по совести: быть ли это может так?

— А отчего же не может быть?

— Очень малые средства.

— Если иметь великое обуздание, то и с малыми средствами обойтись можно.

— Но зачем вы не проситесь на другую должность?

— А кто же эту занимать станет?

— Кто-нибудь другой.

— Разве он лучше меня справит?

Теперь Ланской улыбнулся: квартальный совсем заинтересовался.

И, наконец, отчеркнуты последние 3 строки и 3 строки на стр. 105:

«— Читаю, сколько время позволяет, и вам советую.

— Хорошо; но... могу ли я вас уверить, что вы можете со мной говорить совсем откровенно и по справедливости.

— Ложь заповедью запрещена, — я лгать не стану.

— Хорошо. Уважаете ли вы власти?

— Не уважаю».

Последняя строчка «— Не уважаю» — подчеркнута.

Далее отчеркнуты еще 2 строки:

«— Да, вы откровенны. Благодарю. Вы тоже пророчесствуете».

Далее на этой же 105 стр. отчеркнуты 7 строк:

«Квартальный перемахнул знакомые страницы и прочитал:

«— Государыня в переписке с Вольтером назвала его вторым Златоустом. За сие несообразное сравнение жизнь нашей монархини не будет иметь спокойного конца».

На отлинеенном поле против этого места отмечено:

«— Исполнилось при огорчительном сватовстве Павла Петровича».

Ниже в самом конце страницы отчеркнуты 10 строк с обеих сторон и 28 строк на стр. 106:

«— Но позвольте, однако, — спросил Ланской: — ведь леса составляют собственность.

— Да; а греть воздух в жилье составляет потребность.

— Вы против собственности?

— Нет, я только, чтобы всем тепло было в стужу. Не надо давать лесов тем, кому и без того тепло.

— А как судите о податях: следует ли облагать людей податью?

— Надо наложить и еще прибавить на всякую вещь роскошную, чтобы богатый платил казне за бедного.

— Гм, гм! вы ни откуда это учение не почерпаете?

— Из священного писания и моей совести.

— Не руководят ли вас к сему иные источники нового времени?

— Все другие источники нечисты и полны суемудрия.

— Теперь скажите впоследствии: как вы не боитесь ни того, что пишете, ни того, что со мною в церкви сделали?

— Что пишу, то про себе пишу, а что в храме сделал, то должен был учинить, цареву власть оберегаячи.

— Почему цареву?

— Дабы видели все его слуг к вере народной почтительными.

— Но ведь я мог с вами обойтись совсем не так, как обхожусь.

Рыжов посмотрел на него «с сожалением» [Толстым подчеркнуто] и отвечал:

— А какое же зло можно сделать тому, кто на десять рублей в месяц умеет с семьей жить?

— Я мог велеть вас арестовать.

— В остроге сытей едят.

— Вас сослали бы за эту дерзость.

— Куда меня можно сослать, где бы мне было хуже и где бы бог мой оставил меня. Он везде со мною, а кроме его никого не страшно.

Надменная шея склонилась, и левая рука Ланского простерлась к Рыжову.

— Характер ваш почтенен, — сказал он и велел ему выйти».

Далее 6 строк перечеркнуты:

«Но, повидимому, он еще не совсем доверял этому библейскому социалисту и спросил о нем лично сам несколько простолудинов.

Те, покрутя рукой в воздухе, в одно слово отвечали:

— Он у нас такой-некий-этакой.

Более положительного из них о нем никто не знал».

Далее отчеркнуты 5 строк:

«Прощаясь, Ланской сказал Рыжову:

— Я о вас не забуду и совет ваш исполню, прочту библию.

— Да, только этого мало, а вы на десять рублей в месяц жить поучитесь, — добавил Рыжов».

Том 4. На стр. 5 в рассказе «Несмертельный Голован» в главе II отчеркнуты 8 строк:

«В нем было, как в Петре Великом, пятнадцать вершков; сложение имел широкое, сухое и мускулистое; он был смугл, круглолиц, с голубыми глазами, очень крупным носом и толстыми губами. Волосы на голове и подстриженной бо-

роде Голована были очень густые, цвета — соли с перцем. Голова была всегда коротко острижена, борода и усы тоже стриженные. Спокойная и счастливая улыбка не оставляла лица Голована ни на минуту».

Том 16. В оглавлении подчеркнуто заглавие «Томление духа».

В «Томлении духа» на 148 стр. перечеркнуты поперек и крест-накрест 16 строк, начиная от слов: «По прозванию Коза...», кончая словами: «но нигде он долго не уживался».

Также на этой же странице перечеркнуты 2 последние строки:

«Он взялся это исполнить, и месяца три исполнял очень хорошо, но потом вдруг не выдержал и показал...»

На 149 стр. перечеркнуты первые 2 строки: «такую фантазию, как будто и не дал никакого зарока».

На этой же странице зачеркнуты 2 строки: «Разве вы не христиане? Кто вам позволил чем-нибудь клясться?»

На 150 стр. перечеркнуты 3 строки:

«А он явился в бесчеловечном виде и господам сделал фантазию, и ему за это отказано.

Фантазия состояла в том, что, взволнованный нашим...»

Далее зачеркнуты слова: «двойным злочинством»; зачеркнуто слово: «Коза» и надписано: «Он». Еще зачеркнуто: а) «имея в лице вид бесчеловечный»; б) «совершенно спокойным бесчеловечным голосом»; в) 3 строки:

«Ваш несчастный сын имел силу это стерпеть, да еще научил других клясться, чего Иисус Христос никому не позволял и просил никогда не делать». Далее зачеркнуто слово «Козу» и написано: «Ив. Я.»

Перечеркнуты 4 строки от слов: «— Ну, как же! еще ему чего...», кончая словами: «в алтаре молится, а».

В той же строке зачеркнуто слово «довольно».

На 151 стр. зачеркнуты 3 строки:

«Мы если и солжем, так у нас сколько угодно и отомлиться можно, у нас и угодники есть, и страстотерпцы, и мученики, и Прасковей».

Далее перечеркнуты на этой же странице 14 строк, начиная от слов: «Как же это показывают?» и кончая словами: «Нам его жалеть нечего».

Еще далее зачеркнуты и перечеркнуты 6 строк, начиная со слов: «На нем был его зеленый фрак...» и кончая словами: «а лицо его было даже весело и выражало удовольствие».

На 152 стр. зачеркнуто: а) «Что не берегли свою свободу и»; б) «вы уже перестали быть свободны»; в) «от всякой клятвы»; г) «я опроверг клятву»; д) «не лги ни словом, ни лицом»; е) 4 строки:

«О, я думаю, что он больше значит! Как вы думаете, кто больше?»

— Христос больше».

ж) 3 строки:

«Нет страха!.. Даже я!.. я победил страх! Я его прогнал вон!.. И вы гоните его вон!.. И он уйдет... Где он здесь? Его здесь нет».

Далее еще зачеркнуто слово «Коза» и надписано: «Ив. Я.»

На 153 стр. зачеркнуто:

«Что он оклеветал себя от страха».

Далее перечеркнуты 4 строки:

«это те, с кем одно и то же любишь».

— А особенно близких разве нет?

— Для чего же особенное? Что это вам такое! Надо делать все вместиное, а совсем не особенное».

Далее зачеркнуто слово «Коза» и надписано «Ив. Як.»

Зачеркнуты 4 строки:

«Как не напрасно: ведь вы поступили всех наичестнее и ничего дурного не сделали».

— Ну, вот. Для чего же делать дурное. Это не надо... но».

Зачеркнуто, но затем восстановлено волнистой линией: «Я сделал беспокойство».

Зачеркнуто: «против тьмы века сего».

На 154 стр. зачеркнуты: а) 2 строки:

«борьба наша не с плотию и кровию, а с тьмою века, — с духами злобы, живущими на земле»;

б) 3 строки:

«Но за что? за что это гонят тех, кто не сделал никому зла? это ужасно».

— Ничего, — отвечал, еще больше сияя, Коза».

Перечеркнуты последние 7 строк, начиная со слов: «И он стал говорить точно в экстазе:» и кончая словами: «Он мне внушает все, что человеку».

На 155 стр. отчеркнуты первые 5 строк, начиная со слов: «нужно, и я верю, что я у него могу понять», кончая словами: «Вот идет в тишине... still!»

На 156 стр. зачеркнуто слово «Коза» и надписано «он».

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ «ШИПОВНИК». Кн. III. СПБ., без обозначения года.

В рассказе Л. Андреева «Тьма» на 13 стр. отчеркнуты 4 строки:

«Медленно и тяжело, точно каждый раз проходили очень большое расстояние. Но хотя и бритый, и очень развязный, на актера он не был похож, а скорее на обрусевшего иностранца, на англичанина».

В них подчеркнуто: «каждый раз проходили очень большое расстояние».

На 37 стр. Против второй половины на полях надпись черным карандашом: «Отсутствие чувства меры, доходящее до бреда».

На 40 стр. подчеркнута синим карандашом 21 строка, начиная от слов: «Не хорошо. Не говори так. Раз пришла к тебе правда...» и кончая словами: «Нет, миленький, этот номер не пройдет».

Здесь же на полях надпись: «Какая чепуха».

На 41 стр. подчеркнуты следующие слова: «Бог-то ведь тоже хороший».

На 56 стр. подчеркнута синим карандашом 14 строк, начиная от слов: «— Что — растрогалась?» и кончая словами: «...в душном смраде комнаты громко прозвучал новый, незнакомый — голос человека:»

Здесь же на полях подпись: «Не искусство, а произвольн. бред».

На 57 стр. подчеркнуты карандашом первые 9 строк:

«просто рядом и обнимает его. Отодвинулась немного и руку положила легко, так, чтобы прикосновение чувствовалось как можно меньше. И забывая свою ненависть к хорошим, все слезы свои и проклятия, долгие годы ненарушимого одиночества в вертепе, покоренная красотой и самоотречением ихней жизни — взволновалась до краски в лице, почти до слез, от страшной мысли, что те могут ее не принять».

На 59 стр. подчеркнуты последние 11 строк, начиная от слов: «разговор о нем, о котором бредила эти дни вся полиция...» и кончая словами: «Правда, он и сам смеялся при этом, так как».

На 60 стр. подчеркнуты первые 8 строк:

«давно позабыл, где в его словах правда, а где ложь, то, что дымом табачным обволакивало всю его беспутную, пьяную жизнь. Но сегодня — в октябрьском утре, идя по холодным улицам, он ясно почувствовал, что вчерашнее — ложь, и что «он» просто негодяй; и было бы стыдно вчерашних мальчишеских слов.

— Герой! Как же! господи, да если он изнывал».

Далее подчеркнуты еще 5 строк:

«уже подагрику, так хочется жить? и вдруг догадался:

— Это оттого, что на улицах иней.

Обернулся назад и свирепо крикнул:

— В ногу! Идут, как бараны... с... с...

А под пальто поддувало, а сюртук был широк».

Против обоих мест на полях пометка: «что взбредет в голову».

МИКУЛИЧ. В. 1) «Бедные люди». 2) «Жаба». Изложено с французского, по В. Гюго. Изд. «Посредник», М. 1909.

На нижнем углу обложки поставлен балл: 5+.

Де МОПАССАН ГЮИ. Сочинения, избранные Л. Н. Толстым. Перев. Л. Н. Никифорова, просмотренный Л. Н. Толстым. М. 1893.

В оглавлении подчеркнуто «Исповедь».

МУЛЬТАТУЛИ. Повести, сказки, легенды. Перевод и вступительная статья Александры Чеботаревской. Кн-во «Дело», СПб. 1907.

На 194 стр. отчеркнуты последние 11 строк в рассказе «Старуха, собиравшая хворост»:

«Поодаль бродила старуха. Она часто нагибалась, что-то поднимая, и клала в передник. Увы! Она собирала хворост!»

— Какая бедность, — подумал я. — Я рассчитал, что она скоро подойдет к скамейке, на которой я сидел, и бросил на землю монету, чтобы она ее подобрала.

И я радовался, что она с каждым шагом подходит ближе к подарку, который я хотел ей сделать под видом случайности.

Но женщины, собирающие хворост, — не то, что кометы. Эта комета описала не тот путь, на какой я рассчитывал, и я боялся...»

На 195 стр. отчеркнута легенда «Знать — не значит делать».

«Один старец, пришедший посмотреть на Олимпийские игры, не мог найти места, где сесть. Пока он искал и проходил вдоль рядов, над ним издевались и высмеивали его смущение. Когда он подошел, наконец, к тому месту, где сидели лакедемоняне, то все юноши и многие мужчины встали и наперерыв предлагали ему свои места. Греки пришли в восторг от такого вежливого поступка и громом рукоплесканий дали понять, насколько они им очарованы.

Старец сказал с горечью: «О боги, все греки прекрасно знают, что прилично, но только лакедемоняне прилично поступают».

На той же странице отчеркнуты заголовок и две строчки легенды «Платон и Терсит».

На 205 стр. в «Сказке о японском каменотесе» зачеркнуто начало: «слушай, маленькая...»

На 206 стр. нижний уголок загнут вдвое.

На 207 стр. перечеркнута 9-я строчка сверху: «был доволен»...

ПУШКИН А. С. Сочинения. Издание П. В. Анненкова, СПб. 1855 г.

Том 1-й. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. На 82 стр. подчеркнуто карандашом: «под старость нашей молодости». (Из письма Пушкина к Дельвигу от 23 марта 1821 г.)

На 83 стр. подчеркнуто карандашом: «другого воспитания нет». (Из того же письма.)

На 87 стр. подчеркнуто карандашом: «беда небольшая, но стихи не люди». (Из письма Пушкина к редактору журнала «Литературные листки» от 1 февраля 1824 г.)

На 97 стр. отчеркнуты двумя карандашными штрихами, идущими друг за другом, 22 строки:

«Простота плана близко подходит к бедности изобретения, описание нравов черкесских не связано с происшествием и есть не иное что, как географическая статья, или отчет путешественника. Характер главного лица (а всего-то их двое) приличен более роману, нежели поэме, да и что характер? Кого займет изображение молодого человека, потерявшего чувствительность сердца в каких-то несчастиях, неизвестных читателю? Его бездействие, его равнодушие к дикой жестокости горцев и к прелестям кавказской девы могут быть очень естественны, но что тут трогательного? Легко было бы оживить рассказ происшествиями, которые сами собой истекали бы из предметов. Черкес, пленивший моего русского, мог быть любовником его избавительницы; мать, отец и братья ее могли бы иметь каждый свою роль, свой характер — всем этим я пренебрегал: во-первых, от лени; во-вторых, что разумные эти размышления пришли мне на ум тогда, как обе части поэмы были уже кончены, а сызнова начинать не имел я духа... Вы видите, что отеческая ценность не ослепляет меня на счет *кавказского пленника*, но, признаюсь, люблю его, сам не знаю за что: в нем есть стихи моего сердца...» (Из чернового письма Пушкина к Н. И. Гнедичу.)

На 111 стр. подчеркнуто карандашом:

«с ребенком, кусающим грудь своей кормилицы потому только, что у него зубки прорезались».

На 112 стр. на полях поставлен знак вопроса против абзаца:

«Это простое, не хитрое определение обнаруживает вообще малую способность Пушкина к теоретическим тонкостям, что доказал он многими примерами и впоследствии. Чрезвычайно меткий в оценке всякого произведения, даже и своего собственного, он был чужд, по природе, той тяжелой работы мысли, какую требует отвлеченная теория искусства. Часто не хотел он доискиваться значения идеи, верность которой только чувствовал, и отрывочно бросал ее на бумагу в своих тетрадах».

На 114 стр. подчеркнуто: «Вот глубина глупости!...» (Из письма Пушкина к брату Льву Сергеевичу 1824 г.)

На 115 стр. отчеркнуты 3 строки:

«не испугают нежных ушей читательниц, то напечатай его. Впрочем, чего бояться читательниц? Их нет и не будет на Русской земле, да и жалеть не о чем».

В них подчеркнуто: «Впрочем, чего бояться... не о чем». (Из письма Пушкина при посылке «Братьев-Разбойников» в Петербург для издания.)

На 444 стр. отчеркнуты карандашом 9 строк:

«Je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère— et c'est le sien (les femmes n'ont pas de caractère elles ont de passions dans leur jeunesse et voilà pourquoi il est si facile de les peindre), ce Byron donc a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère: son orgueil à l'un, sa haine à l'autre, sa mélancolie au troisième, etc. — et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants — ce n'est pas là de là tragédie!»

В них подчеркнуты все слова, заключенные в скобки. (Из письма Пушкина по поводу «Бориса Годунова».)

РОДИОНОВ И. А. Наше преступление. (Не бред, а быль.) Из современной народной жизни. СПб. 1900.

На 119 стр. отчеркнуты последние 3 строки:

«— Небось, не собака он. Што ему подыхать. Собака дохнет, а человек помирает, — наставительно заметил он».

На 120 стр. отчеркнуты 4 строки:

«— Батька да матька на постели приспали... вот кто... — употребив непечатное ругательство, ответил Лобов.

Взрыв одобрительного хохота покрыл его слова».

На 170—171 стр. отчеркнуты 25 строк:

«шопотом Прасковья,—и спросила я у красного солнышка: «Красное солнце восходимое, ты свеча неугасимая, наше теплое, обогревающее, обогреваешь ли мово чада милого во чужих-то во землюшках, что во дальних, во украинских, у злодеев у неверных?» И только так спросила я, послало солнце вестника: — вдруг пахнуло на меня ветром буйным на мою-то белу грудь, на мое-то на ретиво сердце. И помчалась мысль моя быстрая, загуляла дума борзая во моей бедной головушке. Догадалась я, придумала, что прилетела ко мне скоро весточка от моего сиротинушки. Верно, попался, мое дитяtko, он под пушки под чугунные, он под ядра начиненные прянь ему в буйну головушку, иль ружьем страшным в белу грудь, штыком вострым в ретиво сердце. Он упал ли на сыру землю, он на кровь ли на горячую; его скрыли, чада милова, что во матушку во сыру землю все чужие — чужестрании, не омыли лицо белое, не сняли платье кровавое. Ты катись-ка, горяча слеза, до моего чада милова, ты омой ему лицо белое, да его платье кровавое. Может, будет тое

времячко, что у самого Христа, может свидимся мы, встретимся в зеленом саду, чтоб узнать мне лицо белое, да его платье военное».

На 175 стр. отчеркнуты 7 строк сверху:

«бывало, как возьму его на рученьки, да как вспомню, что одна-то одинешенька эта крошечка на всем на белом свете... всем-то ён чужой, всем-то ён ненадобный, и так-то заболит мое об ём сердечушко, чуть што не разрывается, а как взглянет, бывало, на меня своими ясными глазыньками, да улыбнется, да протянет рученьки, совсем што солнышко в вешний день...»

Далее отчеркнуты еще 4 строки:

«как бы извиняясь, сказала Прасковья. — И глазами бы не глядела круг себя. Хоть ты приberi, желанная, а моей-то уж нету моченьки... Как колода лежу, касатка моя... На погост уж кости просятся».

На 186 стр. поставлен знак вопроса против следующих 14 строк:

«не благословишь, мама, нонче же на столе лежать буду».

Мать уступила. Счастье Леонтия и Марьюшки было полное, но продолжалось недолго. Никогда они ни на один день не разлучались, никогда даже косо не взглянули друг на друга. Год спустя Марьюшка родила Егора, а еще через полгода скончалась.

Мужик лет пять под ряд плакал, не осушая глаз, ожесточался и роптал на бога. За красивого молодого вдовца, не пьющего, с достатком, каждая девка в округе не прочь была выйти замуж. Отец и мать хлопотали снова женить Леонтия, но когда упрасивали его ехать свататься, он так раздражался, как если бы ему наносили кровное оскорбление».

На 190 стр. подчеркнуто: «портки с...свалятся».

На 193 стр. в 3-й и 4-й строке сверху подчеркнуто: «И хлеба-то не поешь вволю».

Ниже отчеркнуты 3 строки:

«более светлой, чем лицо, мелко-кудрявой бородой.

— На хлеб не найдется, а на это дело завсегда найдется, а казенки скоро откроют».

На 194 стр. отчеркнуты 3 строки:

«перешло, а евоное ко мне. У его-то денег больше... Им деньги-то дарма достаются, не то што нашему брату-мужику...»

В них подчеркнуто: «им деньги-то дарма достаются, не то што нашему брату-мужику».

Далее отчеркнуты 4 строки:

«тяжело дается крестьянину всякий грош, Леонтий до крайности скупился пропивать собственные деньги. «Сотка-то двенадцать с грошом, а вычесть стекло, так всего 9 копеек. А я лишку взял целых сорок».

На 195 стр. отчеркнуты первые 5 строк:

«только Леонтий кончил свои вычисления, ноги сами собой понесли его к кабаку. «Так-то день и ночь ломаешь-ломаешь спину, да и одной не выпить? — со злобой на кого-то рассуждал он, переходя улицу, — тогда лучше ложись да околей. Чего же тут?»

На 196 стр. отчеркнуты 3 строки:

«Больно добра лошадка, пятилеток, не зацмыканная, своего прикладу... охотницкая... Я сам до лошадок-то охотник... хоть сычас глину возить».

В этих строках подчеркнуто: «не зацмыканная».

На 201 стр. отчеркнуты 4 строки:

«Демин обтер кулаком слезы с глаз.

— То ись, сам Христос босиком по душе прошел... — в полном сердечном услаждении промолвил он».

На 210 стр. в третьей и четвертой строке снизу подчеркнуто: «насосались нашей крови?» И далее отчеркнуты 3 последние строки: «иступленно загорланил какой-то рыжий парень, высунув голову из телеги, в которой он лежал в растяжку, а двое его товарищей...»

На 213 стр. отчеркнуты 9 строк:

«Что ж, — думал Степан Маркелыч, — давили, угнетали, глушили все человеческое, держали в беспросветной тьме... Теперь народ одичал и мстит всем господам. Где ж ему разобраться, кто его друг, кто враг? Винить его за это нельзя. А вот «они»-то, властители и попечители наши, что думали, чего смотрели? Вот и дождался, что даже людям ни в чем неповинным жить стало невольно...»

На 215 стр. отчеркнуты 3 строки:

«сказывал, все начисто у господ надоть отобрать, кум... одолели, все на них работаем, а сами с голоду пухнем, кум...»

На 216 стр. отчеркнуто слово «башковатый».

На 222 стр. отчеркнуты первые 5 строк:

«Федор покачнулся и упал на старуху, а так как при малейшем движении дрова раскатывались в разные стороны, и в таком положении сыну «неспособно» было бить мать, то он до костей изгрыз ей левую скулу...» На полях поставлен знак вопроса.

На 247 стр. отчеркнуты 6 строк:

«Да, по-твоему, все говорят неправду. Вы только с отцом правильные. Рази не для господ больницы на наши трудовые мужицкие гроши выстроены? Рази земство с нас не дерет деньги? Мы и не знаем, куда их расходуют... всё по господским карманам расходится...»

На 248 стр. отчеркнуты 3 строки:

«Будь сам к людям хорош, и к тебе люди будут хороши. Только людям потерянным да пьяницам не угодишь добром...»

На 258 стр. отчеркнуты 3 строки:

«Ну, потрудись, болезная ты моя, никому это легко не дается, да все господь милует, спасает и разрешает».

На 266 стр. отчеркнута 3 строки:

«попросить сына не пить вина, но раздумал.

«Слаб, наобещает, да не судержится. Один грех».

В этих строках подчеркнуто: «не судержится».

На 267 стр. отчеркнуты 2 строки:

«Вздым...ми... — как чуть слышный шелест сухих листьев, пронесся медленный шопот старца». В них подчеркнуто: «Вздым...ми»...

РЫБНИКОВ П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Томы I и II. Изд. П. Бессонова и Д. Хомякова. М. 1861—1862 гг.

Том I. На 6 стр. отчеркнуты 6 строк:

«И повернулся он добрым молодцем:
И тугие луки переломал,
И шелковые тетевочки перервал,
И каменные стрелы все повыломал,
И у оружий замочки повывертел,
В бочонках порох перезалил».

На 13 стр. в левом столбце отчеркнута: а) 2 строки:

«И посадила его уж пером писать:
Письмо ему в науку пошло».

б) строка:

«обертываться серым волком»

Слова: «серым волком» подчеркнуты.

На 14 стр. отчеркнуты в левом столбце 4 строки:

«Волк поил-кормил дружину хоробрую,
Обувал-одевал добрых молодцев,
Носили они шубы соболиные,
Переменные шубы-то барсовые».

На 15 стр. в левом столбце отчеркнута:

«И на то окошечко косящатое».

В правом столбце подчеркнуто:

«тугих, каленых».

Далее отчеркнута с двух сторон:

«Дружина спит, так Волк не спит».

На 16 стр. отчеркнута с обеих сторон: а) в левом столбце:

«А и как нам будет стена пройти?»

в) в правом столбце:

«Хотя ноги изломить, а двери выставить!»

На 18 стр. в 28-м стихе подчеркнуто: «понукивает».

На 19 стр. отчеркнуты стихи 70—79:

«А недавно я был в городни — третьёво — дни,
На своей кобылке соловей,
Увез я оттоль соли столько два меха,
Два меха соли по сороку пуд,
И живут-то мужики все разбойники,
Они просят грошев подорожных;
А был я с шальгой подорожню,
Платил им гроши подорожные:
Который стоя стоит, тот и сидя сидит,
А который сидя сидит, тот и лежа лежит».

На 21 стр. отчеркнуты стихи 129—132:

«Оратая кобылка-то рысью идет.
А Вольгин-то конь поскакивает;
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгин-то конь остаётся».

Том II. На 118 стр. отчеркнуты последние 9 строк:

«По тому по ножичку булатному.
Пусть стрелит носом земли Гленския
Из туга лука калену стрелу
Во это во сребряно колечико,
По этому по ножичку булатному.
И разрубил эту стрелочку на полы,
Ростом одна половина не больше
И тут не могли испытать послы земли Гленския».

На 39, 53, 170—172, 184 и 198 стр. загнуты вдвое нижние уголки. На 95, 97, 99 стр. загнуты вдвое верхние уголки.

СЕМЕНОВ С. Т. Дедушка Илья и другие рассказы. Изд. «Посредник». М. 1903.

В этой книге Толстым делались пометки черным карандашом (подчеркивание и отчеркивание) характерных и интересных народных выражений.

Повесть «Дедушка Илья».

На 7 стр. отчеркнуты 4 строки:

«Болтай, что не дело, глупый. Деньги нажить — надо совесть забыть, а ты моли бога, чтобы здоровья дал да разум светлый, тогда и без денег проживешь, нужды не увидишь».

Здесь подчеркнуто: «Деньги нажить — надо совесть забыть».

В последней строке на этой странице подчеркнуто: «душа дороже всего».

На 9 стр. отчеркнуты 4 строки:

«Были бы у меня живые батюшка с матушкой,— говорила она,— хоть бы с ними я горе размыкала, а то пропадаю одна». Чем дальше, тем она становилась грустнее, а за последнее время она отчего-то стала покашливать».

На 11 стр. отчеркнуто:

«Что ж так: али в Москве баранок нет? Знать, не успели напечь к твоему отходу?»

В них подчеркнуто: «не успели напечь к твоему отходу?»

Далее отчеркнуто двумя чертами одна ниже другой:

«Породушка моя матушка, зачем ты меня на свет породила. Лучше бы ты меня несмышленной в темный лес отнесла, оставила ты меня, сироту горькую, горе горевать, век кукушкой куковать».

В них подчеркнуты: «Породушка моя матушка», «век кукушкой куковать».

Ниже на этой же странице отчеркнуто:

«— Ну, вот и радуйся! Загадывали то и это, обирай теперь сайки с квасом».

В них подчеркнуто: «обирай теперь сайки с квасом».

На 12 стр. отчеркнуто:

«— Ну его к шуту! — ругалась матушка. — Мне с ним и говорить-то не хочется».

В них подчеркнуто: «Ну его к шуту!»

Далее отчеркнуто:

«— Ни о чем он не думает, а живет и живет, как дерево какое. О чем ему думать?»

Подчеркнуто в них: «как дерево какое».

На 13 стр. отчеркнуто:

«— Авось ничего не сглазим, — тоже улыбаясь, проговорил староста».

Подчеркнуто: «ничего не сглазим».

На 14 стр. отчеркнуто:

«— Здорово, здорово, удалая голова, — проговорил староста».

Здесь подчеркнуто: «удалая голова».

Далее на этой же странице отчеркнуты 7 строк:

«что там будто бы ежели кто идет домой, так того деньгами оделяют. Дадут ему кучу и говорят: «на вот тебе, уплачивай дома все подати и недоимки».

«— Я что-то этого не слыхал, — проговорил отец».

«— Ну-у! Вот поди ж ты! — снова ухмыляясь, проговорил староста. — Значит, не всякому слуху верь. А у нас ведь как об этом заверяли. Я, признаться, нарочно и пришел за...»

В них подчеркнуто: «я что-то этого», и «об этом заверяли».

Ниже подчеркнуто: «— Должно, что ошибся».

На 15 стр. отчеркнуты три строки:

«ведь так нарастет, что и потрохов твоих рассчитаться нехватит. Что же это ты хочешь на мир хомут повесить?»

В них подчеркнуто: «И потрохов твоих», «хомут повесить».

Далее отчеркнуты 3 строки:

«Ведь с мира это ты будешь спрашивать-то, а ни с кого. А чем мир причинен? Он вот поведет сейчас старшину, продаст у тебя последнюю лошаденку».

Ниже отчеркнуты 2 строки:

«Его этим не обездолишь, а обездолишь только нас. Ему в Москве ни лошади, ни коровы не нужно». В них подчеркнуто: «не обездолишь, а обездолишь».

На 16 стр. отчеркнуто:

«Нет, на это терпения нехватает... Справляйся, справляйся проворней!

— Ступай, что же ты сидишь, как стукан? — сказала на отца мать».

На 19 стр. отчеркнуто:

«— Что же это делаешь-то, непутевая голова! Брось, отстань, мерзавец этакий!»

Далее на 19 и 20 стр. отчеркнуто:

«— Верно, что сам... Я сам не прав, матушка... Не прав, верно. Только что же с тобой поделаю, скажи мне на милость?»

— На путь находи, вот что! Пора образумливаться-то... не молоденький... на четвертый идет!.. Ты только подумай это!

— Как я на путь найду? Как? Коли я с собой не совладаю. Я, матушка, рад бы в рай, да грехи не пускают».

Далее отчеркнуто двумя штрихами:

«Врешь! сам на себя слабость напустил. Верить не хочу, чтобы с собой не совладать. Совладаешь, коли захочешь». В них подчеркнуто: «Врешь», «на себя слабость напустил», «с собой не совладать».

Далее отчеркнуты еще 3 строки:

«случай, выпьешь стакан, ну тогда и пошел, ничем уж себя не сдержишь... Я, може, сколько зарокон не исполнял, сколько клятв нарушил. Я бы сам рад отстать от...» В них подчеркнуто: «выпьешь стакан».

Ниже отчеркнуты еще 5 строк:

— Ах ты, головушка моя горькая! — лепетала бабушка.— Ах я, мученица беспросветная, когда развяжусь-то только с вами, снимаете вы с моих плеч буйную головушку...

Рыдания отца делались тише и тише; потом они смолкли...»

В них подчеркнуто: «мученица беспросветная», «мою буйную головушку».

На 24 стр. отчеркнуты 4 строки:

«— Что ж думать, надо, как лучше! — вздохнув, вымодвила матушка.

— Знамо, как лучше, кто про это говорит, только лучше-то как?»

Далее на третьей строке снизу подчеркнуто:

«Дай бог час!»

На 25 стр. отчеркнуты 3 строки:

«— Вот, тетка Прасковья, мы к тебе на рассудок пришли. Они вот в Москву хотят, а кто же подати, ты, стало быть, будешь платить?» В них подчеркнуто: «на рассудок».

На 27 стр. первая строка сверху отчеркнута:

«зиму-зимскую-то, а то со двора долой и из сердца вон».

В ней подчеркнуто: «со двора долой и из сердца».

Далее отчеркнуты 6 строк:

«Я ничего не сказал. Матушка обернулась к отцу и проговорила:

— Ну, совсем ты?

— Совсем.

— Ну, давай богу молиться. Господи, благослови. Все стали перед иконами и начали молиться богу».

На 29 стр. отчеркнуто:

«— Мир этому дому. Здорово поживаете? Как вас милует бог?» В них подчеркнуто: «Мир этому дому».

На 30 стр. отчеркнуты 4 строки:

«Бабушка обвила его шею руками и поцеловалась с ним крест-накрест три раза.

— А это кто же такое, чей он? — взглянувши на меня, спросил старик».

На 31 стр. отчеркнуто:

«— Не стукнул, не брякнул, а гость подошел! — пошутил старик».

На 32 стр. отчеркнуты 4 строки:

«Бабушка отвечала ему. Старик, вздохнув, проговорил:

— Знать, моя только смерть заблудилась. Эх... хе...хе!

И он глубоко-глубоко вздохнул и сразу опустил весь».

В них подчеркнуто: «— Знать, моя только смерть заблудилась».

Далее отчеркнуто:

«— Да, пожевать чего пожевал бы: я сегодня еще ничего не ел».

Далее подчеркнуто: «сейчас соберу».

На 33 стр. отчеркнуты 4 строки:

«— Будет с меня, по степям ходил, в казачине жил, в остроге сидел, всего тяпнул, только добра не нажил, а остался под старость яко наг, яко благ.

У дедушки пересекло в горле, и он умолк».

На 34 стр. отчеркнута последняя строка:

«Вот он сколько годов так мучит, то ничего-ничего». В ней подчеркнуто: «Вот он сколько годов так мучит».

На 35 стр. отчеркнуты 4 строки:

« — Ну, еще бы. Торговому человеку нешто можно помочь оказывать в убыток. Эх-хе-хе. Вот всё так... Наш брат как залез в богатство, так забыл и братство... Всё так...»

На 38 стр. отчеркнуты 2 строки:

« — Везде побывал, исходил земли немало... Видел горького и сладкого...»

Далее отчеркнуты 3 строки:

«В солдаты его без зачета!.. он такой, проэтакий, даром что лодырь, а тоже, Ерошкина мать, гордость имеет».

В них подчеркнуто: «Он такой, проэтакий, даром что лодырь».

На 39 стр. отчеркнуты 3 строки:

«А что мы свое добро-то во шах вытянули? Нам оно тоже достается, а другие на него, Ерошкина мать, глаза пялят». В них подчеркнуто: «добро-то во шах вытянули?»

Далее подчеркнуты еще 4 строки:

« — Я не охуждаю... а я, Ерошкина мать, только дело говорю. Кто заботу имеет, тот и просвет видит и все такое, а кто не старается, тот всегда в нужде колушается, это, брат, Ерошкина мать, верно».

В них отчеркнуто: «всегда в нужде колушается».

Отчеркнуты еще *внизу* 3 строки:

«Ерошкина мать, трудно жить. Времена не те стали. Нонче всякий, кто ни на есть, Ерошкина мать, храп имеет, и нет с ним никакой справы. Бывало хорошему человеку...»

В них подчеркнуто: «храп имеет».

На 41 стр. отчеркнуты 2 строки:

« — Опять ходи, — сказала бабушка Татьяна, — пригадывай к обеду когда, а то у них-то, чай, голодно». В них подчеркнуто: «пригадывай».

На 48 стр. отчеркнуты 5 строк:

«говорил он: — соха из рук не выпадет и за лошадьё в боронью поспею, не особо ремок живот-то... Только обувочка у меня плоха.

— Сапоги тебе справим, — сказала бабушка: — головку приделаем к тихоновым голенищам и будешь носить».

В них подчеркнуто: «только обувочка».

На 49 стр. отчеркнуты 2 строки:

« — Чередовые, что ж, небось спали без задних ног. Пасутся и пасутся, на што это думано».

Далее отчеркнуты еще 2 строки:

« — Ах, черти проклятые, вот поймать-то бы!

— Лови ветра в поле!»

В них подчеркнута последняя строка: «Лови ветра в поле!»

На 50 стр. отчеркнуты 3 строки:

« — Ей богу нет бы... А схватил бы за шиворот, наkostenялял бы, наkostenялял по шее и выпихнул бы! А если бы так люди делали б — и воровства не было бы».

В них подчеркнута: «наkostenялял бы».

На 54 стр. отчеркнуты 2 строки:

«говорил дедушка Илья: — а охальничать нечего. Ты делай дело, за каким приехал, а не озорничай!..»

В них подчеркнута: «а охальничать нечего».

На 56 стр. отчеркнуты 3 строки:

« — Неумная головушка!.. На что он только отважился? Загонят его туда теперь, куда и солнце не светит».

В них подчеркнута: «Неумная головушка!..»

На 57 стр. отчеркнута строка:

« — Что же Григорий-то, нешто он очень приболел?»

Подчеркнута: «он очень приболел».

Далее отчеркнута:

« — Мужики теперь пугаются, ходят, себя не помнят».

На 58 стр. отчеркнуты 3 строки:

« — Буян под запором. Ему там спокойно. Сидит, небось, да мышей считает! — безо всякого выражения проговорил Захар».

На 59 стр. отчеркнуты 2 строки:

« — Что об моей голове тужить, об ней плакальщиков мало! Пусть всякий об себе горюет».

На 60 стр. отчеркнуты 3 строки:

« — Ты думаешь, их этим сломишь; нет, они будут только возвышаться, калян, скажут, народ, нельзя с ними кро-тостью, нужно над ними палку держать».

В них подчеркнута: «калян».

На 62 стр. отчеркнуты 2 строки:

« — Как допрашивать-то будут, не очень хрондучи, держи язык-то покороче, молчаньем скорей отойдешь».

В них подчеркнута: «хрондучи».

На 66 стр. подчеркнута: «повольготней».

Далее отчеркнуты 6 строк:

« — Ах ты глупый! что ж меня жалеть? Да только бы меня бог прибрал, я бы милость его в этом увидала. Что ж мне теперь жить? Человек я бессильный, слабый. Только в тягость другим. Пожила — и довольно, пора костям на место».

— А как же я-то?»

В них подчеркнута: «костям на место».

На 67 стр. отчеркнуты 2 строки:

— «Родимая моя матушка, печальница, желанница, что это ты только задумала-то?»

В них подчеркнуто: «печальница, желанница».

Далее отчеркнуты 3 строки:

« — Ничего, ничего, — слабым голосом проговорила бабушка, пытаясь улыбнуться: — свалилась вот, размякла... видно к концу... И слава тебе, господи... слава тебе».

В них подчеркнуто: « — свалилась вот, размякла... видно к концу».

Далее отчеркнуты 4 строки:

« — К допросу, говорят, меня позовут? Каково мне, старому человеку, к начальству в город тащиться! Ну, судья-то небесный взмиловался, ведет меня к другому опросу. И этот лучше мне: я знаю там, что сказать и как».

На 69 стр. отчеркнуты 2 строки:

« — Хорошо летом умирать-то, — отвечала она: — могилу-то легко рыть».

Далее отчеркнуты еще 4 строки:

«Только глубоко дышала и несколько раз широко раскрывала глаза как будто от изумления. Дальше, больше, дыхание становилось реже и реже и прекратилось наконец совсем...»

В них подчеркнуто: «как будто от изумления».

В рассказе «Невеста» на 72 стр. отчеркнуто:

« — Надо бегом-бегать, а уж ноги-то притупились, а работницу наемную держать расчета нет».

В них подчеркнуто: «притупились».

Далее подчеркнуто:

«что веревочки не вить, а кончику все быть».

В последней строке страницы подчеркнуто:

« — Была одна, а теперь сам-друг стала».

На 80 стр. отчеркнуты 2 строки:

« — У нас новости изо всей волости, — девки родить начали!

— Ну, что ж, — с деланной улыбкой и преодолевая смущение, проговорил Василий, — больше народу на селе будет».

На 81 стр. отчеркнуто 6 строк:

« — Вон Федор Платонов наемни пить начал. Что, говорит, ни живу, а все никакого толку: была бы у меня плодущая жена, на ребят бы порадовался.

— Дети, известно, благодать, — снова усмехнулся старик: — стар будешь — и по шее поглядят, а без детей кому ж?»

В них подчеркнуто: «плодущая», «по шее поглядят».

На 82 стр. отчеркнуты 3 строки:

« — Возьмет какой-нибудь вдовец на детей. Впряжется она прямо в рабочий хомут, будет сносить попреки, не будет у ней никакой радости в замужестве».

В них подчеркнуто: «впряжется».

В повести «Бабы», на 90 стр. отчеркнуто:

«Влас подошел к речке, размахнул воду и, почерпнув ведро, вытянул его и тотчас же зашагал обратно. Когда он пришел в избу, Иринья, высокая, худощавая, немного сутуловатая...»

В них подчеркнуто: «размахнул воду».

На 91 стр. отчеркнуто:

« — Да без череду и не заставим».

Подчеркнуто: «без череду».

На 94 стр. отчеркнуты 4 строки:

« — А в вашей деревне дрова-то вольные?»

— Нет, горевые...

— Почему ж лесов нет?

— Были и леса, да вывелись, одни пни торчат».

В них подчеркнуто: «дрова-то вольные», «нет, горевые».

Ниже отчеркнуты еще 2 строки:

«тыщи стоил, а мужики так свели его, что все скрозь руки прошло,— и лесу нет, и нужды не поправили».

В них подчеркнуто: «скрозь руки».

На 95 стр. отчеркнуто и подчеркнуто: «в мешок не покладешь».

Ниже отчеркнуты 3 строки:

«Не зря ее считают хуже кошки; кошки в алтарь в церкви ходят, а баб не пускают».

На 114 стр. отчеркнуты 4 строки:

« — У бога света всего доспето и всего к своему времени много. Давно ли тут лежали сугробы; землю, было, ломом не возьмешь, а теперь ишь что?»

— Благодать, одно слово!..»

В них подчеркнуто: «У бога света всего доспето».

На 117 стр. отчеркнуты 2 строки:

« — Ну и другим нечего бока промывать, а то, ишь, хороши очень — никто по-вашему и жить-то не потрафит».

В них подчеркнуто: «бока промывать».

Далее отчеркнуто: «была нужда опасаться». Подчеркнуто: «была нужда».

На 122 стр. отчеркнуты 2 строки:

« — Перестань, не трепли зря языком... все равно ничего не выйдет».

В них подчеркнуто: «не трепли зря языком...»

Ниже отчеркнуто:

« — На кой ты мне! Очень ты мне приболел! — с дикой злобой воскликнула Сидоря. — Ах вы, паскудники! Все вы, мужики-то, такие. Летось один проходу не давал, нонче другой...»

В них подчеркнуто: «На кой ты мне!», «ты мне приболел».

На 134 стр. отчеркнуто:

« — Я тебе все ребра переломаяю.

Влас был неузнаваем: он совсем озверел, глаза его точно хотели выскочить; руки дрожали, голова тряслась».

В них подчеркнуто: «ребра переломаяю».

На 140 стр. отчеркнуто:

« — Будешь охоч до сласти, на все не будет власти,— сказал староста и опять засмеялся».

В них подчеркнуто: «будешь охоч... власти».

В рассказе «Отчего Парашка не выучилась грамоте» на 148 стр. отчеркнуто:

« — Калина говорила, что с медом хороша, а мед-то говорит, что и без нее скусен».

В них подчеркнуто: «Калина говорила».

На 150 стр. отчеркнуто:

«Сами мы как пни горелые, пусть хоть дети побольше узнают».

В них подчеркнуто: «как пни горелые».

Далее отчеркнуто:

«Что ее с этих пор заневолить-то? Нароботается за свой век!»

В них подчеркнуто: «нароботается».

На 159 стр. отчеркнуты 4 строки:

« — А тебе нужно было схватиться?»

— А что же теперь на них богу молиться? — проговорил Григорий, и голос его задрожал.— Они во всем нас жать будут, а мы и пикнуть не смей».

В них подчеркнуто: «теперь на них богу молиться?»

На 161 стр. подчеркнуто: «Где на тебя только управы искать».

На 162 стр. отчеркнуто:

« — Ну, ты скажи дело. Скажи, коль умна!.. — зыкнул на жену Григорий».

В них подчеркнуто: «зыкнул на жену».

СНЕГИРЕВ И. Новый сборник русских пословиц и притчей, служащий дополнением к собранию русских народных пословиц и притчей, изданных в 1848. М. В Университетской типографии. М. 1857.

В данном сборнике Толстым отмечены небольшими горизонтальными черточками на полях черным карандашом следующие пословицы:

На букву «В»

— 65. «В одно перо и птица не родится».

— 66. «В одном кармане сочельник, а в другом Иван постный».

— 68. «В семье не без уроду, в войне не без урону».

— 75. «Век-то долог, да час-то дорог».

На букву «Д».

— 10. «Дали бабе холст, говорит: толст; дали и тоне, говорит: дай боле».

— 13. «Две косы улежатся, а две прялки никогда».

— 19. «Денежки на стол, девушку за стол».

— 24. «Дешево покупаешь, да домой не носишь».

— 51. «Дурак родился, богу печаль».

— 56. «Девичья краса до возраста, а молодичья до веку».

— 57. «Девушка не травка, вырастет не без славки».

На букву «Ж».

— 5. «Жена люби не люби, только взглядывай».

— 8. «Жена не рукавица, с руки не сбросишь».

— 10. «Женину немочь догадка лечит».

— 21. «Жигуча крапива родится, да во щак уварится; а подчас и тут пригодится».

На букву «З».

— 24. «Земля безмолвна — все примет».

— 26. «Здравия желаю, с похмелья умираю. Нет ли гривен шести душу отвести?»

— 33. «Знай, чеботарь, свое кривое голенище, а в закройщики не суйся».

На букву «И».

— 1. «И велика, да мятлиха, и мала, да трава».

— 13. «И крута горка, да забывчива, и лиха беда, да сбывчива».

— 18. «И собака не лает на того, чей хлеб ест».

На букву «К».

— 8. «Каков у дела, таков у хлеба».

— 29. «Когда (придет) беда, купишь ума».

— 33. «Коза бела, коза сера, а все дух один».

— 34. «Коли нет в голове, ко лбу не пришьешь».

— 43. «Корми лошадь мешком, не будешь ходить пешком».

— 70. «Кто родится, тот кричит; а кто умирает, тот молчит».

— 72. «Кто солому покупает, тот зерна много сбывает».

— 84. «К бережливому и бог пристаёт».

— 87. «К обедне ходят по звону, а в гости по зову».

На букву Л.

— 20. «Лень мужа портит, а встань кормит».

— 27. «Люби ссору, люби и мир».

На букву «М».

— 2. «Маленький домик — теплый уголок, средненькой умок — век проживешь».

— 9. «Медовые уста отворяют железные ворота».

— 12. «Милости прошу к нашему грошу со своим пятак».

- 16. «Мимо девки да мимо репки так не пройдешь».
- 27. «Молодость молодостью и провожай».
- 28. «Молод, да протух; стар, да петух».
- 44. «Мысль за горами, а смерть за плечами».
- 45. «Медные деньги громче золотых брячат».
- 46. «Мельница не по ветру, а против ветра мелет».

На букву Н.

- 28. «Напой, накорми, в те поры вестей поспроси».
 - 26. «На покляное дерево и козы скачут».
 - 30. «На рассушку мастера не найдешь».
 - 33. «Наряди пень в вешний день, и тот красив».
 - 37. «На словах города берет, а на деле и вшей не бьет».
 - 43. «Начал духом, а кончил брюхом».
 - 45. «На что богатство, была бы спесь».
 - 47. «Не бей мужика дубиной, а бей его полтиной».
 - 48. «Не бери горсткой, бери щепоткой».
 - 61. «Не в том сила, что кобыла сива, а в том сила, что не везет».
 - 63. «Не говори правды, не теряй дружбы».
 - 64. «Не гонись за простым вором, а лови атамана».
 - 67. «Не жалеют деревья в лесу, а невесту в людях».
 - 72. «Не кланяюсь богачу, сам рожь молочу».
 - 74. «Не лиха тишина, лиха гребь».
 - 79. «Не оставайся от жару головня, от попа попадья».
 - 85. «Не пой, курица, петухом, не езд, барыня, верхом».
 - 88. «Не пугай сокола вороной».
 - 92. «Не реви раньше смерти».
 - 97. «Не соврешь, так и зоба не набьешь».
 - 99. «Не сроженое — не дитя, не купленное — не слуга».
 - 102. «Не строй семь церквей, а вскорми семь сирот детей».
 - 104. «Не суди по приезду, суди по отъезду».
 - 106. «Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит».
 - 108. «Не то говорят, что много едят, а то говорят, куда краюшку девают».
 - 109. «Не то денежки, что у бабушки, а то денежки, что в запазушке».
 - 111. «Не тягайся с богатым, не борись с сильным: коза с волком тягалась, хвост да шкура осталась».
 - 116. «Не хвали в три дня, а хвали в три года».
 - 123. «Не евши, не пивши, и поп умрет».
 - 128. «Нужда вежлива, а голь догадлива».
 - 129. «Нужда нужду ведет, а горе сводит».
 - 134. «Немец научит шить, а не кроить».
- На букву «О».

- 4. «Общая овечка волку корысть».
- 14. «Одна голова не бедна, а и бедна, да одна».
- 20. «Осина затрепетала, лошадь разыгралась».
- 30. «От худа до худа шажок».

На букву «П».

- 3. «Паршивому поросенку и в петровки холодно».
- 10. «Плохо тому хромать, у кого ноги болят».
- 12. «По голове и шапка, по ноге и сапог».
- 18. «По зайчьему следу доходят до медвежьей берлоги».
- 21. «Пока нога ногу минует, так все ладно».
- 23. «Поклонной главы меч не сечет, а покорно слово кость ломит».
- 27. «Положи, господи, камышком, подними перышком».
- 30. «Понура свинка глубже корень роет».
- 38. «После полотенца онучей не утираются».
- 39. «После радости горе, после горя радость».
- 40. «Потешь мужик жену, поди в солдаты».
- 50. «Про весь свет читает, а что дома — не знает».
- 51. «Проглотить-то хочется, да пожевать лень».
- 53. «Проголодаешься, — догадаешься».
- 54. «Про гостей хорошее, а дома — что поплоче».
- 56. «Пролетела пуля — не вернется; прошла пора — другой не дождешься».
- 62. «Пуст мешок стоять не будет».
- 65. «Пылинки не видно, а выедет глаза».
- 67. «Пешего сокола ворона бьет».

На букву «Р».

- 1. «Работа денежку копит, а хмель денежку топит».
- 3. «Работнику работа, хозяину забота».
- 5. «Рад бы охапкой, да не можно».
- 6. «Рад бы погнаться, да гашник порвался».
- 13. «Рука согрешит, голова отвечает».

На букву «С».

- 1. «Сажа уголь не замарает».
- 5. «Свой глаз алмаз, а чужой стеклышко».
- 12. «Сегодня натошак, завтра натошак, после завтра натошак, а там, гляди, с плечей и шубу тащат».
- 20. «Сидит на овчинах, а кричит с соболей».
- 21. «Сила во времени».
- 24. «Сильная рука богу судить». Также: «Сильной руке бог судья».
- 25. «Сиротская слеза даром на грудь не канет».
- 26. «Сказанное слово медное, а не сказанное золотое».
- 28. «Сколько кукушке ни куковать, а на зиму надобно отлетать».

— 30. «Скота не держать, и ускотья (т. е. падежа) не видать».

— 39. «Смерть за воротами не ждет».

— 44. «Сноха с возу, коню легче».

— 48. «Собака хватает, а всегда голодна бывает».

— 51. «Сон да баба, кабак да баня — одна забава».

— 55. «Старого не бьют, мертвого не кают».

— 57. «Старику не животы наживать, а дни провожать».

— 58. «Старое одышливо, недоброе не сдружливо».

— 60. «Старость не годами, а делами».

— 63. «Старым и больным закон не лежит».

— 64. «Стар, да петух; молод, да протух».

— 67. «Страшно дело до почину».

— 77. «С глаз долой, из памяти вон».

— 83. «С неуменья руки не болят».

— 84. «Снова шуба теплее, под старость жена милее».

— 89. «С чужого похмелья да голова болит».

— 97. «Серо, да сбойливо».

— 98. «Сеют, плачут; молотят, скачут».

На букву «Г».

— 4. «Теща зятя ублажает не для зятя собаки, а для милого дитяти».

— 5. «Толчя без шуму не ходит».

— 9. «Три раза прости, а в четвертый прихворости».

— 11. «Тупо сковано, не наточишь; глупо рождено, не научишь».

На букву «У».

— 15. «У дурака ни зла, ни ума».

— 16. «У зимы брюхо велико».

— 18. «Укащику чирей за щеку».

— 22. «Улица прямая, да хата кривая».

— 23. «Улица широка, хороводу простор».

На букву «Х».

— 4. «Хлебать бы молоко, да рыло коротко».

— 8. «Хороша вера у дела».

— 14. «Хорошо сделал бог, что не дал свинье рог».

— 19. «Хоть люби не люби, да чаще взглядывай».

— 25. «Хоть есть хвойку, да на своей вольке».

— 28. «Хочется есть, да не хочется лезть».

На букву «Ч».

— 10. «Честна жена мужем».

— 11. «Честь добра, да свезть нельзя».

— 16. «Чтобы и волки были сыты и козы целы».

На букву «Щ».

— 1. «Щастье не лошадь, его не запряжешь».

ТОЛСТОЙ Л. Н. Много ли человеку земли нужно. Рассказ. Изд. «Посредник», 10-е. М. 1908.

На нижней обложке поставлен балл: 5.

ТУРГЕНЕВ И. С. Сочинения. Изд. кн. магаз. наследн. бр. Салаевых. М. 1880.

Том 8. В отрывке «Довольно» (заглавие в оглавлении подчеркнуто ногтем) на 52 стр. отчеркнуто и подчеркнуто:

«Пока можно обманываться и не стыдно лгать — можно жить и не стыдно надеяться. Истина — неполная истина — о той и помину быть не может, но даже та малость, которая нам доступна — замыкает тотчас нам уста, связывает нам руки, сводит нас «на-нет».

Далее отчеркнуты последние 2 строки на 52 стр. и первые 3 на 53 стр.:

«пришли мне на память те ведьмы, призраки, привидения.

Увы! не привидения, не фантастические, подземные силы страшны; не страшна гофманщина, под каким бы видом она ни явилась...

Страшно то, что нет ничего страшного, что самая суть жизни мелко-неинтересна и нищенски плоска».

В них подчеркнуто: «что самая суть жизни мелко-неинтересна и нищенски плоска».

Далее отчеркнуто и выделено кривой линией:

«Ну, да: человек полюбил, загорелся, замечтал о вечном блаженстве, о бессметрных наслаждениях — смотришь: давным-давно уж нет следа самого того червя, который выел последний остаток его иссохшего языка».

Ниже отчеркнуты еще 3 строки:

«Но разве нет великих представлений, великих утешительных слов: «народность, право, свобода, человечество, искусство». Да, эти слова существуют и много...»

На 53 — 54 стр. отчеркнуты 5 строк:

«тревожном однообразии... То же легкое верие и та же жестокость, та же потребность крови, золота, грязи, те же пошлые удовольствия, те же бессмысленные страдания во имя... ну хоть во имя того же вздора, за тысячи лет тому назад осмеянного Аристофаном, те же самые грубые прианки».

Ниже отчеркнуты 14 строк:

«тирану — Ричарду — иронический гений великого поэта захотел бы нарисовать другой, более современный тип тирана, который почти готов поверить в собственную добродетель и спокойно почивает по ночам и жалуется на чересчур изысканный обед в то самое время, когда полураздавленные жертвы стараются хоть тем себя утешить, что воображают его, как Ричарда III, окруженным призраками погубленных им людей...

Но к чему?

К чему доказывать — да еще подбирая и взвешивая сло-

ва, округляя и сглаживая речь — к чему доказывать мошкам, что они точно мошки.

Но искусство... красота... Да, это сильные слова, они, пожалуй, сильнее других, мною вышеупомянутых слов».

На 55 стр. отчеркнуты последние 5 строк:

«как устоять против этих тяжелых, грубых, бесконечно и безудержно надвигающихся волн, как поверить, наконец, в значение и достоинство тех бранных образов, которые мы, в темноте, на краю бездны, мним из праха и на миг».

На 57 стр. отчеркнуты 16 строк:

«и лавры и терния стали равно незначительны. Из чего они станут снова подвергаться смеху «толпы холодной» или «суду глупца» — старого глупца, который не может простить им, что они отвернулись от прежних кумиров — молодого глупца, который требует, чтобы они тотчас вместе с ним стали на колени, легли плашмя перед новыми, только что открытыми идолами. Зачем пойдут они опять на этот толкучий рынок призраков, на это торжище, где и продавец, и покупатель равно обманывают друг друга, где все так шумно, громко и все так бедно и дрянно. Зачем «с изнеможением в кости» поплетутся они вновь в этот мир, где народы, как крестьянские мальчики в праздничный день, барахтаются в грязи из-за горсти пустых орехов, или дивятся, разинуя рты, на лубочные картины, раскрашенные сусальным золотом, в этот мир, где живуче только то, что имеет права».

В них подчеркнуто: «бедно и дрянно».

На 58 стр. отчеркнуты первые 4 строки:

«на жизнь, — и оглушая себя самого собственным криком, каждый судорожно спешит к неизвестной и непонятной ему цели. Нет... нет... Довольно... довольно».

Том 9. На 238 стр. верхний уголок загнут.

Том 10. На 563—574 стр. загнуты верхние уголки.

ТЮТЧЕВ Ф. И. Стихотворения. М. 1886.

Здесь имеются многочисленные отметки Льва Николаевича. Они опубликованы в статье С. Л. Толстого: «Л. Н. Толстой о поэзии Ф. И. Тютчева» («Толстовский Ежегодник 1912 года». М. 1912).

ШЕКСПИР В. Король Лир. Трагедия в 5 д. Перевод С. Юрьева. М. 1882.

На 28 стр. отчеркнуты красным карандашом 13 строк, включая и имена действующих лиц, начиная со слов: «Я способен твердо хранить...» и кончая словами: «плечах 48 лет».

На 42 стр. отчеркнута синим карандашом вторая половина, начиная со слов: «Можешь ли сказать, зачем у человека нос...»

На 43 стр. отчеркнуты синим карандашом первые 10 строк, кончая словами: «вышел бы славный шут».

На 47 стр. верхний уголок загнут вдвое.

На 66 стр. отчеркнуты черным карандашом 3 строки, начиная со слов: «Когда б ты рада не была...», кончая словами: «с мертвой развелся».

На 81 стр. против слов: «Дрожите так, чтоб все суставы ваши» — на полях горизонтальная черточка черным карандашом.

Далее отчеркнуты черным карандашом 8 строк, начиная со слов: «Ум мутится мой...», кончая словами: «тебя еще жалеет». На полях: «15».

На 94 стр. отчеркнута черным карандашом вся вторая половина страницы, начиная со слов: «Король, король!», но потом черта перечеркнута волнистой линией.

95 стр. отчеркнута черным карандашом вся, до слов Эдгара: «Береги свои пять чувств!»

На 99 стр. отчеркнуты черным карандашом 8 строк, начиная со слов: «Меня изгнал отец», кончая словами: «короля спасут. Смотри!» На полях: «21».

На 110 стр. окружены чертой красным карандашом 5 строк, начиная со слов: «Пять духов разом сидело...», кончая словами: «разных служанках».

На 114 стр. окружены чертой красным карандашом 19 строк, начиная от слов: «Герцог Альбанский. Взгляни ты только...», кончая словами: «с виду хоть и дьявол».

На 131 стр. отчеркнуты черным карандашом 4 строки, начиная со слов: «А! так-то ты со мной?», кончая словами: «теперь идет на свете».

На 132 стр. отчеркнуты черным карандашом первые 8 строк.

На 135 стр. отчеркнуты черным карандашом 9 строк: «Кто же вы... Да кто же вы... тут где-нибудь жилище».

ШЕКСПИР УИЛЬЯМ. Отелло, негр венецианский. Трагедия в 5 актах. Перевод и примечания к условиям современной сцены Алексея Месковского. СПб. 1894.

На 2 стр. верхний уголок загнут.

На 17 стр. отчеркнуты последние 15 строк.

На 18 стр. нижний уголок загнут.

На 21 стр. отчеркнуты 10 строк, начиная со слов: «Родриго. Глупо жить...», кончая словами: «из-за любви к цесарке».

Здесь же на этой странице нижний уголок загнут.

На 23 стр. отчеркнуты 18 строк, начиная со слов: «Дурак хоть тем...», кончая: «особой заменить».

На 30 и 68 стр. верхний уголок загнут вдвое.

На 84 стр. отчеркнуто: а) штрихами 6 строк, начиная со

слов: «Десдемона. Отелло, что с тобою..», кончая словами: «тому бы не поверил!»

б) строки, начиная со слов: «Когда бы женскими...», кончая словами: «с глаз моих!»

На 89 стр. верхний уголок загнут и отчеркнуто: а) с двух сторон 8 строк, начиная со слов: «а стыд мой в пепел», кончая словами: «ничего не хочет», б) 1 строка: «Десдемона. Да нет же! я не развратна!»

На 90 стр. отчеркнуты 6 строк, начиная со слов: «ты, ты! мы кончили...» и кончая словом: «уходит».

На 91 стр. отчеркнуты двумя чертами 7 строк, начиная со слов: «Десдемона. Я передать...», кончая словами: «пожурить слегка».

На 93 стр. отчеркнуты 5 строк, начиная со слов: «неволь-но в дрожь...», кончая словами: «земные все блага!»

На 101 стр. нижний уголок загнут и отчеркнуты последние 11 строк.

На 102 стр. отчеркнуто: а) первые 17 строк; б) далее еще 7 строк, начиная со слов: «Десдемона: — Боже...», кончая словами: «говоришь об убиении?»

ШЕКСПИР В. Трагедия о Гамлете, принце датском. Перевод К. Р. 3 тома. Спб. 1900.

Том 2. На 2 стр. окружены линией черным карандашом, возможно, что Толстым, 5 строк, от слов: «Avec quelle ruse Amleth», кончая словами: «de son histoire».

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

- Абрикосов, Хрис. Ник. — 143, 144, 146.
 Аванцо — 193.
 Агафья Михайловна — 135.
 Академия художеств — 275.
 Аксаков Ив. Серг. — 18, 174.
 Аксаков Серг. Тим. — 18.
 Аксакова Анна Фед. — 173, 174.
 Александр Македонский — 109.
 Александр I — 91, 112, 126, 172, 175, 176, 177, 178, 179, 185.
 Александр III — 227, 263.
 Александров Ник. Ал-др. — 59, 225.
 Алексеев Вас. Ив. — 110, 243.
 Алексеева Вера Вл., рожд. Загоскина — 243.
 Алеша Попович — 102.
 Алкид — 172.
 «Альманах», изд. «Шиповник». Спб. 1908—239.
 Амиель Анри Фредерик — 83.
 Амур, река — 104.
 Англия — 131, 147, 151, 169, 242.
 Андреев Леонид Ник. — 86, 87, 238, 239, 257.
 Андреев Леонид Ник., «За полгода до смерти» — 240.
 Андреев Леонид Ник., «Рассказ о семи повешенных» — 239.
 Андреев Леонид Ник., «Тьма» — 298, 323.
 Андреевская, Московской губ. — 262, 263.
 Анненкова Леон. Фом. — 264.
 Антокольский М. М., «Христос», скульптура — 43.
 Аполлов Ал-др Ив. — 45.
 Аполлов Ал-др. Ив., «Борьба света с тьмой» — 251.
 Аполлов Ал-др Ив., «Необыкновенный случай» — 252.
 Апостолов Ник. Ник. — 166, 167.
 Аракчеев Алексей Андр. — 128.
 Аристофан — 77, 344.
 Арнольд Мэтью — 80, 88, 242.
 Арнольд Мэтью, «Задачи современной критики» — 242, 243.
 Арнольд Мэтью, «Essays in criticism» («Critical essays») — 242, 243.
 Арнольд Эдвин — 228.
 Архангельск — 168.
 Архаров Ник. Петр. — 168.
 «Архив кн. Воронцова» — 184.
 Арцыбашев Мих. Петр. — 87.
 Астапово, Рязано - Уральской ж. д. — 244.
 Аустерлицкое сражение — 172.
 Афанасьев А. Н., «Народные русские легенды» — 222.
 Африка — 7.
 Ахшарумов Вл. Дм. — 236.
 Ахшарумов Вл. Дм., «Басня» — 236.
 Ахшарумов Вл. Дм., «Куда?» — 236, 299.
 Ахшарумов Вл. Дм., «Ночь» — 236.
 Ахшарумов Вл. Дм., «Покою ищущу я» — 236, 299.
 Ахшарумов Вл. Дм., «Скука» — 236.
 Ахшарумов Вл. Дм., «Сон» — 236.
 Ахшарумов Вл. Дм., «Холодный ветер» — 236, 237.
 Ахшарумов Вл. Дм., «Стихотворения» — 236, 298, 299.
 Ахшарумов Дм. Дм. — 236.
 Ачинский у., Енисейской губ. — 133.
 Бабурин — 226.
 Багратион Петр Ив. — 172.
 Баден-Баден — 232.
 Байрон Джордж Гордон — 228.
 Байрон Джордж, «Манфред» — 283.
 Бакунин Мих. Ал-др. — 282, 283.

- Балашев Ал-др Дм.—171, 172, 179.
 Балу Адин—111.
 Баранцевич Казим. Стан.—247, 249.
 Бартенев Петр Ив.—101, 166, 172, 173, 183, 191.
 Бартенев Юр. Петр.—166, 167, 168, 170.
 Барыкова Анна Павл.—249.
 Барятинский Ал-др Ив.—93, 185.
 Бах А. Н., «Царь голод»—12.
 Бах Иоганн Себастьян—79, 83.
 Бебутов Г. В., «Л. Н. Толстой и Хаджи Мурат»—193.
 Безродная Ю., «Великодушный Голиаф»—252.
 Бёке—197.
 Беклешев Ал-др Андр.—172.
 Белая, река—104.
 Белинский Висс. Гр.—85.
 Белоусов И., «С. Т. Семенов»—262.
 Беляев Ал-др Петр.—183.
 Беляев Ал-др Петр., «Воспоминания»—183.
 Беляев Митр. Павл.—278.
 Бенигсен Леонт. Леонт.—179.
 Берг Фед. Ник.—245.
 Беркенгейм Гр. Моис.—243, 244.
 Берлин—258.
 Берс Ал-др Ал-др.—297.
 Берс Андр. Евст.—169, 170, 171, 177.
 Берс Люб. Ал-др.—177.
 Берс Петр Андр.—222.
 Берсы—177.
 Бестужев-Рюмин Мих. Павл.—126.
 Бетховен Людвиг—77, 78, 81, 82.
 Бирюков Пав. Ив.—107, 113, 143, 144, 147, 248, 249, 276.
 Бирюков П. И., «Лев Николаевич Толстой. Биография», т. I, изд. «Посредник», М. 1906—280, 283.
 Бирюков П. И., «Биография Л. Н. Толстого», т. III, Гиз 1923—233.
 «Битва русских с кабардинцами»—248, 249.
 Бичер-Стоу Г., «Хижина дяди Тома»—115.
 Богатово, ст. Оренбургской ж. д.—216.
 Богданович А. В., «Три последних самодержца»—147.
 Богданович М., «История отечественной войны 1812 года»—178.
 Богородское, Нижегородской губ.—254.
 «Бодрое слово»—256.
 Бодянский Ал-др Мих.—74, 88.
 Блохин Гавр.—268.
 Большчев Е.—246.
 Большая Орешевка—95.
 Борель (Borel)—267, 268.
 Борисов Фил. Петр.—131.
 Бородино, Московской губ.—173.
 Бородинское сражение—172, 173.
 Боткин Вас. Петр.—181.
 Боткин Серг. Петр.—273, 275.
 Брюллов Карл Павл.—275.
 Буасере Сольпис—150, 153.
 Будда—77.
 Буланже П. А., «Как Л. Н. Толстой работал над Хаджи Муратом»—191.
 Булгаков Вал. Фед.—257, 258.
 Булгаков Вал. Фед., «Лев Толстой в последний год жизни»—138, 224, 240, 241, 259.
 Булгаков Вал. Фед., «Отчет по описанию библиотеки Л. Н. Толстого, находящейся в Ясной Поляне»—299.
 Булыгин Мих. Вас.—136.
 Булыгин Серг. Мих.—136.
 Бурже Поль—74, 240, 241.
 Бурже Поль, «La barricade»—240, 241.
 Бучкиев Илья Бор.—191, 192.
 Быстренн В. П., «Очерки и рассказы»—249.
 Быстренн В. П., «Свой суд»—249.
 Вагнер Рихард—40, 68, 83.
 Вагнер Рихард, «Кольцо Нибелунгов»—144, 147.
 Валаам—50.
 Валишевский К., «Вокруг трона»—127.
 Валишевский К., «Дочь Петра (императрица Елизавета)»—130.
 Валишевский К., «La dernière des Romanov»—129.
 Ван-Дейк Антонис—282, 283.
 Варшава—229.
 Веймар—156.
 «Век», журнал—272.
 Верещагин Ал-др Вас.—277, 278.
 Веселитская Лид. Ив. (В. Микулич)—16, 17, 116.
 Веселитская Лид. Ив., I. «Белые люди». II. «Жаба». Изложено с французского по В. Гюго—299, 324.

- Веселитская Лид. Ив., «Тени прошлого» — 177 (цит.).
 «Вестник Европы», журнал — 90, 270.
- Винер Цецил. Вл. — 234.
 «Вино — яд», изд. «Посредник» — 253.
- Владимир, город — 195, 281.
 Владимирская губ. — 182.
 Власов Петр Прок. — 142.
 Власов Прок. Влас. — 142.
 Волга — 37.
- Волгин А., «Отказались» — 252.
 Волконский Г. П. — 137.
 Волконский Ник. Серг. — 167, 168.
 Вольтер Мари-Франсуа Аруэ — 240.
- «Вопросы философии и психологии» — 255, 280.
- Воронеж — 246.
 Воронежская губ. — 104.
 Воронцов Мих. Сем. — 184, 185, 191.
- Воронцова Мар. Вас. — 185.
 «Время» — 230.
- Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина (Рукописное отделение) — 166, 167, 172, 173, 183, 185, 187, 189, 232, 244, 287, 295.
- Вяземская Марья Вл. — 83, 88.
 Вяземский Леонид Дм. — 88.
 Вяземский П. А., «Старая записная книжка» — 166.
- Гайдебуров Пав. Ал-др. — 249, 262, 263.
- Гайдн Иосиф — 83.
- Гальперин-Каминский Ил. Дан. — 240, 241.
- Гальперин-Каминский Ил. Дан., «Le grain merveilleux» — 240, 241.
- Гальперин-Каминский Ил. Дан., «Tolstoi par Tolstoi. Autobiographie épistolaire» — 240, 241.
- Гаршин В., «Сигнал» — 298, 299.
 Гаршин В., «Сказание о гордом Аггее» — 252.
- Гаузер Каспар — 51, 52.
 Гауптман Г., «Ганнеле» — 145.
- Ге Ник. Ник. — 43, 226, 227, 273, 274, 275, 276, 277.
- Ге Ник. Ник., «Распятие», картина — 226, 227.
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих — 19, 83, 87, 102.
 Гейне Генрих — 164, 245.
- Гельбиг В. Г. — 88.
 Гельбиг Над. Дм. — 70, 88.
 Гельке — 93.
 Георгиевский Ал-др Ив. — 200.
 Геркулес — 275.
 Германия — 51, 156.
 Герцен Ал-др Ив. — 274, 275, 281, 282, 283.
 Герцен Ал-др Ив., «Былое и думы» — 283.
 Герцен Нат. Ал-др. — 281, 282, 283.
- Гете Иоганн-Вольфганг — 79, 148—161, 164.
 Гете Иоганн-Вольфганг, «Ифигения» — 160.
 Гете Иоганн-Вольфганг, «Тассо» — 155.
 Гете Иоганн-Вольфганг, «Фауст» — 161 (цит.). См. еще иностранный указатель.
- Гиер — 100.
 Гинцбург Илья Як. — 282, 283.
 Гнездилово, Петербургск. губ. — 260.
- Гоголь Ник. Вас. — 17, 18, 19, 62, 69, 87, 244, 245.
 Гоголь Ник. Вас., «Выбранные места из переписки с друзьями» — 87.
 Гоголь Ник. Вас., «Завещание» — 87.
 Гоголь Ник. Вас., «Коляска» — 17, 300.
 Гоголь Ник. Вас., «Мертвые души» — 17, 69 (Петрушка), 73 (Петрушка), 87, 88 (Петрушка), 300.
 Гоголь Ник. Вас., «Нос» — 300.
 Гоголь Ник. Вас., «Портрет» — 300.
 Гоголь Ник. Вас., «Ревизор» — 17, 18, 88.
 Гоголь Ник. Вас., «Сочинения и письма», изд. П. А. Кулиша, Спб. 1857 — 298, 300.
 Гоголь Ник. Вас., «Старосветские помещики» — 17, 300.
 Гоголь Ник. Вас., «Шинель» — 300.
- Гольденвейзер Ал-др Бор. — 122, 123, 136, 138, 144, 147, 241.
 Гольденвейзер Ал-др Бор., «Вблизи Толстого» — 138, 240, 241, 244.
 Гольцев Викт. Ал-др. — 26, 27, 59.
 Гольцев Викт. Ал-др., «О прекрасном в искусстве» — 27.

- Гомер — 79.
 Гомер, «Илиада» — 101, 298, 300.
 Гомер, «Одиссея» — 101.
 Горбунов-Посадов Ив. Ив. — 17, 143, 147, 248, 249, 250, 253, 260.
 Горбунов-Посадов Ив. Ив., «Белый гость. Сборник притч и рассказов» — 251.
 Горбунов-Посадов Ив. Ив., «Волки. Сборник рассказов и притч» — 252.
 Горбунов-Посадов Ив. Ив., «Дочь китайского вельможи и другие рассказы» — 252, 305.
 Горбунов-Посадов Ив. Ив., «Золотое колечко. Песенник» — 298, 305.
 Горбунов-Посадов Ив. Ив., «Красная девица. Песенник» — 305.
 Горбунов-Посадов Ив. Ив., «Мститель. Сборник притч и рассказов» — 251.
 Горбунов-Посадов Ив. Ив., «Мудрец Солон. Сборник притч и рассказов» — 252.
 Горбунов-Посадов Ив. Ив., «Рох и его собака. Сборник рассказов» — 252.
 Горбунов-Посадов Ив. Ив., «Христианка (быль). Святая» — 252, 305.
 Горбунова Е., «Наши зеленые друзья-деревья» — 252.
 Горностаев Ф., «Гончар-самочка» — 252.
 Горностаев Ф., «Два ребенка» — 252.
 Горчакова Елена Серг. — 171.
 Горький Алексей Макс. — 88.
 Государственная публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде — 120, 231, 273, 276, 277, 278, 279.
 Государственный Литературный музей — 107, 167, 231.
 Государственный Толстовский музей — 9, 11, 12, 26, 60, 163, 167, 168, 178, 186, 187, 191, 222, 224, 225, 228, 229, 230, 232, 233, 236, 240, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 256, 257, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 268, 270, 272, 284, 286, 287, 288, 296, 297.
 Грабарь Игорь, «Репин» — 275.
 Гречия — 40.
 Грибоедов Ал-др Серг. — 164.
 Григорович Дм. Вас. — 65, 87.
 Григорович Дм. Вас., «Антон Горемыка» — 62, 87.
 Григорович Дм. Вас., «В ожидании короля» — 305.
 Григорович Дм. Вас., «Повести и рассказы», Спб. 1873 — 298, 305.
 Григорович Дм. Вас., «Рыбаки» — 65, 87.
 Григорович Дм. Вас., «Соседка» — 305.
 Григорович Дм. Вас., «Столичные родственники» — 305.
 Григорьев Ап. Ал-др. — 101.
 Гриневка, Тульской губ., — 231, 232.
 Гринченко Б., «Отец и дочка» — 299, 305.
 Грозная, крепость — 94.
 Гроссман Леонид, «Собеседник Толстого (Ромэн Роллан и его творчество)» — 284.
 Грот Ник. Як. — 59.
 Грузино — 128.
 Грузинский Алексей Евг. — 179.
 Грузинский Алексей Евг., «Яснополянская библиотека» — 299.
 Гудзий Н. К., «История писания и печатания «Крейцеровой сонаты» — 297.
 Гудзий Н. К., «Как писалась и печаталась «Крейцера соната» Толстого» — 297.
 Гуревич Люб. Як. — 187.
 Гусев Ник. Ник. — 19, 112, 136, 229, 239, 246, 253.
 Гусев Ник. Ник., «Два года с Л. Толстым», изд. «Посредник», М., 1912 — 19, 149, 152.
 Гусев Ник. Ник., «Два года с Л. Н. Толстым», изд. Толстовского музея, М. 1928 — 11, 16, 132, 230.
 Гусев Ник. Ник., «Толстой в расцвете художественного гения» — 201, 205.
 Гусева Варв. Дм. — 26.
 Гюго Виктор — 12, 16, 17, 257.
 Гюго Виктор, «Бедные люди» («Les pauvres gens») — 12, 17.
 Гюго Виктор, «Гражданская война» — 16.
 Гюго Виктор, «Неверующий» — 16.
 Гюго Виктор, «Отверженные» — 16.
 Гюйо Жан Мари — 225.
 Гюйо Жан Мари, «Задачи современной эстетики» — 227.

- Гюйо Жан Мари, «Искусство с точки зрения социологии» — 226.
- Дагестан — 191.
- Даль В. И., «Письма к друзьям из похода в Хиву 1839 г.» — 181, 182.
- Даль В. И., «Пословицы русского народа» — 299, 305.
- Данила Ловчанин — 102.
- Данилов, Ярославской губ. — 147.
- Данте Алигиери — 79, 83.
- Дарвин Чарльз — 39, 40, 83, 87.
- Дейтрих В. Ф. — 147.
- Дельвиг Ант. Ант. — 325.
- Денисенко Ив. Вас. — 257.
- Державин Гавр. Ром. — 250.
- «Детский отдых» — 215, 222.
- Дефо Д., «Робинзон Крузо» — 105 (Робинзон).
- Джеми — 94.
- Джордж Генри — 114, 115.
- Джордж Генри, «Запутавшийся философ» — 115.
- Диккенс Чарльз — 51.
- Диккенс Чарльз, «Замогильные записки Пиквикского клуба» (Пиквик) — 101.
- Диккенс Чарльз, «Холодный дом» — 299, 307.
- Дитерих, издательство — 148.
- Добролюбов Ник. Ал-др. — 85.
- Додэ А., «Крушение корабля» — 252.
- Достоевский Фед. Мих. — 191, 230, 257.
- Достоевский Фед. Мих., «Братья Карамазовы» — 299.
- Достоевский Фед. Мих., «Записки из мертвого дома» — 230.
- Достоевский Фед. Мих., «Полное собрание сочинений», т. 13, Спб. 1882 — 309.
- Дружинин Ал-др Вас. — 236.
- Дуброво Ив. Ив. — 107.
- Дьяков Дм. Алексеев. — 213, 215, 216.
- Дядин Н., «В простоте душевной» — 252.
- Е. Б. — 247.
- Е. В., «Л. Н. Толстой и Оптина пустынь» — 162.
- Европа — 42, 43, 274.
- Египет — 42, 269.
- «Ежемесячный журнал» — 256.
- Екатерина II — 103, 127.
- Елизавета Петровна — 129.
- Енисей — 132.
- Ергольская Тат. Ал-др. — 92, 93, 164.
- Ермолов Алексей Петр. — 185.
- Ермолов Дм. Фед. — 217.
- Жданов Вл. Ал-др. — 257.
- Желтов Фед. Алек. — 254, 255.
- Желтов Фед. Алек., «Автобиография» — 255.
- Желтов Фед. Алек., «Деревенский праздник» — 254, 255.
- Желтов Фед. Алек., «Трясина (Сон)» — 254, 255.
- Женева — 211.
- «Жизнь» — 88.
- «Жизнь для всех» — 19.
- Жихарев С. П., «Записки современника» — 172.
- Журавов И. Г., «Раздел» — 254, 255.
- Засодимский Пав. Вл. — 109.
- Захарьин Гр. Ант. — 208.
- Захарьин-Якунин И., «Жизнь слуги и приключения мирового судьи» — 299, 309.
- «Звенья» — 28.
- Зебек — 153.
- Землянки, Самарской губ. — 201.
- Зиновьев Алексей Алексеев. — 187.
- Зиновьев Ник. Алексеев. — 187.
- Зиссерман А. Л., «Двадцать пять лет на Кавказе» — 184, 185.
- Зиссерман А. Л., «История 80-го пехотного Кабардинского, генерала-фельдмаршала князя Барятинского, полка» — 184, 185.
- Зиссерман А. Л., «Фельдмаршал князь А. И. Барятинский» — 185.
- Зиссерман А. Л., «Хаджи Мурат. Письма о нем кн. М. С. Воронцова и рассказы кавказцев, 1851—1852» — 184.
- Зубов Платон Ал-др. — 128.
- Зябрева Авд. Никиф. — 95.
- Ибсен Генрих — 83.
- Ибсен Генрих, «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» — 143, 144.
- Ивакин Ив. Мих. — 107, 135.
- Ивакин Ив. Мих., «Воспоминания о Л. Н. Толстом» — 107.
- Иванов Ал-др Петр. — 297.
- «Из дневника А. Т. Болотова —

- Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя Павла I — 168.
- «Из записок севастопольца», статья — 171, 173.
- Изрог, Тульской губ. — 247.
- Илья Муромец — 102.
- Индия — 42.
- Институт русской литературы в Ленинграде — 232, 269.
- Иоанн Антонович — 103.
- Иртыш, река — 104.
- Исаев Балта — 93, 94.
- Истомин Вл. Конст. — 215, 222, 223, 224.
- Истомина Н. А. — 222.
- Италия — 281.
- «Италия», изд. «Шиповник», Спб. 1909 — 239.
- Кавказ — 93, 94, 99, 184, 191, 234.
- Казань — 259.
- Казерио — 258, 259.
- Казмичев Пав. Петр. (Мих. Борецкий, П. Мирецкий) — 256.
- Казмичев Пав. Петр., Вступительная статья к собранию сочинений Ф. А. Березовского, М.-Л. 1928 — 256.
- Казмичев Пав. Петр., «Гостья» — 256.
- Казмичев Пав. Петр., «Из летописи одного городка» — 257.
- Казмичев Пав. Петр., «Казнь» («Свыше сил») — 256.
- Казмичев Пав. Петр., «У виселицы» — 255, 256, 257.
- Калмыкова Ал.-дра Мих. — 109.
- Калинка, В., «Les dernières années du règne du Stanislaw Auguste», Paris, 1868 — 127.
- Кальм Д., «В лаборатории великого мастера» — 294.
- Кант Иммануил — 18, 20, 85, 158.
- Карамзин Ник. Мих. — 66, 87.
- Каренин Влад., «Владимир Стасов» — 275, 283.
- Карно Мари-Франсуа — 259.
- Касаткин Ник. Ал.-кс. — 225.
- Каспийское море — 94.
- Катков Мих. Никиф. — 172, 200, 212, 213.
- Квасоварова — 249.
- Кенворти Джон — 188, 189, 190.
- Кестнер Иоганн Христиан — 153.
- Киев — 255.
- Китай — 42, 230.
- Климентова-Муромцева Мар. Ник. — 279, 280.
- Клоншток Фридрих Готтлиб — 154.
- Кнебель Карл Людвиг — 151.
- Кнерцер Ник. Андр. — 208.
- «Книжки Недели» — 233.
- «Князь Воронцов и А. П. Ермолов. Их переписка о Кавказе» — 185.
- Ковалевский Макс. Макс. — 74.
- Козловка-Засаека, Московско-Курской ж. д. — 183.
- Колошин Пав. Ив. — 113.
- Колошина Соф. Павл. — 113.
- Кони Анат. Фед. — 146.
- Конопницкая М., «Покинутые», «Мариська», изд. «Посредник» — 252.
- Конопницкая М., «Убийца» — 252.
- Константин Павлович, вел. кн. — 179.
- Конт Огюст — 69.
- Коппе Ф., «Pater» («Отче наш») — 249.
- Корганов Ив. Иос. — 190, 191, 193.
- Корганов Иос. Ив. — 190, 191, 192.
- Корганова Анна Авессалом. — 191, 192, 193.
- Короленко Вл. Галакт. — 257.
- Корф Мод. Андр., «Записки» — 184.
- Кострома — 195.
- Кох Роберт — 34, 40, 45.
- Кочебу Август Фридрих — 155.
- Кочеты, Тульской губ. — 141.
- Крапивенский у., Тульской губ. — 210.
- Крапивна, Тульской губ. — 136, 267, 268.
- «Красная новь» — 256.
- Краснокутская Елиз. Валер., рожд. Толстая — 198.
- Краснокутский Лев. Ник. — 199.
- Красноуфимск, Пермской губ. — 195.
- Красноярск — 132.
- Крукс Вильям — 40.
- Крым — 269.
- Кузминская Мар. Ал.-др. — 296.
- Кузминская Тат. Андр., рожд. Берс — 5, 296.
- Кузминский Ал.-др. Мих. — 139, 140.
- Кунин — 207.
- Кутузов Мих. Иллар. — 101.
- Лазарев Ег. Ег. — 244.

- Лазурский В., «Из воспоминаний о Льеве Толстом» — 155.
- Ламартин Альфонс — 62, 87.
- Ламартин Альфонс, «Женевьева» — 62, 87.
- Ламартин Альфонс, «Жоселен» — 87.
- Ламартин Альфонс, «История жирондистов» — 87.
- Лао-Тсе — 275.
- Лафатер Иоганн Каспар — 157.
- Ла-Шетарди Иоаким — 129, 130.
- «Лев Толстой и В. В. Стасов, Переписка» — 11, 127, 273.
- Левин Лев Федор. — 93.
- «Ледящий», изд. «Посредник» — 251.
- Леньяни Пьерина — 279, 280.
- Лермонтов Мих. Юр. — 164, 165, 250.
- Лермонтов Мих. Юр., «Демон» — 165.
- Лермонтов Мих. Юр., «Кавказский пленник» — 165.
- Лермонтов Мих. Юр., «Корсар» — 165.
- Лермонтов Мих. Юр., «Черкесы» — 165.
- Лесков Ник. Сем. — 233, 235.
- Лесков Ник. Сем., «Загон» — 233, 234.
- Лесков Ник. Сем., «Несмертельный голован» — 321.
- Лесков Ник. Сем., «Однодум» — 310.
- Лесков Ник. Сем., «Полное собрание сочинений», изд. 3-е А. Ф. Маркса, 1902—1903 — 299, 310.
- «Летописи Государственного Литературного музея» — 167.
- «Летописи хирургического общества» — 107.
- Лист Франц — 88.
- «Литературное наследство» — 148.
- «Литературные листки» — 326.
- «Литературные приложения к «Ниве» — 146.
- Лифляндская губ. — 147.
- «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка», изд. «Academia», 1930—275, 296.
- Лобе Иоганн Христиан — 155.
- Лондон — 51, 281.
- Лорер Н. И., «Кавказские воспоминания» — 227.
- Лоскутов Мих. — 229.
- Лотарево, Тамбовской губ. — 88.
- Лохмачева Прас. Сим. — 138.
- Лувр — 227, 228.
- Ляпинский ночлежный дом в Москве — 105 г.
- Макгахан Варв. Ник. — 114.
- Маклаков Вас. Алексеев. — 146.
- Маковицкий Душан Петр. — 138, 254.
- Маковицкий Душан Петр., «Яснополянские записки», вып. 1—2, изд. «Задруга», М. 1922—1923—130, 267.
- Маковицкий Душан Петр., «Яснополянские записки» (рукопись) — 131, 148, 149, 158, 253, 257, 259.
- Маковский К. Е., «Свадебный пир», картина — 45.
- Максимов С., «Сибирь и каторга» — 132, 133, 134.
- Малая Губаревка, Орловской губ. — 232.
- Малинин Ал-др Фед. — 209.
- Малый театр в Москве — 74, 88.
- Малютин — 262.
- Мамакай-Юрт — 94.
- Мамонтов Ник. Ив. — 215.
- Маракуев Вл. Ник. — 225.
- Марк Аврелий — 85.
- Маркс Адольф Фед. — 287, 288.
- Маслов Ник. Ив. — 182.
- Маслова Соф. Ив. — 182.
- «Маяк» — 248.
- Майндорф Федор Ег. — 186.
- Менгден Вл. Мих. — 128.
- Менгден Елиз. Ив. — 107, 128.
- Менгден Юр. Вл. — 128.
- Меншиков Ал-др Дан. — 102.
- Меньшиков М. О., «Работа со-вести» — 233, 234.
- Микель Анджело Буонаротти — 79.
- Микулич В. См. Веселитская Л. И.
- Милюков Пав. Ник. — 85.
- Милюков Пав. Ник., «Из истории русской интеллигенции» — 88.
- Минеральные воды, станция — 264.
- Минкина Анаст. — 128.
- Мирович Вас. Як. — 103.
- Мишин Викт. Ст. — 255.
- Мольер Жан-Батист — 102.
- Мопассан Гюи де — 83, 146, 224, 225, 325.
- Мопассан Гюи, «Монт Ориоль» — 225.
- Мопассан Гюи, «Семья» — 141.

- Мопассан Гюи, «Сочинения», избранные Л. Н. Толстым. Перевод Л. П. Никифорова, просмотренный Л. Н. Толстым. М. 1893—299, 325.
- Мопассан Гюи де, «Месь». Ф. Коппе, «Сиделки», изд. «Посредник», М. 1909—253.
- Москва — 59, 60, 126, 129, 145, 166, 168, 169, 172, 173, 174, 177, 178, 182, 186, 187, 188, 190, 193, 195, 198, 199, 201, 202, 204, 209, 210, 214, 215, 217, 219, 225, 227, 232, 233, 247, 248, 253, 255, 258, 262, 269, 270, 281, 282, 296, 333.
- «Московские ведомости» — 173, 215, 222.
- Московский художественный театр — 145.
- Моцарт, «Дон Жуан» — 226, 227.
- Мочалова Е. А. — 224.
- Мультатули, «Знать — не значит делать» — 325.
- Мультатули, «Платон и Терсит» — 325.
- Мультатули, «Повести, сказки и легенды» — 299, 325.
- Мультатули, «Сказка о японском каменотесе» — 325.
- Мультатули, «Старуха, собиравшая хворост» — 325.
- Муравьев-Апостол Серг. Ив. — 126, 127.
- Мценский у., Орловской губ. — 133, 231.
- Мюллер Фридрих — 149, 150, 154, 156, 158.
- Нагорнов Бор. Ник. — 215, 221.
- Нагорнов Валер. Ник. (Воля) — 197, 198, 218, 221.
- Нагорнов Ник. Мих. — 193, 194, 196, 197, 198, 199, 200, 204, 209, 210, 213, 214.
- Нагорнова Варв. Валер. — 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 201, 202, 203, 204, 206, 208, 209, 213, 214, 215, 216, 218, 219, 220, 221, 222.
- Нагорнова Елиз. Ник. — 221.
- Нагорнова Тат. Ник. — 221.
- Надеин, книгопродавец — 205, 206.
- Наживин И., «Бабушка» — 253.
- Наживин И., «В неволе» — 253.
- Накашидзе Ил. Петр. — 184, 191.
- «На литературном посту» — 256.
- Наполеон — 175, 177, 178, 179.
- Нарышкин А. Л. — 172.
- Нарышкин Э. Д. — 183.
- «Начала» — 26.
- «Неделя» — 234, 262, 263.
- Некрасов Ник. Алексеев. — 94, 97, 99, 236.
- «Нива» — 245, 287, 288.
- Нижний-Новгород — 216.
- Никифоров Лев Павл. — 225.
- Никишин Вас. Серг. — 257, 258.
- Никишин Вас. Серг., «Смерть крестьянина» — 258.
- Николаев Иннок. Ник. — 220, 221.
- Николаев Ник. Петр. — 171, 172.
- Николаев Серг. Дм. — 115.
- Николай I — 97, 121, 124, 125, 127, 181, 184, 185.
- Николай II — 11.
- Николай Михайлович, вел. кн. — 191.
- Никольское-Вяземское, Тульской губ. — 203.
- Никольское-Горюшки (Оболяново), Московской губ. — 119, 185, 186.
- Новиков Адр. Петр. — 137, 259.
- Новиков Адр. Петр., «Записки лакея» — 258, 259.
- Новиков Ник. Ив. — 87.
- Новикова Нина Ив. — 182.
- Новочеркасск — 256, 257.
- «Новый мир» — 179.
- Нордау Макс — 72.
- Нуха, Елисаветпольской губ. — 190, 191.
- Оболенская Елиз. Валер., рожд. Толстая — 219.
- Оболенская Мар. Льв., рожд. Толстая — 121, 191, 276, 296, 297.
- Оболенский Дм. Дм. — 107.
- Оболенский Дм. Ник. — 107.
- Оболенский Леонид Дм. — 219.
- Оболенский Леонид Ег. — 59.
- Оболенский Леонид Ег., «Странник» — 252.
- Одесса — 233.
- Одоевский Ал-др Ив. — 182.
- Олсуфьев Ад. Вас. — 119, 186.
- Ожешко Элиза — 74.
- Озерова Ел. — 259.
- «Октябрь» — 256.
- Олсуфьев Ад. Вас. — 119, 186.
- Олсуфьева Анна Мих. — 186.
- Олсуфьевы — 185, 186.
- Орлов Ал-др Ив. — 245.
- Орлов Ал-др Ив., «Гоголь как учитель жизни» — 244, 245, 246.

- Орлов Вл. Фед. — 12.
 Орфеев Н. И. — 173.
 Остен-Сакен Ал-дра Ил. — 162,
 163, 164, 165.
 «Ответ мертвеца». Перевод Лукьян-
 янской — 251.
 «Отечественные записки» — 88,
 205.
- Павел I — 101, 131, 132, 167, 168,
 185.
 Павловск — 98.
 Пакин А., «Пора опомниться» —
 251.
 Панаева Евд. Як. — 99.
 Париж — 225, 227, 241.
 Паскаль Блез — 85.
 Патти Аделина — 279, 280.
 Паульсон Иос. Ив. — 209.
 «Переписка Л. Н. Толстого с гр.
 А. А. Толстой». изд. Обще-
 ства Толстовского музея,
 Спб. 1911—11, 174, 182, 230.
 Перовский Вас. Алексеев. — 182.
 Петербург — 10, 98, 99, 120, 126,
 169, 181, 182, 188, 202, 203,
 204, 205, 210, 227, 231, 248,
 272, 277, 279, 280, 327.
 Петерсон Ник. Павл. — 173, 174.
 Петерсон Ник. Павл., «Из запис-
 сок бывшего учителя» — 174.
 Петерсон Ник. Павл., «Н. Ф. Фе-
 доров и его книга «Филосо-
 фия общего дела» в проти-
 воположность учению Л. Н.
 Толстого «о непротивлении»
 и другим идеям нашего
 времени» — 174.
 Петр I — 25, 102, 103, 108.
 Петр Хельцицкий — 130.
 «Печать и революция» — 166.
 Пирогово, Тульской губ. — 121,
 183.
 «Письма Толстого и к Толсто-
 му», Гиз, 1928—233, 234, 235.
 Платон — 59, 68, 87.
 Платон, «Республика» — 68.
 Плутарх — 85.
 Победоносцев Конст. Петр. — 143.
 Погодин Мих. Петр. — 101, 166.
 «Под выстрелами». С немецкого,
 «Калека», рассказ Гюи де
 Мопассана, изд. «Посред-
 ник» — 251.
 Поленц В., «Крестьянин» — 243.
 Полонская Жоз. Ант., рожд.
 Рюльман — 231, 233.
 Полонский Як. Петр. — 231, 232,
 233.
- Полонский Як. Петр., «Вечная
 ткань» — 232.
 Полтава — 236, 242.
 Порошин С. А., «Записки, служа-
 щие к истории Павла Пет-
 ровича», Спб. 1891—131,
 168.
 «Посредник» — 107, 108, 147, 225,
 248, 249, 250, 253, 254, 255,
 260, 262.
 Поссе Вл. Ал-др. — 19.
 Потоцкий — 132.
 Потто Вас. Ал-др. — 191.
 Пошехонье, Ярославской губ., —
 147.
 Пушкин Ал-др Серг. — 18, 61,
 62, 165, 230, 250, 259, 260.
 Пушкин Ал-др Серг., «Борис
 Годунов» — 102, 327.
 Пушкин Ал-др Серг., «Братья
 разбойники» — 327.
 Пушкин Ал-др Серг., «Для бе-
 регов отчины дальней» —
 82, 88.
 Пушкин Ал-др Серг., «Монах» —
 165.
 Пушкин Ал-др Серг., «Сочине-
 ния», изд. П. В. Анненкова,
 Спб. 1855—299, 325.
 Пушкин Ал-др Серг., «Станцион-
 ный смотритель» — 253.
 Пушкин Лев Серг. — 326.
 Пыпин Ал-др Ник. — 74.
- Раевский Ив. Ив. — 146.
 Разин Ст. Тим. — 140.
 Разумовский Алексей Гр. — 129.
 «Рассказы генерала Котлубицко-
 го о временах императора
 Павла I» — 168.
 Растопчина Евд. Петр. — 166.
 Рафаэль Санти — 79, 83,
 Рембрандт ван-Рейн — 276, 277.
 Ренан Эрнест — 38, 43, 44.
 Ренан Эрнест, «Марк Авре-
 лий» — 38, 43.
 Репин Ил. Еф. — 108, 109, 126,
 225, 227, 274, 275, 276.
 «Речь» — 257.
 Ржевск, Воронежской губ. — 60.
 Рим — 88, 281.
 Ример — 149, 150, 152, 158,
 Римский-Корсаков Н. А., «Шехе-
 резада», симфония — 45.
 Рис Фед. Фед. — 169, 170, 176,
 180, 203, 205, 206, 212, 214.
 Ричард III — 344.
 Родионов И., «Наше преступле-
 ние» — 299, 327.

- Розен Андр., «В ссылку (Записки декабриста)» — 124.
- Ромэн Роллан — 273, 284.
- Ромэн Роллан, «Vie de Tolstoï» — 284.
- Росси Эрнест — 190.
- Россия — 42, 103, 104, 183, 189, 232, 236, 244, 248, 256, 264, 274, 281.
- Россошь, Воронежской губ. — 249, 250.
- Рубенс Петр Пауль — 282, 283.
- Румянцевский музей в Москве — 226.
- Русанов Бор. Гавр. — 188, 189.
- «Русские пропилеи» т. 2 — 122, 123.
- «Русская мысль» — 26, 263.
- «Русская старина» — 9, 184.
- «Русские ведомости» — 226, 227.
- «Русские пропилеи» т. 2 — 122, 123.
- «Русский архив» — 101, 166, 167, 168, 174, 176, 179, 181, 182, 184, 185, 191.
- «Русский вестник» — 169, 200, 245.
- «Русский художественный листок» — 98.
- «Русское богатство» — 59, 256, 257, 260.
- «Русское обозрение» — 249, 268.
- «Русское слово» — 19.
- Руссо Жан-Жак — 28, 240.
- Рыбников П. Н., «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» — 299, 330.
- Савихин Вас. Ив. (Иванов) — 260.
- Савихин Вас. Ив. (Иванов), «Дед Софрон» — 254, 255, 260.
- Сакиа-Муни — 77.
- Салаев Фед. Ив. — 204, 205, 213, 214, 215, 221.
- Саломон Шарль — 284, 285, 286.
- Самара — 104, 198, 200, 201, 209, 216, 217.
- Самарская губ. — 200, 201, 217.
- Сарракан Л., — 261.
- Сарракан Л., «L'adoration» — 261.
- Сарракан Л., «La milliardaire» — 260, 261.
- Сарракан Л., «Le miracle de sœur Simplice» — 260, 261.
- «Свободное воспитание», журнал — 248.
- «Свободное слово», издательство — 131.
- «Свободное слово», периодические издания — 147.
- «Свод мыслей Л. Н. Толстого» — 29.
- Севастополь — 93, 98, 135, 272.
- «Северный вестник» — 185, 186, 187, 227, 260, 263.
- Северо-Американские Соединенные штаты — 115.
- Селезнев Н., «Белая береза» — 251.
- «Сельский деревенский календарь», изд. И. Горбунова-Посадова — 248.
- Семенов Серг. Терент. — 129, 249, 261, 263.
- Семенов Серг. Терент., «Бабы» — 338.
- Семенов Серг. Терент., «Братья Бутузовы» — 249, 262, 263.
- Семенов Серг. Терент., «Два брата» — 262.
- Семенов Серг. Терент., «Дворник» — 251.
- Семенов Серг. Терент., «Дедушка Илья и другие рассказы» — 299, 331.
- Семенов Серг. Терент., «Левониха» — 251.
- Семенов Серг. Терент., «Марфуша-сирота» — 251.
- Семенов Серг. Терент., «Не в днях счастье, или неразумный отец» («Чужое добро в прок не идет») — 252, 261, 262.
- Семенов Серг. Терент., «Невеста» — 252, 337.
- Семенов Серг. Терент., «Недруги» — 129, 251.
- Семенов Серг. Терент., «Отчего Парашка не выучилась грамоте» — 339.
- Семенов Серг. Терент., «Подпасок» — 251.
- Семенов Серг. Терент., «Солдатка» («Жена без мужа») — 261, 262.
- Семенов Серг. Терент., «Хорошее житье» — 252.
- Семенов Серг. Терент., «Чья вина?» — 251.
- Семенов Серг. Терент., «Шпитонок» — 251.
- Сенка Луций Анней — 85.
- Сенкевич Г., «Без догмата» — 113.
- Сергеенко Петр Алексеев. — 16.
- Сергиев Ив. Ил. (Иоанн Кронштадтский) — 234, 244.

- Сергиев Ив. Ил., «Ответ пастыря церкви Льву Толстому на его «Обращение к духовенству» — 244.
- Серпуховский у., Московской губ. — 133.
- Сехин Епифан (Епишка) — 65, 87, 95.
- Сибирь — 91, 104, 133, 147, 183, 244.
- Сильчевский Дм. Петр. — 191.
- Симбирск — 217.
- Синклер Джон Толлемах — 228.
- «Сказка о славном, сильном, храбром и непобедимом витезе Бове королевиче и о прекраснейшей супруге его королевне Дружневне» — 148, 149.
- Скобелев Мих. Дм. — 106.
- Снегирев И. М., «Русские в своих пословицах» — 100.
- Снегирев И. М., «Новый сборник русских пословиц и пританий» — 299, 339.
- «Современник» — 87, 88, 94, 96, 97, 245.
- «Согласие против пьянства» — 262.
- Соковнин Ник. Ал-др. — 194, 195, 204, 205, 207, 209, 210, 213.
- Соколов Георг. (Юрко Плюгавый) — 264.
- Соколов Георг., «К юбилярам на 19-е февраля» — 264—267.
- Сократ — 83, 85.
- «Солдатский вестник», предполагавшийся журнал — 97.
- Соловьев Вл. Серг. — 74.
- Соловьев Ив. Гр. — 194, 201, 204, 206, 207, 208, 211, 213, 216, 217, 218, 219, 220.
- Соре — 153, 157.
- «Сорок лет служения людям. Сборник статей, посвященных общественно-литературной и книгоиздательской деятельности И. И. Горбунова-Посадова» — 248.
- Сосенки, Московской губ. — 258.
- Софокл — 77, 79, 269.
- Спасов Ив. Зах. — 133.
- Спасское-Лутовиново, Орловской губ. — 231, 232.
- Спенсер Герберт — 83.
- Спиноза Барух — 85.
- Спиро Серг. Петр. — 19.
- Старинин И., «Дядя Фаддей» — 251.
- Старинин И., «Об одном добром человеке» — 251.
- Старинин И., «Получка» — 252.
- Старогладковская станция — 87.
- Стасов Вл. Вас. — 11, 120, 127, 130, 188, 189, 191, 273, 275, 277, 280, 283.
- Стасов Вл. Вас., «Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и перелиска» — 277.
- Стахович Мих. Ал-др. — 297.
- Стахович Соф. Ал-др. — 292.
- Стахович Соф. Ал-др., «Сиротка» — 252.
- Столыпин Арк. Дм. — 101.
- Столыпин Петр Арк. — 136.
- Стороженко Ник. Ил. — 225, 226.
- Страхов Ник. Ник. — 72, 88, 141, 186, 187, 188, 189, 190, 204, 205, 245.
- Страхов Ник. Ник., «Борьба с Западом в нашей литературе» — 188, 189.
- Страхов Ник. Ник., «Философские очерки» — 186, 187.
- Страхов Фед. Алексеев. — 12.
- Суворин Алексей Серг. (А. И-н) — 181.
- Суворов Ал-др Вас. — 101.
- Сумароков К. В. — 142.
- Суфолькс (Англия) — 242.
- Сухотин — 101.
- Сухотина Тат. Льв., рожд. Толстая (Таня) — 126, 135, 138, 175, 186, 225, 226, 244, 273, 296.
- Сухотины — 243.
- Сушковы — 166.
- Сцилла — 79.
- Сытин Ив. Дм. — 248.
- «Тайные общества в России в начале XIX столетия», изд. Всесоюзного общества политических каторжан, М. 1926, — 183.
- Тамбовская губ. — 83.
- Танеев Серг. Ив. — 229, 230, 278.
- Ташкент — 104.
- Т. В. — 95.
- Тверь — 132.
- Теккерей В.-М., «Next French Revolution» — 228.
- Теккерей В.-М., «The last French Hero» — 228.
- Телешов Н., «Домой» — 252.
- Телешов Н., «Елка Митрича» — 252.

- Телешов Н., «С богом» — 252.
 Телятинки, Тульской губ. — 136.
 Тимм Вас. Фед. — 98.
 Тифлис — 95, 96, 99, 191, 192.
 Тихомиров И. — 262.
 Тициан Вечеллио — 282, 283.
 Толстая Ал-дра Андр. — 10, 230.
 Толстая Ал-дра Льв. — 136, 140, 224, 250, 253, 259.
 Толстая Дора Фед. — 269.
 Толстая Мар. Ник., сестра Льва Николаевича — 164, 211, 216, 218.
 Толстая Над. Фед., рожд. Громова — 218.
 Толстая Пел. Ник. — 135, 162.
 Толстая Софья Андр. (Соня) — 11, 91, 102, 103, 104, 116, 126, 135, 139, 170, 173, 183, 193, 194, 196, 202, 203, 204, 207, 209, 213, 215, 217, 218, 227, 263, 273, 279, 283, 295, 296.
 Толстая Софья Андр., «Автобиография» — 26.
 Толстая Софья Андр., «Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891», изд. М. и С. Сабанниковых, М. 1928 — 102, 103, 104, 105, 126, 183.
 Толстая Софья Андр., «Мои записи разные для справок» — 102.
 Толстой Андр. Льв. — 82, 88, 215.
 Толстой Валерьян Петр. — 97.
 Толстой Ив. Льв. (Ванечка) — 116.
 Толстой Ил. Андр. — 163.
 Толстой Илья Льв. (И. Дубровский) — 116, 135, 232.
 Толстой Илья Льв., «Одним подлеем меньше» («Илюшин рассказ») — 130, 131.
 Толстой Лев Льв. — 112, 116, 225, 226, 268, 269.
 Толстой Лев Льв., «Любовь» — 112, 267, 268.
 Толстой Лев Льв., «Монтекристо» — 112, 267, 268.
 Толстой Лев Льв., «Правда о моем отце» — 268.
 Толстой Лев. Льв., «Совершеннолетие» — 226, 227.
 Толстой Л. Н., «Азбука» — 26, 102.
 Толстой Л. Н., «Азбука», изд. 1872 г. («старая азбука») — 202, 205, 206, 207.
 Толстой Л. Н., «Альберт» («Пропащий») — 99.
 Толстой Л. Н., «Анна Каренина» — 20, 25, 90, 104, 213.
 Толстой Л. Н., «Ассирийский царь Ассархадон» — 251.
 Толстой Л. Н., «Безубойное питание или вегетарианство. Мысли разных писателей. Собрал Л. Н. Толстой» — 252.
 Толстой Л. Н., «Бестужева-Рюмина казнь», замысел — 125.
 Толстой Л. Н., «Блудная жена», замысел — 125.
 Толстой Л. Н., «Блудный сын», замысел — 125.
 Толстой Л. Н., «Бог один у всех» — 251.
 Толстой Л. Н., «Божеское и человеческое» («Казнь в Одессе») — 120, 123, 124.
 Толстой Л. Н., «Большая медведица», «Камни», «Вражье легко, а божье крепко», изд. «Посредник» — 251.
 Толстой Л. Н., «Бродяга-князь», замысел — 125.
 Толстой Л. Н., «Венгерка», замысел — 96.
 Толстой Л. Н., «Власть тьмы» — 74, 88, 224, 275.
 Толстой Л. Н., «Война и мир» («1805 год») — 101, 102, 103, 166, 167, 169, 170, 171 (Пьер), 172 (Безухов), 173 (Пьер, Библин), 174, 175 (Пьер), 176, 177 (Наташа Ростова, Анатолий Курагин, Пьер Безухов, Андрей Болконский), 178, 179, 180, 181, 205, 207, 211, 212, 214.
 Толстой Л. Н., «Воскресение» («Коновский рассказ») — 112, 113, 115; 117, 119, 120, 121, 124, 125, 130, 241, 287, 288, 289.
 Толстой Л. Н., «Воспоминания» — 92, 121, 125, 135, 163, 284.
 Толстой Л. Н., «Воспоминания о суде над солдатом» (Шибунинным) — 136.
 Толстой Л. Н., «Восстановление ада» («Дьявол в аду») — 111, 115, 119, 120.
 Толстой Л. Н., «Всем равно» — 140.
 Толстой Л. Н., «В чем моя вера?» — 106.
 Толстой Л. Н., «Где любовь, там и бог» — 251.
 Толстой Л. Н., «Голод или не голод?» — 232.

- Толстой Л. Н., «Грушенька», замысел — 141.
- Толстой Л. Н., «Давно позабыл я о счастье»... — 164.
- Толстой Л. Н., «Два гусара» — 98.
- Толстой Л. Н., «Две картинки», замысел — 139.
- Толстой Л. Н., «Две различные версии истории улья с лубочной крышкой» («История улья») — 109.
- Толстой Л. Н., «Дворянское семейство» — 97.
- Толстой Л. Н., «Девченки умнее стариков» — 123.
- Толстой Л. Н., «Декабристы» — 11, 25, 124, 125, 130, 132, 166, 167, 181, 182.
- Толстой Л. Н., «Детская мудрость» — 136, 137.
- Толстой Л. Н., «Детский круг чтения» — 17, 112, 120.
- Толстой Л. Н., «Детство» — 93, 95, 96, 99, 164.
- Толстой Л. Н., «Детство и отрочество», изд. 1876 г. — 212, 213, 214.
- Толстой Л. Н., «Детство, Отрочество и Юность» — 87.
- Толстой Л. Н., «Для души. Изречения мыслителей разных стран и разных веков» — 251.
- Толстой Л. Н., «Для совести. Изречения мыслителей разных стран и разных веков» — 251.
- Толстой Л. Н., «Дневник офицера в Севастополе», замысел — 97.
- Толстой Л. Н., Дневники и записные книжки — 9, 11, 12, 20, 25, 26, 59, 60, 62, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 106, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 130, 131, 132, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 164, 168, 232, 241, 257, 263, 268, 297.
- Толстой Л. Н., «Дьячок Иван Малява» — 107.
- Толстой Л. Н., «Дядюшкино благословение» — 97.
- Толстой Л. Н., «Елисавета и Лашетарди, пелеринаж к Троице», замысел — 125, 129.
- Толстой Л. Н., «Жена пьяницы», замысел — 125.
- Толстой Л. Н., «Живой труп» («Труп») — 114, 122, 125, 127.
- Толстой Л. Н., «Жировой», замысел — 125.
- Толстой Л. Н., «Жранье», замысел — 112.
- Толстой Л. Н., «Записки лакея», замысел — 137, 138.
- Толстой Л. Н., «Записки матери» — 115.
- Толстой Л. Н., «Записки не сумасшедшего», замысел — 106.
- Толстой Л. Н., «Записки отца Алексея» («Записки священника») — 137.
- Толстой Л. Н., «Записки сумасшедшего» — 106, 109, 111, 113, 118, 122, 297.
- Толстой Л. Н., «За что?» — 134.
- Толстой Л. Н., «Зерно с куриное яйцо» — 241, 250.
- Толстой Л. Н., «Идиллия офицерского быта», замысел — 97.
- Толстой Л. Н., «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран» — 251.
- Толстой Л. Н., «Ильяс» — 250.
- Толстой Л. Н., «И свет во тьме светит» — 118, 119, 120, 121, 122.
- Толстой Л. Н., «История охотничьего дня», замысел — 93.
- Толстой Л. Н., «Кавказские очерки», замысел — 94, 95.
- Толстой Л. Н., «Казак беглый», замысел — 125.
- Толстой Л. Н., «Казак» («Казачья поэма», «Казачья песнь», «Казак», «Беглец») — 87 (Ерошка), 95, 96, 98, 99, 101, 164, 165.
- Толстой Л. Н., «К западне» — 164.
- Толстой Л. Н., «Когда же, когда наконец перестану» — 164.
- Толстой Л. Н., «Конец века» — 131.
- Толстой Л. Н., «Корней Васильев» («Ушедший странствовать от жены») — 119, 120, 125, 126.
- Толстой Л. Н., «Крейцера соната» — 109, 113, 158, 188, 263, 295—297.
- Толстой Л. Н., «Крестник» — 251.
- Толстой Л. Н., «Крестьянские работы и деревенская жизнь по месяцам года» — 252, 262, 263.

- Толстой Л. Н., «Круг чтения» — 17, 20, 125, 130, 269.
- Толстой Л. Н., «Кто прав?» — 115, 117, 289.
- Толстой Л. Н., «Кто убийцы?» — 11.
- Толстой Л. Н., «Купчиха с сыном», замысел — 108.
- Толстой Л. Н., «Лаотзе» — 251.
- Толстой Л. Н., «Любите друг друга» — 250.
- Толстой Л. Н., «Любовь», замысел — 99.
- Толстой Л. Н., «Мать», замысел — 120, 122.
- Толстой Л. Н., «Месть над ребенком», замысел — 108.
- Толстой Л. Н., «Мешки с дырами», замысел — 108.
- Толстой Л. Н., «Милой тетиньке» — 162.
- Толстой Л. Н., «Миташа» — 107, 108, 109, 113.
- Толстой Л. Н., «Много ли человеку земли нужно?» — 251, 299, 343.
- Толстой Л. Н., «Молитва» — 123, 127.
- Толстой Л. Н., «Молодость», замысел, — 96, 97, 99.
- Толстой Л. Н., «Московские прогулки», замысел — 105.
- Толстой Л. Н., «Мысли мудрых людей на каждый день» — 269.
- Толстой Л. Н., «Набег» — 94.
- Толстой Л. Н., «На каждый день» — 135, 247.
- Толстой Л. Н., «Неделание» — 234.
- Толстой Л. Н., «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» — 179.
- Толстой Л. Н., «Несчастливая девушка», замысел — 130, 131.
- Толстой Л. Н., «Нигилисты», замысел — 110, 114.
- Толстой Л. Н., «Николай и казнь», замысел — 125, 127.
- Толстой Л. Н., «Николай Палкин» — 297.
- Толстой Л. Н., «Новая азбука» — 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 202, 203, 204, 205, 210, 220.
- Толстой Л. Н., «Новый сборник писем Л. Н. Толстого», собрал П. А. Сергеенко, изд. «Окто», М. 1912—233, 235.
- Толстой Л. Н., «О бессмертии» — 251.
- Толстой Л. Н., «Об искусстве» — 111.
- Толстой Л. Н., «Об истинной любви» — 251.
- Толстой Л. Н., «Обращение к духовенству» — 144, 244.
- Толстой Л. Н., «О Гоголе» — 245.
- Толстой Л. Н., «О добре и добrote. Мысли разных писателей» — 251.
- Толстой Л. Н., «О жизни» — 90, 295.
- Толстой Л. Н., «О народном образовании» — 204, 205, 206, 207, 208, 210, 212, 213.
- Толстой Л. Н., «О смерти» — 251.
- Толстой Л. Н., «Отец Сергей» — 112, 113, 115, 119, 120.
- Толстой Л. Н., «Отрочество» — 66, 95, 96, 99.
- Толстой Л. Н., «Отъезжее поле» — 99, 101.
- Толстой Л. Н., «Охота, дуэль и любовые», замысел — 141.
- Толстой Л. Н., «Павел Кудряш» («Павел») — 136, 137.
- Толстой Л. Н., «Павловск», замысел — 98.
- Толстой Л. Н., «Параша», замысел — 138.
- Толстой Л. Н., «Паскаль» — 125, 130.
- Толстой Л. Н., «Патриотизм и правительство» — 90.
- Толстой Л. Н., «Педагогические сочинения», Спб. 1912—205.
- Толстой Л. Н., «Первая ступень» — 113.
- Толстой Л. Н., «Перемирие на войне», замысел — 135.
- Толстой Л. Н., «Переселенцы и башкиры», замысел — 113, 115, 122, 125, 130.
- Толстой Л. Н., «Петр I» — 25.
- Толстой Л. Н., «Петр Хельщичский» — 130.

Письма к Толстому:

- Андреева Л. Н. — 239.
- Ахшарумова В. Д. — 236.
- Бартенева П. И. — 172, 173, 183, 184, 185.
- Берса А. Е. — 169.
- Болычева В. — 246.
- Горбунова-Посадова И. И. — 260.
- Е. Б. — 247.

Желтова Ф. А. — 255.
 Истомина В. К. — 223.
 Казмичева П. П. — 256—257.
 Корганова Ив. И. — 191.
 Лазарева Е. Е. — 244.
 Лескова Н. С. — 234—235.
 Лоскутова М. — 229.
 Нагорнова Н. М. — 199.
 Новикова А. П. — 259.
 Озеровой Е. — 259.
 Полонского Я. П. — 232.
 Репина И. Е. — 227.
 Ромэн Роллана — 284.
 Сарракан Л. — 261.
 Соколова Г. — 264.
 Стасова В. В. — 275, 280.
 Страхова Н. Н. — 187, 188, 189.
 Сухотиной Т. Л. — 227.
 Толстого Л. Л. — 269.
 Эллис Э. К. — 242.

Письма Толстого:

Алексееву В. И. — 110 (цит.).
 Бартеневу П. И. — 101 (цит.), 131.
 Баршевой О. А. и Шмидт М. А. — 114 (цит.).
 Бирюкову П. И. — 119 (цит.), 295.
 Веселитской Л. И. — 118 (цит.).
 Ге Н. Н. — 295.
 Горбунову-Посадову И. И. — 17.
 Горькому А. М. — 88.
 Григоровичу Д. В. — 87.
 Кони А. Ф. — 146 (цит.).
 Поссе В. А. — 19.
 Ромэн Роллану — 286.
 Русанову Г. А. — 90, 295.
 Стасову В. В. — 124 (цит.), 127 (цит.).
 Страхову Н. Н. — 231 (цит.), 233, 296.
 Сухотиной Т. Л. — 121, 122 (цит.).
 Толстой А. А. — 11, 89, 174.
 Толстой А. Л. — 141 (цит.).
 Толстой С. А. — 88, 173 (цит.), 175, 296.
 Урусову Л. Д. — 106, 107 (цит.).
 Фету А. А. — 89, 103 (цит.).
 Хилкову Д. А. — 115 (цит.).
 Черткову В. Г. — 90, 106 (цит.), 109 (цит.), 186, 296.
 «Письма Л. Н. Толстого к жене», М. 1913—88, 89.
 «Письма Л. Н. Толстого к жене» — изд. 2-е, М. 1915—169, 174, 175, 296.
 «Письма Л. Н. Толстого», собранные и редактированные

П. А. Сергеевко, изд. «Книга», тт. I—II, М. 1910 и 1911—27, 87, 233.
 Толстой Л. Н., «Плоды просвещения» («Спириты», «Исхитрилась») — 108, 109.
 Толстой Л. Н., «Погибшие», замысел — 11.
 Толстой Л. Н., «Подмененный ребенок» («Кормилица»), замысел — 118, 119, 120, 122, 123, 125, 126, 131.
 Толстой Л. Н. «Поездка на море» — 94, 95.
 Толстой Л. Н., «Полное собрание сочинений», Юбилейное издание, т. 1, Гиз — 162, 164.
 Толстой Л. Н., «Полное собрание сочинений», Юбилейное издание, т. 2, Гихл — 99.
 Толстой Л. Н., «Полное собрание сочинений», Юбилейное издание, т. 3, Гихл. — 94, 95.
 Толстой Л. Н., «Полное собрание сочинений», Юбилейное издание, т. 7, Гихл — 100.
 Толстой Л. Н., «Полное собрание сочинений», Юбилейное издание, т. 25—9.
 Толстой Л. Н., «Полное собрание сочинений», Юбилейное издание, т. 27, Гихл — 297.
 Толстой Л. Н., «Полное собрание сочинений», Юбилейное издание, т. 32, Гихл — 287.
 Толстой Л. Н., «Полное собрание сочинений», Юбилейное издание, т. 33, Гихл — 287, 289.
 Толстой Л. Н., «Полное собрание сочинений», Юбилейное издание, т. 59, Гихл — 94.
 Толстой Л. Н., «Полное собрание сочинений», Юбилейное издание, т. 63, Гихл — 107, 221, 231, 248.
 Толстой Л. Н., «Полное собрание сочинений», Юбилейное издание, т. 72, Гихл — 88, 146, 275.
 Толстой Л. Н., «После бала» — 122.
 Толстой Л. Н., «Посмертные записки старца Федора Кузьмича» («Александр I») — 91, 112, 113, 115, 119, 120, 122, 125, 126.
 Толстой Л. Н., «Посмертные художественные произведения», М. 1911—1912—12.

- Толстой Л. Н., «Посмертные художественные произведения» т. II, М. 1911 — 140.
- Толстой Л. Н., «Практический человек» — 97, 99.
- Толстой Л. Н., «Предисловие к «Крестьянским рассказам» С. Т. Семенова» — 262.
- Толстой Л. Н., «Предисловие к русскому переводу романа В. Поленца «Крестьянин» — 243.
- Толстой Л. Н., «Предисловие к сборнику рассказов Гюи де Мопассана» — 224, 225.
- Толстой Л. Н., «Предисловие к сборнику «Цветник» — 255.
- Толстой Л. Н., «Работник Емельян и пустой барабан» — 250.
- Толстой Л. Н., «Рабство нашего времени» — 90.
- Толстой Л. Н., «Разжалованный» («Встреча в отряде с московским знакомым», «Пропащий человек») — 88, 96.
- Толстой Л. Н., «Ребенок и старик», замысел — 125.
- Толстой Л. Н., «Роман женщины», замысел — 99.
- Толстой Л. Н., «Рубка леса» («Дневник кавказского офицера») — 96, 240.
- Толстой Л. Н., «Руки вверх», замысел — 136.
- Толстой Л. Н., «Русские книги для чтения» — 203, 205, 207, 208, 212, 214.
- Толстой Л. Н., «Ручной труд и умственная деятельность» (из письма к французскому поэту Роллану) — 284.
- Толстой Л. Н., «Самоубийство старика Персиянинова», замысел — 118, 119, 120, 122, 125, 215.
- Толстой Л. Н., «Свободная любовь» — 98.
- Толстой Л. Н., «Севастополь в декабре 1854 г.» — 97.
- Толстой Л. Н., «Севастополь в мае 1855 г.» — 97, 135.
- Толстой Л. Н., «Севастопольская песня» — 164.
- Толстой Л. Н., «Семейное счастье» — 99.
- Толстой Л. Н., «Сестры» — 250.
- Толстой Л. Н., «Славянские книги для чтения» — 212, 213, 214.
- Толстой Л. Н., «Смерть Ивана Ильича» («Смерть судьбы») — 106, 112, 188, 275.
- Толстой Л. Н., «Сновидение царя», замысел — 125.
- Толстой Л. Н., «Сочинения», т. XIII, М. 1890 — 256.
- Толстой Л. Н., «Сочинения», в восьми частях, изд. 3-е, 1873 г. — 205, 206, 207.
- Толстой Л. Н., «Старец», замысел — 136, 137.
- Толстой Л. Н., [«Старик в церкви»] — 112, 122, 123, 125, 128.
- Толстой Л. Н., «Странник», замысел — 131.
- Толстой Л. Н., «Странствование кормилицы», замысел — 94, 95.
- Толстой Л. Н., «Так что же нам делать?» — 59, 106, 225.
- Толстой Л. Н., «Течение воды» — 107.
- Толстой Л. Н., «Три века», замысел — 134, 137.
- Толстой Л. Н., «Три вопроса» («Сказка о трех загадках») — 109, 112, 122, 123.
- Толстой Л. Н., «Три искушения», замысел — 135.
- Толстой Л. Н., «Три старца», «Кающийся грешник», изд. «Посредник» — 250.
- Толстой Л. Н., «Труд, смерть и болезнь» — 122, 123.
- Толстой Л. Н., «Убийство Настасьи», замысел — 125, 128.
- Толстой Л. Н., «Упустишь огонь, не потушишь» — 251.
- Толстой Л. Н., «Устюша. Три сестры», замысел — 125.
- Толстой Л. Н., «Утро помещика» — 88.
- Толстой Л. Н., «Фальшивый купон» — 91, 108, 109, 110, 113, 114, 115, 119, 120, 121, 122, 123, 269.
- Толстой Л. Н., «Федотка» — 120.
- Толстой Л. Н., «Феодорит и издохшая лошадь», замысел — 141.
- Толстой Л. Н., «Филька», замысел — 130, 131.
- Толстой Л. Н., «Хаджи Мурат» — 84 (Хаджи Мурат, Марья Дмитриевна), 88, 119, 120, 121, 122, 166, 167, 184, 191, 227, 244.

- Толстой Л. Н., «Хозяин и работник» — 185, 186, 187 (Василий Андреевич, Никита, Мухомортый), 188 (Никита), 275.
- Толстой Л. Н., «Христианство и патриотизм» — 233, 234, 275.
- Толстой Л. Н., «Царство божие внутри вас» — 90, 232, 263, 275.
- Толстой Л. Н., «Чем люди живы» — 222, 223.
- Толстой Л. Н., «Четыре эпохи развития» — 92, 95, 96.
- Толстой Л. Н., «Что такое искусство?» — 60, 147, 148, 225, 232, 278, 279.
- Толстой Л. Н., «Это ты» — 122, 123.
- Толстой Л. Н., «Юность» — 96, 97, 99.
- Толстой Мих. Льв. (Миша) — 267, 268.
- Толстой Ник. Валер. — 196, 218.
- Толстой Ник. Ил. — 93.
- Толстой Ник. Льв. — 194, 195.
- Толстой Ник. Ник. — 94, 100, 101, 203.
- Толстой Серг. Льв. — 82, 88, 128, 138, 141, 209, 243, 273.
- Толстой Серг. Льв., «Л. Н. Толстой о поэзии Тютчева» — 299, 345.
- Толстой Серг. Льв., «Мать и дед Л. Н. Толстого» — 163.
- Толстой Серг. Ник. — 74, 88, 182, 183, 201, 202.
- «Толстой и о Толстом. Новые материалы», вып. 1—4, изд. Толстовского музея, М. 1924, 1926, 1927, 1928—59, 167, 169, 225, 232, 239.
- «Толстой. Новые тексты из «Войны и мира» и изд. «Огонек». М. 1926—179.
- Торлецкого типография — 213.
- Трегубов Ив. Мих. — 269, 270.
- Треханетово, Тульской губ. — 141.
- Тула — 93, 106, 183, 255.
- Тульский оружейный завод — 200.
- Тургенев Ив. Серг. — 65, 232, 233, 236, 257.
- Тургенев Ив. Серг., «Довольно» — 344.
- Тургенев Ив. Серг., «Сочинения» — 299, 344.
- Тютчев Федор Ив. — 83, 174, 250, 259.
- Тютчев Федор Ив., «Стихотворения», М. 1886—345.
- Уваров Фед. Петр. — 172.
- Успенский Ник. Вас. — 127.
- Успенский Ник. Вас., «Из прошлого» — 128.
- Устрялов Н. Г., «История царствования Петра I» — 102, 103.
- «Утренний свет», журнал — 66, 87.
- Ученый комитет Министерства народного просвещения — 200, 202, 212, 213.
- Файнерман Ис. Бор. (Тенеромо) — 270.
- Файнерман Ис. Бор., «Суд» — 269, 270, 271.
- Фальк Иоганн-Даниель — 149, 150, 153, 154, 155,
- Фейт Давид — 152.
- Ферре Вас. Юл. — 140.
- Фет Аф. Аф. — 26, 67, 77, 181, 296.
- Фет Аф. Аф., «Мои воспоминания» — 181.
- Фет Аф. Аф., «Я повторял, когда я буду...» — 26.
- Филиппов Мих. Авраам. — 271, 272.
- Филиппов Мих. Авраам., «Исторические повести» — 272.
- Филиппов Мих. Авраам., «Осажденный Севастополь» — 271, 272.
- Филиппов Мих. *Авраам., «Патриарх Никон» — 272.
- Филиппов Мих. Авраам., «Под небом Украины» — 272.
- Филиппов Мих. Авраам., «Рассвет» — 272.
- Филиппов Мих. Авраам., «Скорбящие» — 272.
- Филиппова Люб. Ив. — 272.
- Флоренция — 281, 283.
- Фоканов Тим. Мих. — 215.
- Фомин А. Г. — 205.
- Фон-Эглофштейн Л. — 158.
- Фортунатов Ф. Н., «По поводу анекдотов Болотова об императоре Павле I» — 168.
- Франко, «К свету» — 252.
- Франция — 240.
- Фрей Вильям — 243.
- Хаджи Мурат — 184, 185, 190, 191, 192.

- Хапгуд Изабелла Флоренца — 68, 88.
Харибда — 79.
Хатунка, Тульской губ. — 136.
Хейям Омар — 228.
Хелуан — 269.
Хива (Хорезма) — 182.
Хилков Бор. Дм. — 234.
Хилков Дм. Ал-др. — 233, 234.
Хилкова Ол. Дм. — 234.
Хилкова Юл. Петр. — 233, 234.
Хомяков Алексей Ст. — 18, 174.
«Художественный журнал» — 59, 225.
- Царев П., «Самоучка-писатель С. Т. Семенов» — 262.
Царьград — 174.
«Цветник», сборник — 107, 254, 255.
Цезарь — 172.
Цертелев Дм. Ник. — 249, 267, 268.
Цингер Ал-др Вас. — 146.
Цингер Ал-др Вас., «В Ясной Поляне четверть века назад» — 146.
Цингер Ал-др Вас., «Мелочи о Толстом» — 146.
Цингер Ал-др. Вас., «Толстой о Лобачевском» — 146.
Цингер Ал-др Вас., «У Толстых» — 146.
Цицерон — 85.
Цявловский Мст. Ал-др. — 99, 166.
Цявловский Мст. Ал-др., «Как писался и печатался роман «Война и мир» — 206.
- Чайковский Н. В. — 243.
Чайковский Петр Ил. — 226.
Черемошья, Тульской губ. — 216.
Чернский у., Тульской губ. — 231.
Чернышев Ал-др Ив. — 184.
Чернышев Ив. Гр. — 168.
Чернышевский Ник. Гавр. — 61.
Чертков Вл. Гр. — 28, 29, 60, 70, 88, 109, 147, 188, 189, 241, 244, 248, 249, 250, 262, 264, 276.
Чертков Вл. Гр., «Злая забава. Мысли об охоте» — 251.
Черткова Анна Конст. — 29, 33, 45, 59, 60, 135, 241, 248.
Черткова Анна Конст., «Подвиг» — 252.
Чертковская библиотека в Москве — 166, 173, 174.
- Чехов Ант. Павл. — 84, 88, 225.
Чехов Ант. Павл., «В овраге» — 88.
Чичерин Бор. Ник. — 101.
Чирков Вас. Вас. (Черков) — 208, 209.
Чулков Н. П., «Л. Н. Толстой в Московском архиве министерства юстиции» — 221.
- Шамиль — 192.
Швейцария — 211, 244.
Шекспир Вильям — 79, 81, 83, 102, 123, 151, 188, 228, 229, 242.
Шекспир Вильям, «Гамлет» — 99 (Гамлет), 101, 189, 190, 229.
Шекспир Вильям, «Король Лир» — 189, 190, 299, 345.
Шекспир Вильям, «Отелло» — 299, 346.
Шекспир Вильям, «Трагедия о Гамлете, принце датском». Перевод К. Р. — 347.
Шелли Перси Биши — 240, 242.
Шильдер Н. К., «Император Павел I» — 131, 168.
«Шиповник», издательство — 239.
Шлиссельбургская крепость — 103.
Шопен Фредерик — 83.
Шопенгауэр Артур — 59, 69, 102, 158.
Штраус Давид Фридрих — 275.
Шульгин Серг. Ник. — 191.
Шульгин Серг. Ник., «Предание о шамилевском набе Хаджи Мурате» — 193.
- Щебальский Петр Карл. — 166.
Щеголев Пав. Елис. — 188, 189.
Щеголенок Вас. Петр. — 222.
- Эврипид — 269.
Эккерман Иоганн-Петер — 148, 151, 154, 156, 157.
Эллис Э. К. — 242.
Энгельсон Вл. Арист. — 282, 283.
Эсадзе Сем. Спирид. — 166.
- «Ю. А. Нелединский-Мелецкий. Очерк его жизни по семейным бумагам» — 168.
Юшкова Пел. Ил. — 194, 206, 207, 210, 211.
- Якубовский Юр. Осип. — 276, 277.
Япония — 42.
Ярославль — 147.

- Ясная Поляна — 12, 19, 26, 59, 77,
90, 93, 108, 109, 114, 131, 135,
136, 146, 164, 167—171, 173,
175—181, 183, 190, 192—200,
202, 203, 205—221, 227, 229,
234, 235, 237, 238, 240—246,
248, 250, 255, 257—260, 263,
264, 267, 269, 270, 271, 275,
281—285, 296.
- «Ясная Поляна», журнал — 129,
260.
- «Ясная Поляна», музей-усадьба
(Яснополянская библиоте-
ка) — 298, 299.
- Bodlaire Charles — 72.
- Braddon Mary-Elisabeth — 100.
- Christchurch (England) — 264.
- «Fortnightly Review» — 242.
- Goethe I.-W., «Aus dem Nachlass»
— 160.
- Goethe I.-W., «Die Laune des
Verliebten» — 161.
- Goethe I.-W., «Die natürliche
Tochter» — 160.
- Goethe I.-W., «Goethe-Kalender
auf das Jahr 1909» — 148, 149,
152.
- Goethe I.-W., «Hermann und Do-
rothea» — 160.
- Goethe I.-W., «Iphigenie» — 160.
- Goethe I.-W., «Lebensgenuss» —
159.
- Goethe I.-W. «Lebensregel» —
159.
- Goethe I.-W. Vier Jahreszeiten»
— 160.
- Goethe I.-W., «Westöstlicher Di-
van» — 159.
- Goethe I.-W. «Zahme Xenien» —
159.
- Knight A., «Philosophy of the
beautiful» — 225.
- «Nineteenth Century» — 228.
- Raoux m-me — 197.
- Walt Whitman — 86.

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

Редакционные пояснения к тексту	5
Л. Н. Толстой. Неопубликованные произведения. Комментарии Н. Гусева.	
Сказка	7
Нет в мире виноватых	9
Бедные люди. По В. Гюго	12
О Гоголе. Черновая редакция	17
Из записной книжки 1877—1878 гг.	20
В. А. Гольцеву. (Заметка для журнала „Русская мысль“)	26
О науке и искусстве	28
Толстой о литературе. Комментарии С. Есениной	61
Незавершенные художественные замыслы Толстого. Н. Гусева	89
Ненаписанный рассказ Толстого. А. Цингера. Комментарии Н. Гусева	143
Пометки Л. Н. Толстого на „Гетевском календаре“. Н. Гусева	148
Неизвестное стихотворение Л. Н. Толстого. Г. Волкова	162
Письма Л. Н. Толстого:	
П. И. Баргенову. Комментарии Е. Серебровской	166
Н. Н. Страхову. Комментарии Н. Гусева	185
И. И. Корганову. Комментарии В. Жданова	190
Н. М. Нагорнову. Комментарии М. Цявловского	193
В. К. Истомину. Комментарии Г. Волкова	222
Е. А. Мочаловой. Комментарии Н. Родионова	224
Л. Л. и Т. Л. Толстым. Комментарии Н. Гусева	—
И. Е. Репину. Комментарии Н. Гусева	227
Т. Синклеру. Комментарии Г. Волкова	—
М. Лоскутову. Комментарии В. Жданова	229
А. А. Толстой. Комментарии Н. Гусева	230
Я. П. Полонскому. Комментарии Н. Гусева	231
Н. С. Лескову. Комментарии Н. Гусева	233
В. Д. Ахшарумову. Комментарии Н. Родионова	235
Л. Н. Андрееву. Комментарии Н. Гусева	237
И. Д. Гальперину-Каминскому. Комментарии Н. Родионова	240
Э. В. Эллису. Комментарии Г. Волкова	241
В. И. Алексею. Комментарии Н. Гусева	242

Е. Е. Лазареву. Комментарии В. Жданова	243
Ф. Н. Бергу. Комментарии В. Мишина	244
В. Болычеву. Комментарии В. Жданова	245
Учительнице Е. В. Комментарии Н. Родионова	246
И. И. Горбунову-Посадову. Комментарии В. Мишина и Н. Гусева	247
Ф. А. Желтову. Комментарии В. Мишина	253
П. П. Казмищову. Комментарии В. Жданова	255
В. С. Никишину. Комментарии Н. Родионова	257
А. П. Новикову. Комментарии Г. Волкова	258
Е. Озеровой. Комментарии Н. Родионова	259
В. И. Савихину. Комментарии Г. Волкова	260
Л. Сарракану. Комментарии Н. Гусева	—
С. Т. Семенову. Комментарии В. Мишина и Н. Гу- сева	261
Г. Соколову. Комментарии Г. Волкова	264
Л. Л. Толстому. Комментарии Н. Гусева и Г. Вол- кова	267
И. Б. Файнерману. Комментарии Н. Гусева	269
Л. И. Филипповой. Комментарии Г. Волкова	271
Письма В. В. Стасова к Т. Л. и С. А. Толстым. коммента- рии В. Жданова	273
Письмо Ромэн Роллана к Т. Л. Сухотиной-Толстой. Коммен- тарии В. Жданова	284
Портрет Катюши Масловой. К лаборатории творчества Толстого. Э. Зайденшнур	287
К истории „Крейцеровой сонаты“. Н. Гусева	295
Пометки Л. Н. Толстого на книгах Яснополянской биб- лиотеки. А. Петрова	298
Указатель имен	348
Приложение — таблицы к статье „Портрет Катюши Масловой.“	

Редактор С. Л. Белевицкий. Технический редактор Д. А. Ермоленко. Корректор Н. Пригоровский. Переплет худ. А. П. Радищева. Сдано в производство 28/XI 1935 г. Подписано к печати 31/III 1937 г. Уполном. Главлита Б-11983 Инд. X-00в. С 23. Зак. изд-ва № 986. Тираж 5000 экз. Формат бумаги 62X94^{1/2} в 23 печ. листа. 28 учтн.-авт. л. Отпечатано на бумаге Красновишерского бум. комбината им. Менжинского. 17 ф-ка нац. книги ОГИЗ'а РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Шлюзовая наб. 10. Цена 4 р. 75 к. Переплет 1 р. 50 к.

ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
273	19 св.		20 марта 95
294	4 „	неизменным;	неизменным;

Таблицы

<i>№№ табл.</i>	<i>Столб.</i>	<i>Стр.</i>		
9	лев.	22	сн. неестественного	неестественно
9	прав.	28	„ ряко	ярко
17	—	2	„ выходящую	выходящую

Рисунки

Между стр. 288 и 289 строка 2-я пропущено: с рисунка Л. О. Пастернака.

Между стр. 294 и 295 пропущена подпись: Факсимиле страницы черновой рукописи „Воскресения“.

Портрет Катюши Масловой (К лаборатории творчества Толстого)

ПОЯСНЕНИЕ К ТАБЛИЦАМ

Ш Р И Ф Т Ы:

Обыкновенный — первый вариант и в следующих вариантах — все оставшееся без изменения при их обработке.

Разрядка в круглых скобках — зачеркнутое при исправлении предыдущего варианта.

Курсив — вставки, тут же зачеркнутые, не вошедшие в окончательный текст.

Жирный — новые вставки и заново написанные варианты.

При чтении обыкновенного шрифта с разрядкой получается предыдущая редакция, обыкновенного с жирным — новая редакция.

1

Другая женщина была *высокая* низенькая брюнетка худая скорее полная, чем худая *с страшно сосредоточенным и больным видом и безобразная. Безобразил ее провалившийся нос.* Она шла, не поднимая головы и глаз, *широкой твердой мелкой поход[кой] красивой походкой которой ходят только хорошо сложенные красивые женщины.* Сложения ее не видно было. Она вся была закрыта арестантск[им] халатом. На ногах были арестантские коты. Лицо ее не было *бы* красиво *если бы оно,* и кроме того на нем лежала та же печать разврата, как и на лице первой женщ[ины].

Другая¹ (женщина) подсудимая была (низенькая) приземистая (скорее полная, чем худая) Из лица ее виден б[ыл] красивый лоб, нача женщина, еще молодая. (Она шла, не поднимая головы и глаз, мелкой походкой.) Сложения ее не видно было. Лицо ее Она вся была закрыта арестантским халатом. Заметно было только, что она скорее полная, чем худая. Шла она бойкой походкой, развязно покачивая толстым задом, на ногах у нее были арестантские коты. Из лица ее видны были Лицо (ее не было красиво, и кроме того на нем лежала та же печать разврата, как и на лице первой женщины) было закрыто повязанным под подбородком платком и воротником арестантского халата. Видны были только красивый лоб, выбивающиеся из под платка вьющиеся черные волоса, и прекрасные тонкий нос и прекрасные черные глаза под прямыми бровями. Несмотря на ту же печать развращенности, к[оторая] лежала и на этом лице, в этой женщине было что-то при[влекательное] Лицо было измученное, с следами нечистой и нетрезвой жизни. и было Женщина эта шла (также развязно как) понуриив голову, только изредка взглядывая перед собой.

¹ Слово другая было зачеркнуто, затем восстановлено.

Другая Одна из подсудим[ых]¹, была та, к[оторая] была в арестантском халате, сидела склонив голову, так что весь низ лица ее б[ыл] закрыт и видны были только красивый лоб, окруженный вьющимися черными волосами, выбивавшимися из под платка, к[оторым] она была повязана, прямой нос и очень черные красивые глаза, кот[орые] она изредка только поднимала и тотчас же *уныло* опускала. На желтом нездоровом лице было выражение усталости и равнодушия.

¹ В подлиннике: подсудимая.

Третья подсудимая была *тоже* женщина в арестантском халате немного пониже первой бледная и худая. Эта была в арестантском халате, Голова ее который не скрывал ее полноту особенно в груди. Голова ее была повязана под подбородок серым платком. Лицо ее было чрезвычайно бело с линиями продолгова[тыми], так что тонкие черные¹ брови на краси[вом] и чер[ные] волосы, видневшиеся из под платка над красивым лбом, и черные тонкие брови и агатов[ые] еще более черные блестящие глаза казал[ись] особенно черными. Нос у нее был тонкий и красивый. Рта Низа лица не было видно, так как она держала голову опущенною, и подбородок [и] рот ее был закрывались воротником халата.

Она вошла последняя и должна была пролезать мимо двух первых. Женщина в пальто что то сердито сказала ей, но женщина в арестантском ничего не ответила и только подобрав свой еще ниже опустила голову и, подобрав свой хал[ат] паль[то] свой [халат], села с края, Только сложив руки на коленях и еще более опустив голову. Только Просидев так минуты две, она как будто осмелилась и, под[няла] не поднимая головы, изподлобья взглянула на перед собой.

¹ Слово черные зачеркнуто, затем восстановлено.

Третья подсудимая была женщина еще молодая, среднего роста, скорее полная, чем худая, с особенно развитою грудью, подтянутой корсетом. Женщина эта была в своем одеянии: в *розовом зеленом платье плат[ье]* шелком отделанном платье с пелеринкой на особенно белой полной шее *Волосы ее были убраны по довольно искусно и претенциозно. Лицо ее было ит* и в непокрытых ничем своих черных волосах. *Вся она была необы[кновенно]* Лицо ее женщины было необыкновенно бело, как бывают белые люди, живущие в тюрьмах без солнца, с несколько обвисшими щеками, *было особен[но] румяно* и было бы красиво, если бы не неровный румянец щек и подпухшие глаза. Хороши были теперь только глаза, с необыкновенно ярко черные под тонкими бровями. *и* Все лицо было вызывающее, такое, кот[орое] заставляет мужчин оглядываться, и так это лицо подействовало и теперь. Все взглянули и подол[ее] чем на чемнибудь другом продержали на ней глаза. И она чувствовала это. *и с видом скромности*

Она вошла последняя и должна была пролезать мимо двух первых. Женщина в пальто что то сердито сказала ей, но женщина¹ в (арестантском халате) **розовом платье** ничего не ответила и только опустила голову и, подобрав свое **платье**, села с краю, сложив руки на коленях и еще более опустив голову. Просидев так минуты две, она как будто осмелилась и, не поднимая головы, изподлобья взглянула перед собой.

¹ Слово женщина было зачеркнуто, затем восстановлено.

Третья подсудимая была женщина (еще молодая среднего роста, скорее полная, чем худая, с особенно развитою грудью, подтянутой корсетом. Женщина эта была в своем одеянии: в зеленом шелком отделанном платье с [пелеринкой] *бархаткой* на особенно белой¹ полной шее и в непокрытых ничем своих черных волосах с *черепаховым полумесяцем*²) среднего роста в *арестан[тском]* в арестантском халате, повязанная под подбородком серым платком. Она шла, опустив голову, и вся нижняя часть ее лица *скрывалась* не видна была из за воротника халата. Из лица ее видны были: *красив[ый]* правильный чрезвычайно белый лоб *из под вид[невшихся]* небольшой головы, окаймленный *очень темными* черными³ волосами, *видневшимися* из под платка, *красивые* тонкие черные брови и *таки[е же]* еще более черные ресницы глаз и тонкий нос. Рта не видно было. Все лицо женщины было необыкновенно бело, как бывают белые люди, живущие в тюрьмах без солнца, (с несколько обвислыми щеками) и было бы красиво, если бы не неровный румянец щек и несколько подпухшие глаза, какие бывают у людей, ведущих нездоровый образ жизни. (Хороши были теперь только глаза, необыкновенно ярко черные под тонкими бровями. Все лицо было вызывающее, такое, кот[орое] заставляет мужчин оглядываться, и так это лицо подействовало и теперь. Все взглянули и подолее чем на чемнибудь другом продержали на ней глаза. И она чувствовала это.)

Она вошла последняя и должна была пролезать мимо двух первых. Женщина в пальто что то сердито сказала ей; но женщина в (розовом платье) арестантском халате ничего не ответила и только еще ниже опустила голову и, подобрав свое платье, села с краю, сложив руки на коленях и еще более опустив голову. Просидев так минуты две, она как будто осмелилась и, не поднимая головы, изподлобья взглянула перед собой.

Третья подсудимая была **черноволосая широколицая** женщина **средних лет** и среднего роста в арестантском халате, повязанная под подбородком серым платком. Она шла, опустив голову, и нижняя часть (ее) лица (не видна была из за) **была скрыта** воротником халата. Из лица ее видны были: **правильный** (чрезвычайно белый) лоб, окаймленный темными волосами, видневшимися из под платка, тонкие черные брови и еще более черные ресницы глаз и тонкий нос. (Рта и подбородка не видно было. Все лицо женщины) **То, что видно было из лица этой женщины,** было (необыкновенно) желтовато бело, как бывают (белы люди, живущие) **белы ростки картофеля, проросшего в погребе, и руки и лица людей, живущих в тюрьмах без солнца.** (и) **То, что видно, было из лица этой женщины** было бы красиво, если бы не (неровный румянец щек и несколько подпухшие глаза, какие бывают у людей, ведущих нездоровый образ жизни) **желтая пухлая белизна.** Кроме то[го] на всем лице: в преждевременных морщинах, в подпухших глазах и, главное, в этой нездоровой пухлой белизне была печать истасканности и *развратной* развращенности.